Annotation

Представьте себе ровное, как стол место, вымощенное камнем. Вокруг него высоченные стены. За стенами - Лабиринт. В Лабиринте живут жуткие существа - гриверы. А в центре, на том самом ровном столе - в Приюте - уже два года живут пять десятков мальчишек. Они не помнят, кто они, они не знают, почему оказались в Приюте, они знают лишь, что им надо отсюда вырваться. В отличие от "Повелителя мух" Голдинга, мальчишки здесь не передрались и не поубивали друг друга. Они образовали коммуну, где от каждого по способностям, и пытаются найти выход из Лабиринта. К сожалению, пока безуспешно. Бал правят гриверы и кушают мальчиков за милую душу. И вот в Приюте появляется сначала таинственный паренек Томас, а вслед за ним еще более таинственная девушка невероятной красоты...

Вырвутся или нет они из Лабиринта? Какой ценой? И за каким вообще чертом их туда засунули?

От переводчика: Это было непросто. Мальчишки, живущие в Лабиринте, разговаривают, обильно уснащая свою речь сленговыми словечками, значения которых они зачастую и сами не понимают. Автор, Дж. Дашнер, попросту изобрёл эти слова. Например, слово "шенк". Его нет в английском языке, вернее, есть в американском уличном жаргоне, но означает нечто, не имеющее к событиям и реалиям "Лабиринта" никакого отношения. Так по-приятельски, а иногда с сарказмом или издёвкой, называют друг друга обитатели Приюта. Я оставила это слово без перевода и без изменений - уж больно оно ёмкое и звучит хлёстко. То же самое и с "гривером". Сначала я остановилась на варианте "жалун" - потому что эти чудовищные киборги жалят и стонут, словно жалуются; но в этом слове нет того грозного рыка, что имеется в "гривере". Поэтому оно тоже оставлено, как в оригинале. Значение других выдуманных слов будет, я надеюсь, ясно из контекста.

Выражаю свою огромную признательность Эвелине Несимовой (ник Linnea) за великолепную безжалостную редактуру и неоценимую помощь в вычитке и чистке текста. Её, по существу, можно по праву назвать соавтором перевода. Также огромная благодарность Вадиму Кузнецову,

одному из создателей fb2 конвертора для OpenOffice. Спасибо, друзья!

sonate10

- БЕГУЩИЙ В ЛАБИРИНТЕ
- ГЛАВА 1
- ГЛАВА 2
- ГЛАВА 3
- ГЛАВА 4
- ГЛАВА 5
- ГЛАВА 6
- ГЛАВА 7
- ГЛАВА 8
- ГЛАВА 9
- ГЛАВА 10
- ГЛАВА 11
- ГЛАВА 12
- ГЛАВА 13
- ГЛАВА 14
- ГЛАВА 15
- ГЛАВА 16
- ГЛАВА 17
- ГЛАВА 18
- ГЛАВА 19
- ГЛАВА 20
- ГЛАВА 21
- ГЛАВА 22
- ГЛАВА 23
- ГЛАВА 24
- ГЛАВА 25
- ГЛАВА 26
- ГЛАВА 27
- ГЛАВА 28
- ГЛАВА 29
- ГЛАВА 30
- ГЛАВА 31
- ГЛАВА 32
- ГЛАВА 33

- ГЛАВА 34
- ГЛАВА 35
- ГЛАВА 36
- ГЛАВА 37
- ГЛАВА 38
- ГЛАВА 39
- ГЛАВА 40
- ГЛАВА 41
- ГЛАВА 42
- ГЛАВА 43
- ГЛАВА 44
- ГЛАВА 45
- ГЛАВА 46
- ГЛАВА 47
- ГЛАВА 48
- ГЛАВА 49
- ГЛАВА 50
- ГЛАВА 51
- ГЛАВА 52
- ГЛАВА 53
- ГЛАВА 54
- ГЛАВА 55
- ГЛАВА 56
- ГЛАВА 57
- ГЛАВА 58
- ГЛАВА 59
- ГЛАВА 60
- ГЛАВА 61
- ГЛАВА 62
- БЛАГОДАРНОСТИ
- ОБ АВТОРЕ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15

БЕГУЩИЙ В ЛАБИРИНТЕ

Джеймс Дашнер

Пер. sonate10, ред. Эвелина Несимова (Linnea)

Посвящается Линнет. Эта книга была путешествием длиной в три года, и ты никогда не сомневалась.

ГЛАВА 1

Он начал свою новую жизнь, стоя в холодной тьме, дыша спёртым, нечистым воздухом.

Металл заскрежетал о металл, пол внезапно дрогнул под ногами. Он упал навзничь, и, упираясь руками и ногами, передвинулся спиной вперёд. Здесь царил холод, но несмотря на это его лоб покрылся бисеринами пота. Спина ударилась о твёрдую металлическую стену. Он проскользнул вдоль неё и затих в углу. Сжавшись в плотный комок, он надеялся только на одно: что скоро его глаза привыкнут к темноте.

Ещё один рывок — кабина дёрнулась вверх, как старая клеть в шахте.

Надтреснутый лязг блоков и цепей, похожий на тот, что раздавался на старинных заводах, наполнял тёмное внутреннее пространство подъёмника, ударялся о стенки и отражался от них с пронзительным тонким визгом. Ползя вверх, кабина раскачивалась из стороны в сторону. Желудок сжался, от запаха разогретого машинного масла юношу едва не стошнило. Хотелось плакать, но слёз не было. Оставалось только сидеть здесь, в темноте и одиночестве, и ждать.

«Меня зовут Томас».

Это было всё, что он помнил о своей предыдущей жизни.

Он не понимал, как такое возможно. Ведь мозг функционировал безупречно, пытаясь выяснить, куда он попал и насколько тяжело его положение. В голове теснились факты и образы — воспоминания об общем устройстве мира. Он видел снег и деревья, усыпанную листьями дорогу, луну, бросающую бледный свет на травянистый луг, озеро, в котором когда-то плавал, съеденный гамбургер, многолюдную городскую площадь — все спешат по своим насущным делам...

Но вот откуда он сам явился, как попал в этот тёмный лифт — он не знал. Как не знал и того, кто его родители. Фамилии своей он тоже не помнил. Перед мысленным взором мелькали лица каких-то людей, но кто они... Он не узнавал их. Лица расплывались, превращаясь в разноцветные танцующие пятна. Похоже, что он вообще ни с кем и никогда не был знаком, ни с одним человеком не разговаривал...

Кабина, покачиваясь, продолжала подниматься. Томаса уже не раздражал непрекращающийся лязг цепей, тянущих клеть вверх. Время тянулось медленно, минуты растягивались в часы, хотя откуда ему было

знать — каждая секунда казалась вечностью. Нет. Он же не тупица какой-нибудь. Доверяя своей интуиции, он понимал, что подъём продолжался всего около получаса.

Вот странно: он чувствовал, как его страхи рассеиваются, словно стая комаров при порыве ветра, и уступают место острому любопытству. Ему хотелось узнать, где он и что происходит.

Подъём внезапно прекратился, кабина резко, со скрежетом, остановилась. Неожиданный толчок бросил Томаса из одного угла в другой. Поднявшись на ноги, он сообразил, что кабина раскачивается всё меньше и меньше. Вскоре она совсем замерла. Всё затихло.

Прошла минута. Две. Он бросал лихорадочные взгляды по сторонам, но его окружала непроглядная тьма. Пощупал стены вокруг себя в поисках выхода. Нигде ничего, только холодный металл. Он застонал от досады, эхо усилило звук в гулком воздухе, сделав его похожим на предсмертный стон умирающего. Но вскоре всё снова стихло. Он закричал, зовя на помощь, и забарабанил кулаками в стенки кабины.

Ничего.

Томас попятился обратно в угол, обхватил себя руками и задрожал — страх вернулся. Сердце колотилось с такой скоростью, словно стремилось пробить грудную клетку.

— Эй, кто-нибудь!.. Помогите! — закричал он. Каждое слово, казалось, раздирало глотку в кровь.

Над головой раздался грохот. Он глянул вверх и судорожно втянул в себя воздух. Потолок разрезала прямая полоса света. Она постепенно расширялась. Затем послышался скрежещущий звук раздвигаемых дверей. Створки разъехались под чьим-то нажимом. После долгого пребывания в темноте свет пронзил его глаза острой болью, и он отвернулся, прикрыв лицо рукой.

Наверху послышались голоса. Страх вновь сдавил ему грудь.

— Ты только глянь на этого шенка!

— Сколько ему, а?

— Выглядит как плюк в футболке.

— Сам ты плюк, образина.

— Чувак, ну тут и вонища! Кто-то давно ноги не мыл?

— Надеюсь, тебе понравился путь в один конец, Чайник.

— Про обратный забудь, братан.

Всё услышанное озадачило Томаса до такой степени, что он едва не впал в панику. Голоса, эхом отдающиеся в кабине, звучали непривычно, некоторых слов он не понимал, словно говорили на чужом языке, хотя

остальные были ему знакомы. Он поднял сощуренные глаза навстречу свету и звукам. Поначалу всё, что он мог видеть, были расплывчатые тени, но вскоре стали различимы очертания фигур — над отверстием в потолке наклонились какие-то люди, они заглядывали вниз, в кабину, тыча в Томаса пальцами.

Наконец, зрение, словно линза камеры, сфокусировалось, и лица обрели чёткость. Это были мальчишки — кто помладше, кто постарше. Томас не знал, чего он, собственно, ожидал, но увиденное привело его в замешательство. Все они были лишь детьми, вернее, подростками. Страх его немного улёгся, но сердце продолжало бешено колотиться.

Сверху спустилась верёвка с большой петлёй на конце. Томас поколебался, но потом ступил в петлю правой ногой, плотно обхватил верёвку, и её тут же дёрнули вверх. К нему протянулись руки, множество рук, они хватали его за одежду, вытягивали наверх. Перед глазами всё кружилось, мир состоял из мелькающих лиц, цветных пятен и бликов света. На Томаса разом нахлынул поток эмоций, выворачивая ему внутренности, раздирая на куски. Его мутило, хотелось кричать и плакать. Общий хор голосов стих, но один из них кое-что сказал, пока они перетягивали его через острый край дверного отверстия кабины. Томас знал, что он навсегда запомнит эти слова:

— Со знакомством, шенк! — сказал парень. — Добро пожаловать в Приют.

ГЛАВА 2

Томаса продолжали поддерживать до тех пор, пока он не встал твёрдо на ноги, выпрямился и отряхнул пыль с одежды. Его слегка покачивало — ещё не привык к свету. Он сгорал от любопытства, но чувствовал себя ещё слишком слабым, чтобы как следует сосредоточиться на окружающем. Его новые сотоварищи помалкивали, а он крутил головой, пытаясь собраться с мыслями.

Пока он так оглядывался, ребята хихикали, не сводя с него пристальных глаз. Кое-кто из них даже потыкал в него пальцем. Здесь было, по крайней мере, десятков пять мальчишек в замызганной и пропитанной потом одежде — словно они только что оторвались от тяжёлой работы. Мальчишки были разных возрастов, статей и рас, волосы тоже — у кого длинные, у кого короткие. Томас вдруг почувствовал себя как в тумане, глаза не могли ни на чём сосредоточиться: он то всматривался в лица ребят, то пытался рассмотреть то невероятно странное и причудливое место, в котором очутился.

Они стояли в обширном дворе, размером в несколько футбольных полей. Двор окружали грандиозные стены, сложенные из серого камня и кое-где покрытые густым плющом. Стены, наверно, были в несколько сот футов высотой. Они образовывали идеальный квадрат, в каждой стороне которого, точно посередине, зиял проём, высотой равнявшийся стенам. За проёмами виднелись какие-то длинные коридоры и переходы.

— Гля на этого салагу, — прохрипел кто-то, Томас не видел, кто. — Ща шею сломает — никак не врубится, куда попал! — Раздались смешки.

— Заткни варежку, Гэлли, — оборвал его другой голос, пояснее и поглубже.

Томас вновь переключил своё внимание на окружающих его чужаков. Должно быть, он выглядел совсем не от мира сего — да он и чувствовал себя так, будто его накачали наркотиками. К нему принюхивался высокий паренёк со светлыми волосами и квадратной челюстью. Лицо незнакомца было непроницаемо. Другой мальчик, маленький и пухлый, нерешительно топтался на месте, глядя на Томаса широко раскрытыми глазами. Массивный мускулистый парень азиатской наружности сложил на груди руки и пытливо, не отрывая глаз, смотрел на Томаса; плотные рукава его рубашки были закатаны, выставляя на всеобщее обозрение выпуклые

бицепсы. Темнокожий юноша — тот самый, что сказал Томасу «добро пожаловать», — нахмурился. Остальные просто молча пялились на происходящее.

— Где я? — спросил Томас, удивившись звучанию собственного голоса: ведь он не помнил его, так что слышал себя будто впервые. Отчего-то ему казалось, что голос какой-то не такой — выше, чем Томас ожидал.

— В чёртовой дыре, вот где, — отозвался темнокожий. — Так что расслабься.

— А к кому из Стражей его приставят? — выкрикнул кто-то из толпы.

— Говорю ж тебе, образина, — ответил пронзительный, трескучий голос. — Раз он такой плюк, то быть ему Жижником — на что ещё он годен? — И гоготнул, словно отмочил лучшую шутку в своей жизни.

Опять Томас оказался в тисках мучительного непонимания. Столько странных и непонятных слов! «Шенк», «Страж», «Жижник», «образина»... Они слетали с уст мальчишек так естественно, что он сам удивился, почему это он их не понимает. Словно провал в памяти стёр из мозга и значительную часть языка. Всё это попросту сбивало с толку.

В нём боролись самые разные эмоции: любопытство, недоумение, паника, страх — пронизанные одни общим чувством, чувством полной безнадёжности. Для него мир как будто прекратил существовать; всё, что он помнил, стёрли из памяти, а в освободившуюся пустоту вложили что-то отвратительное. Ему хотелось убежать и спрятаться от этих людей.

Трескучеголосый продолжал разглагольствовать:

— … и это не под силу, ставлю на кон свои потроха!

— Я сказал — заткните варежки! — проорал темнокожий. — Не прекратите орать — следующий перерыв будет сокращён наполовину!

Должно быть, это их вожак, сообразил Томас. Его воротило от того, как на него все глазеют, поэтому он сосредоточился на том, чтобы рассмотреть место, куда его занесло. Место, которое темнокожий назвал Приютом.

Покрытие двора было сложено из огромных каменных блоков, многие из которых растрескались, и в трещинах проросли трава и сорняки. Странное, неряшливого вида деревянное строение в одном из углов квадрата выделялось на сером каменном фоне. Его окружало несколько деревьев, их узловатые корни, как жадные иссохшие руки, впивались в каменный пол. В другом углу двора, по всей видимости, был расположен огород: Томас узнал кукурузу, помидоры и фруктовые деревья.

По другую сторону двора находились деревянные загоны для скота: овец, свиней, коров... Четвёртый угол занимала большая роща; деревья на

опушке были, как казалось, больны, а может, и совсем зачахли. Небо над головой — безоблачно-синее, но как Томас ни старался, он не смог найти на нём солнца, хотя день был в разгаре. Длинные тени, отбрасываемые стенами, ничего не говорили ни о времени дня — могло быть как раннее утро, так и вечер перед наступлением сумерек, — ни о сторонах света.

Томас глубоко, ровно задышал, пытаясь таким образом успокоить расшалившиеся нервы. И тогда со всех сторон его бомбардировали запахи: свежевырытой земли, навоза, сосновых иголок, чего-то гнилого, чего-то сладкого... Откуда-то к нему пришло знание, что это запахи фермы.

Томас вновь обернулся к своим новым знакомым. Его терзали вопросы. «Меня захватили в плен», — подумал он. И тут же: «Почему я так подумал? С чего я это взял?!» Он всмотрелся в лица столпившихся вокруг ребят, пытаясь проникнуться их выражением, понять его. Глаза одного из юношей, пылающие ненавистью, приковали к себе его внимание. Парень с чёрными волосами был так взбешён, что Томас не удивился бы, пырни тот его ножом. Когда их взгляды встретились, парень встряхнул головой и отвернулся, а потом направился к блестящему от смазки стальному шесту. Под шестом стояла деревянная скамья, а наверху в недвижном воздухе вяло повис многоцветный флаг. Что это за флаг — было трудно сказать.

Томас ошеломлённо смотрел в спину парню, пока тот не повернулся и не уселся на скамью. Тогда Томас быстро отвёл взгляд.

Внезапно вожак группы — ему было на вид лет семнадцать — сделал шаг вперёд. Одет он был весьма незатейливо: чёрная футболка, джинсы, теннисные туфли, на руке — электронные часы. Томас опять удивился, на этот раз обычности одежды здешних обитателей: ему почему-то казалось, что они должны были носить нечто куда более неприятное, тюремную робу, например. Волосы темнокожего были коротко острижены, лицо чисто выбрито. И если не считать постоянного хмурого прищура, больше в его лице не было ничего угрожающего.

— Долгая песня, шенк, — сказал он. — Постепенно всё сам поймёшь. Завтра я поведу тебя на прогулку. А до тех пор... смотри, ничего не сломай. — Он протянул руку: — Меня зовут Алби. — Он ждал, явно желая обменяться рукопожатием.

Но Томас не оправдал его ожиданий. Какой-то инстинкт овладел всеми его действиями и заставил без единого слова отвернуться от Алби и направиться к ближайшему дереву. Там Томас опустился на землю и прислонился спиной к шершавой коре. Снова его охватывала паника, страх становился почти невыносим. Но он глубоко вдохнул и постарался взять себя в руки. «Успокойся, — мысленно приказал он себе. — Ты ничего не

добьёшься, если будешь так трусить».

— Так давай! — потребовал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Спой мне долгую песню!

Алби окинул взглядом своих товарищей и закатил глаза. Томасу ничего не оставалось, как опять начать разглядывать толпу подростков. Его первоначальные прикидки были верны — их было человек пятьдесят-шестьдесят, разного возраста — от четырнадцати-пятнадцати лет до почти взрослых молодых людей, таких, как Алби. И в этот момент Томас с замиранием сердца сообразил, что не знает, сколько лет ему самому. Совсем пропащий — даже собственного возраста не помнит!

— Нет, серьёзно, — сказал он, прекращая попытки казаться храбрецом, — где я?

Алби подошёл к нему и сел напротив, скрестив ноги. Остальные мальчишки последовали за ним и столпились позади своего вожака, вытягивая шеи и расталкивая друг друга, чтобы получше видеть.

— Если ты не дрейфишь, — сказал Алби, — то ты не человек. А будешь вести себя не по-человечески — сброшу с Обрыва. Нам здесь психи не нужны.

— С Обрыва? — переспросил Томас. Кровь отхлынула от его лица.

— Наплюй, — ответил Алби, потирая глаза. — Сейчас не время разводить базар, понял? Мы не убиваем таких шенков, как ты, можешь мне поверить. Только сам постарайся, чтобы тебя не пришили, словом, выживай, как знаешь.

Он замолк, и Томас почувствовал, что его лицо побледнело ещё больше при этих последних словах.

— Мля... — протянул Алби, тяжело вздохнул и провёл рукой по своим коротким волосам. — Ну, не получается у меня это... Ты первый Чайник после того, как убили Ника.

Глаза у Томаса полезли на лоб. В этот момент другой юноша выступил вперёд и шутливо шлёпнул Алби по затылку.

— Дождись, когда поведёшь его на долбаную прогулку, Алби, — проговорил он хрипловато, со странным акцентом. — Глянь, парня ща грёбаный кондрашка хватит, а он ещё ничего даже не слышал. — Он наклонился и протянул Томасу руку. — Эй, Чайник, я Ньют, и мы все от радости из штанов выпрыгнем, если ты простишь этого плюкоголового — нашего нового вожака, понял?

Томас пожал протянутую руку — Ньют понравился ему куда больше Алби. Этот новый знакомец, хотя и был выше ростом, чем вожак, но казался моложе на год или около того. Его длинные светлые волосы волной

падали на обтянутые футболкой плечи, на мускулистых руках вздувались жилы.

— Кончай свистеть, образина. — Алби фыркнул и потянул Ньюта вниз. Тот сел. — Он, по крайней мере, может понять хотя бы половину из того, что я ему толкую.

Алби широко развёл руки ладонями вверх.

— Ну так вот, здесь мы живём, едим, спим. Это место мы называем Приют, понятно? А себя называем «приютели». Ну, вот и всё, что ты...

— Кто послал меня сюда? — перебил его Томас, у которого страх сменился гневом. — Как...

Но Алби молниеносно выбросил вперёд руку, обрывая его на полуслове, схватил Томаса за майку и вздёрнул его так, что тот привстал на коленях.

— А ну вставай, шенк, кому говорю! — Алби уже стоял на ногах и тянул за собой Томаса.

Тот, наконец, поднялся, ноги не слушались — его снова сковал страх. Он оперся спиной о дерево, пытаясь уклониться от Алби, который орал теперь прямо ему в лицо:

— Не сметь прерывать меня, пацан! Дубина, если бы мы сразу всё вот так тебе выложили, ты бы сначала наплюкал в штаны, а потом сдох на месте! И утащили бы тебя Таскуны, и какой бы с тебя тогда был толк, понял, пенёк?

— Да я понятия не имею, о чём ты говоришь! — медленно промолвил Томас, поражаясь тому, как ровно звучит его голос.

Ньют обхватил Алби за плечи.

— Алби, остынь чуток. От тебя больше вреда, чем толку, понял?

Алби выпустил майку Томаса и отступил на шаг назад. Он тяжело дышал.

— У нас нет времени на расшаркивания, Чайник. Старая жизнь кончилась, начинается новая. Чем скорее выучишь правила, тем лучше, усёк? Слушай и помалкивай, понял?

Томас взглянул на Ньюта, ожидая поддержки. Внутри него всё клокотало, бурлило и болело, глаза жгло от подступивших слёз.

Ньют кивнул:

— Ты же понял, правда, Чайник? — и снова кивнул.

Томасу так и хотелось насовать кому-нибудь по морде, но он лишь проронил: «Да».

— Вот и лады, — сказал Алби. — День Первый — вот что такое сегодняшний день для тебя, шенк. Скоро ночь, Бегуны возвращаются.

Ящик пришёл поздновато, так что прогулка будет завтра утром, сразу после побудки. — Он повернулся к Ньюту. — Займись его устройством на ночлег и пусть дрыхнет.

— Лады, — отозвался Ньют.

Алби вновь воззрился на Томаса, сузив глаза.

— Через пару недель, шенк, ты освоишься и тогда от тебя будет какой-то толк. Никто из нас ни фига не знал в Первый День, как оно всё пойдёт. Вот и ты не знаешь. Завтра для тебя начинается новая жизнь.

Алби повернулся, проложил себе дорогу сквозь толпу и направился к обветшалому деревянному строению в углу. Остальные ребята разошлись, напоследок бросая на нового товарища долгие взгляды.

Томас обхватил себя руками, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Внутри него царила разъедающая пустота, быстро сменяющаяся такой печалью, что от неё болело сердце. Слишком много всего навалилось: где он? Что это за место? Тюрьма? Если да, то почему его сюда поместили и как долго он здесь пробудет? Ребята говорили на странном языке и, похоже, никому из них не было дела до того, жив он или мёртв. На глаза снова навернулись слёзы, но он не позволил им пролиться.

— Что я сделал? — шептал он, ни к кому не обращаясь. — Что я сделал, почему они засунули меня сюда?

Ньют похлопал его по плечу.

— Эх, Чайник, мы все прошли через то же самое. Каждый выполз из этого тёмного Ящика, у каждого был свой День Первый. Дела, конечно, не ах, а скоро они покажутся тебе вообще хуже некуда — вот в чём правда. Но постепенно ты прорвёшься. Я сразу увидел, что ты не долбаная тряпка какая-нить, так что — не дрейфь!

— Это тюрьма? — спросил Томас. Он углубился в темноту собственного разума, пытаясь нащупать хоть какую-нибудь щёлку, ведущую в его прошлое.

— Кончай задавать дурацкие вопросы, а? — отбрил Ньют. — Ответов пока всё равно не будет. Так что помалкивай в тряпочку, смирись с переменой, а завтра настанет новый день.

Томас не ответил. Он опустил голову и уперся взглядом в растрескавшееся каменное покрытие двора. В щелях между блоками пробивалась узколистая трава, в ней проглядывали крохотные жёлтые цветочки, ища солнце, давно уже скрывшееся за исполинскими стенами Приюта.

— Ты быстро подружишься с Чаком, — продолжал Ньют. — Он такой, правда, жирновастенький, но славный малыш. Жди здесь, я скоро.

Не успел Ньют закончить фразу, как воздух разорвал резкий, пронзительный вопль. Высокий, дрожащий, почти нечеловеческий крик эхом отразился от камней двора. Все, кто был в это время на улице, обернулись и посмотрели в ту сторону, откуда он донёсся. Томасу показалось, что кровь в его жилах заледенела, когда он осознал, что этот ужасающий звук раздался из деревянного строения.

Даже Ньюта подбросило на месте. Лоб его проре́зали морщины озабоченности.

— Вот хрень, — сказал он. — Они что, эти долбаные Медяки — не могут управиться с парнем и десяти минут без моей помощи? — Он потряс головой и легонько пнул Томаса по ноге. — Найди Чаки, скажи ему, чтобы устроил тебя на ночь. — Проговорив это, он побежал к строению.

Томас вновь соскользнул вдоль шершавого ствола дерева вниз, на землю, прижался спиной к коре и закрыл глаза, изо всех сил желая очнуться от этого ужасного, ужасного сна.

ГЛАВА 3

Томас сидел так несколько долгих мгновений, слишком ошеломлённый, чтобы двигаться. Наконец, он принудил себя посмотреть в сторону обшарпанного здания. Поблизости от него крутилось несколько ребят, опасливо посматривая на окна верхнего этажа, словно ожидая, что раздастся взрыв, и оттуда в разлёте деревянных щепок и битого стекла вдруг вырвется неведомое жуткое чудище.

Сверху, из гущи ветвей, послышался странный металлический щелчок. Он поднял голову и увидел, как в кроне мелькнуло что-то серебристое, сверкнул красный огонёк — и исчез с другой стороны ствола. Он поднялся на ноги, обошёл дерево, вытягивая шею в поисках источника непонятного звука, но видел лишь ветви — серые и коричневые, еле живые, похожие на иссохшие узловатые пальцы.

— Да это один из этих, как их... жукоглазов, — раздался чей-то голос.

Томас обернулся. Небольшого роста полноватый мальчик стоял рядом и участливо смотрел на него. Он был очень юн — наверно, самый младший из всех, кого он до сих пор видел, лет двенадцати-тринадцати, не больше. Длинные тёмные волосы закрывали ему щёки и затылок, концами касаясь плеч. На пухлом, легко краснеющем лице светились добрые голубые глаза.

Томас кивнул ему:

— Что ещё за жукоглаз?

— Жукоглаз, — повторил мальчик, указав пальцем на крону. — Они не кусаются. Разве что ты по глупости решишь пощупать какого-нибудь из них. — Он помолчал. — Шенк. — Последнее слово далось ему с трудом, как будто сленг Приюта не слишком-то ложился ему на язык.

Другой крик, на этот раз долгий и выматывающий душу, прорезал воздух. Сердце Томаса ёкнуло. Лоб покрылся испариной.

— Что там происходит? — спросил он, указывая на здание.

— Не знаю, — ответил толстячок. Голос у него был ещё совсем по-детски тонким. — Там Бен, совсем плохой. *Они* взяли его.

— Они? — Томасу не понравилось, как зловеще прозвучало в устах мальчика это слово.

— Ага.

— Кто это — *они?*

— Скажи спасибо, если вообще никогда этого не узнаешь, — довольно

беспечно, что было по меньшей мере странно в подобных обстоятельствах, ответил мальчик и протянул руку. — Меня зовут Чак. Я был Чайником до того, как здесь появился ты.

«Так это ему поручили устроить меня на ночь?» — подумал Томас. Он никак не мог избавиться от состояния крайнего дискомфорта, а сейчас к нему прибавилось ещё и раздражение. Во всём этом не было и крупицы здравого смысла. Даже голова разболелась.

— Почему все называют меня Чайником? — задал он очередной вопрос, слегка сжав руку Чака и тут же выпустив её.

— Потому что ты совсем новый новичок, — ткнул Чак в него пальцем и засмеялся. Из дома донёсся очередной вой, похожий на крик изголодавшегося раненного животного.

— И как ты можешь зубы скалить? — спросил Томас, ужаснувшись услышанному. — Ведь там, похоже, кто-то умирает!

— Ничего с ним не станется. Никто не помирает, если успевает вовремя вернуться и принять сыворотку. Тут такое дело — ты либо мёртв, либо жив. Просто ужасно больно.

— Почему ужасно больно?

Глаза Чака забегали, словно он не был уверен, что сказать.

— Ну, его ужалили гриверы[1].

— Гриверы? — Томас всё больше и больше запутывался. «Ужалили гриверы». В словах ощущался тяжёлый гнёт страха. Томасу вдруг расхотелось допытываться, что они означают.

Чак пожал плечами и отвернулся, закатив глаза.

Томас вздохнул с досады и вновь прислонился к дереву.

— Да ты, похоже, знаешь не больше моего, — сказал он, понимая, однако, что это не так. Его провал в памяти был каким-то странным. Он помнил общую картину мироустройства, но частности — лица, имена, события — ускользали от него. Как книга, в которой все листы на месте, но пропущено одно слово из дюжины — раздражает без меры и читать невозможно. Ему даже возраст его был неизвестен!

— Чак... Как думаешь, сколько мне лет?

Мальчик смерил его взглядом.

— Ну-у, я бы дал лет шестнадцать. И, если интересно, в тебе пять футов девять дюймов[2]. Волосы тёмные. Ах да, и ещё: страшен, как жареная требуха на палочке. — Он ухмыльнулся.

Томас остолбенел настолько, что последней фразы даже не расслышал. Всего шестнадцать? А ему казалось — гораздо больше...

— Ты что, серьёзно? — Он помолчал, подыскивая слова. — Как... — Он, собственно, не знал, о чём спрашивать.

— Да не волнуйся ты так. Первые несколько дней будешь как из-за угла мешком прибитый, а потом привыкнешь. Я привык. Мы просто живём здесь, вот и всё. Лучше, чем жить в кучке плюка. — Он искоса взглянул на собеседника, по всей вероятности, предвидя его следующий вопрос. — «Плюк» — это то же, что «какашка». Какашка делает «плюк», когда падает в горшок.

Томас воззрился на Чака, не в силах поверить в то, что ведёт подобную беседу. «Да, классно», — вот и всё, что ему удалось из себя выдавить. Он отстранился от дерева и вслед за Чаком направился к старому зданию. Вернее было бы назвать его бараком. В нём было три-четыре этажа и выглядел он так, будто того и гляди завалится. Эта мешанина из брёвен, досок, шпагата, разнокалиберных окон, собранных в одну кучу, кое-как составленных вместе и закреплённых без складу и ладу, возвышалась на внушительном фоне каменных, поросших плющом стен.

По дороге через двор его ноздрей коснулся запах горящих дров и жарящегося на огне мяса. В животе у Томаса заурчало. Теперь, когда он знал, что жуткие крики издавал больной мальчик, ему стало не так страшно. До тех пор, пока не вспомнил, отчего тот заболел.

— Как тебя зовут? — спросил сзади Чак, пытаясь не отставать от него.

— Что?

— Имя твоё как? Ты нам так и не сказал, а я знаю, что уж это-то ты точно помнишь.

— Томас. — Он едва услышал сам себя — так далеко умчались его мысли. Если Чак прав, в этом было нечто общее между ним и прочими ребятами: каждый помнил своё имя. А почему не имена родителей? И имена друзей? И почему никто не помнил своей фамилии?

— Приятно познакомиться, Томас, — церемонно сказал Чак. — Не беспокойся, я о тебе позабочусь. Я здесь уже целый месяц и знаю это место вдоль и поперёк. Уж положись на Чака, хорошо?

Томас уже почти достиг входа в барак, перед которым собралась кучка ребят, когда его накрыл внезапный, не совсем объяснимый приступ раздражения. Он повернулся к Чаку.

— Да ты даже рассказать мне толком ничего не в состоянии. Хорош же я буду, если «положусь» на тебя.

Он снова повернулся к двери, собираясь войти внутрь, чтобы найти ответы на свои вопросы. Откуда вдруг взялись эти решительность и бесстрашие — он не имел понятия.

Чак пожал плечами.

— Да что хорошего я могу тебе сказать... Я ведь по-прежнему новичок. Но мы могли бы стать друзьями...

— Мне не нужны друзья, — оборвал его Томас.

Он потянулся к безобразной, выгоревшей на солнце деревянной двери, потянул, открыл её и увидел нескольких ребят, со стоическими физиономиями сгрудившихся у подножия кривобокой лестницы, ступени и перила которой торчали наперекосяк во все стороны. Стены прихожей и коридора покрывали тёмные обои, кое-где отклеившиеся. Единственным украшением служила пыльная ваза на трёхногом столе и чёрно-белая фотография пожилой женщины, одетой в старомодное белое платье. Всё это напомнило Томасу фильм ужасов про дом с привидениями. Даже дыры в полу имелись для полноты картины.

В помещении пахло пылью и плесенью — в противоположность приятным запахам снаружи. На потолке светились, помаргивая, лампы дневного света. Он пока ещё толком не задумывался об этом, но в мозгу у него мелькнула мысль: откуда в таком месте, как Приют, берётся электричество? Он всмотрелся в лицо старой женщины на фотографии. Она здесь жила? Заботилась об этих детях?

— Эй, гля, а вот и наш Чайник! — воскликнул один из ребят. Вздрогнув, Томас узнал его: это был тот самый черноволосый парень, который тогда, у лифта, уставился на него со смертельной ненавистью во взгляде. На вид ему было около пятнадцати, долговязый и тощий, нос, размером с добрый кулак, по форме напоминал мятую картофелину. — Этот шенк, наверно, наплюкал в штаны, когда услышал, как старина Бенни вопит, как недорезанная девчонка. Новую пелёночку подложить, образина?

— Моё имя Томас. — Надо держаться подальше от этого недоумка. Не добавив больше ни слова, он направился к лестнице — просто потому, что больше некуда было, и что ещё говорить, он тоже не знал. Но задира заступил ему дорогу, подняв вверх руку.

— Не так быстро, салага. — Он ткнул большим пальцем в направлении верхнего этажа. — Новичкам не разрешается видеть тех, кто... кого *взяли*. Ньют и Алби не позволят.

— Ты о чём толкуешь? — спросил Томас, стараясь, чтобы голос не выдал владеющего им страха. Что имел в виду этот парень под словом «взяли»? — Я не представляю даже, где нахожусь. Всё, чего прошу — немного помощи.

— Слушай меня, Чайник. — Парень скорчил гримасу, скрестил руки на груди. — Я тебя раньше где-то видел. Какая-то лажа с твоим появлением

тут, и уж будьте покойны — я узнаю, в чём фишка.

Томаса обдало волной жара.

— Я тебя никогда в жизни не видел. Понятия не имею, что ты за фрукт, и мне глубоко наплевать! — огрызнулся он. Действительно, откуда ему знать этого парня? И каким образом этот недоумок мог помнить *его*, Томаса?

Задира издал полусмешок-полухрюканье. Затем его лицо посерьёзнело, брови съехались на переносице.

— Я... *видел* тебя, шенк. Не каждый здесь может похвастать тем, что его ужалили. — Он указал на лестницу вверх. — А я — могу. Я-то знаю, что сейчас приходится испытывать старине Бенни, этому нюне. Я через то же самое прошёл. И во время Превращения я видел *тебя*.

Он протянул руку и уперся пальцем в грудь Томаса.

— И спорю на твою первую жратву у Котелка, что Бенни скажет, что тоже видел тебя.

Томас упорно смотрел ему в глаза, но ничего не отвечал. В нём снова нарастала паника. Час от часу не легче!

— Да ты, кажись, при одном слове «гривер» штаны намочил! — ощерился его противник. — Напугался, бедненький? Боишься, чтобы тебя не *ужалили*, а?

Опять то же слово — «ужалили». Томас постарался о нём не думать и указал на верх лестницы, откуда доносились крики больного мальчика, от которых сотрясалось всё здание:

— Если Ньют там, то мне бы хотелось с ним поговорить.

Мальчишка молча смотрел на него несколько секунд, потом потряс головой:

— Знаешь что? Ты прав, Томми — не надо бы мне так с новичками. Поднимайся наверх, думаю, Алби и Ньют тебя впустят. Серьёзно, давай. Ты, того, прости меня.

Он легонько стукнул Томаса по плечу, отступил и кивнул в сторону лестницы. Но Томас был уверен — это всё неспроста, парень что-то задумал. Пусть у него и провалы в памяти, но он совсем не дурак.

— Как тебя зовут? — спросил Томас, приостанавливаясь — он никак не мог решить, идти ему наверх или нет.

— Гэлли. И не позволяй никому надуть себя. Здесь я вожак, настоящий, не то, что те два сосунка там, наверху. Я. Можешь звать меня капитан Гэлли, если хочешь. — Впервые за всё время он улыбнулся: зубы его красотой не уступали носу. Во рту чернело две или три дырки, а цвет ни одного из уцелевших зубов и отдалённо не напоминал белый. Зловонное

дыхание обдало Томаса, и его едва не стошнило. Что-то оно ему напомнило, вот только *что*?

— О-кей, — сказал он. Его настолько воротило от этого парня, что хотелось попросту залепить ему в морду. — Есть, капитан Гэлли! — И глумливо отдал честь. В крови вскипел адреналин — Томас знал, что переступил некую черту.

В толпе раздались смешки. Гэлли дико оглянулся вокруг, лицо его запылало. Он опять уставился на Томаса, с ненавистью сведя брови и наморщив свой уродливый нос.

— Давай вали наверх, — сказал он. — И держись от меня подальше, отрыжка вонючая. — И он снова ткнул пальцем в сторону лестницы, не отрывая, однако, глаз от Томаса.

— Отлично. — Томас ещё раз огляделся — одновременно смущённо, недоумённо и яростно. Кровь бросилась ему в лицо. Его никто не остановил, не предостерёг — кроме Чака, который стоял у входной двери и предостерегающе качал головой.

— Не стоило бы тебе этого делать, — сказал мальчик. — Ты новичок, тебе нельзя туда.

— Иди-иди, — подначивал Гэлли.

Томас уже раскаивался в том, что вообще вошёл внутрь этой хибары, но, как бы там ни было, ему необходимо было переговорить с Ньютом.

Он отправился наверх. Под его тяжестью стонала и скрипела каждая ступенька — в любую минуту он мог провалиться сквозь прогнившие доски. Он повернул бы обратно, если бы не боялся попасть в неловкое положение. Поэтому он продолжал подниматься, вздрагивая при каждом подозрительном скрипе. Лестница достигла площадки и повернула налево. Дальше шла ограждённая перилами галерея, на которую выходили двери нескольких комнат. Только из-под одной из них сквозь щель выбивалась полоска света.

— Превращение! — крикнул снизу Гэлли. — Радуйся, образина, тебя оно тоже не минует!

Издёвка словно придала Томасу храбрости: он подошёл к освещённой двери, не обращая внимания на скрипучие доски пола и гогот внизу. Юноша отгораживался от непонятных слов, старался подавить истекающую из них угрозу. Протянул руку, повернул латунную ручку и вошёл.

В комнате, склонившись над кроватью, стояли Ньют и Алби. На кровати кто-то лежал.

Томас подался вперёд, чтобы получше рассмотреть, из-за чего вся эта

суматоха. Но когда он увидел больного, у него похолодело в груди. В горле застрял ком, который он безуспешно пытался проглотить.

Достаточно было нескольких секунд, чтобы это зрелище преследовало его отныне всю жизнь. Искорёженное болью тело содрогалось в агонии. Грудь больного, ничем не прикрытая, чудовищно вспухла. Напряжённо выпирающие из-под мертвенно-бледной кожи верёвки вен, болезненно зелёного цвета, словно сетью покрывали всё тело мальчика. Многочисленные лиловые отёки, опухоли, кровавые царапины не оставляли на нём живого места. Налитые кровью глаза вылезли из орбит и всё время двигались, ни на чём не фокусируясь. Алби прыгнул, закрывая картину от взора Томаса, но она уже запечатлелась в его мозгу. Стоны и вопли больного терзали уши, пока Алби выталкивал его из комнаты.

Алби плотно захлопнул за собой дверь и набросился на Томаса:

— Какого ты тут ошиваешься, Чайник? — заорал он, губы его побелели от ярости, глаза пылали.

Томасу стало не по себе.

— Я... гм... хотел поговорить... — промямлил он, не в состоянии придать хоть сколько-нибудь решимости своим словам — внутренне он уже пошёл на попятный. Что происходит с больным мальчиком? Томас бессильно облокотился о перила галереи и уставился взглядом в пол, не зная, что предпринять дальше.

— А ну-ка забирай отсюда свои яйца и пошёл вниз! — приказал Алби. — Чак тебе поможет. Если я ещё раз увижу тебя до завтрашнего утра, то до следующего ты уже не доживёшь. Собственноручно сброшу тебя с Обрыва. Усёк?

Томас был так перепуган и унижен, что почувствовал себя размером с жалкую мышь. Без единого слова он проскользнул мимо Алби и припустил вниз по ветхой лестнице, на каждом шагу опасаясь провалиться. Он проигнорировал встретившие его внизу пристальные взгляды — особенно буравил его Гэлли — и вышел наружу, потянув за собой Чака.

Ох, как он их ненавидел! Всех. Кроме Чака.

— Пойдём-ка от этих козлов подальше, — сказал он, и вдруг ему пришло в голову, что, возможно, Чак — его единственный друг в этом сошедшем с ума мире.

— Пойдём! — чирикнул Чак, заметно повеселев — словно его приводило в восторг то, что он кому-то нужен. — Но сначала тебе не мешало бы разжиться у Котелка какой-нибудь едой.

— Не знаю, смогу ли вообще когда-нибудь что-либо съесть. — Не после того, что он сейчас видел.

Чак кивнул.

— Сможешь, ещё как. Встречаемся у того же дерева. Через десять минут.

Томас был рад убраться подальше от этого дома и без возражений направился к дереву. Он пробыл здесь так мало — собственно, эта жизнь была теперь единственной, которую он знал — а ему уже хотелось как можно скорее вырваться из этого места. Ну хотя бы что-нибудь вспомнить о прежней жизни! Ведь была же она у него? Мама, папа, друзья, школа, хобби... Девушка?

Он несколько раз хорошенько сморгнул, пытаясь стереть стоящую перед мысленным взором картину, которую только что наблюдал в бараке.

Превращение. Гэлли назвал это Превращением.

Холодно не было, но Томаса ещё раз пробрала дрожь.

ГЛАВА 4

И снова Томас сидел, опершись спиной о ствол, и ждал Чака. Он внимательно обвёл взглядом весь Приют — это новое вместилище кошмаров, в котором ему, по всей вероятности, предстоит жить. Тени от стен значительно удлинились, постепенно карабкаясь по покрытым плющом камням на противоположной стороне.

По крайней мере, теперь можно определить стороны света. Деревянное сооружение нахохлилось в северо-западном углу, накрытое постепенно наползающей тенью, роща зеленела в юго-западном. Огород, на котором кто-то ещё горбатился над грядками, захватывал весь северо-восточный угол Приюта. Животные помещались в юго-восточном углу, откуда доносились мычание, квохтанье и блеяние.

Точно посередине двора зиял по-прежнему открытый люк Ящика, будто зазывая спрыгнуть обратно и отправиться домой. Неподалёку от него, около двадцати футов к югу, находилось приземистое, сложенное из бетонных блоков здание, единственным входом в которое служила массивная стальная дверь. Окон не было. Дверь открывалась при помощи круглой ручки — поворотного колеса наподобие тех, что имеются на подводных лодках. Несмотря на только что пережитое, Томас испытывал противоречивые чувства: желание узнать, что там, за дверью, и страх при мысли о том, что́ он мог бы там обнаружить.

Не успел юноша как следует приглядеться к четырём широким проёмам в стенах, окружающих Приют, как появился Чак, нагружённый парой сэндвичей, несколькими яблоками и двумя металлическими кружками с водой. К своему удивлению, Томас почувствовал облегчение — в этом странном месте он не был одинок!

— Котелку не сильно понравилось, что я сделал набег на его кухню до ужина, — сказал Чак, присаживаясь под деревом и махнув рукой Томасу, мол, давай, присоединяйся. Тот сел, схватил сэндвич и... заколебался. Ужасная, терзающая душу картина происходящего в бараке, вновь встала перед глазами. Но вскоре голод одержал верх, и он вонзил в сэндвич зубы. Рот наполнился восхитительным вкусом ветчины с сыром и майонезом.

— Ой, класс... — промычал Томас. — Я, оказывается, помирал с голоду.

— А я что говорил? — Чак вовсю уминал свой сэндвич.

Прожевав, Томас, наконец, задал давно мучивший его вопрос:

— Что происходит с этим парнем, Беном? Он даже выглядит уже не как человек.

Чак уставился на дом.

— А кто его знает... — уклончиво пробормотал он. — Я же его не видал.

Томас был уверен, что толстячок кривит душой, но настаивать не стал.

— Ладно, уж поверь мне, ничего хорошего ты бы и не увидел, — сказал он и вгрызся в яблоко.

Огромные проёмы в стенах не давали ему покоя. Хотя с того места, где они сидели, толком нельзя было ничего разглядеть, но ему казалось, что края каменных выступов, обрамлявших наружные коридоры, выглядят как-то странно. Когда он смотрел на высоченные стены, голова у него кружилась, словно он парил над ними, а не сидел у их подножия.

— Что там, за стенами? — спросил он, нарушая установившееся молчание. — Это что — часть какого-то огромного замка?

Чак помедлил, видно было, что ему не по себе.

— Да... я никогда не бывал за стенами Приюта.

Томас помолчал.

— Вы что-то скрываете, — сказал он наконец, расправившись с яблоком и сделав большой глоток воды. Его всё больше раздражало то, что на его вопросы упорно не отвечают. Но даже если бы он и получил ответы, откуда ему знать, правду ли ему говорят? — Зачем вы напускаете столько туману?

— Просто так оно всё устроено. Здесь много чего странного, и большинство из нас мало что знает. Ну, может, только половину всего.

Томаса задело, что Чак, похоже, не придавал особого значения собственным словам. Казалось, мальчика нисколько не волновало ни чужое вмешательство в его жизнь, ни последовавшие за ним перемены. Да что с ними всеми такое?!

Томас поднялся и пошёл к восточному проёму.

— Хорошо. Никто не говорил, что мне нельзя немного осмотреться. — Ему необходимо хоть что-то узнать, или он сойдёт с ума.

— Эй-эй, подожди! — прокричал Чак, пускаясь за ним вдогонку. — Осторожно, малютки вот-вот закроются! — Он едва не задохнулся.

— Закроются? — переспросил Томас. — О чём ты толкуешь?

— Двери, шенк ты этакий!

— Какие ещё двери? Не вижу никаких дверей! — Чак, похоже, не выделывался — было что-то, чего он, Томас, не видел и не разумел, но что

лежало на поверхности. Он забеспокоился и замедлил шаги: ему теперь совсем расхотелось приближаться к стенам.

— А как ты бы назвал эти огромные проходы? — Чак ткнул в колоссальные проёмы в стенах, до которых было теперь не больше тридцати футов.

— Я бы назвал их «огромные проходы», — сказал Томас, пытаясь прикрыть своё разочарование сарказмом, но с отчаянием понял, что попытка провалилась.

— Так вот, это Двери и есть. И каждый вечер они закрываются.

Томас остановился, подумав, что Чак несёт какую-то чушь. Он посмотрел вверх, покрутил головой из стороны в сторону, обвёл взглядом массивные каменные громады — и чувство дискомфорта превратилось в ужас.

— Что ты имеешь в виду — «они закрываются»?

— Через минуту сам увидишь. Бегуны скоро вернутся, а потом стеночки сдвинутся, и проходы закроются.

— Ты сбрендил, — пробормотал Томас. Он не представлял, как эти циклопические стены могли бы двигаться. Ясное дело, Чак морочит ему голову.

И Томас снова расслабился.

Они достигли прохода, ведущего наружу, в путаницу каменных аллей. У Томаса при этом зрелище челюсть отвисла, и все мысли из головы улетучились.

— Это Восточная дверь, — сказал Чак так гордо, будто демонстрировал публике великое произведение искусства.

Томас едва расслышал его слова. Он стоял как громом поражённый: вблизи всё казалось ещё грандиозней. Проход в стене был двадцати футов в ширину, а в высоту простирался до самого верха колоссальных стен. Края, выступающие в проход, были гладкими, если не считать одной странности: с левой стороны Двери в камне шёл вертикальный ряд отверстий, нескольких дюймов в диаметре и в футе расстояния друг от друга; они начинались у земли и шли доверху. С правой стороны Двери из стены торчали стержни, каждый длиной в фут, тоже нескольких дюймов в диаметре, в том же порядке, что отверстия в противоположной стене. Зачем всё было так устроено — понятно без объяснений.

— Ну у тебя и шуточки! — У Томаса свело живот от страха. — Не валяй дурака! Эти стены *движутся*?

— Ты что, думаешь, я тебе лапшу вешаю, что ли?

Томас с трудом мог заставить свой рассудок поверить в невероятное.

— Ну, не знаю... Я думал, что здесь где-то спрятана дверь, которая затворяется, как обычно, или, может, маленькая стена выдвигается из большой. Да как могут такие стены двигаться? Они же огромные! Такое впечатление, что стоят здесь уже тысячу лет.

Выходит, стены захлопнутся, и он окажется внутри них, пойманный в ловушку? Ужасная мысль.

Чак вскинул руки жестом крайней досады.

— Да не знаю я! Они просто движутся и всё. Со страшным грохотом. И то же самое происходит в Лабиринте — стены движутся каждую ночь.

Новая подробность выдернула Томаса из состояния прострации. Он резко повернулся к мальчику:

— Что ты сейчас сказал?

— А? Что?

— Ты только что назвал это Лабиринтом. Ты сказал: «То же самое происходит и в Лабиринте».

Лицо Чака залилось краской.

— Отстань от меня! Отстань! — Он зашагал обратно к дереву.

Томас проигнорировал его выкрики. Теперь его больше интересовало, что находится за пределами Приюта. *Лабиринт?* Глядя через проём Восточной двери, он различал коридоры, ведущие налево, направо и прямо. Такие же стены, как и те, что окружали Приют, пол тоже выложен массивными каменными плитами. Плющ здесь казался ещё более густым. Чуть дальше виднелись другие проходы, ведущие в какие-то неведомые коридоры, а ещё дальше, где-то в ста, а может, и больше ярдах от входа прямой проход заканчивался тупиком.

— Точно, выглядит как Лабиринт, — прошептал Томас, чуть не рассмеявшись втихомолку. Чем дальше, тем странней. У него стёрли память и засунули в гигантский лабиринт. Всё это было настолько нелепо, что действительно оставалось лишь смеяться.

И вдруг у него замерло сердце: в прямом коридоре появился юноша, вывернув в главный проход из одного из ответвлений справа. Он бежал прямо на Томаса, по направлению к Двери в Приют. Весь в поту, с красным, разгорячённым лицом, в прилипшей к телу одежде, он даже не снизил скорости и, пробегая мимо Томаса, едва удостоил того взглядом. Он направился прямиком к приземистому зданию из бетона неподалёку от Ящика.

Томас обернулся ему вслед — не мог оторвать глаз от измождённого бегуна. Ему было невдомёк, почему это новое развитие событий так его изумило. Почему бы ребятам не выходить и не исследовать лабиринт? А

затем он увидел и других, вбегающих в остальные три Двери Лабиринта. Все они выглядели точно такими же расхристанными, как тот парень, что пронёсся мимо него. Должно быть, не много хорошего было там, в лабиринте, если эти ребята так торопились и выглядели, словно их вымочили в поту.

Он зачарованно смотрел, как они встретились у большой стальной двери бункера; один из мальчиков, кряхтя от натуги, повернул заржавленное колесо. Чак что-то говорил о бегунах... Что они делали там, снаружи?

Тяжёлая дверь, наконец, с визгом и скрежетом отворилась, ребята, поднатужившись, распахнули её настежь и исчезли в глубине бункера, не забыв захлопнуть дверь за собой. Томас смотрел на неё остановившимся взглядом, мозг его отчаянно работал, пытаясь найти подходящее объяснение увиденному. И ничего не находил. Но что-то в этом низеньком старом здании было такое, от чего у него мороз по коже шёл.

Кто-то потянул его за рукав, отрывая от раздумий: Чак вернулся.

Томас ещё толком не собрался с мыслями, а вопросы так и посыпались на бедного Чака:

— Кто эти парни и чем они занимаются? Что там, внутри бункера? — Он повернулся и ткнул пальцем в Восточную дверь. — И почему вокруг вас какой-то идиотский лабиринт? — От всего этого голова шла кру́гом и болела так, что впору было взвыть.

— Ничего я тебе больше не скажу! — В голосе Чака зазвучали непривычно властные нотки. — По-моему, так тебе давно пора в люлю, выспаться. Ой, — он запнулся, поднял палец и заткнул им правое ухо, — кажется, начинается...

— Что начинается? — спросил Томас, недоумевая, откуда в Чаке такая перемена: ребёнок, отчаянно нуждающийся в друге, вдруг уступил место вполне взрослому, самостоятельному человеку.

Воздух сотряс такой оглушительный грохот, что Томас подскочил от неожиданности. Отовсюду доносился наводящий ужас треск и скрежет. Юноша попятился, споткнулся и упал. В панике оглянулся по сторонам: похоже, будто вся земля содрогалась. Стены двигались. Они действительно двигались, ловушка захлопывалась, заточая Томаса внутри Приюта. На него накатил приступ клаустрофобии. Не в силах пошевелиться, он задыхался, как будто в лёгких вместо воздуха была вода.

— Остынь, Чайник! — проорал Чак, стараясь перекричать грохот. — Это всего лишь стены!

Но Томас едва слышал его — так он был очарован и одновременно

напуган видом закрывающихся Дверей. С трудом поднявшись на ноги, он сделал несколько неуверенных шагов назад, чтобы лучше охватить взглядом всю картину. В то, что он увидел, верилось с трудом.

Колоссальная каменная стена справа от мальчиков, нарушая, похоже, все известные законы физики, скользила по земле. Камень тёрся о камень, высекая искры и поднимая клубы пыли. От грохота в теле Томаса вибрировала каждая косточка. Он вдруг сообразил, что движется только эта стена. Она приближалась к той, что была слева, готовая намертво запечатать проход, введя штыри, торчащие в проёме, в соответствующие отверстия с противоположной стороны. Томас оглянулся на другие Двери. Голова закружилась, из-за чего чуть не вывернуло желудок. По всем четырём сторонам Приюта происходило то же самое: правые стены скользили по направлению к левым. Двери закрывались.

«Невозможно, — подумал он. — Как они это делают?» Он едва справлялся с желанием бежать, броситься между движущимися каменными громадами и исчезнуть из Приюта. Но здравый смысл одержал победу: кто знает, что ожидает его в Лабиринте?

Он попытался восстановить в памяти картину происшедшего. Массивные каменные стены, высотой несколько сотен футов, двигались как обычные скользящие двери. Это сравнение пришло к нему из воспоминаний о его прошлой жизни. Он попытался поймать мимолётный образ, удержать его, наполнить лицами, именами, местами... но всё быстро ушло во мрак, в туман, оставив по себе только грусть и чувство невосполнимой потери.

Он наблюдал, как правая стена завершила свой путь, штыри нашли свои отверстия и вошли в них, как нож в масло. Грохот сталкивающихся каменных громад прокатился по Приюту, и все четыре стены захлопнулись. Томаса передёрнуло, страх волной прошёл по всему телу и... исчез.

А вместо него пришло неожиданное чувство покоя. Юноша глубоко, облегчённо вздохнул.

— Ну и ну... — сказал он и сам поразился, как глупо это прозвучало, ведь только что он был свидетелем чего-то небывалого.

— Эка невидаль, как сказал бы Алби, — пробормотал Чак. — Ничего, постепенно привыкнешь.

Томас ещё раз огляделся. Теперь, когда все четыре стены были наглухо закрыты и не было никакого выхода наружу, ощущение, порождаемое этим местом, стало совсем другим. Он попытался понять, откуда оно и в чём состоит. Одно предположение было хуже другого: то ли они оказались в заточении, то ли наоборот, их защищали от неведомых опасностей,

грозивших снаружи. От этой мысли краткий миг покоя пришёл к концу, а в голову полезли миллионы предположений, одно ужаснее другого, — о том, что за чудища могут населять лабиринт. Снова его охватил уже почти ставший привычным страх.

— Очнись. — Чак вторично дёрнул его за рукав. — Уж поверь мне, как только спустится ночь, тебе самому захочется поскорее в постель.

Ну что ж, другого выбора у Томаса всё равно нет. Он изо всех сил постарался перебороть свои страхи и двинулся вслед за младшим товарищем.

ГЛАВА 5

Они оказались с задней стороны Берлоги — так Чак называл то самое нелепое нагромождение брёвен и окон — в чёрной тени между зданием и каменной стеной.

— Куда мы идём? — спросил Томас. Здесь, вблизи стен, острее ощущалась их неимоверная тяжесть. Лабиринт, страх, попытки понять происходящее сплелись в мозгу Томаса в запутанный клубок. Он приказал себе притормозить, иначе съедет с катушек. Пытаясь как-то отвлечься, сделал слабую попытку пошутить:

— Если ждёшь от меня поцелуя на ночь — забей.

Чак на шутку не купился.

— Заткнись и держись рядом, усёк?

Томас лишь глубоко вздохнул и пожал плечами. Мальчики крадучись пошли вдоль задней стены здания и остановились у узкого пыльного окошка. Мягкий отсвет падал на покрывавший каменную стену ковёр плюща. Изнутри слышались звуки — там кто-то был.

— Сортир! — прошептал Чак.

— Ну и что? — Томасу стало как-то не по себе.

— Да ничего, это я так забавляюсь перед сном.

— Забавляешься? Как? — Что-то подсказывало юноше, что Чак затеял какую-то пакость. — Слушай, может мне...

— Да заткнись ты! Смотри.

Чак тихонько взобрался на большой деревянный ящик, лежащий прямо под окошком.Согнулся в три погибели, так что его голова не была видна изнутри помещения, и, вытянув вверх руку, легонько стукнул в стекло.

— Что ты вытворяешь? — прошептал Томас. Тоже мне ещё нашёл время шутки шутить — внутри могли быть Ньют или Алби. — Я только что появился здесь, на кой мне проблемы!

Чак прыснул в ладошку. Не обращая внимания на Томаса, он снова поднял руку и стукнул в стекло.

Пятно света перечеркнула чья-то тень. Окошко открылось. Пытаясь спрятаться, Томас отпрыгнул и изо всех сил вжался спиной в стену Берлоги. Ему казалось невероятным, что его только что втянули в какую-то грязную шутку, причём непонятно, над кем. Угол обзора из окна не

позволял тому, кто внутри, видеть его, но стоит только ему высунуть голову подальше — и шутники будут как на ладони.

— Эй, кто там! — заорал мальчишка из туалета хриплым от бешенства голосом. Томас чуть не ахнул, поняв, что голос принадлежит Гэлли, уж здесь он ошибиться не мог.

Внезапно Чак вскинул голову так, что она показалась над краем подоконника, и издал вопль на пределе мощности своих лёгких. Изнутри послышался грохот — трюк Чака явно удался. Вслед за грохотом понёсся поток ругательств — Гэлли явно не нашёл шутку удачной. А Томас застыл от ужаса и неловкости.

— Ну, ряха паршивая, держись, замочу на фиг! — орал Гэлли, но Чак уже спрыгнул с ящика и во весь дух нёсся на открытое место. Томас замер, услышав, как Гэлли отворил дверь и выбежал из туалета.

Наконец, Томас очнулся от ступора и припустил вслед за своим новым — и пока единственным — другом. Он как раз свернул за угол, когда из дверей Берлоги с воплем выскочил Гэлли. Парень был похож на рассвирепевшего бешеного пса.

Он тут же узрел Томаса и, ткнув в него пальцем, заорал:

— А ну вали сюда!

У того упало сердце. Похоже, сейчас его лицо поближе познакомится с Гэллиевым кулаком.

— Клянусь, это не я! — сказал он. Впрочем, при ближайшем рассмотрении Гэлли показался ему не таким уж и страшным — тот вовсе не был ни силачом, ни великаном, так что при желании Томас сам мог ему как следует насовать.

— Не ты, да? — окрысился Гэлли. Он медленно подвалил к Томасу и остановился прямо перед ним. — А откуда тогда знаешь, что было что-то, что «не ты»?

Томас ничего не ответил. Ему было не по себе, но отнюдь не так страшно, как несколькими мгновениями раньше.

— Слушай, салага, я те не хрен моржовый, — прошипел Гэлли. — Я видел жирную рожу Чака в окне. — Он вновь ткнул пальцем, на этот раз прямо в грудь Томасу. — Но ты бы лучше побыстрее соображал, с кем тебе водить дружбу, а от кого держаться подальше, усёк? Ещё одна такая подколка — мне начхать, твоя это выдумка или нет — и будешь юшку хлебать, усёк, салага? — И прежде чем Томас собрался ответить, Гэлли зашагал прочь.

Томасу только хотелось, чтобы всё это поскорее закончилось, поэтому он лишь пробормотал «извини». И поёжился: ну и глупо же это прозвучало.

— Я тебя узнал, — добавил Гэлли, не оборачиваясь. — Видел тебя при Превращении. Уж я-то дознаюсь, что ты за птица.

Томас следил взглядом за драчуном, пока тот не исчез за дверью Берлоги. Он не многое помнил из своей жизни, но что-то говорило ему, что никто не вызывал у него такого отвращения, как этот горлодёр. Сила собственной ненависти к Гэлли поражала его самого. Обернувшись, он увидел сзади Чака. Тот стоял, уткнувшись взглядом в землю, ему явно было стыдно. — Ну, спасибо тебе, приятель.

— Извини. Кабы знать, что это был Гэлли... Я б никогда... клянусь!

Неожиданно для себя самого, Томас расхохотался. А ведь ещё час тому назад не верилось, что он когда-либо услышит звук собственного смеха.

Чак посмотрел на Томаса пристальнее и медленно расплылся в невольной улыбке:

— Ты чего?

Томас только головой потряс.

— Да ладно, не извиняйся. Этот... шенк того заслуживал, хотя я даже не знаю, что такое шенк. Классно было!

Теперь он чувствовал себя куда лучше.

Через пару часов Томас лежал в мягком спальном мешке рядом с Чаком — в саду, на травяном ковре. Обширную лужайку, которой он раньше как-то не приметил, многие выбрали своей «спальней». Томасу это показалось странным, но, должно быть, просто внутри Берлоги места не хватало. Во всяком случае, было тепло. И это опять заставило его задуматься о том, куда он, собственно, попал. Мозг его работал на полную мощность, пытаясь припомнить названия разных мест и стран, имена правителей, принципы организации и функционирования мира. Никто из ребят в Приюте, похоже, не имел ни малейшего понятия, как он сюда попал, или, по крайней мере, если и имел, то помалкивал.

Он долго лежал без сна, глядя на звёзды и слушая тихое журчание реющих над ночным Приютом перешёптываний. Уснуть не удавалось, как не удавалось стряхнуть с себя безнадёжность и страх, пронизывающие всё его естество. Временное облегчение, которое он почувствовал после шутки Чака над Гэлли, давно испарилось. Денёк выдался какой-то бесконечный, и, прямо скажем, необычный.

И вот ещё какая странность. Он помнил много мелких жизненных подробностей: еда, одежда, учёба, игры, общее устройство мира... Но вот тех деталей, которые помогли бы воссоздать в памяти правдивую и законченную картину, не было, их как будто кто-то непостижимым образом

стёр. Словно он смотрел на возникавшие образы сквозь толстый слой мутной воды. Но сильнее страха, сильнее безнадёжности была всё же... печаль.

Чак вмешался в течение его мыслей:

— Ну вот, Чайник, ты и прожил здесь свой Первый День.

— Ага, прожил. С трудом. — «Не сейчас, Чак, — хотелось ему сказать. — Не то настроение!»

Чак приподнялся, опираясь на локоть, и вгляделся Томасу в лицо.

— День-другой — и ты многое узнаешь. Начнёшь привыкать к здешней жизни. Ну как, нормалёк?

— Гм, нормалёк... И откуда только вы набрались всех этих дурацких слов и фраз, а? — Словно они взяли какой-то чужой язык и сплавили его с родным.

Чак тяжело шлёпнулся на прежнее место.

— А кто его знает... Я же здесь только месяц, ты что, забыл?

Томасу подумалось, а не известно ли Чаку больше, чем он хочет показать. Он был пареньком шустрым, весёлым, казался святой невинностью, но кто его разберёт? В действительности он так же скрытен и загадочен, как и всё остальное в Приюте.

Прошло несколько минут, и Томасу показалось, что этот длинный день, наконец, завершился — его начало клонить в сон. Как вдруг словно чья-то рука слегка подтолкнула его мозг в нужном направлении — к нему пришла неожиданная мысль. Откуда она появилась — тоже оставалось загадкой.

Всё: Приют, стены, Лабиринт — внезапно показалось удивительно знакомым. В груди растеклось приятное тепло — впервые после его появления здесь. Приют больше не казался худшим местом во Вселенной. Юноша затих, почувствовав, как раскрылись глаза и на мгновение занялось дыхание. «Что сейчас произошло? — подумал он. — Что изменилось?» Как ни странно, но ощущение, что всё будет в порядке, привело его в некоторое замешательство.

Он вдруг чётко осознал, что́ он должен сделать. Откуда появилось это осознание? Неведомо. Озарение было странным, чуждым и знакомым одновременно. И возникло чувство, что так оно и должно быть.

— Я хочу стать одним из тех парней, что выходят наружу, — громко сказал он, не зная, спит ли Чак или бодрствует. — В Лабиринт.

— А? — отозвался Чак, и в его голосе Томасу послышалось едва заметное раздражение.

— Как Бегуны, — пояснил Томас. Он бы дорого заплатил за то, чтобы

узнать, откуда пришла эта мысль. — Не знаю, чем они там занимаются, но я хочу стать Бегуном.

— Да ты ни малейшего понятия не имеешь, о чём говоришь! — буркнул Чак и повернулся на другой бок. — Спи давай.

Но на Томаса накатило. Ему необходимо было высказаться, хотя он и понятия не имел, о чём, собственно, толкует.

— Я хочу быть Бегуном.

Чак снова повернулся и приподнялся на локте.

— Забей. Прямо сейчас и забей.

Томаса удивил этот ответ, но он продолжил гнуть своё:

— Не прикидывайся, что...

— Томас. Чайник. Мой дорогой новый друг. Забудь об этом!

— Завтра скажу Алби. — «Бегун... — подумал Томас. — Я даже не знаю толком, что это значит. Я что, совсем сбрендил?»

Чак со смехом откинулся на спину.

— Ну ты и кусок плюка! Спи давай!

Но остановить Томаса было нелегко

— Там, снаружи... Это почему-то кажется таким... знакомым!

— Да! Спи! Уже!

И вдруг Томаса словно что-то ударило: ему показалось, что в мозаику уложилось ещё несколько кусочков. Окончательная картина была ему ещё не ясна, но его следующие слова будто пришли как по наитию, из какого-то далёка:

— Чак, я... Мне кажется, я уже *был* здесь раньше.

Он слышал, как его приятель уселся и шумно вдохнул. Но Томас повернулся на другой бок и больше ничего не прибавил. Ему не хотелось спугнуть это новое чувство приподнятости, уверенности, покоя, наполнившее его сердце.

Он уснул гораздо легче и быстрее, чем ожидал.

ГЛАВА 6

Кто-то растолкал Томаса. Он распахнул глаза и уперся взглядом в чьё-то низко склонившееся над ним лицо. Вокруг всё ещё царила тьма — было очень раннее утро. Он было хотел заговорить, но холодная рука зажала ему рот. Томас чуть не впал в панику, но вовремя увидел, кому принадлежат лицо и рука.

— Шшш, Чайник. Ты же не хочешь, чтобы старина Чак проснулся?

Это был Ньют — парень, который, судя по всему, был вторым по ранжиру. Его дыхание было немного затхлым, как и положено утром.

Хотя Томас и удивился, но тревога немедленно улеглась. Ему стало любопытно: чего Ньют хочет от него в столь ранний час? Он кивнул, моргнул, как бы говоря «да». Тогда Ньют убрал руку, отстранился от его лица и поднялся.

— Пошли, Чайник, — сказал он, выпрямившись во весь рост, потом наклонился, протянул руку и помог Томасу подняться. Парень был не только высок, но и очень силён, так что, казалось, ему ничего не стоило напрочь оторвать новенькому руку. — Мне надо показать тебе кое-что, пока ещё все спят.

Остатки сна Томаса испарились, как утренний туман.

— О-кей, — просто и с готовностью сказал он. Понимая, что доверять он пока ещё никому не может и хорошо бы прислушиваться к своим подозрениям, но любопытство пересилило. Он мгновенно напялил ботинки. — А куда мы пойдём?

— Иди за мной и не отставай.

Они осторожно продвигались между спящими на лужайке ребятами; несколько раз Томас чуть не споткнулся. Наступил на чью-то руку, её хозяин взвыл, и Томас заработал сдачи по собственной ноге.

— Извини, — прошептал он, не обращая внимания на сердитый взгляд Ньюта.

Как только они сошли с лужайки и ступили на твёрдый серый камень двора, Ньют перешёл на бег, направляясь к западной стене. Томас сначала слегка помедлил, раздумывая, зачем так быстро бежать, но спохватился и припустил следом.

Хотя утренний свет был пока слишком слаб, любое препятствие на пути выделялось чётким тёмным пятном, так что Томас быстро

продвигался вперёд. Когда Ньют остановился, он сделал то же самое. Над ними возвышалась стена — как небоскрёб, подумал Томас. Стоп, откуда это странное понятие в его опустошённой памяти?..

Юноша заметил множество красных огоньков, мелькающих там и сям по всей стене; они двигались, останавливались, перемигивались...

— Что это такое? — прошептал он, не осмеливаясь громко говорить. Интересно, а по голосу можно понять, что его всего трясёт? В посверкивании красных глазков ощущалась какая-то скрытая угроза.

Ньют стоял всего в паре шагов от густой поросли плюща, покрывающей стену.

— Не твоего чёртова ума дело, Чайник. Когда наступит время, тогда и узнаешь!

— А моего ума — послать меня в такое место, где творится невесть что и никто не хочет отвечать на мои вопросы? — Томас помедлил, сам себе удивляясь. — *Шенк*, — прибавил он, вкладывая в это слово весь сарказм, на который был способен.

Ньют расхохотался, но быстро оборвал смех.

— Ты мне нравишься, Чайник. А теперь заткнись — я тебе кое-что покажу.

Ньют шагнул вперёд и погрузил руку в заросли плюща. Раздвинул лозы. Открылось покрытое пылью квадратное окно величиной два на два фута. Оно было тёмным, словно закрашенное чёрным.

— Что там? — прошептал Томас.

— Смотри штанишки не запачкай, парень. Скоро он пройдёт здесь.

Прошла минута, две, ещё несколько... Томас переминался с ноги на ногу, раздумывая, и как это Ньюту удаётся стоять так тихо и терпеливо вглядываться в тёмное ничто.

И тут...

В окне появились отблески странного, жутковатого света. Он отбрасывал на лицо и плечи Ньюта бегущие радужные блики, словно тот стоял у освещённого плавательного бассейна. Томас замер, прищурился, пытаясь высмотреть, что происходит по ту сторону стекла. В горле застрял комок. «Что же это?» — недоумевал он.

— Там, снаружи, Лабиринт, — зашептал Ньют. Глаза его расширились и остановились, как будто он впал в транс. — Всё, что мы здесь делаем, вся наша жизнь вращается вокруг него. Каждую треклятую минуту каждого растреклятого дня мы здесь живём во имя Лабиринта, пытаясь его разгадать, а у него, похоже, вообще нет никакой долбаной разгадки, понял? И ты должен узнать, почему с этой штуковиной лучше не шутить, почему

эти грёбаные стены сходятся каждую ночь и почему ты никогда — никогда! — не должен совать свою задницу наружу, понял?

Ньют отступил, продолжая удерживать лозы, и жестом велел Томасу занять его место и глянуть в окно.

Томас подчинился, уткнулся носом в холодное стекло и прищурился, стараясь разглядеть то, что хотел показать ему Ньют. Через секунду его взгляд пронзил слой пыли и грязи и... По ту сторону стекла что-то двигалось! А когда он рассмотрел это «что-то», его горло перехватил спазм, словно воздух в глотке превратился в кусок льда — не продохнуть.

Странное грушевидное существо размером с добрую корову, но без определённой, твёрдой формы, извивалось в коридоре, издавая булькающие, как кипящая вода, звуки. Оно вскарабкалось по противоположной стене, а потом бросилось прямо на окно, с грохотом ударившись о толстое стекло. Томас невольно вскрикнул и отшатнулся, но существо отлетело назад, не причинив стеклу ни малейшего вреда.

Томас дважды глубоко вздохнул и снова прильнул к окну. Было слишком темно, чтобы видеть подробности, но в причудливых, неизвестно откуда исходящих сполохах тускло светились серебристые иглы и мерзкая склизкая кожа. Из тела, как руки, торчали зловещего вида отростки, оканчивающиеся различными инструментами: пилами, ножницами, длинными штырями, о назначении которых можно было только догадываться.

Существо, эта наводящая ужас помесь животного и машины, казалось, понимало, что за ним наблюдают, знало, что лежит внутри стен, окружающих Приют. Похоже, ему очень хотелось попасть за эти стены и полакомиться человечинкой. В душе Томаса разлился леденящий страх; он, как опухоль, сдавил ему грудь и не давал дышать. Даже несмотря на потерю памяти юноша был уверен, что никогда не видел чего-либо столь же отвратительного.

Он отошёл от окна. Душевный подъём, который он ещё недавно ощущал, растаял без следа.

— Что оно такое? — спросил он. От страха кишки свело так, что он засомневался, сможет ли ещё когда-нибудь в жизни что-нибудь съесть.

— Мы называем их гриверами, — отвечал Ньют. — Отвратная хреновина, да? Одна радость, что гриверы подходят к Приюту только по ночам. Так что скажи спасибо этим стенам.

Томас сглотнул. Неужели ему когда-то хотелось выйти из Приюта? Идея стать Бегуном казалась ему теперь не столь привлекательной. Но он обязан сделать это! Непонятно, откуда у него это знание, *но он обязан*

сделать это. Странная убеждённость, особенно если принять во внимание только что виденное.

Ньют не отрывал взгляда от окна.

— Ну вот, дружище, теперь ты знаешь, что за чертовщина творится в Лабиринте. Сам понимаешь, с таким не шутят. Тебя неспроста послали в Приют, Чайник. Мы ожидаем, что ты не растратишь свою жизнь попусту и поможешь нам выполнить то, зачем нас всех засунули сюда.

— И что же это? — спросил Томас, хотя предполагаемый ответ заранее вызывал у него озноб.

Ньют повернулся и взглянул ему прямо в глаза. Занимался рассвет, и Томас мог ясно рассмотреть лицо своего собеседника: туго натянутую на скулах кожу, сведённые на переносице брови...

— Найти выход отсюда, Чайник, — ответил Ньют. — Раскусить долбаный Лабиринт и отправиться домой.

Двумя часами позже, грохоча и сотрясая землю, Двери вновь отворились. Томас сидел за обшарпанным, кособоким столом для пикника поблизости от Берлоги. Мысли были заняты только одним: гриверами. Какова их цель? Что они делают там, в Лабиринте, всю ночь? Каково это — подвергнуться нападению такого кошмарного существа?

Он пытался выкинуть мысли о чудище из головы, переключиться на что-либо другое. Например, на Бегунов. Они только что умчались, не промолвив никому ни полслова — просто рванули в Лабиринт и исчезли в путанице проходов. Томас ковырялся вилкой в яичнице с беконом, а сам думал и думал о Бегунах. Он ни с кем не разговаривал, даже с Чаком — тот сидел рядом и тихо доедал свой завтрак. Бедный мальчуган из сил выбился, пытаясь завязать мало-мальски приличную беседу с Томасом, но тот не отвечал. Единственное, чего ему хотелось — чтобы его оставили в покое.

Происходящее попросту не укладывалось в голове, мозг не справлялся с задачей разложить всё по полочкам, ситуация казалась невозможной. Как мог Лабиринт, с его массивными и сверхвысокими стенами, обладать такими размерами, что десятки ребят были не в состоянии выбраться из него, и это после кто знает какого количества попыток? Да как вообще могло существовать сооружение таких масштабов? А самое главное — *зачем*? Для чего понадобилось возводить эту гигантскую головоломку? Почему все они оказались здесь? И как долго они уже здесь находятся?

Как он ни старался не думать о гривере, он постоянно возвращался мыслями к зловещему созданию. Каждый раз, стоило ему закрыть или потереть глаза, на него набрасывался воображаемый близнец настоящего

гривера.

Томас знал, что отличается острым умом — просто чувствовал это каким-то шестым чувством. Но понять, что к чему в этом месте, ему никак не удавалось. Всё казалось бессмысленным. Всё, кроме одного: он был убеждён, что должен стать Бегуном. Почему, откуда эта безусловная уверенность? Даже сейчас, после того, что ему довелось увидеть в Лабиринте?

Кто-то похлопал его по плечу, отрывая от размышлений. Он взглянул вверх и обнаружил Алби — тот стоял рядом, сложив на груди руки.

— Что-то у тебя видок бледноватый, — сказал Алби. — Понравилось утреннее зрелище в окошке?

Томас встал, надеясь, что наконец пришло время ответов на вопросы. А если нет — то разговор, вероятно, поможет отвлечься от мрачных размышлений.

— Понравилось. Теперь мне ещё больше хочется узнать это место поближе, — сказал он, осторожно подбирая слова, чтобы не вызвать вспышки гнева, подобной той, что он наблюдал вчера утром.

Алби кивнул.

— Пошли со мной, шенк. Время для экскурсии. — Он было двинулся, но тут же притормозил и поднял вверх палец. — И никаких вопросов, пока не доберёмся до конца, усёк? Мне некогда тут с тобой весь день валандаться.

— Но... — Томас стушевался, увидев, как выгнулись брови Алби. И что он из себя строит, этот придурок? — Расскажи мне всё, я хочу *всё* знать! — Ещё ночью он решил: не стоит никому говорить, как на удивление знакомо выглядит это место. Надо молчать о том, что в нём живёт странное чувство, будто он кое-что помнит о Приюте и Лабиринте. Сейчас неподходящее время, чтобы делиться своими подозрениями.

— Я расскажу тебе то, что сочту нужным, Чайник. Пошли.

— А мне можно с вами? — встрял Чак. Алби наклонился и вывернул мальчугану ухо.

— Ой, — взвизгнул Чак.

— Что, заняться нечем, кочерыжка? — прорычал Алби. — Дерьма мало?

Чак закатил глаза и добавил, обращаясь к Томасу: — Ладно, приятной прогулки!

— Спасибо. — Томасу внезапно стало жалко Чака: он заслуживал лучшего обращения. Но поделать ничего не мог: пора было отправляться.

«Экскурсия» началась.

ГЛАВА 7

Первым по программе шёл Ящик. Сейчас он был закрыт, двойные металлические двери, покрытые облупившейся белой краской, лежали ровно, словно вросшие в землю. Уже заметно рассвело, тени вытянулись в направлении противоположном тому, где Томас их видел вчера. Солнца пока ещё не было видно, но, похоже, оно вот-вот появится над восточной стеной.

Алби указал на белые двери.

— Вот тут Ящик. Раз в месяц нам присылают в нём новенького, ну вот как тебя. Сбоев никогда не бывает. Раз в неделю мы получаем кое-какое довольствие, ну там, одежду, немного еды... Нам много и не надо, мы тут, в Приюте, в основном, обеспечиваем себя сами.

Томас кивнул. Его так и подмывало забросать своего спутника вопросами. «Хорошо бы залепить рот клейкой лентой», — подумал он.

— Мы ни фига толком не знаем про Ящик, усёк? — продолжал Алби. — Откуда он приходит, как работает, кто его отправляет — ничего. Шенки, которые заслали нас сюда, ни хрена не объясняют. Нам поставляют электричество, дают одежду, а еду мы по большей части выращиваем сами. Пробовали как-то послать одного салагу зелёного обратно в Ящике, так чёртова дрянь не сдвинулась ни на дюйм, пока мы не вынули его оттуда.

Интересно, думал Томас, а что находится под дверьми, когда Ящика здесь нет? Но спросить не решился. В нём кипела буря эмоций: неудовлетворённое любопытство, недоумение, страх, — но всё пронизывало чувство ужаса, не отпускавшее его с самого утра, когда он впервые увидел гривера.

А Алби продолжал говорить. Всё это время он ни разу не взглянул Томасу в глаза.

— Приют поделён на четыре сектора. — Перечисляя названия, он поднимал вверх пальцы[3]: — Сады, Живодёрня, Берлога, Жмурики. Усёк?

Томас помедлил, потом неуверенно кивнул.

Алби часто-часто заморгал ресницами, будто задумавшись о делах, которые ему позарез нужно переделать вместо того, чтобы терять время с новичком. Потом продолжал, указывая на северо-восточный угол, где располагались грядки и фруктовые деревья.

— Сады — там мы выращиваем овощи и зерно. Вода подаётся по

подземным трубам. Так всегда было, иначе мы уже давно загнулись бы с голодухи. Здесь никогда не идёт дождь. Никогда. — Затем ткнул пальцем в юго-восточный угол, где стоял амбар, окружённый загонами для скота. — Живодёрня. Там мы выращиваем и забиваем скот. — Потом повернулся к жалкому жилищу. — Берлога. Дурацкая халупа, сейчас она вдвое больше, чем тогда, когда здесь появились первые приютели. Мы всё время достраиваем её, когда нам посылают древесину и прочее дерьмо в том же духе. Не шедевр архитектуры, но ничего, жить можно. Всё равно большинство спит на свежем воздухе.

У Томаса закружилась голова — мозг просто разрывался от неимоверного количества вопросов.

Алби указал на юго-западный угол. Там виднелась роща, на её опушке можно было различить несколько хилых деревьев со скамейками под ними.

— А это мы называем Жмурики. Там, в углу, где лес погуще — кладбище. Пока ещё небольшое. Туда можно пойти отдохнуть, поразмыслить, погулять, словом, делать что хочешь. — Он прокашлялся — ему явно хотелось поскорее переменить тему. — Следующие две недели тебе придётся поработать под началом каждого из наших Стражей — так мы узнаем, на что ты годен. Жижник, или Стамес, или Таскун, или Червяк — что-нибудь да подойдёт, бесхозным не останешься. Пошли.

Вожак направился к Южной двери, расположенной между тем, что он назвал Жмуриками и Живодёрней. Томас следовал за ним, наморщив нос: от загонов пованивало отбросами и навозом. «Кладбище? — ошеломлённо думал он. — Зачем оно здесь, в месте, где живут одни подростки?» Эта мысль беспокоила его даже больше, чем то, что он не понимал некоторых слов Алби, таких, как Жижник или Таскун. Звучали они как-то не очень ободряюще. Он совсем было решился задать вопрос, но в самый последний момент огромным усилием воли крепко сжал губы и, раздосадованный, переключил своё внимание на скотный двор.

Около кормушки стояли и пережевывали свежее сено несколько коров, свиньи нежились в луже грязи, изредка подрагивая хвостиками — мы, мол, ещё живы. В другом загоне содержались овцы. Ещё там были насест для кур и клетки для индеек. Деловито сновали работающие мальчишки — глядя на них, можно было подумать, что они всю жизнь только тем и занимались, что выгребали за коровами навоз.

«Я знаю, что это за животные. Откуда?» — удивлялся Томас. Ну, не было в них ничего незнакомого или представляющего особый интерес! Он помнил их названия, знал, чем они питаются, как выглядят. Почему эти сведения остались в его воспоминаниях, а вот *где* или с кем он видел таких

животных — исчезли? Какая-то чересчур прихотливая потеря памяти!

Алби указал на обширный сарай в заднем углу сектора. Красная краска на его стенах поблекла и походила на ржавчину.

— Там работают Мясники. Отвратная штука, скажу я тебе. Кровь любишь? Если да — можешь стать Мясником.

Томас покрутил головой. Мясник. Этого ещё не хватало.

Они вновь двинулись, и он сосредоточил своё внимание на противоположной стороне Приюта, на том секторе, который Алби назвал Жмуриками. Чем дальше в угол, тем плотнее росли деревья, тем более полными жизни и густыми были их кроны. Несмотря на яркий свет дня, между деревьями царила полутьма. Томас вскинул голову и прищурился: наконец показалось солнце. Но выглядело оно как-то странно, было более оранжевым, чем ему положено. Томаса снова поразила избирательность его памяти.

Когда он вновь обратил свой взгляд в сторону Жмуриков, пылающий диск по-прежнему застил ему глаза. Юноша поморгал, чтобы избавиться от него, но тут в поле его зрения опять попали красные огоньки, мельтешащие и посверкивающие в густой чаще. «Что же это всё-таки такое?» — недоумевал он, злясь на Алби за вынужденное молчание. Вся эта секретность раздражала до крайности.

Алби остановился, и Томас обнаружил, что они оказались у Южной двери. Две стены, обрамлявшие проход, уходили на головокружительную высоту. Толстые плиты серого камня потрескались и были покрыты густым плющом. Казалось, они очень, очень древние. Он запрокинул голову, пытаясь разглядеть вершину стены где-то там, в вышине. Его охватило странное чувство, будто он смотрит не вверх, а *вниз.* Он отступил на шаг, в который уже раз поражаясь этому грандиозному сооружению — своему новому дому. Потом обернулся к Алби, стоявшему спиной к Двери.

— Там, снаружи — Лабиринт. — Алби ткнул большим пальцем себе через плечо и замолчал. Томас внимательно посмотрел, куда указывал его спутник: от прохода в стенах ответвлялись многочисленные коридоры. Они выглядели очень похоже на те, что он видел в окно у Восточной двери этим утром. Волосы встали дыбом при мысли о том, что, возможно, вот сейчас в коридоре появится гривер и направится прямо к ним. Он невольно отшатнулся и только потом сообразил, что, собственно, делает. «Ну-ка возьми себя в руки!» — в смущении мысленно прикрикнул он на себя.

Алби возобновил рассказ.

— Два года. Я здесь уже два года. Дольше всех. Те немногие, кто попал сюда раньше меня, мертвы. — У Томаса расширились глаза и

быстрее застучало сердце. — Два года мы пытаемся разгадать проклятую штуковину, и всё без толку. Грёбаные стены двигаются каждую ночь, совсем как эти Двери. Составить карту, скажу я тебе, непросто. Совсем не просто. — Он кивнул на бетонное здание, в котором накануне вечером исчезали Бегуны.

У Томаса в очередной раз загудела голова: такое количество информации трудно охватить в один присест. Они здесь уже два года? Стены Лабиринта движутся? Сколько человек умерло? Он шагнул вперёд, желая рассмотреть Лабиринт поближе, словно ответ на эти вопросы был высечен на его мрачных серых стенах.

Но Алби поднял руку и толкнул Томаса в грудь. Тот отлетел назад.

— Туда запрещено ходить, шенк!

Томасу пришлось проглотить свою гордость.

— Почему?

— Ты что, думаешь, я послал Ньюта к тебе сегодня до подъёма так, заради хохмы? Слушай, шенк, вот тебе Правило Номер Один, и запомни: за нарушение его прощения не жди. Никто — *НИКТО* — кроме Бегунов, не должен никогда входить в Лабиринт. Только попробуй нарушить это правило, и если тебя не укокошат гриверы, тогда это сделаем мы — собственными руками, усёк?

Томас кивнул, но в душе усомнился, думая, что Алби, пожалуй, преувеличивает. В любом случае: если он раньше, в разговоре с Чаком, и имел какие-то сомнения, то теперь они испарились. Он хотел стать Бегуном, и он им станет. Что-то внутри говорило ему, что его предназначение — выйти в Лабиринт. Несмотря на всё то пугающее, что ему довелось узнать, желание стать исследователем Лабиринта было столь же сильным, как жажда или голод.

Его внимание привлекло движение на левой от Двери стене. Мгновенно дёрнув головой, он успел поймать проблеск чего-то серебристого. Плющ слегка сотрясся в том месте, где исчезло это непонятно что.

Томас показал на стену.

— Что это? — поторопился он спросить прежде, чем ему опять заткнут рот.

Алби даже не взглянул в ту сторону.

— Никаких вопросов до конца прогулки, сказано же, шенк! Сколько тебе долдонить? — Он помолчал, потом вздохнул. — Жукоглазы. С их помощью Создатели наблюдают за нами. Тебе бы лучше не...

И тут его оборвали на полуслове: раздался оглушительный сигнал

тревоги — казалось, он звучал со всех сторон. Томас закрыл руками уши, ошеломлённо оглядываясь; сердце едва не выпрыгивало из груди. Взглянув на Алби, юноша перестал крутить головой: Алби, казалось, не испугался. Скорее, он выглядел... озадаченно. Вид у него был весьма удивлённый. А сирена всё вопила.

— Что происходит? — спросил Томас. Он вздохнул с облегчением, обнаружив, что его гид не считает, что настал конец света. Впрочем, если даже и настал, то Томасу надоело постоянно впадать в панику.

— Странно... — Это было всё, что сказал Алби, оглядывая Приют сощуренными глазами. Томас заметил, что народ в Живодёрне тоже в недоумении оглядывается по сторонам. Один мальчишка, небольшого роста, с ног до головы измазанный в грязи, крикнул Алби: «Что там за хрень?» — и при этом почему-то уставился на Томаса.

— Да не знаю я... — всё с тем же недоумением пробормотал Алби.

Но Томасу уже стало невтерпёж.

— Алби, да что происходит, в конце-то концов?!

— Ящик, дубина стоеросовая, Ящик! — только и успел обронить Алби, срываясь с места. Он понёсся к центру Приюта, что, на взгляд Томаса, весьма походило на панику.

— А что с ним такое? — настаивал Томас, торопясь догнать своего бывшего гида. «Да ответь же ты мне!» — хотелось ему крикнуть.

Но Алби не ответил и не умерил шага. Приблизившись к Ящику, Томас увидел, что со всех сторон двора к нему сбегаются несколько десятков ребят во главе с Ньютом. Пытаясь справиться с приступом страха, твердя себе, что всё обойдётся, что найдётся какое-нибудь разумное объяснение происходящему, Томас крикнул:

— Ньют, что там такое?!

Ньют уставился на юношу, потом кивнул и пошёл к нему, странно спокойный посреди всего этого хаоса. Хлопнул Томаса по спине.

— А такое, что в долбаном Ящике прибыл новенький. — И замолчал, явно рассчитывая удивить Томаса. — Вот прямо *сейчас*.

— Ну и что?

Взглянув на Ньюта более пристально, он сообразил, что то, что он принял за выражение спокойствия, на самом деле было недоумением, а, возможно, даже и ошеломлением.

— Как «*что*»? — Ньют даже рот приоткрыл от изумления. — Чайник, у нас никогда такого не случалось, чтобы *в один месяц* прислали двух новеньких, уже не говоря о том, чтобы два дня подряд!

И вымолвив это, он очертя голову бросился к Берлоге.

ГЛАВА 8

Наконец, провыв целых две минуты, сирена смолкла. В центре двора, вокруг стальных дверей собралась толпа мальчишек. Томас, вздрогнув, осознал, что он прибыл сюда через эти двери не далее как вчера. «Вчера? Неужели только вчера?»

Кто-то подёргал его за локоть. Чак.

— Как делишки, Чайник? — спросил он.

— Отлично, — ответил Томас, хотя это было невообразимо далеко от правды. Он указал на двери Ящика. — Что это все как будто спятили? Они ведь тоже прибыли сюда точно так же, разве нет?

Чак пожал плечами.

— Кто его знает... Думаю, всегда шло по графику: раз в месяц, в один и тот же день. Может, те, что заправляют делами, решили, что облажались с тобой, вот и послали кого-то тебе на замену. — Он ткнул Томаса локтем под рёбра и хихикнул. Почему-то из-за этого пискливого смешка Томас почувствовал к своему новому приятелю ещё большее расположение.

Он метнул в него притворно сердитый взгляд:

— Честное слово, какой ты доставучий!

— Да, но мы же теперь всё равно приятели! — звонко расхохотался Чак.

— Похоже, от тебя просто некуда деться, — сказал Томас, но на самом деле он очень нуждался в друге, и Чак вполне подходил для этой роли.

Чак сложил на груди руки, вид у него при этом был весьма довольный.

— Ну вот и хорошо, Чайник. В таком месте, как наш Приют, каждому нужен товарищ.

Томас шутливо ухватил Чака за воротник.

— Ну хорошо, *товарищ*, тогда зови меня по имени — Томас. Не то брошу тебя в яму, когда Ящик уедет. — Это натолкнуло его на одну мысль, и он отпустил Чака. — Постой-ка, а вы не пробовали...

— Ага, пробовали, — оборвал его Чак, даже не дав закончить фразу.

— Что «пробовали»?

— Пытались спуститься в Ящик после того, как доставали оттуда посылку, — пояснил Чак. — Ничего не вышло. Он просто стоял на месте и никуда не двигался. Пока из него не убирались.

Томас вспомнил, что Алби это ему уже говорил.

— Да, я знаю. Но вы пробовали...

— Пробовали.

Томас с трудом подавил стон — эта игра начала ему надоедать.

— Тьфу ты, как с тобой трудно разговаривать! Пробовали-пробовали... Что пробовали-то?

— Спуститься в шахту, когда Ящика там не было. Не-а, не получается. Двери открываются, всё нормально, но под ними — пустота и темень. Ну совсем ничего. Никаких тебе тросов, nada[4]. Голый номер.

Да разве такое возможно?

— А...

— И это тоже пробовали.

Томас уже и стонать устал.

— О-кей, что? Что вы пробовали?

— Бросали всякую дрянь в шахту. Удара о дно так и не услышали. Яма просто бездонная.

Томас немного помолчал перед новым вопросом: не хотелось, чтобы его сходу обрывали.

— Ты что, экстрасенс, мысли читаешь? — Он постарался вложить как можно больше сарказма в свои слова.

— Да нет, просто я очень умный, — пренебрежительно отмахнулся Чак.

— Чак, не надо от меня отмахиваться, — сказал Томас, улыбаясь. Чак действительно чуть-чуть раздражал его, но было в мальчике что-то такое, отчего всё вокруг как-то светлело и уже не казалось таким мрачным. Томас набрал побольше воздуха в грудь и оглянулся на толпу, окружающую вход в шахту. — М-да, ну и сколько времени это занимает? Ну, чтобы посылка дошла сюда?

— Обычно приходит через полтора часа после сирены.

Томас на секунду задумался. Должно же быть что-то, чего они не пробовали!

— Ты точно знаешь насчёт шахты? А вы никогда... — он подождал, думая, что сейчас его снова оборвут, но не дождался и продолжил: — Никогда не пробовали сами сделать трос?

— А как же. Сплели из плюща. Длиннющий. Этот маленький эксперимент... ну, так скажем, завершился не совсем удачно.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Томас и подумал: «Интересно, что последовало на этот раз».

— Я при этом сам не был, но слышал, что пацан, который вызвался на это дело, не успел спуститься на десять футов, как что-то просвистело в

воздухе и вж-жик! — разделило его ровненько на две половинки.

— Что? — расхохотался Томас. — Думаешь, я поверю этой сказке?

— Ах так, умник? Так я тебе скажу, что видел косточки этого бедняги. Разрезан точнёхонько пополам, словно масло ножичком. Останки хранятся в гробу, чтобы остальным была наука.

Томас ожидал, что Чак вот-вот рассмеётся или хотя бы заулыбается, ведь не может же он говорить это всерьёз. Слыханное ли дело, чтобы кого-то неизвестно что разрезало на две половины? Но Чак и не думал смеяться.

— А ты не шутишь?

Чак лишь бросил на него пристальный взгляд.

— Я не врун, Ча... Томас. Ладно, пошли взглянем, кого там принесло. Надо же, кто б мог подумать, что тебе выпадет быть Чайником только один день. Вечно всяким остолопам везёт...

Пока они шли, Томас успел задать единственный вопрос, остававшийся невыясненным:

— А почему ты так уверен, что там «кто-то», а не припасы какие-нибудь?

— Потому что когда приходят припасы, тревога не звучит, — просто ответил Чак. — Они появляются каждую неделю в один и тот же день, в один и тот же час. Ты только глянь! — Чак затормозил и кивнул в сторону толпы. Из неё, зло прищурившись, на мальчиков уставился Гэлли.

— Вот чёрт, — сказал Чак. — Мужик, ты ему не нравишься.

— Ага, — буркнул Томас. — Я как-то и сам уже догадался. — Он отвечал Гэлли «любовью на любовь».

Чак ткнул Томаса локтем в бок, и ребята продолжили свой путь. Подойдя к толпе, они примолкли и стали ждать. Разговаривать Томасу — после того как он оказался рядом с Гэлли — резко расхотелось.

А вот у Чака охота не пропала.

— Почему бы тебе не спросить его напрямик, что он к тебе имеет? — спросил он, стараясь придать своему голосу бравады.

Томасу хотелось бы думать, что он не робкого десятка, и, тем не менее, мысль о прямом столкновении с Гэлли показалась ему идеей хуже некуда.

— Ну, во-первых, у него здесь союзников куда больше, чем у меня. Не тот человек, с которым можно было бы погрызться на равных.

— Да, но он гораздо тупее тебя. К тому же, ты, держу пари, шустрее. Ты бы мог взять его и всех его приятелей одной левой.

Паренёк, стоявший прямо перед ними, с недовольным видом оглянулся через плечо.

«Не иначе как дружок Гэлли», — подумал Томас а вслух шикнул на

Чака: — Заткнись, а?

За спиной у них послышался стук закрывшейся двери. Томас, оглянувшись, увидел спешащих к ним от Берлоги Алби и Ньюта. Выглядели оба крайне измотанными.

При виде их мысли Томаса вернулись к Бену, к тому, как он страшно ворочался и содрогался на кровати там, на верхнем этаже Берлоги.

— Чак, дружище, расскажи, что это за штука такая — Превращение? Что эти парни делали там, с беднягой Беном?

Чак только плечами пожал.

— Да я толком не знаю. Говорят, гриверы делают с тобой что-то такое... ну, твоё тело после этого как будто выворачивает наизнанку. А когда всё позади, ты... становишься другим.

Наконец-то Томасу удалось получить более-менее полный ответ.

— Другим? Что значит «другим»? А гриверы тут причём? Гэлли говорил что-то такое... «гривер ужалил»... Это оно?

— Тсс! — Чак приложил палец к губам.

Томас чуть не взвыл от досады, но сдержался. Он решил, что обязательно припрёт Чака к стенке, но только попозже.

Алби и Ньют подбежали к толпе, протолкались в первые ряды и остановились прямо над дверьми Ящика. В наступившей тишине явственно стал слышен лязг и скрежет поднимающегося лифта, напомнив Томасу его собственное малоприятное путешествие всего лишь сутки назад. Его охватила горечь, при воспоминании о тех кошмарных минутах: как он очнулся в темноте с единственным воспоминанием — о своём имени. Ему было жаль того, кто сейчас переживал то же самое, кто бы ни был этот их новый товарищ по несчастью.

Приглушённое «бумм!» возвестило о прибытии кабины.

Томас с интересом следил, как Ньют и Алби заняли позиции по разные стороны шахтных дверей. В металлическом квадрате под ними появилась трещина — как раз посередине. С обеих сторон трещины к потолку Ящика были прикреплены простые крюкообразные ручки, взявшись за которые, ребята рывком раскрыли створки. Скрежет, лязг металла — и в воздух взвилось облачко пыли от отброшенных дверьми камешков.

Приютели затаили дыхание. Ньют перегнулся через край дверной створки, чтобы получше разглядеть внутренность Ящика. В наступившей тишине отчётливо прозвучало отдалённое блеяние козы на ферме. Томас подался так далеко вперёд, как только мог — так ему не терпелось взглянуть на новоприбывшего.

Но Ньют внезапно отпрянул и выпрямился. На его лице появилась

гримаса недоумения.

— Что за чё... — обронил он, скользя блуждающим взглядом по окружающим его лицам.

В это время Алби тоже успел взглянуть на новенького, и его реакция была под стать Ньютовой.

— Ничего себе, вот это да... — бормотал он словно в трансе.

В воздухе раздался целый хор голосов: каждый работал локтями, стремясь проложить себе дорогу к узкому отверстию подъёмника. «Да что они там увидели? — озадаченно думал Томас. — Что там такого необыкновенного?» Он почувствовал укол неясного страха, подобный тому, что испытал сегодня утром — у окна, в которое увидел гривера.

— Эй, стойте! — заорал Алби, перекрывая общий гам. — Да заткнитесь же!

Алби выпрямился во весь рост.

— Двое новеньких за два дня, — почти шёпотом сказал он. — Да ещё и вот это вот. Два года всё как по писаному, никаких изменений, а тут на тебе. — Потом, непонятно почему, он уставился Томасу прямо в глаза. — Чайник, что здесь происходит?

В замешательстве глядя на Алби, Томас почувствовал, что краснеет, а в животе образовывается противный комок.

— Откуда я знаю?!

— Какого чёрта ты нам прямо не скажешь, что там за хрень, Алби? — выкрикнул Гэлли. Толпа загалдела и качнулась вперёд.

— Эй вы, шенки, заткнитесь! — рявкнул Алби. — Скажи им, Ньют.

Ньют ещё раз заглянул в Ящик, затем обернулся к остальным мальчишкам и мрачно сказал:

— Это девчонка.

Сообщение вызвало целую бурю откликов, Томасу удавалось разобрать лишь отдельные выкрики:

— Девчонка?

— О, круто!

— А как она на вид — ничего?

— Сколько ей лет?

Недоумение охватило Томаса с ещё большей силой. Девчонка? Вообще-то он до сих пор даже не обратил внимания на то, что в Приюте были одни мальчики и ни одной девочки. Собственно, не было времени об этом раздумывать. «Кто она? И почему?..»

Ньют шикнул на них.

— Это ещё не все долбаные новости, — заявил он, указывая вниз, в

кабину лифта. — Я думаю, она мертва.

Двое мальчишек схватили несколько верёвок, свитых из плюща, и спустили Алби и Ньюта в Ящик за телом мёртвой девочки. Большинство приютелей были слегка сбиты с толку: они притихли, многие с непроницаемым выражением на лицах слонялись вокруг, пиная камешки и вовсю делая вид, что им нет дела до новоприбывшей. На самом деле, как полагал Томас, им так же не терпелось взглянуть на неё, как и ему самому.

Одним из мальчишек, держащих верёвки, чтобы вытащить Алби, Ньюта и девочку, был Гэлли. Томас внимательно наблюдал за ним: глаза парня подёрнулись какой-то тёмной поволокой, и в них появилось выражение странной, почти болезненной зачарованности происходящим. При виде этого Томас почувствовал, что опасается Гэлли ещё больше, чем прежде.

Из глубины подъёмника послышался голос Алби, возвещающий, что всё готово, и Гэлли с парой других парней, покряхтывая, принялись тянуть верёвки. Через несколько секунд безжизненное тело девочки извлекли из кабины и уложили на каменный пол Приюта. Все немедленно кинулись вперёд, плотно обступив новенькую. В воздухе сгустилась напряжённость. Но Томас остался, где стоял. Воцарившаяся тишина вгоняла его в дрожь, словно они только что вскрыли свежую могилу.

Несмотря на то, что его, как и других, мучило любопытство, он не сделал попытки пробить себе дорогу к объекту всеобщего внимания — ребята слишком тесно сгрудились вокруг новоприбывшей. Но прежде чем его оттеснили, он успел бросить на неё взгляд. Она была худощава, но не миниатюрна, насколько он мог судить — где-то пяти с половиной футов роста[5], лет пятнадцати-шестнадцати. Волосы у неё были чёрными, как вороново крыло. Но особенно поразила его её бледная, жемчужно-белая кожа.

Ньют и Алби выбрались из Ящика и проложили себе дорогу к недвижно лежащей на земле девушке. Толпа за ними сомкнулась, закрывая происходящее от взора Томаса. Но уже через несколько секунд все расступились, и Томас узрел наставленный прямо на него указательный палец Ньюта.

— Эй, Чайник, вали-ка сюда! — потребовал он, не заботясь об учтивостях и прочих излишествах этикета.

Сердце Томаса ушло в пятки, а ладони вспотели. Чего они от него хотят? Да, дела чем дальше, тем хуже. Он нехотя двинулся вперёд, пытаясь придать себе невинный вид. При этом он старался не выглядеть так, будто на самом деле в чём-то виноват, однако изображает невинного. «А ну-ка

успокойся! — мысленно прикрикнул он на себя. — Ты не сделал ничего плохого!» И всё же у него почему-то было чувство, что, сам того не зная, где-то он наломал дров.

Пока он шёл сквозь толпу, ребята сверлили его взглядами, словно вся эта заваруха — и Лабиринт, и Приют, и гриверы — была делом его рук. Томас избегал отвечать на их взгляды, боясь, что они увидят в его глазах выражение вины.

Он приблизился к Ньюту и Алби, которые склонились над лежащей девушкой. Томас, опасаясь встретиться с ними взглядом, сосредоточился на новоприбывшей. Несмотря на свою мертвенную бледность, она была по-настоящему красива. Больше, чем красива. Прекрасна. Шелковистые волосы, гладкая кожа, безукоризненного рисунка губы, длинные ноги... Ему стало не по себе, что он так думает о мёртвой девушке, но отвести от неё взора не мог. «Вся эта красота ненадолго, — подумал он, и его сердце ёкнуло. — Скоро тело начнёт разлагаться». И сам поразился болезненной отвратительности своей мысли.

— Ты знаешь эту девчонку, шенк? — спросил Алби голосом, звенящим от напряжения.

— *Знаю?* — поразился Томас. — С какой стати? Конечно, нет! Я вообще никого не знаю, кроме вас, ребята!

— Да не... — начал было Алби, но остановился с досадливым вздохом. — Я имел в виду: она не выглядит... знакомой? Ну как будто ты её уже где-то видел раньше?

— Нет. — Томас помялся, глянул себе под ноги, потом опять посмотрел на девушку. — Я её никогда не видел.

— Уверен? — Вид у Алби был суровый. Судя по выражению его лица, он не верил ни единому слову Томаса.

«Неужели он думает, что я имею ко всему этому какое-то отношение?» — подумал Томас. Он выдержал взгляд Алби и твёрдо ответил: — Да, уверен. Почему ты спрашиваешь?

— Вот дерьмо, — пробормотал Алби, оглядываясь на тело девушки. — Ну не может это быть просто совпадением. За два дня двое новичков, один живой, другой мёртвый...

До Томаса вдруг дошло, и паника охватила его с новой силой.

— Ты же не думаешь, что это я... — он осёкся.

— Не парься, Чайник, — сказал Ньют. — Никто не говорит, что ты к чертям собачьим убил девчонку.

Лихорадочные мысли закружились у Томаса в голове. Он был уверен, что никогда раньше не встречал эту девушку, но внезапно в его сознание

прокралось крошечное сомнение... И всё же он повторил:

— Клянусь, никогда раньше в глаза её не видал.

У него и без того было достаточно проблем.

— Ты точно...

Прежде, чем Ньют успел договорить, мёртвая девушка выпрямилась и села, судорожно втянув в себя большую порцию воздуха. Её глаза мгновенно раскрылись. Она заморгала, оглядывая обступившую её толпу. Алби вскрикнул и повалился на спину. Ньют, ахнув, подпрыгнул и отшатнулся. Томас не пошевелился, он просто остолбенел от неожиданности и страха.

Горящие синие глаза новоприбывшей метались из стороны в сторону, она глубоко дышала, а губы трепетали — она что-то неразборчиво бормотала. Потом, наконец, глухим и дрожащим голосом, но внятно она произнесла одну-единственную фразу:

— *Скоро всё изменится,* — а затем глаза её закатились под лоб, и она упала обратно на каменную поверхность.

Томас озадаченно смотрел, как её правая рука, сжатая в кулак, взметнулась вверх да так и застыла, указывая в небо. В кулаке был зажат измятый клочок бумаги.

Томас попытался сглотнуть, но рот пересох. Ньют бросился к девушке, разжал её ладонь и вытащил бумажку. Развернул её дрожащими пальцами, потом бессильно уронил руки. Бумажка упала на землю. Томас придвинулся поближе и наклонился.

На клочке большими чёрными буквами было написано:

Она — последняя. Других не будет.

ГЛАВА 9

Последовало странное мгновение полной тишины, словно неизвестно откуда взявшийся ветер повеял над Приютом и разом вымел все звуки. Ньют прочитал записку вслух — для тех, кто не мог увидеть её собственными глазами. Вместо того, чтобы поднять шум, приютели просто остолбенели. Томас ожидал, что сейчас посыплется град недоумённых возгласов и вопросов, но все как языки проглотили. Общее внимание было приковано к девушке, которая теперь лежала и словно бы спала: её грудь опускалась и поднималась в такт неглубокому дыханию. Вопреки их первоначальному мнению, она оказалась очень даже живой.

Ньют встал. Томас ожидал, что вот, наконец, сейчас он всё объяснит, успокоит и заверит, что всё в порядке. Но Ньют лишь вертел в пальцах помятую бумажку; вены на его руках вздулись. Сердце Томаса упало. Он не понимал почему, но всё произошедшее заставило его нервничать сильнее прежнего.

Алби приложил ко рту сложенные рупором ладони и крикнул:

— Эй, Медяки!

Это странное слово Томас слышал и раньше. Интересно, что бы это значило? Но не успел он додумать, как кто-то оттолкнул его в сторону. Двое ребят постарше пробивались сквозь толпу: один был длинный, с курчавыми волосами и носом размером и видом похожим на лимон. У другого, невысокого, на висках среди смоляных волос уже показалась седина. У Томаса возникла слабая надежда, что хотя бы эти двое, может быть, как-то прояснят ситуацию.

— Ну и что мы будем с ней делать? — спросил длинный неожиданно писклявым голосом.

— А я откуда знаю? — огрызнулся Алби. — Это ведь вы, шенки, Медяки здесь, вот и шевелите мозгами.

«Ага, Медяки! — повторил Томас про себя. — Должно быть, они здесь сходят за врачей». Коротышка уже присел над девчонкой, начал щупать её пульс и приложил ухо к груди, чтобы послушать дыхание.

— А с чего это Клинт первым начал к ней клеиться? — выкрикнул кто-то.

В ответ раздалось несколько хриплых смешков: «Чур, я следующий!»

«Как они могут ржать? Тоже мне шуточки! — подумал Томас. — Она

же всё равно что мёртвая!» Ему снова стало не по себе.

Глаза Алби сузились, а рот растянулся в улыбочку, ничего общего не имеющую с весельем.

— Если хоть один тронет девчонку, то следующую ночь этой сволочи придётся провести в Лабиринте с гриверами, это я обещаю. Изгнание без всяких разговоров. — Он помолчал, медленно поворачиваясь кругом, словно хотел, чтобы каждый посмотрел ему в лицо. — Чтобы ни одна свинья и пальцем к ней не прикоснулась! Ясно? Ни одна!

Это был первый случай, когда Томасу понравилось что-то, исходящее из уст Алби.

Коротышка-Медяк Клинт (если таково было его имя), поднялся, закончив своё короткое обследование.

— Вообще-то, с нею всё в порядке. Дыхание нормальное, сердце тоже, хотя ритм немного замедлен. Я бы сказал, что она в коме. Джеф, забираем её в Берлогу.

Его напарник, Джеф, подхватил девушку под мышки, а Клинт взялся за ноги. Томасу хотелось бы принять большее участие в происходящем, чем быть простым наблюдателем: с каждой секундой он всё сильнее сомневался в том, что несколько минут назад сказал правду. Новенькая всё-таки стала казаться ему знакомой! Он чувствовал какую-то непонятную связь с ней, и не мог бы объяснить, откуда взялось это ощущение. Он пришёл в такое смятение, что невольно оглянулся вокруг, словно испугавшись, не подслушал ли кто-нибудь его мысли.

— На счёт три, — буркнул Джеф, высокий Медяк. Он сложился вдвое, наклонившись над девушкой, при этом его нескладная фигура стала до комичного напоминать гигантского богомола. — Раз... два... три!

Они оторвали её земли, едва не подкинув бесчувственное тело в воздух — по всей видимости, она оказалась гораздо легче, чем они думали. Томас чуть не накричал на них, чтобы были поосторожнее.

— Посмотрим, как пойдёт, — сказал Джеф, ни к кому в особенности не обращаясь. — Придётся кормить её супом с ложечки, если она не очнётся в ближайшее время.

— Просто ухаживайте за ней, да получше, — ответил Ньют. — Должно быть, есть в ней что-то такое-эдакое, иначе бы её сюда не послали.

У Томаса заныло под ложечкой. Ему стало ясно, что они с девушкой как-то связаны, уж больно много странного случилось: они прибыли сюда с разницей в один день; она казалась ему знакомой; он чувствовал настоятельную потребность стать Бегуном, несмотря на всё то устрашающее, что ему довелось узнать... Вообще, что всё это значило?

Алби напоследок ещё раз наклонился над новоприбывшей — взглянуть в лицо, прежде чем её унесут отсюда.

— Положите её в соседнюю с Беном комнату и не спускайте с неё глаз днём и ночью. Если с ней что случится, я должен узнать об этом немедленно. Мне плевать, что это будет — или она заговорит во сне, или сделает плюк, или ещё что — сейчас же ко мне!

— Ага, — буркнул Джеф, и они с Клинтом понесли девушку по направлению к Берлоге. Наконец, приютели очнулись, зашумели, и, строя догадки и делясь ими друг с другом, разбрелись по своим делам.

Томас молча и задумчиво следил за всем происходящим. Эта необъяснимая связь с нынешней реальностью не была исключительно только его субъективным ощущением. Не слишком тщательно прикрытые обвинения, брошенные ему всего несколько минут назад, доказывали, что и другие имели свои подозрения на этот счёт. Но в чём была суть этих подозрений?

Словно прочтя его мысли, к нему подошёл Алби и ухватился за его плечо:

— Так ты правда никогда раньше её не видел?

Томас немного поколебался, прежде чем ответить:

— Нет... насколько я помню — нет. — Он надеялся, что дрожь в голосе не выдаст его сомнений. А что, если он действительно откуда-то знал её? Откуда?!

— Уверен? — уточнил Ньют, остановившись рядом с Алби.

— Я... да нет, не думаю... Ну что вы ко мне привязались? — Единственное, чего Томасу хотелось — это чтобы наступила ночь, чтобы можно было остаться одному и забыться сном.

Алби покачал головой и, выпустив Томасово плечо, повернулся к Ньюту:

— Чёрт-те что творится. Созывай Сбор.

Он сказал это тихо, Томас был уверен, что никто, кроме него и Ньюта, не слышал его слов, но, тем не менее, они прозвучали довольно зловеще.

Вожак с Ньютом ушли. Томас с облегчением увидел приближающегося к нему Чака.

— Чак, что такое сбор?

Чак, казалось, гордился тем, что знает ответ.

— Это когда встречаются Стражи. Сбор созывают, только если случается или что-то из ряда вон, или что-то ужасное.

— Думаю, сегодняшние события подходят под оба определения. — В желудке у Томаса заурчало, сбив его с мысли. — Я же не дозавтракал...

Слушай, нельзя где-нибудь раздобыть поесть? Умираю с голоду.

— Глянь-ка, похоже, что вид этой цыпочки пробудил в тебе голод? Да ты извращенец ещё похлеще, чем я думал!

Томас вздохнул.

— Раздобудь поесть, а?

Кухня была небольшая, слегка обшарпанная, но чистая, и в ней было всё, что требовалось: большая плита, микроволновка, посудомоечная машина, пара столов. При виде знакомых предметов у Томаса возникло чувство, что его воспоминания — настоящие, устойчивые воспоминания — прямо где-то здесь, рядом, на краешке сознания. И всё-таки существенная часть их была утеряна: имена, места, лица, события... Было от чего прийти в отчаяние.

— Присаживайся, — пригласил Чак. — Сейчас я тебе чего-нибудь раздобуду, но, клянусь, это будет последний раз. Скажи спасибо, что Котелок куда-то умчался — он страшно не любит, когда кто-то суёт нос в его холодильник.

Томас обрадовался, что они остались одни. Пока Чак возился с тарелками и содержимым холодильника, Томас выдвинул из-под небольшого пластикового стола деревянный табурет и уселся на него.

— Сумасшествие какое-то. Как всё это может существовать в действительности? Мы здесь по чьей-то недоброй воле. Чьей?

Чак помолчал, потом сказал:

— Кончай жаловаться. Просто прими это как должное и брось ломать себе голову.

— Ну да, конечно. — Томас выглянул в окно. Вроде бы подходящее время, чтобы задать хотя бы один вопрос из миллиона, наводняющего его мозг. — Слушай, а откуда здесь электричество?

— Кому какое дело? Мне, например, до лампочки, откуда.

«Надо же, какая новость, — подумал Томас. — Опять нет ответа».

Чак поставил на стол две тарелки с бутербродами и морковкой. Хлеб был белый и пышный, морковка — ярко-оранжевая и хрустящая. Желудок Томаса воззвал к нему: ну чего тянешь волынку?! — и юноша, схватив бутерброд, вонзил в него зубы.

— Ох, балдёж! — промямлил он с набитым ртом. — Ну, хоть кормёжка здесь хоть куда!

Томасу теперь хотелось вплотную заняться едой, не отвлекаясь на разговоры с Чаком, а тот как чувствовал — помалкивал. Ну и хорошо: несмотря на всё то удивительное и непонятное, что случилось с Томасом со

времени провала в памяти, на него снова снизошёл покой. Живот туго набит, запасы энергии восполнены. Его переполняла благодарность за недолгие моменты тишины, и он решил, что отныне прекращает ныть и начинает действовать в соответствии с обстоятельствами.

Покончив с едой, Томас откинулся на стуле:

— Так что, Чак, — вытирая губы салфеткой, спросил он, — что мне надо сделать, чтобы стать Бегуном?

— О, только не это! Опять завёл свою шарманку! — Чак оторвался от тарелки, с которой подбирал крошки. Он громко, низко рыгнул — Томас даже вздрогнул.

— Алби сказал, что скоро я начну проходить испытания у различных Стражей. Значит, и у Бегунов тоже? — Томас терпеливо ждал, что на этот раз Чак никуда не денется — выдаст ему более-менее конкретную информацию.

Чак драматически закатил глаза, давая понять, насколько глупой считает идею Томаса стать Бегуном.

— Через несколько часов они вернутся. Вот и спросил бы сам.

Томас не обратил внимания на явственно звучащий в голосе Чака сарказм и продолжал гнуть своё:

— Что они делают, когда возвращаются домой по вечерам? Что там, в том бетонном бункере?

— Там карты. Они сразу направляются туда, пока ещё ничего не забыли.

Карты? Томас был озадачен.

— Но если они пытаются сделать карту, то почему бы им не взять с собой бумагу и чертить, пока они в Лабиринте?

Хм, карты... Из всего того, что ему довелось услышать в последнее время, это заинтриговало его больше всего. Впервые он наткнулся на что-то, имеющее отношение к возможному решению головоломки.

— Конечно, они так и делают, просто там много всего такого, о чём им надо поговорить, ну, там, обсудить, проанализировать и прочий плюк в этом роде. К тому же... — мальчик вновь закатил глаза, — они в основном почти всё время бегут, а не занимаются рисованием. Поэтому их так и называют — *Бегуны*.

Томас задумался о картах и Бегунах. Неужели Лабиринт настолько огромен, что даже после двух лет исследований они не смогли найти выхода из него? Не укладывается в голове. Но потом он припомнил слова Алби о том, что стены всё время движутся... Может ли так быть, что они все приговорены жить здесь до самой смерти?

Приговорены. Какое страшное слово. Он почувствовал, что искорка надежды, блеснувшая в нём после сытной еды, прошипев, погасла.

— Чак, а что, если мы все — преступники? Я имею в виду — вдруг мы какие-нибудь убийцы или что-то в этом роде?

— А? — ошарашенно выкатил на него глаза Чак. — Ты что, смеёшься? С чего ты это взял?

— А ты сам подумай. Наши воспоминания стёрты. Мы живём в месте, из которого нет выхода, окруженные кровожадными монстрами-охранниками. Что ещё это может быть, как не тюрьма, а? — По мере того, как он высказывал свою мысль, она казалась всё более и более вероятной. В груди заныло.

— Чувак, мне, наверно, лет двенадцать, не больше. — Чак ткнул в себя пальцем. — Ну ладно, может быть, тринадцать. Ты что, серьёзно думаешь, что я сотворил что-то такое, за что заслужил тюрьму на всю оставшуюся жизнь?

— Да мне без разницы, что ты сделал или чего не сделал. Как бы там ни было, тебя засунули за решётку. Или ты считаешь, что здесь тебе санаторий? — «Ну, пожалуйста! — взмолился Томас про себя. — Скажи, что я неправ!»

Чак немного подумал.

— Ну, не знаю... Лучше, чем...

— Да уж, знаю. Чем жить в куче плюка. — Томас поднялся и задвинул табурет под стол. Ему нравился Чак, но не стоило пытаться вести с ним интеллектуальные беседы. К тому же, мальчик немного надоел ему. — Ступай сделай себе ещё один бутерброд. А я пойду поброжу, посмотрю... Встретимся вечером.

Он вышел с кухни во двор прежде, чем Чак успел увязаться следом. Приют вернулся к своему будничному распорядку: народ работал, двери Ящика закрылись, солнце светило как ни в чём не бывало. Ничто больше не напоминало о странной девушке, принесшей весть о грядущем конце.

Поскольку его официальная экскурсия по Приюту закончилась досрочно, он решил обойти место самостоятельно, рассмотрев и разнюхав всё более внимательно. Сначала он направился в северо-восточный угол, туда где возвышались ряды кукурузы, на его взгляд, уже вполне созревшей. Там были и другие растения: помидоры, салат, горошек и прочее, чего Томас не знал.

Он сделал глубокий вдох: ему нравились запахи земли и свежей зелени. Он даже понадеялся, что аромат пробудит в нём какие-нибудь приятные воспоминания, но этого не произошло. Подойдя поближе, он

увидел нескольких ребят, копающихся в грядках. Один из них помахал ему и улыбнулся. Искренне, непритворно улыбнулся!

«Может, тут всё-таки не так уж и плохо? — подумал Томас. — Не все же здесь придурки». Он опять глубоко вдохнул ароматный воздух и попытался отвлечься от своих мыслей — ему ещё многое предстояло увидеть и понять.

Следующим по порядку был юго-восточный угол, где в кособоких деревянных загонах содержалось несколько коров, а также козы, овцы и свиньи. Лошадей, однако, не было. «Ещё бы, — подумал Томас, — всадники были бы куда быстрее Бегунов». Подходя к ферме, он обнаружил, что вид, запах и голоса животных ему очень знакомы. Наверно, он имел дело со зверьми в своей прежней, «доприютной» жизни.

Ну, положим, ферма отнюдь не благоухала, как Сады, но, наверно, могло быть и хуже. Чем больше он исследовал Приют, тем больше убеждался в том, что приютели вели хозяйство очень грамотно. Место было на удивление чистым. Он поражался тому, как хорошо организованы были эти ребята, как тяжело и упорно они работали. Если бы обитатели Приюта лишь ходили и били баклуши, пиши пропало — плохи были бы их дела.

Наконец пришёл черёд юго-западной четверти, в которой располагалась роща.

Он как раз подходил к полумёртвым, корявым деревьям на опушке, за которыми виднелся лес погуще, когда что-то метнулось у него из-под ног, заставив его вздрогнуть. Раздался тихий залп быстрых клацающих звуков. Томас бросил взгляд вниз и успел заметить, как свет солнца сверкнул на чём-то металлическом. Что-то непонятное: крыса — не крыса, сделанная из блестящего материала, торопливо проскользнула мимо него и скрылась по направлению к роще. Существо успело отбежать футов на десять, прежде чем он понял, что это вовсе никакая не крыса. Оно скорее походило на ящерицу с по меньшей мере шестью ногами, стремительно мелькающими вдоль длинного серебристого туловища.

Жукоглаз. *Так они наблюдают за нами*, сказал Алби.

Он успел разглядеть проблеск алого света у головы существа — тот словно исходил из глаз твари. И хотя логика диктовала, что, скорее всего, это рассудок шутит с ним неуместные шутки, он готов был поклясться, что вдоль спины создания большими зелёными буквами было выведено слово ПОРОК. Нечто столь невероятное требовало дальнейшего и пристальнейшего исследования.

Томас устремился за торопливо убегающим шпионом и через

несколько секунд вступил под полог густого леса. Мир вокруг потемнел.

ГЛАВА 10

Невероятно, как быстро кругом воцарилась тьма! Если наблюдать из середины Приюта, то лес не выглядел таким уж большим — где-то пара-другая акров. Но деревья здесь были высокие, с крепкими стволами, и стояли они вплотную друг к другу, сплетая свои густолиственные кроны в единый шатёр. Воздух сгустился и приобрёл зелёноватый оттенок — таким он бывает в сумерки на исходе дня.

Томас, пытаясь поспеть за жукоглазом, продирался сквозь густую листву; тонкие веточки хлестали его по лицу. Он попытался уклониться от толстого, низко висящего сука, при этом едва не свалившись на землю, но успел ухватиться за ветку и удержался на ногах. Под подошвами хрустела толстая подстилка из опавших листьев и омертвевшей коры.

И всё это время он не отрывал взора от жукоглаза, скользящего впереди него через лес. Чем дальше вглубь они забирались, тем ярче в сгущающейся темноте светились алые огоньки.

Томас углубился ещё на тридцать или сорок футов в лес, уклоняясь от низко висящих ветвей и чуть не падая при этом, когда жукоглаз вспрыгнул на большое дерево и скользнул вверх по его стволу. Но к тому времени, когда Томас добежал до дерева, от непонятного существа не осталось ни слуху ни духу. Оно исчезло, растворилось в густой листве, как будто его и не было.

— Вот хрень! — почти весело пробормотал Томас. Почти. Как ни странно, непривычное слово сорвалось у него с языка так легко, словно он уже стал коренным приютелем.

Где-то справа от него хрустнул сучок, и он резко повернул голову в ту сторону. Затаил дыхание, прислушиваясь.

Снова хруст, на этот раз чуть громче — как будто кто-то переломил палку о колено.

— Кто там? — закричал Томас. По спине пробежал холодок. Голос отразился от лиственного шатра над головой, в лесном воздухе заиграло эхо. Юноша застыл на месте, ожидая, пока наступит тишина. Вскоре всё успокоилось, только в отдалении были слышны негромкие птичьи трели. На его призыв так никто и не отозвался, и других подозрительных звуков с той стороны тоже не последовало.

Томас направился туда, толком даже не подумав, что делает. Он шёл не

таясь, откидывая в сторону ветки, которые потом с шумом возвращались на своё место. Прищурил глаза, чтобы получше видеть в надвигающейся темноте. Жаль, у него не было фонарика. Вот, опять — странная, избирательная потеря памяти. Он помнит конкретные вещи из своего прошлого, но не может привязать их ни к какому-либо месту, ни ко времени, ни к человеку или событию. Осточертело.

— Есть здесь кто-нибудь? — спросил он, немного успокоившись, поскольку треск больше не возобновлялся. Может быть, просто какое-то животное или другой жукоглаз... На всякий случай он добавил: — Это я, Томас. Новенький... хотя нет, я уже не совсем новенький.

Он поёжился и потряс головой, втайне надеясь, что вокруг никого нет. Потому что сейчас он вёл себя как полный и окончательный дурак.

И снова никакого ответа.

Дорогу ему заступал широкий ствол дуба, и обогнув его, юноша остановился как вкопанный. Перед ним лежало кладбище.

Маленькая поляна — может, площадью около тридцати квадратных футов — вся поросла густой приземистой травой. Над ней высилось несколько неуклюжих деревянных крестов: поперечные перекладины были прикреплены к вертикальным при помощи грубой, посекшейся верёвки. Кресты с глубоко врезанными в них именами покрашены белым, но в явной спешке: краска в одних местах застыла каплями, а в других сквозь неё проглядывала древесина.

Томас, поколебавшись, подошёл к ближайшему кресту и присел, чтобы присмотреться получше. Свет был настолько тусклым, что ему показалось, будто он смотрит через густое облако чёрного тумана. Даже птицы замолкли, как перед наступлением ночи, и насекомых почти не стало слышно, во всяком случае не так, как обычно. Впервые Томас осознал, какая высокая влажность здесь, в лесу. На лбу выступила испарина, ладони тоже покрылись липкой влагой.

Крест, над которым он склонился, казался совсем свежим; на табличке было вырезано имя «Стивен». Буква «н» вышла у резчика совсем маленькой и съехала на край таблички, видно, место было рассчитано неверно.

«Стивен, — со сдержанной печалью подумал Томас. — Что с тобой приключилось? Неужто надоеда-Чак заездил тебя до смерти?»

Он поднялся и пошёл к другому кресту, вросшему в землю и почти полностью скрытому в высокой траве. Кто бы это ни был, он был одним из первых умерших здесь — могила выглядела старше других. На кресте значилось имя «Джордж».

Томас оглянулся и увидел с дюжину других могил. Некоторые из них были совсем недавними, как та, которую он рассматривал первой. Серебристый блик привлёк к себе его внимание. Блестело иначе, чем давешний жукоглаз, но столь же непонятно.

Томас пошёл между крестами и добрался до могилы, покрытой куском плексигласа, обшарпанного и грязного по краям. Юноша прищурился, стараясь разглядеть, что там, под покрытием, а когда разглядел — дух зашёлся. Он заглядывал в окно — окно в могилу — и видел в нём чьи-то разложившиеся останки.

И хотя Томаса охватил трепет, но любопытство всё-таки победило: он наклонился ближе и присмотрелся. Могила была меньше обычной: в ней лежала только половина покойника. Он вспомнил историю, рассказанную Чаком, о том парне, которого они спустили в шахту Ящика после того, как кабина ушла. Паренёк был разделён напополам чем-то непонятным, прорезавшим воздух. На плексигласе были нацарапаны едва различимые слова:

Эти пол-шенка предупреждают вас, друзья:

Через шахту Ящика сбежать никак нельзя.

Томас, как ни странно, чуть не прыснул: уж слишком нелепо это звучало, чтобы быть правдой. В то же время ему стало неприятно — до того он сам себе показался легкомысленным и поверхностным. Покачав головой, юноша отошёл от укороченной могилы, собираясь продолжить чтение имён погребённых. И тут снова услышал треск сучка, на этот раз прямо перед собой — среди деревьев по другую сторону кладбища.

Потом ещё один сухой щелчок. И ещё один. Ближе. А темень всё сгущалась...

— Да кто там? — На звук его дрожащего и срывающегося голоса отозвалось гулкое, как в туннеле, эхо. — Что за глупые шутки! — Даже себе самому ему было стыдно признаться, до какой степени он напуган.

Вместо ответа, тот, другой, перестал красться и перешёл на бег. Он проламывался сквозь лес, окружающий поляну, огибая её и приближаясь к тому месту, где стоял Томас. Юноша застыл на месте, паника накрыла его с головой. Шум раздавался уже где-то совсем рядом, в нескольких шагах, и наконец Томас уловил неясную тень какого-то тощего мальчишки — тот приближался к нему нелепой, прихрамывающей и дёргающейся походкой.

— Что за хр...

Мальчишка выскочил из-под деревьев, прежде чем Томас закончил фразу. Он увидел только размытое пятно мертвенно-бледного лица и огромные глаза — ни дать ни взять привидение. Томас закричал и

попытался убежать, но было уже слишком поздно. Привидение взлетело в воздух и упало прямо ему на плечи, вцепившись в них на редкость сильными руками. Томас грохнулся оземь, крест врезался ему в спину и переломился надвое, оставив глубокую ссадину вдоль хребта.

Он отталкивал и молотил по нападавшему кулаками, пытаясь сбросить с себя эту кошмарную мешанину костей и мослов, обтянутую бледной кожей — монстра, выходца из самых страшных снов. И всё же Томас знал, что его противник — тоже всего лишь приютель, просто он совершенно свихнулся. Было слышно, как незнакомец клацает зубами — клак, клак, клак. Томаса пронзила резкая боль, когда зубы нападавшего добрались до своей цели, впившись ему в плечо.

Томас завопил. Боль влила ему в кровь солидную дозу адреналина. Юноша уперся ладонями в грудь противника и толкнул изо всех сил. Его руки выпрямились, удерживая нависшую над ним фигуру. Наконец, ему удалось отшвырнуть от себя противника, тот упал навзничь, и раздался треск другого креста.

Томас перекатился на живот, задыхаясь, встал на четвереньки и только тогда смог разглядеть напавшего на него безумца как следует.

Это был тот больной мальчик. Бен.

ГЛАВА 11

По всей видимости, Бен не полностью пришёл в себя после того припадка, что Томас наблюдал в Берлоге. На нём ничего не было, кроме шорт; из-под белой, как саван, кожи выпирали кости; по всему телу змеились выпуклые зелёные верёвки вен, впрочем, уже не такие рельефные, как ещё сутки назад. Налитые кровью глаза смотрели на Томаса так, будто их обладатель намеревался его сожрать.

Бен присел на полусогнутых ногах, словно опять собираясь кинуться в атаку. В правой руке он сжимал неизвестно откуда взявшийся нож. Объятому ужасом Томасу всё происходящее казалось чем-то нереальным.

— *Бен!*

Томас глянул туда, откуда послышался этот возглас и, к своему удивлению, обнаружил Алби: в тусклом свете на краю кладбища виднелась его призрачная, неясная фигура. Томас вздохнул с облегчением: Алби держал в руках большой лук — тетива натянута и смертоносная стрела нацелена на Бена.

— Бен, — повторил Алби, — немедленно прекрати или до завтра не доживёшь!

Томас вновь взглянул на Бена. Безумец стоял, приоткрыв рот и облизывая языком пересохшие губы, его горящие глаза злобно сверлили Алби. «Что с ним произошло?» — задался вопросом Томас. Обычный мальчик превратился в монстра. Почему?

— Если ты убьёшь меня, — крикнул Бен, забрызгав Томасу лицо слюной, — то кокнешь не того, кого надо! — Он направил горящий взгляд на Томаса, в голосе явственно звучало безумие: — Вот кого тебе надо прикончить!

— Кончай дурить, Бен, — спокойно проговорил Алби, продолжая, однако, держать того на прицеле. — Томас только что прибыл сюда, так что не гони волну. Это тебя всё ещё колбасит после Превращения. Не надо было тебе так рано вставать с постели.

— Он не такой, как мы! — заорал Бен. — Я видел его! Он... он гад, негодяй! Мы должны избавиться от него! Дай мне прикончить его!

Томас невольно сделал шаг назад. Услышанное привело его в ужас. Что Бен имел в виду, говоря, что «видел» его? И почему считает его негодяем?

Оружие Алби не сдвинулось и на дюйм.

— Предоставь мне и Стражам решать это, ряха паршивая. — Алби продолжал держать Бена на прицеле, рука его даже не дрожала, словно он опирался на какую-нибудь ветку. — Немедленно двигай свою костлявую задницу обратно в Берлогу! Живо!

— Он хочет вернуть нас домой, — молвил Бен. — Он хочет вывести нас из Лабиринта. Да лучше нам всем броситься с Обрыва! Лучше выпустить на фиг друг другу кишки!

— О чём ты говоришь?.. — начал было Томас.

— Заткнись! — завопил Бен. — Заткни свою поганую пасть, предатель!

— Бен, — спокойно проговорил Алби, — считаю до трёх.

— Он гад, он гад, он гад... — шептал теперь Бен, словно твердил мантру. Он раскачивался взад-вперёд, перебрасывая нож из руки в руку и не отрывая глаз от Томаса.

— Раз.

— Гад, гад, гад, гад... — Бен улыбался, и в бледном, зеленоватом свете казалось, будто его зубы тускло светятся.

Томасу это зрелище было не по нутру, хотелось убраться отсюда подальше. Но он не мог пошевельнуть ни рукой, ни ногой — впал в ступор от пережитого волнения и ужаса.

— Два. — Голос Алби, полный угрозы, звучал теперь громче.

— Бен, — начал Томас, пытаясь понять, что происходит. — Я не... Я даже не знаю, о чём...

Бен издал полный безумия вопль и кинулся на Томаса, яростно размахивая ножом.

— Три! — рявкнул Алби.

Послышался звук щёлкнувшей тетивы, стрела со свистом рассекла воздух и с мокрым, чавкающим звуком нашла свою цель.

Голова Бена дёрнулась влево, увлекая за собой всё тело, он, крутанувшись, тяжело упал ничком, и теперь лежал ногами к Томасу, неподвижный и безмолвный.

Томас вскочил и кинулся к Бену. У того из щеки торчала стрела, и из раны струйкой — хотя и гораздо меньше, чем можно было ожидать — вытекала кровь, в темноте казавшаяся чёрной, как нефть. Парень был недвижен, только один палец на правой руке конвульсивно дёргался. Томаса затошнило. Неужели это его вина, что Бен умер?

— Ладно, пошли, — буркнул Алби. — Завтра им займутся Таскуны.

«Что за чертовщина здесь сейчас произошла? — потерянно думал

Томас, глядя на безжизненное тело. Его мир летел в тартарары. — Что я сделал этому парню?»

Он поднял глаза, собираясь услышать ответы на свои вопросы, но Алби уже след простыл, лишь дрожащая ветка указывала, что ещё недавно он был здесь.

Выйдя из леса под ослепительные лучи солнца, Томас прижмурился. Он прихрамывал, щиколотка сильно болела и ныла, причём из его памяти полностью выпало, как и когда он поранил её. Одной рукой он прикрывал то место, куда его укусил Бен, другую прижимал к животу, как бы пытаясь унять тошноту. Перед его глазами так и стояла ужасная картина: голова Бена вывернута под неестественным углом, по стреле струится кровь и, собираясь на наконечнике, стекает на землю...

Этот образ стал последней каплей.

Он упал на колени у одного из корявых деревьев на опушке, и его вывернуло. Он извергал и извергал всю кислоту, всю отвратительную жёлчь, накопившуюся в желудке, и этому, казалось, не будет конца.

И наконец, словно его собственный мозг издевался над ним, у него возникла некая мысль.

Он находился в Приюте чуть больше двадцати четырёх часов. Одни полные сутки. Всего лишь. И посмотри только, сколько ужасных событий успело за это время произойти. Хуже быть не может.

Значит, теперь жизнь просто обязана повернуться к лучшему.

Вечером Томас лежал, уставившись в искрящееся небо, и раздумывал, сможет ли вообще когда-нибудь заснуть. Каждый раз, когда он закрывал глаза, чудовищная картина вставала перед мысленным взором юноши: Бен, с перекошенным, безумным лицом, кидается на него. С закрытыми ли глазами, с открытыми — Томас мог поклясться, что слышит мокрый звук вонзающейся в щеку Бена стрелы.

Нет, ему никогда не удастся забыть этих недолгих, но ужасных минут на кладбище.

— Ну расскажи! — канючил Чак — в пятый раз с той поры, как они забрались в свои спальные мешки.

И в пятый раз Томас отрезал:

— Нет.

— Да ладно, все и так в курсе, что стряслось. Такое уже было раз или два — у ужаленного гриверами шенка мозги съезжают набекрень, и он кидается на первого встречного. Ничего особенного, не воображай о себе много.

Впервые за всё время Томасу подумалось, что если Чак раньше вызывал только небольшое раздражение, то теперь он просто невыносим.

— Чак, скажи спасибо, что я не держу сейчас в руках лука, из которого Алби стрелял!

— Да я хотел только...

— Заткнись и спи, Чак! — Ещё немного — и Томас взорвался бы.

По счастью, его «товарищ» действительно заснул, и судя по доносящемуся отовсюду храпу, то же самое сделали остальные приютели.

Несколькими часами позже, в глубокой ночи, Томас оставался единственным, кто не сомкнул глаз. Ему хотелось плакать, но он сдерживался. Ему хотелось кричать, плеваться, кого-нибудь избить, а потом открыть Ящик и спрыгнуть в чёрную яму. Но он сдерживался.

Он закрыл глаза, постарался изгнать из головы ужасные мысли и тёмные образы, и через некоторое время это удалось — он уснул.

Наутро Чаку пришлось силком вытаскивать Томаса из спального мешка, силком тащить его в душ и опять же силком тянуть в раздевалку. Томас чувствовал себя совершенно разбитым и ко всему безразличным; голова раскалывалась, и хотелось только одного — спать. Завтрак прошёл как в тумане, и часом позже Томас уже не мог вспомнить, что, собственно, ел. Он так устал, а его мозг... Казалось, что кто-то вошёл к нему в голову и гвоздями приколотил мозги ко внутренности черепа по крайней мере в дюжине мест. Сердце отчаянно ныло.

Но насколько он понимал, на бездельников и полусонных разгильдяев в хорошо отлаженном хозяйстве Приюта смотрели косо.

Они с Ньютом стояли перед хлевом. Сегодня для Томаса начнётся период испытаний с различными Стражами, и первым будет Живодёрня. Несмотря на не очень хорошо начавшееся утро, Томасу не терпелось узнать что-то новое, к тому же работа отвлекла бы его мысли от Бена и происшествия на кладбище. Вокруг мычали коровы, блеяли овцы, визжали свиньи. Где-то рядом залаяла собака, и Томас понадеялся, что Котелок не привнёс новый смысл в выражение «хот дог» («горячая собака»). «Хот дог? — пришло ему в голову. — Когда в последний раз я ел хот дог? И вместе с кем?»

— Томми, ты, вообще, слушаешь меня, а?

Томас очнулся и сосредоточился на словах Ньюта — тот уже битый час что-то втолковывал ему, но у Томаса в одно ухо влетало, в другое вылетало.

— Ах да, извини. Я плохо спал ночью.

Ньют сделал жалкую попытку улыбнуться.

— Да ладно, я же понимаю. Не повезло тебе нарваться на придурка. Наверно, думаешь, что я просто тупоголовый козёл, раз пытаюсь заставить тебя вкалывать сегодня, сразу же после этакой хреновины.

Томас пожал плечами.

— Работа, пожалуй, сейчас для меня самое лучшее. Только бы не думать об *этом.*

Ньют кивнул, и его улыбка стала куда более искренней.

— Правильно соображаешь, Томми. Это одна из причин, почему мы работаем не покладая рук. Будешь лениться — впадёшь в тоску. Потом потеряешь вкус к жизни. И всё, конец, пришёл песец.

Томас кивнул и с отсутствующим видом пнул камешек — тот поскакал по пыльному, растрескавшемуся полу Приюта.

— Что слышно нового о вчерашней девушке? — Если сегодняшним тоскливым утром что-то и занимало его вялотекущие мысли, то это была новоприбывшая. Ему было необходимо узнать о ней побольше, понять природу ощущаемой им странной связи между собой и новенькой.

— По-прежнему в коме, спит. Медяки кормят её Котелковыми помоями с ложечки, следят, как она себя чувствует, и всё такое. Похоже, с ней всё путём, только пока она в полной отключке.

— Вот хрень... — Если бы не происшествие на кладбище, то наверняка прошлой ночью девушка занимала бы все мысли Томаса. Тогда, наверное, он тоже лишился бы сна, но совсем по другой причине. Ему не терпелось узнать, кто она такая, был ли он действительно с нею знаком и если да, то откуда он её знает.

— Ага, — согласился Ньют. — Хрень, точнее не скажешь.

Томас решил отвлечься от мыслей о новоприбывшей и взглянул через плечо Ньюта на просторный, покрытый поблекшей красной краской хлев.

— Ну, с чего начнём? Будем доить коров или, может, резать глотки свинкам?

Ньют засмеялся. Томасу пришло в голову, что с самого своего прибытия сюда ему не часто приходилось слышать настоящий, весёлый смех.

— Мы всегда первым делом посылаем новеньких к чёртовым Мясникам. Не бойся, совершать заклания в честь Котелка тебе вот так сразу не придётся. Просто мы так называем всех, кто имеет дело со зверушками — Мясники.

— Жаль, что я не помню своей прежней жизни. Может, я как раз обожаю пускать зверушкам кровь. — Это была попытка пошутить, но,

похоже, Ньют шутки не понял. Он кивнул на хлев.

— Не волнуйся, на закате ты уже точно будешь это знать. Пошли, познакомишься с Уинстоном — он здесь Страж.

Уинстон был невысоким, но мускулистым парнем с прыщавым лицом. Томасу показалось, что он несколько чересчур любит свою работу. «Может, его послали сюда, потому что он серийный убийца», — саркастически подумал он.

Весь первый час Уинстон водил Томаса по ферме, показывая ему загоны со скотом, курятник с индейками и курами — словом, разъясняя, что и как. Пёс, привязчивый чёрный лабрадор по имени Лай, проникся к Томасу тёплыми чувствами и всё время экскурсии ходил за ним по пятам. Интересно, откуда у них взялась собака? Томас задал этот вопрос Уинстону, и тот пожал плечами: пёс всегда был здесь. К счастью, похоже, кличку ему дали в шутку: Лай отличался молчаливостью.

А вот второй час был заполнен работой. Томас ухаживал за скотом: кормил, чистил, чинил загородки, убирал плюк... *Плюк.* Томас поймал себя на том, что всё больше и больше пользуется сленгом приютелей.

Третий час стал для Томаса самым тяжёлым: ему пришлось наблюдать, как Уинстон режет свинью и разделывает тушу на части. Идя на ланч, Томас поклялся себе в двух вещах: во-первых, его будущая карьера ни в коем случае не будет связана со скотом; во-вторых, он никогда в жизни больше в рот не возьмёт ничего, имеющего отношение к свиньям.

Уинстон не пошёл с ним, ему надо было ещё кое-что уладить на Живодёрне. Томас не стал настаивать. Идя к Восточной двери, он не мог отрешиться от картины, так и маячившей перед его мысленным взором: Уинстон в тёмном углу хлева грызёт сырую свиную ногу... Брр, этот парень вызывал у Томаса озноб.

Он как раз миновал Ящик, когда, к его удивлению, увидел, что кто-то вбегает в Приют из Лабиринта слева от него, через Западную дверь. Это был юноша азиатской наружности, с сильными, мускулистыми руками и короткими чёрными волосами, на вид ему было столько же лет, сколько Томасу. Бегун остановился в трёх шагах от Дверного проёма, наклонился и, тяжело, прерывисто дыша, уперся ладонями в колени. Похоже было, что он только что пробежал миль двадцать, не меньше: лицо покраснело, лоб мокрый, одежда насквозь пропиталась потом.

Томас смотрел на него, не отрываясь, не в силах одолеть любопытства: наконец он видел Бегуна вблизи и даже мог поговорить с ним. К тому же, тот вернулся домой на несколько часов раньше, чем обычно. Томас шагнул вперёд, собираясь приступить к расспросам.

Но прежде чем он успел сказать хоть слово, Бегун рухнул на землю.

ГЛАВА 12

На несколько секунд Томас остолбенел. Незнакомый юноша лежал перед ним, сжавшись в комок и не двигаясь. Томас застыл в нерешительности, боясь вмешаться во что-то, что было не его ума делом. Но, может, с парнем случилось что-то серьёзное? А вдруг его... *ужалили?* Что, если...

Томас решительно встряхнулся — Бегуну явно требовалась помощь.

— Алби! — позвал он. — Ньют! Кто-нибудь, найдите их!

Затем кинулся к лежащему на земле и присел рядом.

— Эй, ты как — ничего?

Голова Бегуна покоилась на руках, он тяжело дышал, грудь высоко вздымалась и опадала. Он был в сознании, но изнурён до последней степени — ничего подобного Томасу никогда не доводилось видеть раньше.

— Со мной... всё в порядке, — прохрипел Бегун, затем вскинул взгляд. — А ты, к чёрту, кто такой?

— Я прибыл недавно. — Тут до Томаса дошло, что Бегуны целый день проводят снаружи, в Лабиринте, и о том, что происходит в Приюте, знают из вторых рук. Интересно, этот парень вообще знает о появлении девушки? Скорее всего, кто-нибудь уже ввёл его в курс дела. — Меня зовут Томас, я здесь всего пару дней.

Бегун с трудом сел. Чёрная шевелюра слиплась от пота.

— А, да, Томас, — произнёс он. — Новенький. Ты и цыпочка.

К ним подбежал Алби — он был заметно взволнован.

— Почему ты вернулся, Минхо? Что произошло?

— Не поднимай волны, Алби, — отозвался Бегун, силы, казалось, возвращались к нему с каждой секундой. — Если хочешь, чтобы из тебя был какой-то толк, то пойди принеси мне воды — я посеял свой рюкзак где-то там.

Но Алби не двинулся с места. Он пнул Минхо в голень — сильновато для дружеской шутки.

— Так что произошло?

— Я говорить толком не могу, козёл! — прохрипел Минхо. — Воды дай!

Алби взглянул на Томаса. Поразительно, но на лице вожака промелькнула тень улыбки. Впрочем, он сразу же нахмурился.

— Минхо — единственный шенк, которому можно со мной так разговаривать и при этом не получить пинком под зад с Обрыва, усёк?

После чего он потряс Томаса ещё больше: развернулся и убежал за водой.

Томас повернулся к Минхо:

— И он позволяет тебе так собой командовать?

Минхо пожал плечами и смахнул бисеринки пота со лба.

— А ты что, боишься этого пустозвона? Чувак, да тебе ещё учиться и учиться. Вот чайники придурочные.

Отповедь обидела Томаса больше, чем ему хотелось бы, если принять во внимание, что он знал этого парня всего три минуты.

— А разве он не вожак здесь?

— Вожак? — Минхо хрюкнул, что, по всей вероятности, должно было сойти за смешок. — Ну да, зови его вожаком, если тебе так хочется. Слушай, может, мы его будем звать Эль Пресиденте, а? Не, не, во как: Адмирал Алби. Классно! — И он, хихикая, принялся тереть себе глаза.

Томас растерялся. Ну и беседа получилась, однако. Трудно было сказать, когда Минхо шутил, а когда говорил серьёзно.

— Тогда... кто здесь вожак, если не он?

— Салага, ты лучше помалкивай в тряпочку, не то запутаешься ещё больше. — Минхо вздохнул, словно разговор ему надоел, потом пробормотал себе под нос: — И чего вы, чайники, вечно лезете с глупыми вопросами? Настохужели.

— А что нам, по-твоему, остаётся? — окрысился Томас. «Можно подумать, ты был другим, когда только-только появился здесь!» — хотел он добавить.

— Делай, что тебе говорят, и не разевай рот. Вот что остаётся.

Говоря это, Минхо впервые за всё время разговора посмотрел Томасу прямо в лицо, и тот даже отшатнулся назад на несколько дюймов, прежде чем успел одёрнуть себя. Он немедленно сообразил, что только что совершил ошибку — нельзя позволять этому парню говорить с ним в таком тоне.

Он привстал на коленях, так, чтобы смотреть на собеседника сверху вниз.

— Ага, так я и поверил, что именно это ты и делал, когда был Чайником.

Минхо пытливо уставился на Томаса. Затем, глядя ему прямо в глаза, сказал:

— Я был одним из первых здесь, дубина. Заткни пасть и помалкивай,

пока не поймёшь, о чём треплешься.

Томас, теперь слегка испуганный, но больше сытый по горло надменным тоном парня, приподнялся, собираясь уйти, но Минхо проворно ухватил его за руку.

— Чувак, сядь обратно. Я же стебусь. Это так забавно, сам увидишь, когда следующий Чай... — Он осёкся, недоумённо нахмурив брови. — Ах да, похоже, следующего-то не будет, а?

Томас расслабился и вновь уселся, удивившись, как легко его негодование успокоилось. Он вспомнил о девушке и записке в её руке, объявлявшей, что она — самая последняя.

— Думаю, не будет.

Минхо слегка прищурился, словно изучая Томаса.

— Ты видел тёлку? Все говорят, что ты вроде как знаешь её.

Томас почувствовал, как в нём опять нарастает негодование.

— Да, я видел её. Но я с ней незнаком. Совсем. — И тут же почувствовал себя виноватым — ведь он лгал, хотя и не слишком сильно.

— Ну и как она — классная?

Томас помедлил. В этом плане он о новенькой не думал с того момента, когда она на мгновение очнулась и вручила своё краткое послание: «Скоро всё изменится». Но он помнил, как красива была девушка.

— Да, мне понравилась.

Минхо откинулся назад, улёгся и закрыл глаза.

— Ух ты, вот это да! Ты что — тащишься от девчонок в коме? — Он снова хрюкнул.

— Точно. — Томасу приходилось трудно: он никак не мог понять, нравится ему Минхо или нет. Парень был так переменчив, что никак не удавалось составить о нём твёрдое мнение. После долгой паузы Томас решился: — Так что?.. — осторожно спросил он, — ты нашёл что-нибудь сегодня?

Глаза Минхо широко раскрылись, он сосредоточил взгляд на своём собеседнике.

— Знаешь что, Чайник? Обычно это самый идиотский вопрос, который ты можешь задать Бегуну. — И он снова закрыл глаза. — Но не сегодня.

— Что ты хочешь этим сказать?

Неужели сейчас он получит хоть какую-то информацию?! «Ответь мне! — думал он. — Пожалуйста, ответь мне!»

— Подожди, пока наш прибамбасный адмирал вернётся. Не люблю

повторять по два раза. К тому же, он может и не захотеть, чтобы ты это слышал.

Томас вздохнул. Тоже мне сюрприз. Опять никакого ответа.

— Ну хорошо, хотя бы скажи, почему ты такой усталый. Вы же вроде бегаете там каждый день?

Минхо застонал, сел и скрестил перед собой ноги.

— Ага, Чайник, я бегаю там каждый день. Скажем так: я немного перевозбудился и потому постарался доставить сюда свою задницу как можно скорее.

— Почему? — Томасу отчаянно хотелось узнать, что произошло в Лабиринте.

Минхо вскинул вверх руки:

— Чувак. Говорю тебе. Остынь. Подожди генерала Алби.

Что-то в его голосе было такое, что смягчило резкость ответа. Поэтому Томас наконец решил, что Минхо ему нравится.

— О-кей, умолкаю. Только сделай так, чтобы Алби дал и мне услышать новость.

Минхо пытливо посмотрел на него.

— О-кей, Чайник. Уболтал.

Вскоре подошёл Алби. Он принёс большую пластиковую кружку с водой и передал её Минхо. Тот припал к кружке и осушил в один момент.

— О-кей, — молвил Алби, — давай, говори. Что случилось?

Минхо приподнял брови и кивнул на Томаса.

— Да пусть, — ответил Алби. — Мне до лампочки, что этот шенк услышит. Валяй!

Томас притаился и ждал. Минхо с трудом поднялся, его шатало при каждом движении, всё в нём кричало о том, как он устал. Бегун удержался на ногах, прислонившись к стене. Затем он холодно посмотрел на обоих своих собеседников:

— Я нашёл дохлого.

— А? — не понял Алби. — Кого дохлого?

Минхо улыбнулся.

— Дохлого гривера.

ГЛАВА 13

Томас опешил. Конечно, гриверы — отвратительные существа, но что такого замечательного найти мёртвым одного из них? Неужели это впервые?

У Алби был такой вид, будто ему только что сказали, что у него вырос хвост и теперь он может отгонять им мух.

— Хорош шутки шутить! Тоже мне, выбрал время.

— Слушай, — отвечал Минхо, — на твоём месте я бы тоже мне не поверил. Но представь себе, нашёл. Чертовски мерзкого.

«Точно, такого никогда не случалось раньше», — подумал Томас.

— Значит, нашёл дохлого, да? — повторил Алби.

— *Да*, Алби, — подтвердил Минхо, в его голосе слышалось уже лёгкое раздражение. — Милях в двух отсюда, недалеко от Обрыва.

Алби бросил взгляд на вход в Лабиринт, потом вновь обернулся к Минхо:

— Ну, ладно... А почему ты не принёс его сюда?

Минхо снова полу-хохотнул, полу-хрюкнул.

— Чувак, что тебе Котелок в соус подмешал? Да ведь эта дрянь весит полтонны, не меньше! К тому же я не прикоснулся бы к нему даже за бесплатный билет отсюда домой.

— Как он выглядел? — продолжал допытываться Алби. — А стальные шипы из него торчали? Он совсем не двигался? А шкура была какая — склизкая или нет?

Томас разрывался от любопытства: стальные шипы? склизкая шкура? что за?.. — но придержал язык, не то вспомнят о его существовании и прогонят, ведь, скорее всего, о таких серьёзных вещах они наверняка предпочитают говорить без свидетелей.

— Остынь чуток, старик, — сказал Минхо. — Можешь пойти сам посмотреть. Как-то оно всё... чудно́.

— Чудно́? — Вид у Алби был ошарашенный.

— Слушай, я устал до потери пульса, голоден, как волк, и пекусь тут с тобой, чувак, на солнце. Если тебе так невтерпёж, то мы можем двинуть туда прямо сейчас — глядишь, и успеем до закрытия Дверей.

Алби посмотрел на часы.

— Утро вечера мудренее.

— Самое умное, что ты сказал за всю неделю. — Минхо отклеился от стены, на которую опирался, хлопнул Алби по плечу и, слегка прихрамывая, побрёл к Берлоге. Казалось, что у него болит всё тело. Напоследок он бросил через плечо: — Надо бы вернуться, но хрен с ним. Пойду лучше, проглочу, что там Котелок навалял.

Томас почувствовал разочарование. Правда, Минхо выглядел так, что не было сомнений: ему просто необходимо поесть и отдохнуть; но Томасу не терпелось узнать побольше.

Но тут к нему обратился Алби, чем застал его врасплох:

— Ну, если только ты что-то знаешь и не говоришь мне, то...

Томасу осточертели постоянные подозрения в том, что ему известно что-то такое-этакое. Да ведь у него отшибло память! Ничего ему не известно! Он посмотрел вожаку прямо в глаза и спросил:

— Почему ты так ко мне относишься?

На лице Алби появилось выражение, в котором смешались и озадаченность, и гнев, и изумление.

— Как отношусь?! Старик, да ты, с тех пор, как выполз из Ящика, так ничему и не научился! Мы тут говорим не об отношениях, всяких там любовях и дружбах, а об элементарном выживании. Брось распускать нюни и начинай пользоваться своими долбаными мозгами, если они у тебя есть!

У Томаса появилось ощущение, что ему залепили оплеуху.

— Но... почему ты всё время обвиняешь меня...

— Да потому, что таких совпадений не бывает, дурья твоя башка! Сначала объявляешься ты, потом, да ещё и на следующий день, — девчонка. Та идиотская записка. Бен хочет тебя загрызть. А теперь ещё и дохлые гриверы! Происходит какая-то фигня, и я не остановлюсь, пока не выясню, что это за фигня!

— Ничего я не знаю, Алби! — Томасу было чрезвычайно приятно вложить в свои слова искренний пыл. — Мне неизвестно даже, где я был три дня назад, не говоря уже о том, что этот Минхо что-то там такое мёртвое нашёл, гривера или как его там! Так что отвяжись!

Алби слегка откинулся назад и несколько секунд отсутствующе смотрел на своего собеседника. Потом произнёс:

— Остынь, Чайник. Ты не младенец, пора начать думать головой. Никого я ни в чём не обвиняю. Но если ты хоть что-то вспомнишь, что-нибудь хоть чуточку покажется знакомым, то сразу же сообщи. Обещай.

«Не раньше, чем сам буду уверен в своих воспоминаниях! — подумал Томас. — И только если сам захочу ими поделиться». А вслух буркнул:

— Ладно, но...

— Обещай!

Томас помолчал. Ему чертовски надоел и сам Алби, и его идиотские подозрения.

— Да ладно, что мне, жалко, — сказал он наконец. — Обещаю.

Услышав, что хотел, Алби повернулся и ушёл, больше не проронив ни слова.

В Жмуриках, на самом краю рощи, Томас нашёл деревцо немного получше других — с пышной, тенистой кроной. Его воротило при мысли о возвращении на Живодёрню к Мяснику Уинстону. И хотя надо было идти на ланч, он не желал никого ни видеть, ни слышать, хотелось только побыть в одиночестве, и как можно дольше. Привалившись к тонкому стволу, он жаждал только одного — свежего ветерка, но тот так и не повеял.

Однако едва лишь он сомкнул веки, как прибежал Чак. Мир и покой приказали долго жить.

— Томас! Томас! — вопил мальчик, размахивая на бегу руками; его лицо пылало от возбуждения.

Томас застонал: больше всего на свете ему сейчас хотелось с полчасика соснуть. Он тёр глаза до тех пор, пока Чак не остановился напротив него, задыхаясь и отдуваясь. Только тогда юноша взглянул вверх:

— Ну что?

Чак отрывисто ронял слова между судорожными вздохами:

— Бен... Бен... он это... не умер...

Томас — всё его истому как рукой сняло — вскочил и уставился Чаку прямо в лицо:

— Что?!

— Он... не умер... стрела не задела мозг... Таскуны пришли за ним... а он... Медяки его залатали. Вот.

Томас отвернулся и уставился на заросли, где прошлым вечером на него напал больной парень.

— Ты что, шутишь? Я же видел его...

Неужели Бен жив? Томас не мог понять всех охвативших его чувств. Тут были и недоумение, и облегчение, а ещё — опасение, что теперь он не застрахован от повторного нападения.

— Ну и что, я тоже видел! — сказал Чак. — Ему забинтовали полголовы и заперли в Кутузке.

Томас повернулся обратно, к Чаку.

— Где?!

— В Кутузке. Ну, тюрьма тут у нас, с северной стороны Берлоги. —

Чак ткнул пальцем в нужном направлении. — Его так быстро бросили туда, что Медякам пришлось штопать его уже на нарах.

Томас вновь принялся тереть глаза. Ему стало совестно. Ведь решив, что Бен мёртв, он вздохнул спокойнее: не надо было бояться, что на него снова нападут. И вот теперь ему стыдно за эти мысли.

— Утром уже созывали Сбор Стражей. Судя по всему — решили единогласно. Похоже, Бен ещё пожалеет, что стрела не пробила его дурную башку.

Услышанное заставило Томаса в недоумении прищуриться.

— О чём ты лепечешь?

— Его подвергают Изгнанию. Сегодня вечером. За то, что пытался убить тебя.

— Подвергают Изгнанию?! Что такое? Что это значит? — Томас не мог удержаться от вопроса, хотя и понимал: ничем хорошим это не пахнет, раз Чак считает, что уж лучше умереть, чем подвергнуться Изгнанию.

И вот тогда Томасу довелось узреть то, что взбудоражило его, пожалуй, больше, чем всё пережитое здесь, в Приюте: Чак не ответил, а лишь улыбнулся. Улыбнулся, хотя в сказанном им не было ни капли весёлого, скорее наоборот, звучало зловеще. Потом мальчик повернулся и убежал — наверно, помчался разносить волнующие известия дальше.

Наступил вечер. Ньют и Алби собрали всех до последнего приютелей у Восточной двери примерно за полчаса до закрытия. День догорал, небо едва заметно потемнело — спускались сумерки. Бегуны только что вернулись и скрылись в таинственной Картографической комнате, с грохотом захлопнув за собой железную дверь. Минхо уже был там — ведь он прибежал раньше других. Алби велел Бегунам поторопиться и дал им двадцать минут на улаживание своих дел.

Томаса до сих пор терзало воспоминание о странной улыбке Чака, которой тот сопроводил свою новость об Изгнании Бена. И хотя юноша только догадывался о значении слова «Изгнание», в нём явно не содержалось ничего приятного. Особенно если принять во внимание, что все сейчас стоят так близко ко входу в Лабиринт. «Неужели они отправят его туда? — ужасался Томас. — К гриверам?»

Приютели вполголоса переговаривались, гнетущее чувство ожидания чего-то страшного окутало всех, подобно облаку густого тумана. Томас стоял молча, сложив на груди руки, и ждал, что произойдёт. Но вот наконец Бегуны вышли из бункера. Они выглядели измочаленными, на лицах застыло напряжение после усиленной умственной работы. Первым вышел

Минхо, из чего Томас заключил, что он, наверно, Страж Бегунов.

— Тащите его сюда! — рявкнул Алби, отрывая Томаса от тревожных дум.

Юноша опустил руки и завертел головой по сторонам, высматривая Бена. В душе нарастал трепет: как поведёт себя несчастный безумец, когда увидит его, Томаса?

Из-за дальнего угла Берлоги появились трое крепышей, в буквальном смысле волоча Бена за собой: в драной одежде, едва державшейся на теле, с бинтом, закрывающим половину головы и лица, он отказывался идти своими ногами и хоть как-нибудь облегчить конвоирам их задачу. Безумец точно так же походил на живого мертвеца, как и тогда, когда Томас видел его в прошлый раз. Но было одно отличие.

Глаза Бена были широко открыты, и в них застыл ужас.

— Ньют, — сказал Алби так тихо, что Томас не расслышал бы его, не стой он в нескольких шагах. — Принеси Шест.

Ньют кивнул — он, видно, заранее ожидал приказа, поскольку уже был на пути к сарайчику, в котором хранились инструменты для работы в Садах.

Томас вновь переключил внимание на Бена и его охранников. Бледный и измождённый, несчастный парень не оказывал сопротивления, безропотно позволяя тащить себя по стёртым камням двора. Достигнув собравшихся, конвоиры подтянули своего подопечного вверх, ставя его навытяжку перед Алби, лидером обитателей Приюта. Бен повесил голову, отказываясь смотреть кому-либо в глаза.

— Ты сам виноват в том, что сейчас происходит, Бен, — сказал Алби, покачал головой и взглянул в сторону сарая, куда ушёл Ньют.

Томас проследил за его взглядом и увидел, как Ньют, распахнув дверь, выходит из сарая. В руках у того было несколько алюминиевых шестов, которые он принялся соединять между собой, так что получилась штанга длиной футов двадцать. Закончив работу, Ньют надел какую-то странную штуковину на один из концов, а затем потащил всё сооружение к собравшимся. Томаса передёрнуло от скрежета, который издавал конец металлического шеста, царапающий по камню.

Вся церемония наводила на юношу страх. Он никак не мог отделаться от чувства, что ответственен за происходящее, хотя Бен совершил своё нападение безо всякой провокации с его стороны.

Была ли во всём этом хоть доля его вины? Ответа он не получил, но совесть мучила и жгла, причиняя почти физическую боль — словно вместо крови в его жилах текла кислота.

Наконец, Ньют добрался до Алби и вручил тому шест. Теперь Томас мог разглядеть ту странную штуковину: к концу шеста массивной скобой крепилась петля из сыромятной кожи, а с помощью специальной застёжки петлю можно было застегнуть и расстегнуть. Цель приспособления стала ясна.

Это был ошейник.

ГЛАВА 14

Томас наблюдал, как Алби расстегнул ошейник, затем надел его на Бена. В момент, когда петля с отчётливым щелчком затянулась на его шее, Бен наконец поднял блестящие от слёз глаза. Из носа у него капало. Воцарилась тишина — никто не издал ни единого возгласа, не сказал ни единого слова.

— Пожалуйста, Алби, — взмолился Бен. Его голос дрожал, и весь он был так жалок, что Томас не мог поверить, будто это тот самый парень, который всего лишь накануне пытался перегрызть ему глотку. — Клянусь, я был просто болен, башку переклинило после Превращения. Я не собирался его убивать, просто у меня на минуту крыша поехала! Пожалуйста, Алби, пожалуйста...

Каждое слово несчастного мальчишки словно било Томаса под дых, и он ещё сильнее чувствовал свою вину.

Алби ничего не ответил Бену. Он потянул за ошейник, удостоверяясь, что тот надёжно закреплён как на шесте, так и на шее. Потом пошёл вдоль металлической штанги, пропуская её между ладонями. Дойдя до конца, Алби цепко ухватился за шест и повернулся лицом к собравшимся. С налитыми кровью глазами, искажённым от ярости лицом, он вдруг показался Томасу воплощением зла.

А на другом конце двадцатифутового шеста тоже было зрелище не из приятных: там, дрожа и плача, стоял Бен; грубо вырезанный из старой кожи ошейник охватывал его тощую, жалкую шею, накрепко привязывая её к шесту, протянувшемуся от Бена к Алби.

Вожак громко, торжественно провозгласил, глядя на всех сразу и ни на кого в отдельности:

— Бен из Строителей! Ты приговорён к Изгнанию за попытку убийства новичка Томаса. Стражи сказали, и их слово неизменно. Ты уйдёшь и не вернёшься. Никогда. — Долгая пауза. — Стражи, займите своё место у Шеста Изгнания.

Томасу не понравилось публичное упоминание его имени рядом с именем Бена — так он ещё острее чувствовал свою ответственность. Только этого и не хватало — стать центром общего внимания, того и гляди, навлечёшь на себя ещё больше недовольства. Чувство собственной вины переросло в гнев, трансформировалось в желание обвинить кого-нибудь

другого. Теперь ему больше всего хотелось, чтобы с Беном было покончено, чтобы всё это поскорее завершилось.

Из толпы по одному выступили несколько ребят, подошли к шесту и ухватились за него обеими руками, словно собирались играть с кем-то в перетягивание каната. Одним из них был Ньют, другим — Минхо, таким образом, подозрения Томаса насчёт того, что он был Стражем Бегунов, подтвердились. Мясник Уинстон тоже занял позицию.

Как только каждый из них оказался на своём месте — десять Стражей, равномерно распределённых между Алби и Беном, — на Приют опустилась полная, глухая тишина. Единственными звуками были приглушённые всхлипывания Бена. Из глаз и носа у него текло, он утирался и пытался оглядываться по сторонам, хотя ошейник на шее не давал ему увидеть шест и держащих его Стражей.

Чувства Томаса вновь претерпели изменение. Бен ведь явно был не в себе, разве он заслуживал столь страшной судьбы? Неужели для него ничего нельзя сделать? И что — теперь Томасу придётся всю оставшуюся жизнь прожить с чувством вины и ответственности? «Да давайте же! — мысленно кричал он. — Скорее бы всё кончилось!»

— Пожалуйста... — твердил Бен звенящим от отчаяния голосом, — пожа-а-а-алуйста! Кто-нибудь, помогите мне! Зачем вы делаете это со мной!

— Заткнись! — рявкнул Алби.

Бен не слышал его. Он продолжал умолять, оттягивая кожаную петлю на своей шее:

— Кто-нибудь, остановите их! Помогите! Пожалуйста!

Он обводил одного за другим умоляющим взором, но все смотрели в сторону. Томас быстро спрятался за спиной паренька повыше — может, Бен его не заметит... «Я не в силах снова смотреть в эти глаза», — подумал он.

— Если бы мы позволяли таким шенкам, как ты, оставаться безнаказанными, — промолвил Алби, — то никто бы из нас не дожил до этого дня. Стражи, приготовьтесь.

— Нет, нет, нет, нет, нет! — тихо плакал Бен. — Клянусь, я всё!.. Я больше никогда!.. *Пожа-а-а-а*...

Он сорвался на крик, который тут же был заглушён громовым ударом — Восточная дверь начала закрываться. От камней летели искры, правая стена с оглушительным грохотом скользила влево, отгораживая Приют от ночного Лабиринта. Земля тряслась. Томас не знал, хватит ли у него мужества наблюдать дальнейшее.

— Стражи, *пошли*! — крикнул Алби.

Голова Бена дёрнулась назад, в то время как сам он качнулся вперёд: это Стражи толкнули шест в направлении ко входу в Лабиринт — и долой из Приюта. Из горла Бена вырвался душераздирающий вопль — он заглушил даже грохот сходящихся стен. Мальчик упал на колени, но его тут же вздёрнул вверх стоящий впереди Страж — кряжистый черноволосый парень с застывшим на лице гадливым оскалом.

— *Не-е-е-е-ет!* — брызгая слюной, кричал Бен. Он метался, теребил ошейник, пытаясь сорвать его с себя. Но совладать с общей силой Стражей он не мог. Те толкали обречённого ближе и ближе к выходу из Приюта — как раз когда правая стена была уже почти на месте. А Бен всё кричал и кричал: «*Не-е-е-е-ет!*»

Он пытался упереться ногами в порог, но это ему удалось лишь на долю секунды: рывок шеста вытолкнул его в Лабиринт. Вскоре изгнанник оказался в более чем четырёх футах от границы Приюта; он всё дёргался, стараясь вырваться из тисков ошейника. До полного закрытия Дверей оставались секунды.

Последним титаническим усилием Бен сумел извернуться в ошейнике и оказался лицом к приютелям. Томасу не верилось, что он видит перед собой человеческое существо: в глазах Бена светилось безумие, на губах пузырилась пена, мелово-бледная кожа с выступившими венами натянулась на костях. Он выглядел как пришелец с другой планеты.

— Внимание! — прокричал Алби.

И тогда Бен завизжал — от его протяжного, пронзительного воя у Томаса зазвенело в ушах, и он прикрыл их ладонями. От такого душераздирающего животного крика, у парня, наверно, разорвались голосовые связки. В самую последнюю секунду передний Страж как-то сумел отсоединить наконечник, к которому был прикреплён Бен, и выдернул шест, предоставляя изгнанника его судьбе. Стены с громовым раскатом столкнулись, и крики несчастного резко оборвались.

Томас закрыл глаза и с изумлением ощутил, как по щекам ползут слёзы.

ГЛАВА 15

Вторую ночь подряд Томас укладывался спать, преследуемый образом Бена. Его лицо так и стояло перед глазами, выжигая мозг, мучая душу. Если бы не происшествие с бедным парнем, как у Томаса обстояли бы дела сейчас? Он почти уверил себя, что, наверно, был бы вполне доволен, даже счастлив, с нетерпением окунулся бы в свою новую жизнь и стремился бы достичь цели — стать Бегуном. Почти. Глубоко в душе юноша понимал, что Бен — лишь одна из его многочисленных проблем.

Но теперь его нет — жертва того, что случилось там, снаружи, он навсегда изгнан в мир гриверов. Они забрали его туда, куда обычно уносят свою добычу. Хотя у Томаса имелось множество причин презирать Бена, он, по большей части, жалел его.

Томас и вообразить не мог, каково это — вот так вот оказаться в Лабиринте. Но судя по последним мгновениям Бена, когда он извивался в конвульсиях, рыдал, плевался и вопил, не приходилось сомневаться в важности главного правила Приюта: никто не должен выходить в Лабиринт, кроме Бегунов, да и те — только в дневное время. А поскольку Бена уже однажды ужалили, то он знал лучше любого другого, что его ожидает.

«Бедный парень, — думал Томас. — Бедный, бедный парень...»

Томас поёжился и перевернулся набок. Чем дольше он раздумывал, тем менее удачной казалась ему идея стать Бегуном. И всё же каким-то необъяснимым образом она продолжала привлекать его.

Наутро небо едва посветлело, а в Приюте уже начали раздаваться будничные звуки рабочего дня. Они разбудили Томаса, который впервые после своего прибытия сюда по-настоящему крепко уснул. Он сел и принялся тереть глаза, стараясь встряхнуться, прогнать тяжёлую дремоту, но махнул рукой и повалился обратно в надежде, что о нём не вспомнят.

Через минуту надежду грубо развеяли.

Кто-то похлопал его по плечу. Разодрав глаза, он наткнулся на пристальный взгляд Ньюта. «Ну что тебе надо?» — подумал он.

— А ну вставай, дубина.

— Тебе тоже доброе утро. Который час?

— Уже семь, Чайник, — ответил Ньют с насмешливой ухмылкой. — Так что я дал тебе отоспаться — ещё бы, после пары этаких денёчков!

Томас привёл себя в сидячее положение, проклиная всё на свете и желая только одного — поваляться ещё часика четыре.

— Отоспаться? Вы что, парни, дремучая деревня совсем? С курами встаёте... — «Деревня»? Откуда он знает, что это такое и как там живут? Опять шуточки памяти!

— Ага. Да, раз уж ты об этом заговорил... — Ньют плюхнулся рядом с Томасом и уселся, подогнув под себя ноги. Несколько мгновений он помолчал, наблюдая за поднимающейся будничной суетой. — Сегодня поработаешь с Червяками, Чайник. Посмотрим, может, тебе это придётся больше по вкусу, чем резать глотки несчастным чушкам-свинюшкам.

Томасу надоело, что с ним обращаются, как с младенцем.

— А не хватит меня так называть?

— Как? Чушка-свинюшка?

Томас выдавил смешок и потряс головой:

— Нет — Чайник. Я же теперь не самый новый новичок, разве не так? Та девица в коме теперь Чайник. А меня зовут Томас. — Он встрепенулся при внезапном воспоминании о девушке — об ощущаемой им странной связи с нею. Нахлынула неясная грусть, словно он хотел видеть её, даже тосковал по ней... «Что это ещё за бред? — упрекнул он себя. — Я даже не знаю, как её зовут!»

Ньют откинулся назад, подняв брови:

— Ну и ну, да ты, никак, за ночь отрастил приличного размера яйца!

Томас игнорировал комплимент и продолжил:

— Кто такие Червяки?

— Так мы называем парней, что целыми днями стоят воронкой кверху в Садах — ну, там, копаются в земле, полют, сажают и прочее.

Томас кивнул в нужном направлении:

— Кто у них Страж?

— Зарт. Хороший парень, до тех пор пока не отлыниваешь от работы. Это он — тот великан, что стоял вчера первым на шесте.

Томас отмолчался: надеялся как-то ухитриться и прожить день без упоминаний о Бене и Изгнании — эта тема приводила его в замешательство и заставляла остро чувствовать свою вину. Поэтому он заговорил о другом:

— Так почему ты припёрся меня будить?

— А чем тебе моя рожа с утра не угодила? Не нравлюсь, что ли?

— Не так чтобы очень. Так что... — Но тут раздался грохот расходящихся стен. Он посмотрел в сторону Восточной двери — кто его знает, а вдруг там стоит Бен? Но увидел не кого иного, как Минхо — тот

потянулся, потом вышел за порог, наклонился и что-то подобрал.

Это был наконечник шеста с кожаной петлёй. Похоже, в Минхо он никаких чувств не вызвал: Страж просто бросил его одному из своих Бегунов, а тот подхватил и отнёс ошейник в сарай с инструментами.

Томас обернулся к Ньюту в недоумении: как мог Минхо быть таким бесчувственным?

— Что за...

— Я видел только три Изгнания, Томми. И все в точности такие же мерзкие, как вчерашнее. Но каждый грёбаный раз гриверы оставляют нам на пороге ошейник. Вот от чего рехнуться можно!

Томас вынужден был согласиться.

— Что они делают с теми, кто попадает в их лапы? — Да ладно, так ли уж ему хотелось это знать?

Ньют лишь пожал плечами, впрочем, его равнодушие, похоже, было напускным. Ему, скорее всего, просто невмоготу говорить о таких вещах.

— Расскажи мне о Бегунах, — вдруг вырвалось у Томаса. Он тут же прикусил язык, несмотря на настоятельную потребность извиниться и сменить тему. Ему ведь так хотелось узнать о них побольше! Даже после того, чему он стал свидетелем накануне, даже увидев в окне гривера — он жаждал знать всё о Бегунах. Эта тяга была совершенно необорима, причём, непонятно почему. Просто он был рождён, чтобы стать Бегуном в Лабиринте — вот и всё.

Ньют в замешательстве помолчал.

— О Бегунах? Зачем?

— Просто так.

Ньют бросил на него подозрительный взгляд.

— Лучшие из лучших — вот кто эти ребята. Иначе нельзя. От них зависит всё. — Он подобрал камешек и швырнул его, рассеянно глядя на то, как тот подпрыгивает по земле.

— А почему ты не один из них?

Ньют перевёл взгляд на Томаса.

— Я был. Пока не повредил ногу несколько месяцев назад. Так на хрен и не поправился. — Он наклонился и рассеянно потёр правую лодыжку, при этом лицо парня исказилось, как от боли. Томас подумал, что, скорее всего, это не настоящая боль, а воспоминание о ней.

— Как тебя угораздило? — допытывался Томас, решив, что чем лучше он разговорит Ньюта, тем больше сможет узнать об интересующем его предмете.

— Удирал от проклятого гривера, как ещё? Почти достал меня, зараза.

— Ньют помолчал. — Как подумаю, что мог бы тоже подвергнуться Превращению, так до сих пор корёжит.

Превращение... Если узнать о нём побольше — глядишь, и получишь ответы на самые интересные вопросы.

— А что это вообще такое? Что изменяется? Неужели все становятся такими психованными, как Бен и начинают кидаться на людей?

— Бену было хуже, чем кому-либо другому. Но я думал, ты хочешь поговорить о Бегунах?

Судя по тону Ньюта, беседа на тему Превращения закончена, что разожгло любопытство Томаса ещё сильнее. Хотя ладно, о Бегунах так о Бегунах.

— О-кей, я слушаю.

— Как я сказал, они лучшие из лучших.

— И как вы это узнаёте? Проверяете каждого, как быстро тот может бежать?

Ньют с отвращением взглянул на Томаса и простонал:

— Вот сыскался умник на мою голову, как там тебя — Чайник, Томми или ещё как! Быстро бегать — это только часть, причём очень малая часть.

От таких слов интерес Томаса только возрос:

— Что ты имеешь в виду?

— Когда я говорил «лучшие из лучших», я и имел в виду — во всём. Чтобы не откинуть копыта в Лабиринте, нужно быть быстрым, сильным и хорошо соображать. Уметь принимать решения и точно измерять степень риска. Нельзя бросаться очертя голову, но и слишком осторожничать тоже нельзя. — Ньют вытянул ноги и оперся о землю за спиной руками. — Знаешь, там, снаружи, кошмар и тихий ужас. Мне туда как-то совсем не хочется. Вообще.

— Я думал, гриверы появляются только по ночам. — Судьба судьбой, а нарваться на одного такого милягу Томасу никак не улыбалось.

— Ну да, обычно.

— Но тогда почему ты говоришь, что там так ужасно?

Что ещё от него скрывают?

Ньют вздохнул.

— Стресс. Гнёт. Рисунок Лабиринта каждый день иной. Надо непрестанно держать в мозгах всю картину, если хочешь, чтобы мы вырвались отсюда. Постоянно беспокоишься о долбаных картах. А самое худшее — всё время боишься, что не успеешь вовремя вернуться. И с обычным-то лабиринтом морока, а уж если он каждую ночь меняется... Пару раз забыл, ошибся, запутался — и порядок, ночка с чудищами

обеспечена. Не место и не время ни для дурачков, ни для маменькиных сынков.

Томас нахмурился, сам толком не понимая, что его так влечёт, отчего ему позарез нужно стать Бегуном. Особенно после вчерашнего. И всё же, всё же...

— А почему ты так интересуешься? — спросил Ньют.

Томас поколебался — страшно было вновь произнести это вслух.

— Я хочу стать Бегуном.

Ньют повернулся к нему и уставился прямо в глаза:

— Шенк, да ты здесь без году неделя, собственно, и недели ещё не прошло. Что-то рановато тебе захотелось расстаться с жизнью, а, как думаешь?

— Я серьёзно.

Томас и сам не понимал своих побуждений, но что они неодолимы — знал точно. Собственно, желание стать Бегуном было единственным, что примиряло его с создавшимся положением и что служило стимулом в нынешней жизни.

Ньют неотрывно смотрел ему в глаза.

— Я тоже. Забей. Никто и никогда не становился Бегуном даже спустя месяц после прибытия, не говоря уже о неделе. Придётся сначала здорово повкалывать, прежде чем мы рекомендуем тебя Стражу.

Томас встал и принялся разминать всё ещё сонные руки-ноги.

— Ньют, я не шучу. Ну, не смогу я травку щипать целыми днями, у меня крыша поедет. Понятия не имею, чем я занимался до того, как меня засунули в тот железный ящик и послали сюда, но нутром чую — я здесь для того, чтобы стать Бегуном. Я справлюсь.

Ньют не двигался, продолжая неотрывно смотреть на юношу, и так и не предложил свою помощь.

— А никто и не говорит, что не справишься. Но пока — забей.

Томаса обдало волной нетерпения.

— Но...

— Слушай, Томми, вот что я тебе скажу. Только начни шляться кругом и мявкать, какой ты чересчур хороший и пригожий для простой работы, да какой умный и ловкий, прямо вот так с разгону готов в Бегуны — и уж будь покоен, врагов наживёшь — не счесть. Так что говорю — пока забей.

Наживать врагов было последним, чего бы Томасу хотелось, но всё же... Он решил подойти к вопросу с другой стороны:

— Ладно, тогда я поговорю с Минхо.

— Счастливо попытаться, шенк недотёпанный. Бегуны назначаются

только Сбором, и если ты думаешь, что *я* чересчур крут, то погоди — *они* просто поднимут тебя на смех.

— Ну как вам втолковать — я действительно буду классным Бегуном! Тянуть с этим делом — только зря время терять.

Ньют тоже встал и нацелил палец Томасу в лицо:

— Навостри уши, Чайник, закрой пасть и слушай меня. Сечёшь?

К собственному удивлению юноши, должного устрашающего впечатления жест Ньюта на него не произвёл. Он закатил глаза, но потом кивнул.

— Кончай пороть чушь, пока другие не услышали. Здесь такие штуки не проходят. Мы должны точно следовать правилам, иначе не выжить.

Он помолчал. Томас тоже, опасаясь нагоняя, который точно последует, стоит ему только вякнуть.

— Порядок! — продолжал Ньют. — *Порядок*. Ты в своей тупой башке дырку должен просверлить этим долбаным словом! Если мы все здесь до сих пор не двинулись умом, то это потому, что работаем как лошади и поддерживаем порядок. Порядок — вот почему мы так поступили с Беном. Нельзя допустить, чтобы всякие маньяки бегали тут и кидались на людей. Уразумел? *Порядок*! Не хватало, чтобы и ты ещё выкаблучивался! Понял?

Томасово упрямство как рукой сняло. Он сообразил, что сейчас не время разевать рот. «Ага», — это всё, на что он отважился.

Ньют хлопнул его по спине.

— Вот что, давай договоримся.

— Давай. О чём? — В Томасе возродилась надежда.

— Ты закроешь рот на замок, а я поставлю тебя в список тех, из кого выберут людей для тренировок — как только покажешь, на что способен. Только раззявь варежку — и тебе этого списка не видать, как своих ушей без зеркала. Уговор?

Дело, похоже, затягивалось. Томасу это было не по душе — кто знает, сколько ждать придётся.

— Хреновый уговор.

Ньют выгнул брови.

Деваться некуда. Томас кивнул:

— Уговор.

— Ладно, пошли разживёмся жратвой у Котелка. Надеюсь, она нам не станет колом в горле.

В это утро Томас наконец сподобился познакомиться с печально известным Котелком, правда, на расстоянии: тот совсем умаялся, стремясь

накормить завтраком армию изголодавшихся приютелей. Ему вряд ли было больше шестнадцати, но у него уже росла настоящая борода, да и всё остальное тело покрывала пышная растительность. Волосы торчали отовсюду, словно подняли бунт и стремились вырваться на свободу из-под замасленной робы. «М-да, болезненной тягой к санитарии этот парень не страдает, а ведь имеет дело с едой», — подумал Томас и взял на заметку всегда сначала внимательно рассматривать свою пищу на предмет обнаружения в ней гадких чёрных волос.

Чак уже уминал свой завтрак за столиком для пикников неподалёку от входа в кухню. Не успели они с Ньютом присесть рядышком, как довольно большая группа приютелей сорвалась с места и направилась к Западной двери, взволнованно переговариваясь на ходу.

— Что это они? — спросил Томас, сам удивляясь, как небрежно это прозвучало. То, что в Приюте постоянно случается что-то из ряда вон, уже стало частью его жизни.

Ньют пожал плечами, приканчивая яйцо.

— Провожают Минхо и Алби — они пошли взглянуть на того грёбаного дохлого гривера.

— Эй, — пискнул Чак, при этом кусочек бекона вылетел у него изо рта. — У меня тут как раз по этому делу вопросец возник.

— Да что ты говоришь, Чаки? — с лёгким сарказмом спросил Ньют. — И что же это на хрен за вопросец?

Чак, похоже, призадумался, потом промолвил:

— Ну... Они нашли мёртвого гривера, ведь так?

— Ага, — подтвердил Ньют. — Спасибо за свежую новость.

Чак в задумчивости несколько секунд стучал вилкой по столу.

— Да вот я всё думаю: кто же его убил?

«Вот это вопрос так вопрос!» — подумал Томас. Он ждал, что ответит Ньют, но так и не дождался. Очевидно, тот тоже стал в тупик.

ГЛАВА 16

Всё утро Томас провёл со Стражем Садов — «стоял воронкой кверху», по меткому выражению Ньюта. Зарт — тот самый, что занял место во главе шеста во время Изгнания Бена, — был высок, черноволос, и от него по непонятной причине пахло кислым молоком. Немногословный, он показывал Томасу, как и что, пока тот не усвоил достаточно, чтобы начать работать самостоятельно. Томас полол, обрезал абрикосовые деревья, сажал тыквы и цуккини, собирал зрелые плоды. Эта работа его не вдохновляла, на ребят, трудящихся рядом, он не обращал внимания, но, как ни странно, ему было и вполовину не так тошно, как под началом Уинстона на Живодёрне.

Они с Зартом пропалывали длинный ряд кукурузы, когда Томас решил, что пришла пора начать задавать вопросы. Страж Садов казался не таким неприступным, как другие.

— Зарт, — позвал он.

Страж взглянул на него и тут же вернулся к работе. У парня были тяжёлые веки и вытянутое лицо, так что он всегда выглядел так, будто ему всё на свете осточертело.

— Да, Чайник, что ты хотел?

— Сколько здесь вообще Стражей? — нарочито небрежно спросил Томас. — И какие виды работ?

— Ну... Здесь у нас Строители, Жижники, Таскуны, Повара, Картёжники, Медяки, Червяки, Мясники. Ах, да, Бегуны, конечно. Ну, может, я кого забыл. Мне нет дела до других, своих забот по горло.

Большинство слов говорили сами за себя, но парочка звучали странновато и непонятно.

— Что такое Жижники? — К этой группе относился Чак, но мальчик никогда не распространялся о своей работе. Просто отказывался говорить, и всё.

— Когда шенки ни на что другое не способны, они становятся Жижниками. Чистят туалеты, души, кухню, ну там, Живодёрню после забоя, всё такое. Проведёшь денёк с этими беднягами — света белого не взвидишь, можешь мне поверить.

Томас почувствовал укол вины перед Чаком, вернее, ему стало жаль мальчика. Он так старался быть со всеми в дружбе, но, похоже, никому он

особо не нравился, можно сказать, на него попросту не обращали внимания. Ну да, он, конечно, легко приходил в возбуждение и был слишком говорлив, но Томас был рад иметь его в числе своих друзей.

— А откуда такое название — Червяки?

Зарт прокашлялся и отвечал, не отрываясь от работы:

— Так говорят, потому что они делают всю тяжёлую работу в Садах — ну, там, копают канавы и всё прочее. А когда такой работы нет, то они занимаются чем-нибудь другим. Вообще-то говоря, многие здесь, в Приюте, входят в несколько разных рабочих групп. Тебе кто-нибудь об этом говорил?

Томас не ответил и продолжал задавать вопросы, стремясь получить как можно больше информации.

— А чем занимаются Таскуны? Знаю, они заботятся о мертвецах, но ведь смерть — не такое уж частое явление, я правильно понимаю?

— О, это жуткие ребятки. Они служат охранниками, ну, и вроде полиции у нас. Все просто обожают называть их Таскунами. Вот уж позабавишься в тот день, когда будешь работать с ними, братан! — Он прыснул. Томасу впервые довелось слышать как смеётся Зарт — в его смехе было что-то очень подкупающее.

У Томаса в запасе было много вопросов. Очень много. И Чак, и все другие приютели выдавали ему информацию по крохам. А вот Зарт ничего не имел против «а поговорить». Но Томасу вдруг расхотелось болтать. В его мыслях ни с того ни с сего возникла новоприбывшая девушка, потом Бен, потом мёртвый гривер — вроде бы сама по себе неплохая штука, но... Похоже, во всём было своё «но».

Да, его новую жизнь сладкой не назовёшь.

Он глубоко вздохнул. «Работай давай», — сказал он себе. И последовал собственному совету.

Через пару часов после полудня, когда настало время перерыва, Томас был едва жив от усталости. Стояние вниз головой и ползание на коленях по грязи — отстой, а не работа. Итак, Живодёрня и Сады — зачёркиваем оба.

«Бегуном! Дайте мне стать Бегуном!» — подумал юноша и ещё раз подивился, почему ему так этого хочется. Но хотя он и не понимал, откуда взялось столь страстное желание, сопротивляться ему было невозможно. Девушка тоже занимала много места в его думах, но мысли о ней он постарался засунуть подальше в закоулки сознания.

Усталый и измочаленный, он направился на кухню — хотелось чего-нибудь перекусить и попить воды. Честно говоря, ему сейчас под силу

запросто умять полноценный обед, несмотря на то, что ланч был всего пару часов назад. Даже от свинины бы не отказался.

Он вгрызся в яблоко, потом плюхнулся на землю рядом с Чаком. Ньют тоже был здесь, но сидел в сторонке, ни на кого не обращая внимания. Глаза у него воспалились, а лоб изрезали глубокие морщины. Томас видел, как бывший Бегун кусал ногти — раньше такого за Ньютом, кажется, не водилось.

Чак тоже это заметил и озвучил вопрос, вертевшийся в голове у Томаса.

— Да что с ним такое? — прошептал мальчик. — Выглядит ну в точности, как ты, когда только выполз из Ящика.

— Почём я знаю? — ответил Томас. — Пойди да спроси!

— Эй вы, я слышу каждое ваше клятое слово! — отозвался Ньют в полный голос. — Не удивительно, что народ терпеть не может спать рядом с вами, шенки долбаные.

Томас покраснел, словно воришка, но он искренне беспокоился — Ньют был одним из немногих, кто ему по-настоящему нравился.

— Что с тобой такое? — спросил Чак. — Не в обиду будь сказано, но выглядишь ты, как куча плюка.

— Да всё! Всё просто распрекрасно! — огрызнулся Ньют и замолчал, уставившись в никуда. Томас хотел было вывести его из прострации, задав очередной вопрос, но тот и сам заговорил:

— Девчонка из Ящика. Только стонет и бормочет что-то несусветное, но не просыпается. Медяки во всю стараются, кормят её, а она ест всё меньше и меньше. Говорю вам, вся эта хренотень — сплошная лажа!

Томас посмотрел на своё яблоко, откусил. Оно теперь показалось ему настоящей кислятиной — до того он волновался за девушку, переживал, чтобы с нею было всё хорошо. Как будто они были добрыми знакомыми...

Ньют глубоко вздохнул.

— Фигня какая-то. Но по-настоящему меня тревожит кое-что другое.

— И что? — спросил Чак.

Томас с любопытством наклонился вперёд. Слова старшего товарища так заинтриговали его, что даже мысли о девушке вылетели из головы.

Ньют перевёл взгляд на один из выходов в Лабиринт, и глаза его сузились.

— Алби и Минхо, — прошептал он. — Они уже давно должны были вернуться.

И снова Томас гнул спину, выдёргивая сорняки, и считал минуты до

конца рабочего дня. Он постоянно поглядывал в сторону Западной двери — не появятся ли Алби с Минхо. Ему, по-видимому, передалось беспокойство Ньюта.

Ньют сказал, они должны были вернуться около полудня — вполне достаточно времени, чтобы добраться до дохлого гривера, потом часок-другой исследовать что и как, и возвратиться. Не удивительно, что он был вне себя от тревоги.

Когда Чак предположил, что они, должно быть, просто заисследовались, Ньют наградил его таким взглядом, что Томасу показалось: с Чаком вот-вот произойдёт спонтанное возгорание.

И ещё одного выражения на лице Ньюта он никогда не забудет. Когда Томас спросил, почему бы ему, Ньюту, и другим попросту не пойти в Лабиринт и не пуститься на поиски своих друзей, лицо бывшего Бегуна исказилось: кожа позеленела, щёки ввалились. Мало-помалу Ньют овладел собой и объяснил, что посылать поисковую группу запрещено правилами: как бы не потерять ещё больше людей. Но в появившемся на его лице выражении нельзя было усомниться.

Лабиринт наводил на Ньюта ужас.

Что бы ни случилось с ним там когда-то, возможно, то самое, связанное с травмой лодыжки — это было воистину страшно.

Томас постарался не думать об этом и сосредоточил всё своё внимание на выдёргивании сорняков.

За обедом в тот вечер царило уныние, никак не связанное с качеством еды. Котелок и его подручные приготовили роскошную трапезу: бифштекс, картофельное пюре с зелёными бобами и горячие булочки. Томас быстро смекнул, что все шутки насчёт Котелка и его стряпни — только шутки и есть. Обычно каждый уплетал свою порцию и просил добавки. Но сегодня вяло жующие приютели напоминали мертвецов, восставших из гроба ради последней скорбной трапезы, после чего им надлежало ввергнуться во владения дьявола.

Остальные Бегуны вернулись в обычное время. Томас наблюдал за Ньютом, и беспокойство его нарастало. Тот метался от Двери к Двери, от Бегуна к Бегуну, не скрывая владеющей им паники. Но Алби с Минхо так и не появились. Ньют приказал приютелям идти обедать, зря, что ли, Котелок старался, но сам остался на часах, следить, не появятся ли припозднившиеся. Никто не проронил ни слова, но Томас и без этого знал, что час закрытия Дверей не за горами.

Томас наравне с другими мальчишками послушался приказания

командира и теперь сидел за столом для пикника у южной стены Берлоги. Рядом с ним обедали Чак и Уинстон. Сам Томас проглотил только пару кусков — больше в горло не лезло.

— Всё, не могу больше сидеть здесь, пока они блуждают где-то там! — воскликнул он и отшвырнул вилку. — Пойду к Ньюту, понаблюдаю за Дверьми.

Он встал и устремился прочь. Чак, само собой, увязался за ним.

Они нашли Ньюта у Западной двери — тот вышагивал взад-вперёд, ероша свои длинные волосы. Заметив Томаса с Чаком, он поднял взгляд.

— Да где они запропастились! — Голос бывшего Бегуна звенел и срывался.

Томас был тронут: Ньют так тревожился об Алби и Минхо, словно те были его родственниками.

— Почему бы нам не послать поисковую партию? — снова предложил он. Так глупо торчать здесь и сходить с ума от беспокойства, когда можно выйти наружу и найти потерявшихся!

— Твою м... — начал Ньют и осёкся. Он на секунду закрыл глаза и глубоко вдохнул. — Нельзя. О-кей? Ну что ты заладил? Это сто процентов против правил. Особенно когда проклятые Двери вот-вот закроются.

— Но почему? — настаивал Томас, поражаясь Ньютову упрямству. — Разве гриверы не нападут на них, если они останутся там на ночь? Надо что-то делать!

Ньют подскочил к нему; его лицо пылало, в глазах горела ярость.

— Да заткни пасть, Чайник! — завопил он. — Ты здесь на хрен ещё и недели не провёл! Думаешь, я бы не поставил свою жизнь на кон, чтобы спасти этих недотёп?

— Не... я... извини... не имел в виду... — заикался Томас, не зная, что сказать. Он ведь только пытался помочь...

Лицо Ньюта смягчилось.

— До тебя, я вижу, ещё не дошло, Томми. Выйти туда ночью — это то же самое, что подписать себе смертный приговор. Мы только выбросим на помойку ещё больше жизней. Если эти шенки не вернутся... — Он помолчал, словно колеблясь, говорить ли то, о чём, несомненно, думали все. — Они оба принесли клятву так же, как и я. Как все мы. Как и ты поклянёшься, когда придёшь на свой первый Сбор, где тебя определят к Стражу. Никогда не выходить ночью. Чтобы ни случилось. Никогда.

Томас посмотрел на Чака — мордашка у того посерела, как и лицо бывшего Бегуна.

— Ньют этого не скажет, — проговорил мальчик, — так давай я. Если

они не возвращаются, значит, они мертвы. Минхо ни в жисть не заблудится, для него это просто невозможно. Они мертвы.

Ньют молчал. Чак повернулся и, низко опустив голову, побрёл к Берлоге. «Мертвы?» Положение стало столь тяжёлым, что Томас не знал, как ему реагировать на слова мальчика. В душе образовался бездонный чёрный провал.

— Шенк прав, — размеренно сказал Ньют. — Вот почему мы не выходим. Не имеем права делать ситуацию ещё хуже, чем она уже есть.

Он положил руку на плечо младшего товарища, потом бессильно уронил её. В глазах парня заблестели слёзы. Томас был уверен, что даже в мрачном хранилище его украденных воспоминаний он не нашёл бы образа печальнее. Сгущающиеся сумерки усугубляли царящие в сердце скорбь и ужас.

— Двери закроются через две минуты, — проговорил Ньют, и это краткое и бесповоротное заключение раздалось в их ушах похоронным звоном. Затем парень повернулся и, ссутулившись, молча зашагал прочь.

Томас покачал головой и вновь вперил взор в Лабиринт. Он был едва знаком с Алби и Минхо, но в груди у него ныло при мысли о них, потерявшихся в переплетении коридоров, убитых чудовищными созданиями, подобных тому, которое он видел через окошко в своё первое утро в Приюте.

Громоподбный раскат раздался со всех сторон. Томас вздрогнул и оторвался от своих невесёлых мыслей. Затем послышался скрежет камня о камень: стены двигались — Двери закрывались на ночь.

Правая стена громыхала по блокам покрытия, поднимая фонтаны пыли и осколков. Ряд соединительных штырей, такой длинный, что, казалось, уходил прямо в небо, приближался к соответствующим отверстиям в левой стене, готовый запечатать проход до наступления утра. В который уже раз Томас с трепетом наблюдал за перемещением каменных громад — оно нарушало законы физики. Просто невозможно.

И тут краем глаза он заметил слева какое-то движение. Что-то происходило внутри Лабиринта, в конце длинного коридора прямо напротив входа.

Сначала он почувствовал укол паники и отшатнулся: а вдруг это гривер? Но вскоре стали ясно различимы две фигуры — спотыкаясь на заплетающихся ногах, они изо всех сил торопились к Двери. Пелена страха спала с глаз Томаса, и он узнал Минхо: тот буквально тащил на себе Алби, висевшего у него на плече. Минхо вскинул взор и увидел Томаса. Глаза у Чайника едва не выскакивали из орбит.

— Они его достали! — крикнул Минхо. Голос прозвучал слабо и надломленно — Бегун был измождён до крайности. Казалось, каждый его шаг мог стать последним.

Томас был так ошеломлён поворотом событий, что не сразу опомнился.

— Ньют! — наконец закричал он, с трудом отрывая взор от Минхо с Алби, чтобы взглянуть в ту сторону, куда ушёл старший товарищ. — Они возвращаются! Я вижу их!

Он понимал: надо бежать в Лабиринт и помочь им, но правило «никогда не покидать Приют» уже прочно укоренилось в его сознании.

Ньют уже почти добрался до Берлоги, но, услышав зов Томаса, мгновенно развернулся и, прихрамывая, припустил бегом обратно к Двери.

Томас со страхом смотрел на происходящее в Лабиринте. Минхо не смог удержать Алби, и тот тяжело рухнул на землю. Бегун из последних сил пытался вновь поставить его на ноги, но безуспешно, и наконец, оставив попытки, схватил безвольные руки товарища и потащил его по каменному покрытию.

Но до спасительного выхода оставалось ещё добрых сто футов.

Правая стена, казалось, наращивала скорость, тогда как Томас отчаянно желал, чтобы она замедлила движение. До полного закрытия оставались считанные секунды. У них не было ни малейшего шанса выбраться вовремя. Ни малейшего.

Томас обернулся к Ньюту: со своей хромотой тот, как ни напрягался, пробежал только половину пути.

Снова взгляд внутрь Лабиринта, потом на движущуюся стену: осталось несколько футов — и всё кончено.

Минхо споткнулся и растянулся на полу. Нет, никак не успеть! Время вышло. Вот и всё.

Томас слышал крики Ньюта у себя за спиной: «Не смей, Томми! Не смей, чёртов дурак!»

Штыри справа походили на направленные вперёд клинки, они стремились в отверстия слева, как меч в ножны, желая найти отдых на всю ночь. Оглушительный грохот и скрежет захлопывающейся Двери наполняли воздух.

Пять футов. Четыре. Три. Два.

Томас знал, что выбора у него нет. И он сделал шаг. Вперёд. В последнюю секунду проскользнул между соединительными штырями и вступил в Лабиринт.

Стены столкнулись за его спиной, эхо громогласного «бум!»

прокатилось по коридорам и отразилось от покрытых плющом стен, превратившись в раскат безумного хохота.

ГЛАВА 17

На несколько секунд, казалось Томасу, мир вокруг застыл. После грохота захлопнувшейся Двери наступила мёртвая тишина. Небо окутала завеса тьмы, словно само солнце страшилось того, что скрывал в себе Лабиринт; в сгустившихся сумерках циклопические стены приняли вид громадных склепов на заросшем гигантской травой кладбище для великанов.

Томас прислонился к грубому камню, сам не веря в то, что натворил, и исполнился ужаса перед неизбежными последствиями.

Из состояния прострации его вывел пронзительный крик Алби. Минхо тихо стонал. Томас оттолкнулся от стены и побежал навстречу приютелям.

С неимоверными усилиями Минхо удалось подняться, но выглядел он ужасно, даже в скудном свете сумерек — потный, грязный, всё его тело превратилось в один сплошной синяк. Но у валяющегося на полу Алби вид был ещё хуже: от одежды остались только клочья, руки покрыты ранами и кровоподтёками. Томаса передёрнуло от ужаса. Неужели Алби подвергся атаке гривера?

— Чайник, — прохрипел Минхо, — если ты думаешь, что совершил подвиг, слушай сюда. Ты просто самый-разсамый грёбаный долбанутый грёб, из всех трахнутых на голову трахнутый больше всех. Считай, что ты уже сдох, так же, как и мы.

Томас почувствовал, как вспыхнуло его лицо — он ожидал, по крайней мере, хоть немного признательности.

— Я не мог просто стоять и ничего не делать.

— И что хорошего из этого вышло? — закатил глаза Минхо. — Ну и хрен с тобой, чувак. Нарушай Правило номер один, затягивай петлю на собственной шее, мне до фонаря.

— Не стоит благодарности. Я только пытался помочь. — Томас чувствовал себя так, словно ему только что навешали оплеух.

Минхо горько, принуждённо засмеялся и опустился возле Алби на колени. Томас пристальнее всмотрелся в лежащего на полу вожака и только тогда понял, насколько плохи его дела. Алби, казалось, был на краю смерти. Его обычно тёмная кожа быстро теряла цвет, а дыхание становилось прерывистым и поверхностным.

Томаса охватило отчаяние.

— Что произошло? — спросил он, стараясь не поддаваться гневу.

— Не хочу об этом говорить. — Минхо проверил у Алби пульс и приложил ухо к его груди. — Скажем так: гриверы очень хорошо могут притворяться дохлыми.

Это заявление захватило Томаса врасплох.

— Так его... укусили? Или как там вы говорите — ужалили? И теперь он проходит через Превращение?

— Да, тебе много надо узнать, — вот и всё, что ответил Минхо.

Томас чуть не взвыл. Он и так знал, что ему много надо узнать — потому и задавал свои бесконечные вопросы.

— Он умрёт? — заставил он себя задать очередной вопрос, содрогнувшись от того, как бесстрастно он прозвучал.

— Поскольку нам не удалось вернуться до заката — наверняка. Может, даже через час-другой — я не знаю, сколько это занимает времени, когда ты не получаешь сыворотки. Мы с тобой тоже отдадим концы, так что сильно не горюй по Алби. Будь покоен, мы все скоро будем покойниками. — Бегун говорил таким будничным тоном, что до Томаса не сразу дошёл смысл сказанного.

Но вскоре он начал осознавать мрачную реальность происходящего.

— Мы действительно все умрём? — спросил он, не в силах поверить в это. — Говоришь, у нас нет ни одного шанса?

— Ни единого.

Пессимизм Минхо разозлил Томаса.

— А, брось! Должно же быть что-нибудь, что мы можем сделать! Сколько гриверов нагрянут по нашу душу? — Он заглянул в коридор, ведущий вглубь Лабиринта, словно ожидая, что чудовища появятся, стоит только назвать их по имени.

— Не знаю.

В мозгу Томаса вспыхнула мысль, давшая ему некоторую надежду.

— Но... А как же Бен? И Гэлли, и другие, которых ужалили, но они выжили?

Минхо бросил на него взгляд, красноречиво говоривший, что у его собеседника мозгов не больше, чем у коровьего плюка.

— Ты что, не слышал меня? Они все вернулись до заката, дебил. Вернулись и получили сыворотку.

Томас подивился, что это за сыворотка такая, но у него было слишком много других, более важных вопросов.

— Я думал, гриверы выходят только по ночам.

— Индюк тоже думал. Они *всегда* выходят по ночам. Но это не значит,

что они не показываются и днём.

Минхо, похоже, овладела полная безнадёжность. Томас не желал ей поддаваться — он не собирался сложить лапки и умереть.

— А кто-нибудь когда-нибудь оставался в Лабиринте ночью и при этом не погибал?

— Никогда.

Томас нахмурился — ну хоть бы малейший проблеск надежды!

— Тогда... сколько погибло?

Минхо уставился в пол, опершись одним локтем о колено. Он был крайне измотан и почти в шоковом состоянии.

— По крайней мере, двенадцать человек. Ты же вроде был на кладбище?

— Был.

«Так вот как они умерли», — подумал Томас.

— Собственно, там похоронены те, кого мы сподобились найти. А сколько тех, кого не нашли... — Минхо махнул рукой в сторону запечатанного входа в Приют. — Недаром это проклятое кладбище спрятано глубоко в лесу. Мало радости, если тебе каждый день будут колоть глаза твоими погибшими друзьями.

Минхо встал, подхватил Алби за руки и кивнул на его ноги:

— Берись за эти вонючие костыли. Давай оттащим его к Двери. Так у них будет наутро хотя бы одно тело.

Томас не верил своим ушам — настолько цинично звучало высказывание Бегуна.

— Это всё не взаправду! Этого не может быть! — поворачиваясь кругом, закричал он стенам. Ещё немного — и он окончательно сойдёт с ума.

— Кончай реветь. Надо было следовать правилам и оставаться в Приюте. Давай, хватай его за ноги.

Чувствуя, как всё внутри сжимается, Томас сделал, как было сказано. Вместе они наполовину пронесли, наполовину протащили почти безжизненное тело сотню футов до Двери, где Минхо привалил его к стене в полусидячем положении. Грудь Алби пока ещё тяжело, с усилием поднималась и опускалась, но кожа блестела от пота, и вообще, он выглядел так, что становилось ясно: долго ему не протянуть.

— Куда его укусили? — спросил Томас. — Можешь показать?

— Мля, да не кусают они! Они колют. Показать не могу, у него, наверно с дюжину уколов по всему телу. — Минхо сложил руки на груди и прислонился к стене.

Томасу слово «колют» почему-то показалось куда более зловещим, чем «кусают».

— Колют? Как это?

— Слушай, чувак, когда тебя самого уколют — поймёшь.

Томас указал на руки-ноги Минхо:

— Ну, хорошо. А почему они не укололи тебя?

Минхо оглядел свою руку:

— Кто знает, может, и укололи... Может, я вырублюсь в любой момент.

— Они... — начал Томас, но не закончил, не зная, что сказать. Непонятно было, говорит ли Минхо серьёзно или это у него приступ чёрного юмора.

— Да там был только один, тот, про которого мы думали, что он мёртвый. Он взбесился и ужалил Алби, а потом сбежал. — Минхо посмотрел вглубь Лабиринта, который теперь был полностью погружён в ночную тьму. — Уверен, скоро и он, и вся остальная шайка-лейка примчится сюда, чтобы сделать нам полный сеанс иглоукалывания.

— Иглоукалывания? — Чем дальше, тем хуже. — У них что — есть иглы?

— Ага, есть. — Минхо не стал углубляться в тему, а его лицо ясно говорило: продолжения не жди.

Томас взглянул на невероятной высоты стены, покрытые плющом. Отчаяние наконец заставило его мозг переключиться в режим решения проблем.

— А по ним подняться нельзя? — Он посмотрел на безмолвного Минхо. — По этим лозам нельзя вскарабкаться?

Минхо досадливо вздохнул.

— Ну ты и бестолочь, Чайник, думаешь — мы кучка идиотов? Думаешь, нам никогда в голову не приходило взобраться на чёртовы стены?

Впервые за всё время Томас почувствовал, как ярость одержала верх над страхом и паникой.

— Я всего лишь пытаюсь найти выход, мля! Бросай уже огрызаться на каждое моё слово, и давай нормально поговорим!

Минхо внезапно бросился к Томасу и схватил его за грудки.

— Не доходит, козёл?! Ты ни хрена не знаешь и только делаешь хуже, цепляясь за надежду! Мы — дохлое мясо, усёк? Дохлое!

Томас даже не мог понять, бесит его сейчас Минхо или вызывает жалость. Страж Бегунов слишком быстро сдался!

Минхо посмотрел на свои руки, вцепившиеся в футболку Томаса, и краска стыда залила его щёки. Он медленно разжал хватку и отступил.

Томас упрямо оправил одежду.

— Мля, вот мля... — пробормотал Минхо, потом скорчился на полу, прижимая к лицу стиснутые кулаки. — Я ещё никогда так не боялся, чувак. *Так* — никогда.

Томаса так и подмывало вправить ему мозги, сказать, чтобы не хныкал как сосунок, чтобы начал соображать и рассказал ему, Томасу, всё, что знал о гриверах.

Он открыл рот — и тут же закрыл, услышав *нечто.* Минхо вскинул голову и вгляделся в один из тёмных коридоров. Дыхание Томаса участилось.

Из глубины Лабиринта донеслись низкие, наводящие жуть звуки: сначала несколько секунд странного продолжительного жужжания, имеющего металлический призвук, словно острые стальные ножи тёрлись друг о друга. Шум на секунду усиливался и оканчивался непонятным жутковатым звяканьем. Томасу оно показалось похожим на пощёлкивание длинных ногтей по стеклу. В воздухе разносился замогильный вой, сопровождаемый чем-то, сильно напоминающим звон цепей.

Всё вместе производило устрашающее впечатление, и Томас начал терять даже те жалкие крохи отваги, которые ему до сих пор удавалось наскрести.

Минхо поднялся. В сгустившейся темноте его лица почти не было видно. Но когда он заговорил, по звуку голоса Томас мог ясно представить, что в широко открытых глазах Бегуна застыл невыразимый словами ужас:

— Нам надо разделиться — в этом наш единственный шанс. Просто будь всё время в движении. Беги и не останавливайся!

И с этими словами он развернулся и побежал. В одну секунду тьма Лабиринта поглотила его.

ГЛАВА 18

Томас стоял и пялился на то место, где только что был Минхо.

В его душе нарастало негодование. Минхо был ветеран здесь, Бегун со стажем, Томас — лишь новичок, всего несколько дней в Приюте и несколько минут — в Лабиринте. И всё же из них двоих именно Минхо потерял присутствие духа, запаниковал и сбежал при первой же опасности! «Как он мог оставить меня здесь одного? — возмущённо думал Томас. — Как он мог!»

Шум стал громче: гул моторов сочетался с дребезжащими, звякающими звуками, какие издавали когда-то цепные передачи на старых, примитивных и грязных заводах. А потом пришёл запах — угарная вонь перегретого машинного масла. Томасу не надо было гадать, кто его визитёр — гривера он уже видел, пусть и мельком, пусть и через мутное стекло. Что эти монстры сделают с ним, с Томасом? Как долго он продержится?

«Стоп!» — приказал он себе. Хватит зря тратить время, ожидая, пока чудища явятся и заберут у него жизнь.

Он повернулся к Алби. Тот по-прежнему сидел, привалившись к стене — лишь чёрная тень в наступившей тьме. Опустившись около вожака на колени, Томас нащупал пульс на его шее и ощутил слабое, едва заметное биение. Потом, по примеру Минхо, припал ухом к груди Алби: бу-бумп, бу-бумп, бу-бумп... Жив!

Томас сел на пятки и провёл рукой по лбу, стряхивая выступивший пот. И в этот момент, за какие-то секунды, он многое узнал о человеке по имени Томас и о том, каким он всегда был.

Не в его натуре оставить друга в беде, пусть и такого чокнутого, как Алби.

Он наклонился и схватил обе руки вожака, затем присел и обвил ими себе шею сзади. Отталкиваясь ногами и кряхтя от натуги, взвалил вялое тело себе на спину.

Но он переоценил свои силы. Томас рухнул ничком, Алби свалился с его спины и глухо ударился о камни пола.

Каждую секунду угрожающие звуки, издаваемые гриверами, приближались, стены Лабиринта отзывались на них отчётливым эхом. Томасу показалось, что вдалеке, в тёмном небе, он видит отражения каких-то ярких сполохов. Перспектива вскоре встретиться с источником этих

вспышек и звуков приводила его в содрогание.

Он попытался подойти к делу иначе: снова схватив Алби за руки, потащил его по земле. Невероятно, но парень был очень тяжёл, и вскоре Томас сообразил, что так дело не пойдёт. Да и где они могли бы укрыться?

Он вернул Алби на прежнее место у щели, обозначавшей вход в Приют, снова усадил его там, прислонив к стене, и сам уселся рядом, задыхаясь от утомления. Уставившись невидящим взглядом в тёмную глубь Лабиринта, он напряг все свои умственные силы в поисках решения. Оно не приходило. Несмотря на прощальные слова Минхо, он понимал, что бежать глупо, даже если бы он мог нести Алби на себе. Во-первых, заблудиться — пара пустяков, а во-вторых, велика вероятность, что он побежит навстречу гриверам, вместо того, чтобы удирать от них.

А если плющ? Минхо в подробности не вдавался, но по его словам можно было заключить, что карабкаться на стены — дело невозможное. Однако...

В его мозгу вырисовался план. Всё зависит от манеры поведения гриверов, жаль, что он с ней не знаком; но это было лучшее, что пришло ему в голову.

Томас сделал несколько шагов вдоль стены, пока не нашёл поросль плюща, такую густую, что за нею почти не видно было камня. Юноша наклонился, подхватил одну из лоз и сжал в ладони. Она была гораздо толще и прочнее, чем можно было подумать — почти полдюйма в диаметре. Он потянул за неё, и плеть отошла от каменной кладки, произведя звук рвущейся бумаги. Томас, не отпуская лозы, отходил всё дальше от стены. Когда он удалился футов на десять, то потерял из виду конец плети — он терялся в темноте. Но лоза не упала, значит, она крепко цеплялась за стену где-то там, в вышине.

Так, надо проверить как следует. Томас собрался с силами и потянул за лозу изо всех сил.

Она выдержала.

Теперь он резко дёрнул её. Потом ещё и ещё раз, обеими руками. Затем уцепился за лиану ногами, при этом его тело качнулось вперёд.

Лиана выдержала.

Быстрым движением Томас схватился за соседние лианы, оторвал их от стены. Они должны были послужить верёвками для восхождения на высоту. Он проверил каждую, и все они оказались такими же прочными, как и первая. Вдохновлённый, он вернулся к Алби и потащил его к лианам.

Из Лабиринта донёсся треск, сопровождаемый звуком сминаемого металла. Томас вздрогнул и обернулся: он настолько сосредоточился на

плюще, что забыл о гриверах. Внимательно осмотрел все три доступных ему стороны Лабиринта, но пока ничего не увидел. Однако шум приближался, становясь всё громче: жужжание, вой, звяканье. Тьма тоже чуть-чуть поредела, он мог даже разглядеть кое-какие мелочи, которые не в состоянии был увидеть всего лишь несколькими минутами раньше.

Он вспомнил о странных отсветах, которые наблюдал через окно тогда, с Ньютом. Гриверы были на подходе. Должны быть.

Томас задушил растущую панику и принялся за работу.

Он взял одну из лиан и обкрутил её вокруг правой руки Алби. Растение было коротковато, так что, чтобы выполнить задуманное Томасу пришлось самому служить подпоркой телу вожака. Накрутив лозу несколько раз, он завязал её. Потом взял другую и закрепил её на левой руке Алби, потом сделал то же самое с его обеими ногами, плотно обвязывая каждую из них. Он забеспокоился, не перекроет ли ток крови приютеля, но решил, что игра стоит свеч.

Томас отогнал подальше сомнения в осуществимости своего плана и продолжил работу. Теперь пришла его очередь.

Он обеими руками уцепился за плющ и принялся подниматься прямо над тем местом, к которому привязал Алби. Мясистые листья плюща отлично заменяли узлы, какие делают на верёвках, чтобы не скользили ладони. К тому же ногами можно было упираться в многочисленные трещины между камней — отлично! У него возникла мысль, как легко бы всё было, если бы не...

Он отказался додумывать мысль. Оставить Алби одного, беспомощного? Ни за что на свете!

Поднявшись на пару футов над головой вожака, Томас несколько раз обкрутил одну лозу вокруг собственной груди, затем дал ей скользнуть себе подмышки. Он медленно опустился и повис, разжав руки, но крепко упираясь ногами в расщелину стены. К его несказанному облегчению, лиана выдержала.

А вот теперь настал черёд самого трудного.

Внизу, под ним, на четырёх туго натянутых лозах висел Алби. Томас взялся за ту, что была прикреплена к левой ноге вожака, и потянул. Ему удалось подтянуть её всего на несколько дюймов — вес был слишком велик. Не справиться.

Он спустился обратно, на пол, решив толкать снизу, вместо того чтобы тянуть сверху. Для проверки попробовал поднять Алби только на пару футов,. Сначала он подтолкнул вверх левую ногу, привязал к ней новую лозу. Потом сделал то же с правой ногой. Закрепив обе, Томас провернул то

же самое с руками вожака — сначала с левой, затем с правой.

Отдуваясь, отступил назад, оценивая результат.

Алби безвольно висел теперь на три фута выше, чем за пять минут до того.

Звон из глубины Лабиринта. Урчание. Жужжание. Стоны. Томасу показалось, что слева он увидел пару красных вспышек. Гриверы приближались.

Он вернулся к работе.

Используя тот же метод подталкивания — сначала каждую из ног, потом каждую из рук (или наоборот), — Томас медленно карабкался на каменную стену. Он поднимался, оказывался прямо под телом товарища, обвязывал лозу вокруг своей груди для опоры, потом толкал Алби кверху так далеко, как только мог достать, каждую часть тела в отдельности, потом закреплял их, обвивая лианами. Потом повторял весь процесс сначала.

Подняться, обернуть, подтолкнуть, отвязать лозы... Подняться, обернуть, подтолкнуть, отвязать... Гриверы, по крайней мере, не слишком торопились сквозь Лабиринт, давая ему время сделать дело.

Мало-помалу Томас и Алби поднимались, что требовало полного напряжения сил. Юноша задыхался, каждый дюйм его тела был залит потом, руки устали и скользили по лианам, ноги ныли оттого, что их приходилось постоянно вжимать в трещины между камней. А шум всё нарастал — ужасный, устрашающий. Но Томас не сдавался.

Когда они поднялись примерно футов на тридцать над землёй, Томас остановился, раскачиваясь на лиане, обхватывающей его грудь. Помогая себе натёртыми, измождёнными руками, юноша повернулся лицом к Лабиринту. Он даже не мог себе представить, что возможно дойти до *такой* степени изнеможения — оно наполняло каждую клеточку его тела. Всё ныло от усталости, мускулы — те просто кричали: мы больше не можем! Поднять Алби выше он был не в состоянии. Вымотался.

Они будут прятаться здесь. Или бороться.

Ему было ясно — достичь верха они никак не могут. Оставалось надеяться, что гриверы не станут смотреть вверх. Или, в самом крайнем случае, Томас рассчитывал драться с ними здесь, на высоте, один на один. Всё лучше, чем подвергнуться нападению всех разом внизу, на земле.

Он понятия не имел, чего ожидать. Он понятия не имел, увидит ли завтрашний день. Как бы там ни было, здесь, наверху, в зарослях плюща, Томас и Алби встретят свою судьбу.

Прошло несколько минут, прежде чем Томас увидел первый проблеск света, отражающегося от стен коридора. Ужасающий звук, нараставший в

течение всего последнего часа, превратился в высокий, механический визг — наверно, так вопил бы сломанный робот, не желающий отправляться на свалку.

Его внимание привлёк красноватый отблеск на стене справа. Он повернулся туда и чуть не вскрикнул: всего в нескольких дюймах от его лица сидел жукоглаз; его паучьи ноги пронзали плющ и непонятным образом цеплялись за стену. Багровый свет его единственного глаза сиял, как маленькое солнце — на него было больно смотреть. Томас прищурился и попытался сосредоточиться на теле твари.

Её туловище представляло собой серебристый цилиндр, около трёх дюймов в диаметре и десяти дюймов в длину[6]. Двенадцать суставчатых ног располагались вдоль тела. Расставленные в стороны, они придавали существу вид ящерицы. Голову было невозможно рассмотреть из-за яркого алого света, направленного прямо в глаза юноши. Она, впрочем, казалась маленькой, поскольку её единственной функцией, по всей вероятности, было зрение.

Но тут Томас увидел такое, от чего его кожа покрылась пупырышками. Он припомнил, что, вроде бы, видел это раньше, тогда, в Приюте, когда жукоглаз проскользнул мимо него в глубь леса. Теперь не вызывало никаких сомнений: багровый свет глаз твари бросал жутковатый отблеск на её спину, где большими тёмными, как запекшаяся кровь, буквами было написано:

ПОРОК

Томас не мог понять, почему на спине жукоглаза красовалось это зловещее слово. Ну разве что, чтобы ещё больше запутать и запугать приютелей.

Теперь он был в курсе, что это существо — шпион для тех, кто послал их всех сюда. Такую малую долю информации выдал ему Алби, сказав, что через жукоглазов за ними наблюдают Создатели. Томас притих, затаил дыхание, надеясь, что, возможно, тварь регистрирует только движение. Тянулись долгие-долгие секунды, и лёгкие юноши отчаянно затребовали воздуха.

С тихим клик-клаком жукоглаз повернулся и скользнул прочь, исчезая в зарослях плюща. Томас втянул в себя большую порцию воздуха, потом

ещё одну, чувствуя, как лиана впивается ему в грудь.

Очередной механический визг пронзил воздух в коридоре, теперь уже совсем близко. Его сопровождало завывание моторов. Томас попытался подражать безжизненному телу Алби, вяло повиснув на лианах.

И тут что-то вывернуло из-за угла и направилось в их сторону.

Что-то, что он видел прежде, но сквозь надёжный заслон толстого стекла.

Что-то, неподвластное словам.

Гривер.

ГЛАВА 19

Томас в остолбенении не мог оторвать взгляда от чудовища в коридоре.

Оно выглядело так, словно эксперимент по его созданию пошёл вкривь и вкось — что-то из области ночных кошмаров. Полуживотное-полумашина, гривер, жужжа и звякая, перекатывался по проходу между каменных стен. Его тело походило на гигантскую улитку без раковины, кое-где покрытую редкими волосами и блестящую от слизи. Оно пульсировало в такт дыханию. Ярко выраженной головы или хвоста у чудища не было. В длину оно насчитывало как минимум футов шесть[7], в толщину — фута четыре[8].

Через каждые десять-пятнадцать секунд из грушевидного тела высовывались металлические острия, и всё существо вдруг скручивалось в шар и перекатывалось вперёд. После этого оно приостанавливалось, словно собираясь с мыслями, шипы втягивались в мокрую кожу с тошнотворным чмоком. Весь процесс повторялся снова и снова, и существо неторопливо двигалось — всего несколько футов за раз.

Но из тела гривера торчали не только волосы и шипы. Здесь и там, без всякой системы и симметрии располагались механические руки-манипуляторы — каждый со своим назначением. Некоторые были оснащены яркими прожекторами. Другие держали длинные, угрожающего вида иглы. Одна из рук оканчивалась трёхпалой клешнёй, которая клацала без всякой видимой причины. Когда тварь катилась, руки складывались и выворачивались, чтобы не сломаться. Томас только дивился, что — или кто — мог создать нечто столь ужасающее и мерзкое.

Так вот откуда шли те отвратительные звуки! Когда гривер катился вперёд, он издавал отдающий металлом визг, словно вращающаяся циркулярная пила, а жуткое звяканье слышалось, когда шипы и руки стукались о камни. Но что действительно вгоняло Томаса в пот — так это замогильный вой, издаваемый тварью, когда она не двигалась. Словно предсмертные стоны умирающих на поле боя.

Воспринимая теперь всю картину целиком — и монстра, и производимые им звуки — Томас не мог отделаться от мысли, что ни один ночной кошмар не мог бы сравниться с приближающейся к нему чудовищной тварью. Он старался подавить страх, заставить своё тело оставаться совершенно недвижным, висеть, как мёртвый, здесь, вверху, на

лианах. По всей видимости, их единственное спасение было в том, чтобы остаться незамеченными.

«Может, повезёт и он нас не увидит», — надеялся он. Но закрывать глаза на реальное положение дел ему не удавалось. Проклятый шпион уже, без сомнения, выдал их местонахождение.

Гривер подкатывался всё ближе, выписывая зигзаги, позвякивая, завывая и урча. Каждый раз, когда он останавливался, металлические руки разгибались и поворачивались в разные стороны, как у разведывательного робота на чужой планете, ищущего признаки жизни. Мечущийся свет прожекторов заставлял мрачные тени в закоулках Лабиринта плясать какой-то жуткий танец. Мимолётное воспоминание вдруг вырвалось из запертого ящика потерянной памяти Томаса: он маленький, а по стене движутся тени, пугая его до беспамятства. Как было бы хорошо сейчас убежать туда, в эти воспоминания, где бы они ни находились, кинуться к маме и папе, которые, как он надеялся, ещё были живы, тосковали по нему, ждали, искали его...

Его ноздри затрепетали от ударившей в них вони: тошнотворной смеси запахов перегретых моторов и горелой плоти. Неужели люди могли создать нечто столь гадостное и потом напустить его на детей?!

Стараясь не думать об этом, Томас закрыл глаза и сосредоточился на том, чтобы висеть абсолютно тихо и неподвижно. Чудовище неумолимо приближалось.

вррррррррррр
клик-клик-клик
вррррррррррр
клик-клик-клик

Не поворачивая головы, Томас скосил глаза вниз: гривер наконец достиг того участка, где на стене висели они с Алби. Монстр приостановился у щели, обозначающей закрытую Дверь в Приют, всего в нескольких футах справа от Томаса.

«Пожалуйста, — безмолвно молил Томас, — уйди!

Повернись.

Уйди.

Вон туда.

Пожалуйста!»

Гривер выпустил шипы и продолжал катиться по направлению к приютелям.

вррррррррррр
клик-клик-клик

Монстр остановился, потом прокатился ещё немного, вплотную

приблизившись к стене.

Томас затаил дыхание, боясь издать хоть малейший звук. Гривер сидел сейчас прямо под ними. Юноше страшно хотелось бросить взгляд вниз, но этого нельзя было делать: самое лёгкое движение могло выдать его. Яркие лучи света, исходящие от прожекторов чудовища, обшаривали всё вокруг, ни на чём не задерживаясь.

И тут они внезапно потухли.

Мир мгновенно стал тёмен и тих. Словно само чудовище вдруг *выключилось:* оно не двигалось, все звуки исчезли, даже смертный стон прекратился. Томас не в состоянии был ничего разглядеть.

Он полностью ослеп.

Юноша осторожно задышал через нос — интенсивно качающее кровь сердце отчаянно требовало кислорода. Могло ли чудовище услышать его? Или унюхать? Всё тело Томаса изошло потом: он пропитывал его волосы, одежду, лился ручьями со лба и испариной выступал на ладонях. Страх, подобного которому он никогда не испытывал прежде, доводил его до безумия.

По-прежнему тихо. Ни шевеления, ни звука, ни луча света. Каков будет следующий ход монстра? Желание предугадать его смертельно изматывало юношу.

Прошли секунды, потом минуты. Там, где лианы впивались в тело Томаса, плоть занемела. Его так и подмывало заорать застывшему внизу монстру: «Убей меня и убирайся туда, откуда пришёл!»

И вдруг, с внезапно ударившей вспышкой света, гривер пробудился к жизни и зажужжал, завыл, зазвякал...

А потом принялся карабкаться вверх по стене.

ГЛАВА 20

Шипы монстра впивались в стену, разбрасывая во все стороны ошмётки листьев и мелкие осколки камней. Его руки перемещались примерно так же, как ноги жукоглаза, цепляясь за выступы в стене. Яркий свет прожектора, расположенного на одной из рук ударил прямо в Томаса, только на этот раз луч остался на месте, никуда не ушёл.

Томас почувствовал, как в нём гаснет последняя искра надежды.

Стало ясно: единственное, что ему оставалось — это пуститься наутёк. «Прости, Алби», — думал он, лихорадочно освобождаясь от лианы, обвивавшей грудь. Держась левой рукой за листву над головой, он размотал лозу и приготовился к побегу. Лезть вверх было нельзя — так гривер сходу наткнётся на Алби. Вниз — ну разве что если Томас хочет умереть как можно скорее.

Ему придётся двигаться вбок.

Томас потянулся и ухватился за лозу в двух футах слева от того места, где висел. Накрутив её на руку, он резко дёрнул. Та выдержала — точно так же, как и другие. Бросив быстрый взгляд вниз, он увидел, что гривер уже преодолел половину расстояния. Чудище наращивало скорость, двигаясь без промедлений и остановок.

Томас отцепился от лианы, что ещё недавно обвивала его грудь, и бросил своё тело влево, оцарапавшись о стену. Раскачивающаяся маятником лоза вернула его назад, к Алби, и он ухватился за другую лиану, потолще и попрочнее. В этот раз он держался за неё уже обеими руками и повернулся, чтобы упереться ногами в стену. Он отодвинулся вправо так далеко, как позволяло растение, затем отпустил лиану и схватился за другую. Потом повторил всё сначала. Прыгая таким образом, словно обезьяна по веткам, Томас обнаружил, что может двигаться гораздо быстрее, чем смел надеяться.

Он слышал за собой шум безжалостной погони, теперь к нему присоединился треск крошащегося камня, заставлявший все кости в его теле вибрировать. Томас совершил ещё несколько бросков вправо, прежде чем позволил себе оглянуться.

Гривер сменил курс: он теперь направлялся не к Алби, а прямиком к Томасу. «Ну, наконец-то, — подумал тот, — хоть что-то пошло, как задумано». Как можно сильнее отталкиваясь ногами, рывок за рывком, он

уходил от чудовища.

Томасу не требовалось смотреть назад, чтобы понимать: его настигают. С каждой секундой шум преследования приближался. Необходимо было как-то вернуться на землю, иначе всё очень быстро придёт к концу.

Когда он в следующий раз передвинулся, то слегка скользнул рукой по лиане, прежде чем ухватиться за неё покрепче. Ладонь обожгло, но теперь он оказался на несколько футов ближе к земле. Повторил тот же манёвр ещё раз. Потом ещё раз. Через три броска он был уже на полпути к полу Лабиринта. Обе руки пылали от боли, кожа на ладонях стёрлась до мяса. Приток адреналина в крови помогал бороться со страхом. И он продолжал свой побег.

При следующем броске темнота помешала Томасу увидеть, что коридор закончился и повернул направо, прямо по курсу юноши была стена.

Он заметил её слишком поздно и с силой врезался в каменную кладку, потеряв лиану. Молотя в воздухе руками, юноша пытался за что-нибудь ухватиться, чтобы не грохнуться на камень внизу. В то же мгновение он краем левого глаза увидел, что гривер теперь почти рядом и протягивает к нему клацающую клешню.

На половине полёта к земле Томасу удалось зацепиться за какую-то лиану, при этом внезапная остановка чуть не вывернула ему руки из суставов. Он обеими ногами изо всех сил оттолкнулся от стены, уклоняясь от нацеленных на него клешни и страшных иголок гривера, выбросил вперёд правую ногу и треснул по руке с клешнёй. Маленькая победа ознаменовалась громким треском. Но Томас рано радовался: по инерции его несло теперь прямо на преследователя.

Адреналин бушевал в крови. Томас соединил ноги вместе и подтянул их к самой груди. Как только он врезался в гривера, с отвращением погрузившись на несколько дюймов в рыхлую кожу, юноша выбросил вперёд обе ноги и оттолкнулся, уворачиваясь от грозных игл и клешней, тянущихся к нему со всех сторон. Он бросил своё тело влево, потом прыгнул на стену, стараясь ухватиться за другую лозу. Юноша слышал, как позади щёлкают и клацают страшные орудия убийства, и почувствовал, что что-то процарапало его по спине.

Ему удалось схватиться за другую лиану. Он сжал её обеими руками, но не очень крепко, и теперь скользил по ней вниз, стараясь не обращать внимания на ужасную боль в обожжённых ладонях. Как только ноги коснулись каменного пола, он припустил во весь дух, несмотря на то, что

всё его тело вопило от изнеможения.

Сзади послышался шум падения, за которым последовало бульканье, звяканье и рокот. Но Томас и не подумал оглянуться — каждая секунда была дорога.

Он свернул за один угол Лабиринта, потом за другой; бежал из последних сил, сбивая пятки о каменный пол. Он старался фиксировать в памяти каждый свой поворот — запоминал путь, в надежде, что проживёт ещё достаточно долго, чтобы воспользоваться полученной информацией и вернуться к Двери в Приют.

Направо, налево. Вниз по длинному проходу, потом опять направо. Налево. Направо. Два раза налево. Ещё один длинный коридор. Звуки преследования не утихали, но Томас не собирался сдаваться.

Он бежал всё дальше. Сердце готово было выпрыгнуть из груди; он тяжело, со свистом, втягивал в себя воздух, пытаясь насытить лёгкие кислородом, но становилось понятно, что долго ему так не выдержать. Не легче ли повернуться к преследователю лицом и вступить в борьбу? Так, во всяком случае, всё кончится гораздо быстрей.

Завернув за следующий угол, он встал, как вкопанный и лишь стоял, тяжело дыша, не в силах оторвать взгляд от того, что открылось ему за поворотом.

Навстречу ему, вонзая шипы в расщелины каменного пола, по коридору катились три гривера.

ГЛАВА 21

Томас оглянулся на своего преследователя — тот продолжал погоню, хотя и слегка снизил темп; его металлическая клешня клацала, и этот звук невероятно походил на смех — монстр словно дразнил свою жертву.

«Знает, что со мной покончено», — подумал юноша. После стольких трудов, после всех усилий — вот к чему он пришёл. Окружён гриверами. Это конец. Всего лишь неделю он жил новой, сознательной жизнью (ведь от старой в памяти не осталось ничего, значит, ее как будто и не было), и сейчас предстоит умереть.

Охваченный отчаянием, он принял решение продать свою жизнь как можно дороже.

Рассудив, что один — предпочтительнее, чем три, он устремился к тому гриверу, который загнал его сюда. Мерзкое создание даже отступило на дюйм и перестало клацать клешнёй, словно слегка обалдев от Томасовой наглости. Воодушевлённый этой заминкой, приютель пронзительно завопил и бросился в атаку.

Гривер очнулся, выпустил шипы и решительно покатился навстречу своему врагу. Это едва не погасило кратковременную вспышку безумной отваги и чуть было не остановило Томаса, но он продолжал бежать вперёд.

В последнюю секунду перед столкновением с этой грудой металла, меха и шипов Томас оттолкнулся левой ногой и мгновенно увернулся вправо. Гривер по инерции пронёсся мимо и только потом, сотрясшись всей тушей, остановился. Юноша заметил, что теперь тварь двигалась гораздо быстрее. С металлическим взвоем гривер развернулся и нацелился на свою жертву. Однако шустрая жертва вырвалась из окружения — путь к спасению был открыт.

Томас припустил обратно по коридору. За спиной раздавались звуки преследования: на этот раз за ним гнались все четыре гривера. Юноша был на пределе своих физических сил, но продолжал бег, стараясь не поддаваться отчаянию, не думать о том, что его неизбежно настигнут — это всего лишь вопрос времени.

Когда он пронёсся через три коридора, пара неизвестно откуда взявшихся рук схватила его и дёрнула в прилегающий проход. Сердце Томаса подпрыгнуло к самому горлу, и он отчаянно забился, стараясь вырваться. Однако прекратил борьбу, увидев, что его похититель — Минхо.

— Что за...

— Заткнись и давай за мной! — проорал Минхо, и, не дожидаясь, пока тот опомнится, потащил Томаса за собой.

Не раздумывая ни секунды, Томас полетел следом. Они бежали, кружа по бесконечным коридорам. Минхо, казалось, точно знал, что делает и куда направляется; он ни разу ни на секунду не задумался, какой путь выбрать.

Когда они поворачивали за очередной угол, Минхо попытался заговорить. Задыхаясь, он прохрипел:

— Ты там... я видел... сделал такой бросок... я тут подумал... только бы нам... продержаться ещё чуть-чуть...

Томас решил не сбивать дыхание и не тратить его на вопросы, поэтому следовал за Минхо, храня молчание. Он не оглядывался — и так знал, что гриверы неумолимо настигают их. Каждый дюйм его тела болел, все косточки и суставы вопили: хватит, больше не можем! Но он продолжал бежать, надеясь, что сердце не подведёт и не остановится.

Ещё несколько поворотов — и Томас различил впереди... нечто. Разум пока не мог определить, что же он, собственно, различил. Там было что-то, чего быть не должно. Блеклый свет, испускаемый их преследователями, только делал эту аномалию ещё очевиднее.

Коридор не заканчивался стеной.

Он заканчивался чернотой.

Томас прищурился, стараясь разглядеть, что же такое ждёт их впереди. Две покрытые плющом стены по сторонам, казалось, выходили прямо в небо — там сверкали звёзды. Когда ребята приблизились к концу коридора, он наконец понял, что это — отверстие. Здесь Лабиринт кончался.

«Как это может быть? — недоумевал он. — Столько лет поисков — и вдруг мы с Минхо так легко находим выход!»

Минхо, наверно, подслушал его мысли.

— Рано радуешься, — с усилием выдохнул он.

За несколько футов до конца коридора Минхо затормозил и выставил руку, упершись ею в грудь набегавшего Томаса — чтобы тот тоже остановился. Томас перешёл на ходьбу и приблизился к тому месту, где Лабиринт открывался прямо в небо. Звуки погони приближались, но он не обращал на них внимания: необходимо было разглядеть всё в подробностях.

Итак, вот перед ним выход из Лабиринта. Но, как и предупреждал Минхо, радоваться было нечему. Во всех направлениях, куда ни кинь взгляд: вверх или вниз, направо или налево — видно только небо и блекнущие звёзды. Странное и не укладывающееся в сознании зрелище,

словно он стоит на краю Вселенной. На краткий миг у Томаса закружилась голова и подогнулись колени, но он моментально опомнился и устоял.

Занимался рассвет, небо, казалось, светлело прямо на глазах. Томас не верил своим глазам: он не мог понять, как такое возможно. Лабиринт, похоже, построили и неведомым образом поместили где-то в небе, и теперь он будет парить посреди пустоты до скончания времён.

— Невероятно, — прошептал он, не отдавая себе отчёта в том, слышит его Минхо или нет.

— Эй, осторожнее, — отозвался Бегун. — Иначе пополнишь число шенков, которые уже улетели ласточкой с Обрыва. — Он схватил Томаса за плечо. — Ты ничего не забыл? — Он кивнул внутрь Лабиринта.

Томас слышал слово «Обрыв» раньше, но не понимал, что при этом имелось в виду. Увидев впереди и под собой бездонное открытое пространство, он впал в ступор, словно загипнотизированный. Встряхнулся, вернулся к действительности и обратился лицом к преследователям. Гриверы были уже близко — всего в дюжине ярдов. По одному, друг за другом, они удивительно быстро неслись по проходу, словно их подстёгивало желание отомстить ускользнувшей жертве.

Он всё понял ещё до того, как Минхо объяснил ему свой план.

— Злющие-то они злющие, эти твари, — говорил Бегун, — зато глупы, как пробка. Становись сюда, вплотную ко мне, лицом...

Томас не дослушал его:

— Понял. Я готов.

Нога к ноге, они стали в самой середине коридора и тесно прижались друг к другу боками. Позади них открывался провал, впереди — подступающие гриверы. Пятки юношей чуть ли не свисали с Обрыва, а дальше простиралась лишь пустота.

Всё, что у них теперь оставалось — только отвага.

— Нам нужно действовать синхронно! — Минхо с трудом перекрикивал оглушительное громыхание металлических шипов, вонзающихся в камень. — По моей команде!

Почему гриверы выстроились в колонну, осталось загадкой. Наверно, проходы Лабиринта оказались слишком узки для чудищ, они не могли двигаться бок о бок. Но как бы там ни было, смертоносные твари, гремя, звеня и завывая, катились по коридору. Дюжина ярдов превратилась в дюжину футов, и вот лишь секунды отделяют монстров от столкновения с застывшими в ожидании ребятами.

— Внимание, — выжидательно цедил Минхо, — не сейчас... не сейчас...

Каждая секунда ожидания, даже каждая тысячная доля секунды буквально сводила Томаса с ума. Ему хотелось лишь закрыть глаза и больше никогда не видеть ни одного гривера.

— Давай! — вскричал Минхо.

Как только первый из гриверов протянул лапу, чтобы цапнуть кого-нибудь из мальчишек, ребята отпрыгнули друг от друга в разные стороны — по направлению к стенам коридора. Эта тактика снова себя оправдала. Чудовище с воем перелетело через край Обрыва, рухнуло вниз и... Вот странно: его крик внезапно оборвался, вместо того, чтобы плавно затихнуть на пути в бездну.

Томас врезался в стену и едва успел повернуться, чтобы увидеть, как второе чудище, не в силах остановиться, последовало за первым. Третий гривер попытался зацепиться шипастой рукой за камень, но инерция была слишком велика. Томаса передёрнуло: визг металлических шипов, царапающих покрытие пола, резанул нервы, волосы на затылке встали дыбом. Секундой позже гривер улетел в бездну. И снова — как и у предыдущих двух, его вой резко оборвался, вместо того чтобы постепенно затихнуть — словно чудище вдруг исчезло, а не упало.

Четвёртому и последнему удалось остановиться на самом краю Обрыва, и он колыхался там, уцепившись шипами и клешнёй за камень.

Томас инстинктивно понял, что надо делать. Они с Минхо переглянулись и кивнули друг другу. Оба юноши налетели на гривера, прыгнули, выставив вперёд ноги, и изо всех оставшихся сил одновременно хватили тварь пятками, посылая её навстречу гибели.

Томас быстро подполз к краю бездны и высунул голову: хотел увидеть, как падают гриверы. Но — невероятно! — в простиравшейся под ним пустоте не было видно ни одного из них. Как испарились.

Как такое может быть — не укладывалось у него в голове. Куда обрывается отвесная скала? Куда подевались гриверы? Последние силы оставили его, Томас свернулся клубком на полу...

...и наконец разразился слезами.

ГЛАВА 22

Прошло полчаса.

Ни Томас, ни Минхо за это время не пошевельнулись.

Наконец Томас вытер слёзы. Стало стыдно: что подумает о нём Минхо, того и гляди, расскажет другим, мол, Томас-то у нас — нюня и тряпка, расплакался, как маленький. Но самоконтроля у него не осталось ни капли, слёзы брызнули сами собой — юноша не в силах был остановить их. Несмотря на потерю памяти, Томас был уверен, что эта ночь — самая страшная в его жизни. А израненные руки и ломящее от изнеможения тело никак не способствовали поднятию духа.

Он ещё раз подобрался к краю Обрыва, и снова высунул голову — стало значительно светлее и потому лучше видно. Пурпур простёршегося перед ним неба медленно сменялся яркой голубизной, а где-то вдали поднималось солнце, добавляя в палитру оранжевые тона.

Он уставился прямо вниз: каменная кладка стен Лабиринта переходила в скалу, которая круто обрывалась вниз, в неизвестность. Даже в усиливающемся свете утра Томас не мог разглядеть, что там, внизу. Выглядело так, словно Лабиринт опирался на некую структуру, поднятую на мили и мили над землёй.

«Но это же невозможно, — думал он. — Так не бывает. Иллюзия, не иначе!»

Он со стоном перекатился на спину. Всё: и внутри, и снаружи — ужасно болело, раньше ему и в голову не пришло бы, что может существовать *такая* боль. По крайней мере, скоро откроется Дверь, и они смогут вернуться в Приют. Он взглянул на Минхо — тот сидел, грузным комом привалившись к стене.

— Не могу поверить. Мы живы, — вымолвил Томас.

Минхо ничего не ответил, лишь кивнул. Его лицо было лишено всякого выражения.

— Сколько там этих тварей? Неужто мы убили всех?

Минхо фыркнул.

— Скажи спасибо — рассвет наступил, не то давно бы уже имели ещё десяток говнюков на наши задницы. — Он, содрогаясь и постанывая, переменил позу. — Не могу поверить. Точно тебе говорю. Мы умудрились пережить целую ночь. Такого ещё никогда не случалось.

Томас понимал, что должен бы сейчас гордиться собой, чувствовать себя героем, что-нибудь в этом роде. На самом деле он ощущал лишь бесконечную усталость и облегчение.

— Что мы сделали иначе, чем другие?

— Да откуда я знаю? У мертвеца трудновато разжиться сведениями, где он напортачил.

Томас не переставал дивиться, почему яростные крики гриверов так внезапно прекращались, когда те валились с Обрыва, и почему он так ни одного из них и не увидел летящим навстречу смерти. Что-то в этом было странное и тревожное.

— Они как будто исчезли, что ли, после того, как перевалились через край...

— А, шизуха какая-то. Пара приютелей даже выдвинули теорию, что и другие вещи исчезают, но мы доказали, что они неправы. Смотри.

Минхо швырнул камешек с Обрыва. Томас проследил глазами, как тот летел и летел вниз, постепенно уменьшаясь, пока не стал неразличим. Томас обернулся к товарищу:

— Ну и в чём доказательство, что они неправы?

Минхо пожал плечами:

— Но ведь камень же не исчез, правда?

— А что тогда, по-твоему, произошло?

Томас чувствовал, что здесь кроется что-то значительное. Минхо снова пожал плечами:

— Да фокус-покус какой-то, чёрт его знает... У меня и так башка раскалывается, на хрен ещё думать чёрт знает о чём.

Внезапно Томаса словно что-то толкнуло изнутри, и все мысли об Обрыве исчезли — он вспомнил про Алби.

— Нам надо обратно. — Собравшись с силами, он поднялся на ноги. — Надо снять Алби со стены.

Увидев недоумённое выражение на лице Минхо, он в двух словах объяснил, какое применение нашёл зарослям плюща.

Минхо удручённо уставился в землю.

— Забей. Он мёртв.

Томас отказывался верить.

— Откуда ты знаешь? Пошли! — И он заковылял по коридору.

— Да потому что никто никогда не...

Он замолк, и Томас понял, что Бегун имел в виду.

— Ты говоришь так, потому что к тому времени, когда их находили, они все были убиты гриверами. А Алби только ужалили иглой, так ведь?

Минхо поднялся, и они с Томасом побрели ко входу в Приют.

— Не знаю... Такого просто раньше не случалось. Нескольких парней ужалили иглами, это да, но то случилось днём. Все они получили сыворотку и прошли через Превращение. А тех бедных шенков, что застряли в Лабиринте на ночь, мы находили гораздо позже, иногда несколькими днями позже, если вообще находили. И их всех убили так, что тебе, поверь, не в дугу будет слушать.

Томаса передёрнуло при этих словах.

— После того, что приключилось с нами, могу себе представить.

Минхо вскинул взгляд. Его лицо внезапно преобразилось.

— Слушай, я думаю, ты правильно догадался! Мы ошибались!.. Ну, скажем, *надеюсь*, что мы ошибались. Никто из тех, кого ужалили и кто не смог вернуться до заката, не выжил, и потому мы решили, что закат — это точка невозвращения, ну, то есть, после неё поздно принимать сыворотку. — Эта мысль, похоже, воодушевила Бегуна.

Они завернули за очередной угол. Минхо устремился вперёд, и хотя он прибавил шагу, Томас не отставал. Происходило нечто удивительное: он чувствовал себя здесь, как рыба в воде, угадывая направления и зачастую заходя на поворот ещё до того, как Минхо указывал путь.

— О-кей, эта сыворотка, — сказал Томас. — Я уже слышал о ней пару раз. Что это такое? Откуда она берётся?

— Сыворотка — она сыворотка и есть, шенк. Грив[9]-сыворотка.

Томас выдавил жалкий смешок:

— Ну вот, а я-то думал, что уже всё знаю про это дурацкое место. Почему вы так её называете? И почему зовёте этих тварей гриверами?

Теперь они шли по бесконечным извивам Лабиринта бок о бок, и Минхо пустился в объяснения.

— Не знаю я, откуда все эти названия. А сыворотку мы получаем от Создателей — ну, это мы их так называем. Она приходит с другими припасами, каждую неделю, железно. Так всегда было. То ли лекарство, то ли противоядие, кто его знает... Уже заряжена в шприц, прямо бери и пользуйся. — Он сделал жест, словно втыкая иглу себе в руку. — Всаживай эту пакость в беднягу, которого ужалили, — и он выздоравливает. Правда, через Превращение всё равно приходится пройти, но после этого всё нормуль.

Минуту-другую они шли в молчании, пока Томас осмысливал информацию; за это время они одолели пару очередных поворотов. Превращение — вот что занимало его мысли. Что бы это могло быть? А ещё он — уже совсем непонятно почему — продолжал думать о девушке...

— Вот странно-то... — снова заговорил Минхо, — мы никогда об этом раньше не говорили. Если Алби ещё жив, то почему бы не предположить, что сыворотка ему поможет? Мы по дурости забрали себе в головы, что раз Двери закрылись — всё, хана, тебе крышка. Нет, мне нужно самому увидеть эту подвесочку на стене. Признайся, ты же просто мне впариваешь?

Они продолжали идти: Минхо выглядел почти счастливым, а вот Томаса кое-что терзало. Он гнал от себя эту мысль, но в конце концов не выдержал:

— А что, если на Алби напал другой гривер? После того, как я увёл того, первого?

Минхо бросил на него косой взгляд, но ничего не ответил.

— Я только хочу сказать, давай поторопимся, — пробормотал Томас. Ему очень хотелось надеяться, что его усилия по спасению Алби не пропали даром.

Они попытались ещё прибавить шагу, но измученные тела отказались подчиняться. Пришлось вернуться к прежней, медленной ходьбе, несмотря на то, что нужно было торопиться. Когда они завернули за следующий поворот, Томас различил впереди какое-то движение. От неожиданности сердце у него ёкнуло, ноги заплелись, и он чуть не запахал носом. Мгновением позже его затопила волна облегчения — это были Ньют и группа приютелей. Перед ними возвышалась Западная дверь, и она была открыта. Они вернулись.

Завидев Томаса с Минхо, Ньют похромал к ним.

— Что тут произошло? — закричал он. Можно было подумать, что он сердится. — Как, к чертовой...

— Потом расскажем, — оборвал его Томас. — Сначала надо спасти Алби.

Ньют побледнел.

— Что ты такое мелешь? Он жив?!

— Пошли за мной.

Томас двинулся направо, вытягивая шею, всматриваясь в густые заросли плюща. Наконец он узрел Алби, подвешенного за руки и за ноги высоко у них над головами. Не говоря ни слова, Томас указал вверх. Он не осмеливался радоваться раньше времени. Алби всё ещё находился там, где он его оставил, и всё ещё был цел, но не подавал никаких признаков жизни.

Ньют тоже увидел своего друга, подвешенного на лианах, и обернулся к Томасу. И если раньше он выглядел потрясённым, то теперь на его лице было написано истинное ошеломление.

— Он что... жив?!

«Пожалуйста, будь жив!» — мысленно взмолился Томас, а вслух сказал:

— Не знаю. Был жив, когда я оставлял его там висеть.

— Когда *ты* оставлял его... — Ньют покачал головой. — Так, вы с Минхо валите в Приют, пусть Медяки вас посмотрят. Выглядите, как куча плюка. А когда придёте в себя и отдохнёте, то выложите мне всё.

Томасу хотелось подождать — узнать, жив ли Алби. Он открыл было рот, но Минхо вцепился ему в руку и потащил по направлению ко входу в Приют.

— Нам надо выспаться. И перевязку. *Немедленно.*

Томас знал, что Бегун прав. Он помедлил, глянул через плечо вверх, на Алби, потом подчинился и вслед за Минхо покинул Лабиринт.

Короткая дорога до Двери, а потом до Берлоги показалась им бесконечной. По пути следования с обеих сторон на них таращились приютели; их лица выражали восхищение, смешанное с благоговейным ужасом, словно мимо них дефилировали два восставших мертвеца. Томас понимал причину такой реакции: им с Минхо удалось то, что прежде не удавалось никому, — однако всеобщее внимание его смущало.

Он чуть не остановился, завидев впереди Гэлли — тот стоял, сложив руки на груди, и пялился на них — но заставил себя идти дальше. Собрав в кулак всю свою волю, Томас взглянул Гэлли прямо в глаза, и больше не опускал взора. Когда расстояние между ними сократилось футов до пяти, Гэлли не выдержал и потупил взгляд.

Томас почувствовал такое удовлетворение, что это его даже слегка обеспокоило.

Следующие пять минут прошли как в тумане. Пара Медяков проводила их в Берлогу. Они поднялись по лестнице и прошли по коридору мимо приоткрытой двери в комнату, где кто-то кормил лежащую в коме девушку. Томасу невыносимо хотелось увидеть её, проверить, всё ли с ней в порядке... Их водворили в отдельные комнаты, уложили в постель, накормили, напоили, перевязали раны... Всё болело. И наконец Томаса предоставили самому себе. На такой мягкой подушке ему никогда прежде лежать не доводилось— разумеется, если принять во внимание его ограниченную память.

И пока он засыпал, две вещи никак не желали оставить его в покое. Первая: в мыслях всё время мелькало слово, написанное на обоих виденных им жукоглазах — ПОРОК.

Вторая... была девушка.

Через несколько часов, показавшихся днями, его растолкал Чак. Прошло некоторое время, прежде чем Томасу удалось собраться с мыслями и сосредоточиться. Увидев Чака, он застонал:

— Шенк, дай мне поспать!

— Я подумал, может, тебе будет интересно узнать...

Томас протёр глаза и зевнул.

— Узнать что? — Он взглянул на Чака, недоумевая, с чего тот так лыбится.

— Он жив, — сказал Чак. — Алби в порядке, и сыворотка подействовала.

Сонливость Томаса как рукой сняло, и он почувствовал несказанное облегчение. Даже удивительно, до чего он был рад слышать принесённую Чаком весть. Но следующие слова мальчика омрачили его радость.

— У него как раз началось Превращение.

И словно в подтверждение его слов, из соседней комнаты донёсся леденящий душу вопль.

ГЛАВА 23

Томас долго и напряжённо размышлял об Алби. Спасти ему жизнь, вернуть домой после ночи в Лабиринте казалось большой победой. Но стоила ли на самом деле игра свеч? Ведь теперь парню приходится так туго! Он выносит кошмарную боль, проходя через то же, через что прошёл Бен. А что, если он станет таким же психом ненормальным? Было от чего забеспокоиться!

На Приют опустились сумерки, а крики Алби не прекращались. От них сотрясались стены Берлоги, от них было не спрятаться, ужасные звуки не давали никакого покою. Наконец, Томас уговорил Медяков отпустить его с миром — пусть он измождён, изранен, забинтован с ног до головы, но выносить пронзительные, полные невыносимой муки вопли их лидера он просто больше был не в состоянии. Томас просил Ньюта допустить его к человеку, ради которого рисковал жизнью, но тот отказал наотрез, заявив: «Будет только хуже». Спорить было бесполезно.

К тому же Томас слишком устал для споров. Несмотря на несколько часов сна он по-прежнему чувствовал себя выжатым, как лимон. Не в состоянии чем-либо заняться, остаток дня он провёл на скамье на опушке Жмуриков, в глубокой депрессии. Душевный подъём, вызванный удачным возвращением из Лабиринта, быстро уступил место горестным раздумьям о его нынешней жизни в Приюте. Каждая мышца ныла, на нём не было живого места от синяков и ссадин, но даже это ни в какое сравнение не шло с эмоциональной встряской, которую ему пришлось пережить минувшей ночью. Ужасная действительность навалилась на него тяжким грузом. Юноша чувствовал себя как раковый больной, которому сообщили смертельный диагноз.

«И как кто-то может при таких обстоятельствах радоваться жизни? — размышлял он. А потом ему пришло в голову: «Какой же злобной сволочью надо быть, чтобы учинить над нами такое?!» Он как никто другой понимал теперь страстное желание приютелей вырваться из Лабиринта. Речь шла не только о побеге. Впервые за всё время он ощутил дикую жажду расквитаться с теми, кто заслал его сюда.

Но такие мысли лишь возвращали его в состояние безысходности, в которое он и раньше уже впадал неоднократно. Если Ньют и другие не в сумели раскусить Лабиринт за *два года* исследований, то, по всей

вероятности, дело обстоит так, что никакого решения вовсе не существует! То, что приютели не сдавались, очень красноречиво говорило о душевных качествах этих людей.

А теперь и он стал полноправным членом их маленького общества.

«Такова теперь моя жизнь, — размышлял он, — в гигантском лабиринте, в окружении чудовищ». Его наполнял смертельный яд горечи. Вопли Алби, немного ослабленные расстоянием, однако хорошо различимые, ещё больше растравляли душу. Он вынужден был зажать уши руками.

Наконец, наступил вечер, солнце пошло на закат, и раздался знакомый грохот закрывающихся на ночь Дверей. Томас не помнил что происходило с ним до того момента, как он очнулся в Ящике, но был уверен: он только что прожил худшие сутки своей жизни.

Вскоре после наступления темноты Чак принёс ему ужин и большой стакан воды.

— Спасибо, — сказал Томас и почувствовал прилив теплоты и признательности к мальчику. Со всей быстротой, на которую были способны его ноющие руки, он подхватил на вилку макароны с мясом и набил полный рот. — Как же мне этого не хватало! — промямлил он, сделал гигантский глоток воды и снова кинулся в атаку на еду. Он даже не догадывался, до чего был голоден, пока не начал есть.

— Ну ты и жрёшь, смотреть противно, — фыркнул Чак, устраиваясь рядом на скамейке. — Ну прямо оголодавший свин, уминающий свой плюк.

— Гы-гы, как смешно, — с налётом сарказма в голосе отозвался Томас. — Пошёл бы повеселил гриверов, то-то бы они обхохотались.

На мордашке Чака промелькнуло выражение обиды, и Томас действительно почувствовал себя свиньёй, но лицо мальчика почти тотчас разгладилось.

— Да, спасибо, напомнил — о тебе теперь разговоры на всю деревню.

Томас выпрямился, не совсем уверенный, как ему к этому отнестись.

— Это ещё что за чушь?

— А, ну да, сейчас, дай подумать. Во-первых, ты попёрся в Лабиринт несмотря на запрет, да ещё и на ночь глядя. Потом тебе стукнуло в голову превратиться в человеко-обезьяну, и ты пошёл прыгать по лианам и развешивать людей на стенках. Дальше. Ты стал первым, кто провёл целую ночь за пределами Приюта и остался в живых. И напоследок угрохал четверых гриверов. Подумаешь, невидаль. Вот не могу понять, с чего бы это нашим кумушкам трепать языками.

Томас преисполнился было гордости, но она быстро увяла; юноше даже стало немного стыдно за только что испытанную радость: Алби был прикован к постели и кричал от невыносимой боли. Кто знает, может, вожак сейчас жалел, что остался жив.

— Заманить их и отправить с Обрыва была идея Минхо, а не моя.

— А он другое утверждает. Говорит, видел, как ты проделал фокус «выжди-и-увильни», и тоже решил им воспользоваться — у Обрыва.

— Фокус «выжди-и-увильни»? — переспросил Томас, закатив глаза. — Тоже мне фокус. Да его любой идиот смог бы проделать.

— Ой, вот только не надо скромничать! То, что ты провернул — просто невероятно. Вы оба, ты и Минхо.

Но Томас в сердцах швырнул пустую тарелку на землю:

— Тогда почему мне так паршиво, Чак? Может, скажешь, а?

Томас всматривался в лицо Чака в поисках ответа, но, судя по всему, у мальчика его не было. Он лишь сцепил ладошки, наклонился, опершись локтями о коленки, и повесил голову. Потом чуть слышно прошептал:

— Потому же, почему нам всем паршиво.

Так, в молчании, они сидели несколько минут, когда к ним пришёл бледный, как смерть, Ньют. Парень уселся на землю перед ребятами. На нём лица не было от расстройства и тревоги. И всё равно — Томас был рад его появлению.

— Думаю, самое худшее позади, — проговорил Ньют. — Бедняга теперь продрыхнет дня два, а потом всё наладится. Ну, будет покрикивать время от времени.

Томас и вообразить не мог, насколько страшно было испытание, через которое проходил Алби. Правда, для него, Томаса, весь процесс Превращения оставался загадкой. Он повернулся к старшему товарищу, стараясь говорить как ни в чём не бывало:

— Ньют, что это такое — Превращение? Серьёзно, никак в толк не возьму.

Ответ Ньюта озадачил его.

— А ты думаешь, мы возьмём? — выпалил бывший Бегун, взметнув руки кверху и затем ударив ладонями по коленям. — Всё, что нам, на фиг, известно — это если гривер воткнёт в тебя свою долбаную иглу, то ты должен либо получить шприц грив-сыворотки, либо отдать концы. Если получишь сыворотку, то у тебя всё тело идёт вразнос, дрожишь, как в лихорадке, кожа вздувается и становится дурацкого зелёного цвета, а ещё весь облюёшься на фиг с ног до головы. Ну что, хватит с тебя объяснений, Томми?

Томас нахмурился. Не хотелось ещё больше выбивать Ньюта из колеи, но ему нужны были ответы.

— Да нет, я знаю, это паршиво — видеть, как твой друг мучается, но я хочу знать, что происходит по сути. Почему вы называете это Превращением?

Ньют смягчился, сгорбился — казалось, что он даже как-то уменьшился в росте, — и вздохнул.

— Оно возвращает воспоминания. Не все и не полностью, только обрывки, но это настоящие воспоминания о том времени, что было до прибытия в это долбаное место. У любого, кто подвергся Превращению, потом начинаются выверты, хотя, обычно, всё идёт не так худо, как у бедняги Бена. Это как будто тебе возвращают твою прежнюю жизнь, а потом тут же забирают обратно.

Мозг Томаса лихорадочно работал.

— Ты уверен?

Лицо Ньюта приняло озадаченное выражение.

— Ты о чём? В чём я должен быть уверен?

— Они становятся такими, потому что хотят вернуться в свою прежнюю жизнь или потому что впадают в депрессию, когда осознают, что эта самая прежняя жизнь ничуть не лучше нынешней?

Ньют мгновение пристально всматривался в Томаса, а потом в задумчивости отвёл глаза в сторону.

— Шенки никогда по-настоящему не рассказывают о том, через что прошли. Они просто... становятся другими. Неприятными какими-то. По Приюту бродит пара-тройка таких, но я предпочитаю держаться от них подальше.

Голос Ньюта звучал отрешённо, а глазами он уставился в одну точку где-то в глубине леса. Томас понял: он беспокоится, что его друг Алби, возможно, никогда больше не будет самим собой.

— И не говори, — согласно прозвенел Чак. — А самый гадостный из всех — это Гэлли.

— Есть какие-нибудь новости о девушке? — спросил Томас, меняя тему. Говорить о Гэлли у него как-то совсем не было настроения. К тому же, его мысли постоянно возвращались к новоприбывшей. — Я видел там, на втором этаже, как Медяки кормили её.

— Нет, — ответил Ньют. — По-прежнему в грёбаной коме, или что там оно такое. Иногда несёт какую-то ахинею, будто во сне. Она ест, выглядит вроде нормально. Всё это как-то... странно, в голове не укладывается.

Последовала долгая пауза, словно каждый из них пытался измыслить какое-нибудь объяснение тому, что происходит с девушкой. Томас вновь размышлял о своём непонятном чувстве общности с нею, хотя оно и поблекло чуть-чуть, — возможно, оттого, что ему приходилось думать о многих вещах одновременно.

Наконец Ньют прервал молчание.

— Ладно, следующий пункт: что делать с нашим Томми.

Томас вздрогнул, озадаченный таким заявлением.

— Что? Делать со мной? Ты о чём?

Ньют встал и потянулся, разминая руки.

— Поставил всю деревню вверх тормашками, шенк долбаный. Половина приютелей считает тебя Богом, остальная половина мечтает сбросить твою вонючую задницу в дырку Ящика. Так что есть о чём потолковать.

— Ну так о чём? — Томас не знал, что тревожит его больше — то, что люди считают его каким-то героем или же то, что кое-кто хотел бы, чтобы его вообще не существовало на свете.

— Терпение, — ответил Ньют. — Узнаешь после побудки.

— Завтра? Почему? — Томасу совсем не понравилось то, что он услышал.

— Я созвал Сбор. Ты тоже придёшь. Ты, чёрт побери, — единственный вопрос повестки дня.

Промолвив это, Ньют развернулся и ушёл, оставив Томаса в недоумении: почему понадобилось созывать целый Сбор, чтобы только поговорить о его скромной персоне.

ГЛАВА 24

На следующее утро Томас сидел на стуле перед одиннадцатью другими юношами и потел от волнения и страха. Ребята расселись полукругом, и он находился в центре этого полукруга. Все они были Стражами, и Томас с беспокойством осознал, что, значит, и Гэлли тоже был здесь. Один стул, прямо напротив Томаса, оставался пустым — излишне было объяснять, что это место Алби.

В этом помещении Берлоги Томас раньше никогда не бывал. Помимо стульев, в обширной комнате почти не было мебели — только один маленький столик в углу. Дощатые стены, дощатый пол. Создать хоть какое-то подобие уюта никому, видно, и в голову не приходило. Окна в комнате тоже отсутствовали, и в воздухе стойко держался запах плесени и старых книг. Томаса трясло, но вовсе не от холода.

Он почувствовал себя увереннее, когда увидел, что Ньют тоже здесь — сидит справа от пустующего стула Алби.

— От имени нашего лидера, который болен и лежит в постели, объявляю Сбор открытым, — провозгласил Ньют, слегка закатив глаза — ему, по-видимому, были противны любые формальности. — Как вы знаете, последние несколько дней были сплошным идиотством, и по большей части оно связано с нашим Чайником — с присутствующим здесь Томми.

Томас вспыхнул от смущения.

— Он больше не Чайник, — прогудел Гэлли так тихо и с такой угрозой, что это было почти комично. — Теперь он попросту нарушитель правил.

После слов Гэлли в комнате поднялся приглушённый гомон, но Ньют быстро утихомирил всех. Томасу внезапно захотелось оказаться как можно дальше отсюда.

— Гэлли, — сказал Ньют, — хоть немного постарайся придерживаться грёбаного порядка. Если ты собираешься разевать свой поганый рот каждый раз, как я что-то скажу, то можешь убираться отсюда к чёртовой матери, потому что я с тобой шутки шутить не намерен.

Томас немного прибодрился.

Гэлли сложил руки на груди и откинулся на спинку стула. Гримаса недовольства на его физиономии получилась такой натужной, что Томас чуть не расхохотался. Ему всё труднее становилось верить в то, что всего

лишь сутки назад этот парень наводил на него страх. Ведь он попросту дурачок, жалкий клоун.

Ньют смерил Гэлли тяжёлым взглядом и продолжил:

— Рад, что с этим мы разобрались. — И опять закатил глаза. — Мы собрались здесь сегодня потому, что в течение последней пары дней чуть ли не каждый чёртов обитатель Приюта не давал мне проходу. Одни требовали снять с Томаса голову, другие жаждали заполучить его долбаную руку и сердце. Нам необходимо решить, что с ним делать.

Гэлли потянулся было вперёд, но Ньют оборвал его прежде, чем тот успел что-либо сказать.

— Ты получишь ещё возможность высказаться, Гэлли. Давайте по одному и по порядку. Да, Томми, тебе не разрешается даже пикнуть, прежде чем тебя не спросят. Усёк? — Он подождал, пока Томас не кивнул — тот сделал это весьма неохотно — и ткнул пальцем в парня, сидевшего на крайнем стуле справа: — Зарт — толстый зад, давай на старт.

Послышались смешки. Зарт, большой тихий парень, Страж Садов, поёрзал на сиденье. На взгляд Томаса он был в этой комнате так же не к месту, как морковка на помидорном кусте.

— Ну... — тягуче начал он, растерянно бегая глазами по сторонам, словно ожидал, что кто-нибудь подскажет ему, о чём говорить. — Я не знаю... Он нарушил одно из наших самых важных правил. Нельзя же, чтобы народ думал, что это о-кей... — Он помолчал, перевёл взгляд на свои руки, потёр их друг о друга. — Но опять-таки... благодаря ему мы многое узнали... Например, что там, снаружи, можно выжить, даже гриверов побить...

Томас облегчённо выдохнул. Теперь на его стороне был ещё один человек. Он пообещал себе впредь быть с Зартом особенно приветливым.

— Да перестань чушь пороть, — вмешался Гэлли. — Спорим — это Минхо разделался с говнюками!

— Гэлли, закрой пасть! — заорал Ньют, для пущего эффекта вставая и выпрямляясь во весь свой немалый рост. Томас приободрился ещё больше. — Я сейчас долбаный председатель, и если я услышу от тебя хоть одно вонючее слово, прежде чем до тебя дойдёт очередь, то устрою другое Изгнание на твою жалкую задницу!

— Да хоть сто порций, — саркастически пробубнил Гэлли и откинулся на стуле всё с той же смехотворной гримасой на физиономии.

Ньют сел и махнул Зарту:

— Что, всё? У тебя есть какие-нибудь официальные предложения?

Зарт потряс головой.

— О-кей. Твоя очередь, Котелок.

Повар одарил всех бородатой улыбкой, выпрямился и заговорил:

— У шенка яйца круче, чем у всех наших кур и индюшек, вместе взятых! — Он примолк, видимо, ожидая взрыва смеха, но никто даже не улыбнулся. — Вы чего, ребята? Чувак спас жизнь Алби, убил пару гриверов, а мы тут сидим, репу чешем, что, дескать, с ним делать. Чак сказал бы: не Сбор, а куча плюка!

Томасу хотелось подойти и пожать Котелку руку — тот высказал точь-в-точь то же, что он и сам думал обо всём мероприятии.

— Так что ты предлагаешь? — спросил Ньют.

Котелок сложил на груди свои волосатые лапы.

— Ввести его в состав Совета и пусть научит нас всему, что он там, в Лабиринте, делал.

Поднялся всеобщий гвалт, и Ньюту понадобилось полминуты, чтобы водворить порядок. Томаса передёрнуло: Котелок зашёл слишком далеко со своим предложением, почти сведя на нет весь эффект от своего выступления.

— Ладно, сейчас запишу, — сказал Ньют, черкая в блокноте. — А теперь все заткнулись! Я не шучу. Вы знаете правила: никакие идеи не отвергаются с порога, у каждого будет возможность высказаться, когда будем голосовать. — Он кончил записывать и дал слово третьему члену Совета, пареньку с чёрными волосами и веснушчатым лицом — его Томас видел в первый раз.

— Да у меня, собственно, нет мнения, — промямлил он.

— Что? — рявкнул Ньют. — Тогда на фиг ты нужен в Совете! За каким чёртом тебя сюда выбирали?

— Сожалею, но я и правда не знаю, — пожал плечами паренёк. — Ну, если что, то я согласен с Котелком. Почему мы должны наказывать человека за спасение жизни?

— Ага, значит, мнение у тебя всё же есть, так ведь? — настаивал Ньют, держа карандаш наготове.

Паренёк кивнул, и Ньют опять принялся царапать в блокноте. Напряжение постепенно отпускало Томаса — похоже, большинство Стражей было за него, а не против. Все равно ему было невмоготу просто сидеть и ждать, отчаянно хотелось высказаться в свою защиту. Но он заставил себя следовать приказу Ньюта и сидел тихо, как мышь под метлой.

Следующим был прыщавый Уинстон, Страж Живодёрни.

— Я думаю, его следует наказать. Чайник, не обижайся... но, Ньют, ты же сам всегда ноешь: порядок, порядок... Если мы его не накажем, то

подадим дурной пример. Он всё ж таки нарушил наше Правило Номер Один.

— О-кей, — сказал Ньют, черкая в блокноте, — значит, ты за наказание. Какое?

— Думаю, недели в Кутузке на хлебе и воде достаточно. И донести это до всех, чтобы впредь никому неповадно было.

Гэлли захлопал, заработав хмурый взгляд Ньюта. Томас слегка приуныл.

Высказались ещё двое — один за предложение Котелка, другой — Уинстона. Подошла очередь Ньюта.

— Я согласен с большинством из вас. Его надо наказать, но после этого нужно решить, как использовать то, что он умеет. Я выскажу своё мнение под конец, когда услышим всех. Следующий.

Томасу разговоры о наказании решительно не нравились, даже ещё больше, чем то, что надо было держать рот на замке. Но как бы странно это ни звучало после всех его подвигов, в глубине души он не мог не согласиться, что действительно нарушил Самое Главное Правило.

Обсуждение продолжалось. Одни считали, что его надо поощрить, другие были за наказание, третьи — и за то, и за другое. Томас сидел как на иголках, не в силах слушать — он предвидел, что скажут оставшиеся два Стража — Гэлли и Минхо. Последний за всё время разбирательства не вымолвил ни слова, лишь сидел, сгорбившись, на стуле, и по его виду можно было подумать, что он не спал по крайней мере неделю.

Сначала взял слово Гэлли.

— Я думаю, что уже достаточно ясно высказался.

«Вот и отлично, — подумал Томас. — Тогда заткнись и не высовывайся».

— Ну и нормалёк, — озвучил его мысли Ньют, в очередной раз закатывая глаза. — Давай, Минхо.

— Нет! — Гэлли так рявкнул, что кое-кто даже на стуле подскочил. — Я ещё кое-что хочу сказать.

— Так говори, на хрен! — отрезал Ньют. Томасу стало легче от сознания того, что временный председатель Совета презирал Гэлли почти так же сильно, как и он сам. И хотя Томас больше не боялся парня, он по-прежнему его на дух не выносил.

— Вы вот о чём подумайте, — начал Гэлли. — Этот козёл выползает из Ящика, прикидывается этаким потерянным и перепуганным. А через несколько дней бегает по Лабиринту вместе с гриверами, как у себя дома.

Томас съёжился на своём сиденье. Оставалось только надеяться, что

другие не разделяют бредовых опасений Гэлли.

Гэлли продолжал разглагольствовать.

— Я считаю, что он всё время прикидывался. Он тут всего-то без году неделя, а уже столько подвигов насовершал! Кто как, а я на это не куплюсь.

— Что за тупой базар, Гэлли? — вмешался Ньют. — Переходи к сути и не долби мозги!

— Я считаю — он шпион тех, кто нас сюда засунул! — Комнату снова наполнили шум и гвалт. Томас ничего не мог предпринять, он лишь сидел и тряс головой — не мог понять, откуда Гэлли набрался своих идиотских идей. Наконец, Ньют угомонил всех, но Гэлли ещё не закончил.

— Нам нельзя доверять этому шенку. На следующий день после его прибытия появляется какая-то психованная девка с этой дебильной бумажкой в руке, и бормочет, что всё, мол, изменится. Потом откуда ни возьмись — дохлый гривер. Томас очень кстати попадает ночью в Лабиринт, и вот те, пожалуйста, — пытается всех уверить, что он настоящий герой. Ага, как же! Ни Минхо, ни кто другой не видел, чтобы он что-то там делал в зарослях плюща. С чего мы взяли, что это Чайник подвесил Алби на стенку?

Гэлли помолчал; несколько секунд в комнате царила напряжённая тишина, и в душе у Томаса потихоньку рождалась паника. Неужели они поверят измышлениям этого ненормального? Юноше не терпелось высказаться, и, решившись нарушить молчание, он уже было открыл рот, как Гэлли вновь заговорил:

— Слишком много всего странного наслучалось, и вся каша заварилась, когда здесь появилась эта ряха паршивая — Чайник. И надо же — именно он первым вернулся из ночной прогулки по Лабиринту. Говорю вам, тут что-то нечисто, и до тех пор, пока мы всё не выясним, я официально предлагаю запереть его в Кутузке на месяц, а после этого ещё раз пересмотреть его дело.

Все вновь загомонили. Ньют записал что-то в блокноте, при этом он досадливо качал головой, что немного обнадёжило Томаса.

— Ну, что, выорался, Капитан Гэлли? — съязвил Ньют.

— Не разыгрывай из себя умника, Ньют, — ощерился тот, покраснев от ярости. — Я сюда не шутки шутить пришёл. Как мы можем доверять этому шенку — ещё и недели не прошло, как он здесь? И кончай делать из меня дурака, сначала хотя бы подумай над тем, что я говорю!

Впервые за всё время Томас ощутил нечто вроде сочувствия к Гэлли: тот был прав — Ньют не ставил его ни во что. Как-никак, Гэлли был Стражем. «Всё равно ненавижу гада», — подумал юноша.

— Ладно, Гэлли, — сказал Ньют. — Извини. Мы тебя выслушали и обдумаем твоё чёртово предложение. У тебя всё?

— Да, всё. И я знаю, что прав.

Проигнорировав последние слова Гэлли, Ньют кивнул Минхо:

— Давай, последний по счёту, но не по значению.

Томас воспрял духом — пришёл черёд Минхо; конечно же, он будет на его стороне.

Минхо рывком поднялся с места, застав всех врасплох.

— Я там был и видел, что сделал это парень. Я наделал в штаны, а он... он не дрогнул. Не собираюсь зря языком молоть, как Гэлли, выскажу своё предложение и дело с концом.

В ожидании слов Минхо Томас затаил дыхание.

— Лады, — сказал Ньют. — Валяй, говори.

Минхо взглянул на Томаса.

— Я предлагаю, чтобы этот шенк занял моё место в качестве Стража Бегунов.

ГЛАВА 25

Упала звенящая тишина, и мир вокруг словно застыл. Глаза всех членов Совета были прикованы к Минхо. Томас сидел как громом поражённый, не сомневаясь, что сейчас Бегун скажет, что пошутил. Но тот сел на своё место, не добавив больше ни слова.

Наконец Гэлли вышел из столбняка.

— Ну и комедия!

Он встал и повернулся к Ньюту, тыча пальцем себе за спину:

— Да за такое гнать его из Совета поганой метлой! Совсем сдурел!

Если Томас и чувствовал к Гэлли какую-то жалость, то при этом заявлении она испарилась, как роса под солнцем.

Кое-кто из Стражей, похоже, был готов согласиться с предложением Минхо — как, например, Котелок, захлопавший в ладоши, чтобы заглушить вопли Гэлли. Все разом повскакали со своих мест и загалдели. Страж Поваров настаивал на голосовании. Другие не соглашались. Уинстон решительно качал головой, произнося что-то, чего Томас не мог расслышать. Юноша обхватил голову руками, чтобы переждать гвалт. Он не верил своим ушам. Почему Минхо так сказал? «Конечно, он пошутил, — размышлял Томас. — Ньют говорил, чтобы стать просто Бегуном нужна целая вечность, а уж Стражем...» Ему опять захотелось оказаться где-то за тысячи миль от этой комнаты.

Наконец Ньют отложил свои записи и вышел вперёд, крича, чтобы все заткнулись. Никто поначалу не обращал внимания ни на него, ни на его окрики. Однако постепенно шум улёгся, и все вернулись на свои места.

— Вот хрень, — проговорил Ньют. — Никогда раньше не видел, чтобы столько шенков одновременно начали разыгрывать из себя слюнявых сосунков. Может, мы и выглядим, как недоростки, но в этих местах и в этих обстоятельствах мы — взрослые люди. Вот и ведите себя как взрослые, не то придётся распустить этот долбаный Совет и начать от печки. — Произнося свою тираду, он шёл вдоль ряда сидящих Стражей и каждому заглядывал глубоко в глаза. — Всё ясно?

Снова воцарилась тишина. Томас ожидал протестов, и удивился, когда все, включая и Гэлли, согласно кивнули головами.

— Лады. — Ньют вернулся к своему стулу и уселся, положив блокнот на колени. Он написал ещё несколько строк, потом взглянул на Минхо. —

Что это за плюк ты понёс? Дело серьёзное, брат. Извини, но тебе придётся очень хорошо обосновать своё предложение.

Томасу не терпелось услышать ответ.

Минхо устало вздохнул, но всё же приступил к защите своей позиции.

— Хорошо вам, шенки, сидеть здесь и трепать языками про то, про что не имеете понятия. Других Бегунов, кроме меня, здесь нет, а среди остальных единственный, кто бывал в Лабиринте — это Ньют.

Гэлли перебил его:

— Не только! Я тоже...

— Ничего ты не тоже! — отрезал Минхо. — И уж поверь мне, ни ты, ни кто другой даже не догадываетесь, каково это — быть там, снаружи. Ты сам налетел на иглу гривера, потому что сделал то же, что и Томас, на которого ты пасть разеваешь — нарушил Главное Правило. Это называется двойная мораль, ты, поганый кусок...

— Хватит! — прервал его Ньют. — Говори по делу. Обосновывай своё предложение.

Напряжение сгустилось так, что его, похоже, можно было пощупать руками. Томасу казалось, будто сам воздух в помещении превратился в стекло, грозящее вот-вот разлететься на тысячи осколков. Оба — и Минхо, и Гэлли — в упор уставились друг на друга, их лица побагровели, того и гляди — лопнут от натуги. Но в конце концов парни отступились и прервали поединок взглядов.

— Ладно, слушайте, — продолжил Минхо, садясь на своё место. — Я никогда ничего подобного не видел. Он не запаниковал. Не расхныкался, не заплакал, вообще не похоже было, чтобы испугался. Мля, он же здесь без году неделя! Вспомните, какие мы были — каждый из нас! — в самом начале. Прятались по углам, не знали, куда кинуться, ревели по сто раз на дню, никому не доверяли, отказывались хоть чем-нибудь заниматься... И так неделями и месяцами, пока не оставалось иного выбора, как послать всё к едрене фене и начать нормально жить.

Минхо снова поднялся на ноги и указал на Томаса.

— Всего через несколько дней после своего прибытия, этот парень бросается в Лабиринт, чтобы спасти двух шенков, с которыми едва знаком. Весь этот плюк насчёт того, что, мол, он что-то там нарушил — даже не глупость, а полный идиотизм. Он правил ещё даже толком не знает! Зато куча народу рассказывала и показывала ему, каково там, в Лабиринте, особенно по ночам. А он всё равно пошёл туда, несмотря на то, что Дверь закрывалась, и его заботило только одно — что двое парней нуждаются в помощи.

Он глубоко вздохнул, казалось даже, что чем дольше он говорил, тем больший прилив сил ощущал.

— И это было только начало. Потом он стал свидетелем того, как я махнул рукой на Алби и оставил его умирать. А я ведь ветеран, с опытом и со знаниями, так что, когда Томас увидел, что я сдался, он тоже должен был бы сдаться. А он — нет. Только подумайте, сколько сил и воли ему стоило поднять Алби на стену, дюйм за дюймом! Нет, это, на фиг, шизуха полная.

— Но это ещё не всё, — продолжал Минхо. — Появились гриверы. Я сказал Томасу, что мы должны разделиться. И пошёл накручивать круги, бегать по специальным маршрутам — мы их отработали на случай погони. А Томас, которому полагалось напустить в штаны, взял на себя контроль над ситуацией, отказался подчиняться физическим законам и задвинул Алби на стенку. После этого отвлёк гривера на себя, выиграл поединок с ним, нашёл...

— Да знаем, знаем! — вмешался Гэлли. — Этому шенку Томми просто дико везёт.

— Нет, безмозглый ублюдок, ни хрена ты не знаешь! — налетел на него Минхо. — Я здесь два года, а ничего подобного не видел! Повторяю специально для лохов: ничего подобного не видел! — Минхо замолк и потёр глаза, мыча от досады.

Томас только сейчас обнаружил, что сидит с разинутым ртом. Его душили самые разные эмоции: тут были и признательность Минхо за то, что тот горой стоял за него, Томаса, и негодование на Гэлли за его постоянную враждебность, и страх в ожидании окончательного решения Стражей.

— Гэлли, — сказал Минхо, немного успокоившись. — Ты всего лишь размазня и трус, ты никогда не просил и не пытался стать Бегуном. Какое ты имеешь право говорить о вещах, в которых ни шиша не смыслишь? Так что сиди и молчи в тряпочку.

Гэлли опять подскочил, пылая от ярости:

— Ещё одно слово — и я сломаю твою жалкую шею прямо здесь, на глазах у всех! — брызгая слюной, заорал он.

Минхо только расхохотался, потом поднял руку и, припечатав раскрытую ладонь к физиономии Гэлли, с силой толкнул его. Томас привстал, увидев, как приютель рухнул на свой стул. Шаткая мебель перевернулась, грянула о пол и разломилась на две половины. Гэлли растянулся на полу, затем ему с большим трудом удалось встать на карачки. Минхо шагнул к нему и, упершись подошвой ботинка в зад своего противника, послал того обратно плашмя на пол.

Томас плюхнулся на свой стул в полном ошеломлении.

— Попомни моё слово, Гэлли, — ощерившись, процедил Минхо, — если ты ещё хоть раз посмеешь мне угрожать, да даже если вообще когда-нибудь заговоришь со мной — это *твоей* шее несдобровать! Сломаю, на фиг, как только разделаюсь сначала с твоими погаными конечностями!

Ньют и Уинстон уже были на ногах и схватили Минхо, прежде чем Томас успел разобраться, что происходит. Они оттащили Бегуна от Гэлли. Тот тем временем поднялся с пола. Его лицо превратилось в багровую маску бешенства, но он не бросился на Минхо, только стоял, грудь навыкат, и хрипло, надсадно дышал.

Наконец Гэлли сделал несколько запинающихся шагов назад, по направлению к выходу из помещения, бросая по сторонам пылающие от ярости и ненависти взгляды. Томасу пришла в голову мрачная мысль, что Гэлли сейчас похож на преступника, совершившего убийство. А тот с отведённой за спину рукой пятился к выходу, нащупывая дверную ручку.

— Всё теперь изменилось, — выговорил он, сплёвывая на пол. — Тебе не стоило этого делать, Минхо. Не стоило. — И перевёл безумный взгляд на Ньюта. — Я знаю, ты меня ненавидишь, всегда ненавидел. Тебя надо бы подвергнуть Изгнанию за неспособность управлять этой группой. Ты просто стыдобище, и все вы здесь не лучше. Но теперь всё будет по-другому, уж я вам это гарантирую.

У Томаса упало сердце. Вот не было печали, как будто всей этой кутерьмы недостаточно!

Гэлли рванул дверь и выскочил в холл, но прежде чем кто-нибудь успел среагировать, сунул голову обратно в комнату.

— А ты, — злобно обратился он к Томасу, — просто Чайник, который думает, что стал грёбаным богом. Не забывай — я видел тебя раньше! Я прошёл через Превращение. И что тут решат эти шуты гороховые, не имеет ни малейшего значения.

Он помедлил, обводя взглядом каждого, кто был в комнате. Затем его горящий злобой взгляд снова обратился к Томасу, и он выплюнул свою последнюю угрозу:

— Зачем бы ты здесь ни объявился — клянусь своей жизнью, я тебя остановлю. Убью, если понадобится.

И, повернувшись, убрался из комнаты, громко хлопнув дверью.

ГЛАВА 26

Томаса как приморозило к стулу. Ему было нехорошо, желудок сводило до колик. За своё короткое пребывание в Приюте ему пришлось пройти сквозь целый водоворот эмоций: страх, одиночество, отчаяние, скорбь, даже что-то похожее на радость. Но совсем другое дело было слышать, что кто-то ненавидит тебя так сильно, что готов убить.

«Гэлли просто сумасшедший, — думал он. — Душевнобольной, не иначе». Но от этой мысли его тревога лишь усилилась. Кто знает, что может прийти в голову душевнобольному?

Члены Совета молчали. Похоже, только что пережитое потрясло всех так же, как и Томаса. Ньют с Уинстоном наконец отстали от Минхо, и все трое мрачно вернулись к своим стульям и расселись.

— У него совсем крыша съехала, — негромко, почти шёпотом, сказал Минхо. Томас не понял, хотел ли Бегун, чтобы его слышали другие.

— Да ты сам не святой, — буркнул Ньют. — О чём ты только думал? Тебе не кажется, что ты чуток хватил через край?

Минхо прищурил глаза и вздёрнул голову, будто сомневаясь в искренности слов Ньюта:

— Вот только не надо выделываться! Вы все получили массу удовольствия. Этот козёл давно нарывался, вот и схлопотал по чему положено. Пора уже было поставить этот кусок плюка на место.

— Он всё-таки член Совета, — возразил Ньют.

— Чувак, он угрожал сломать мне шею и убить Томаса! У парня непорядок с головой, и тебе лучше послать бы за ним кого-нибудь да запереть в Кутузке. Он опасен!

Томас был полностью согласен, и опять чуть было не нарушил приказ сидеть тихо, но вовремя остановился. Совершенно незачем навлекать на себя неприятности вдобавок к тем проблемам, в которых он уже утонул с головой. Однако долго он так не продержится.

— А может, он и не был так уж неправ, — еле слышно пробормотал Уинстон.

— Чего-о?! — гаркнул Минхо, озвучивая мысленный вскрик Томаса.

Уинстон даже вроде удивился тому, что сказанное им было услышано. Прежде чем пуститься в объяснения, он обежал присутствующих глазами.

— Ну... Гэлли же действительно прошёл через Превращение — гривер

ужалил его среди бела дня, прямо за Западной дверью. Значит, у него есть какие-то воспоминания! И он сказал, что Чайник выглядит знакомо. С чего бы ему выдумывать такое?

Мысли Томаса переключились на Превращение. Особенно занимал его тот факт, что оно возвращало воспоминания. Раньше его эта идея не посещала, но теперь ему подумалось: кто знает, а не стоит ли попытаться нарваться на иглу гривера и пройти через ужасный процесс, чтобы вспомнить хотя бы что-нибудь? В сознании всплыл образ Бена, корчащегося на кровати, леденящие кровь крики Алби... «Ну уж нет!» — решил он.

— Уинстон, ты хоть видел, что здесь сейчас произошло? — изумлённо спросил Котелок. — Гэлли псих. Мало ли какую чушь он нёс! Ты что, думаешь, Томас — это переодетый гривер, или как?

Правила правилами, а с Томаса хватит. Больше он не намерен молчать ни секунды.

— Можно мне теперь говорить? — громким от возмущения и обиды голосом спросил он. — Противно слушать, как вы, парни, рассуждаете тут обо мне, будто я пустое место!

Ньют кивнул.

— Давай. Всё равно всё грёбаное собрание насмарку, хуже не будет.

Томас собрался с мыслями, подыскивая правильные слова. Это было совсем не просто: его душили недоумение, гнев и раздражение, мешая чёткой работе ума.

— Понятия не имею, почему Гэлли так меня невзлюбил. Да мне и до лампочки. По-моему, у него не все дома. Что же касается того, кто я *в действительности* такой, то вы все знаете ровно столько же, сколько и я. Но насколько я понимаю, мы здесь собрались из-за того, что я сделал в Лабиринте, а вовсе не затем, чтобы выслушивать чьи-то идиотские бредни о том, какой я нехороший.

Послышался смешок, и Томас замолчал, надеясь, что ему удалось донести суть до слушателей.

Ньют удовлетворённо кивнул.

— Лады. Давайте подведём итоги, а что делать с Гэлли — решим потом.

— Мы не можем голосовать — присутствуют не все члены Совета, — возразил Уинстон. — Ну разве что они очень сильно больны, как Алби, например.

— Ради всего святого, Уинстон! — взмолился Ньют. — Давай скажем, что Гэлли сегодня тоже разболелся, и продолжаем без него. Томас, давай,

высказывайся в свою защиту, а потом мы решим, как с тобой поступить.

Томас обнаружил, что его руки, лежащие на коленях, стиснуты в кулаки. Он разжал их и вытер вспотевшие ладони о штаны. Потом заговорил, не успевая обдумывать слова:

— Я ничего плохого не сделал. Просто увидел двух парней в отчаянном положении — они старались добраться до Приюта, но у них не было шанса. Стоять, смотреть и ничего не делать только потому, что какое-то дурацкое правило это запрещает... ну, это казалось мне трусостью, эгоизмом и... да просто глупо! Если вы хотите упрятать меня в тюрьму за спасение чьей-то жизни, то вперёд и с песней. В следующий раз, обещаю, буду стоять, тыкать в них пальцем и смеяться, а потом пойду как миленький наворачивать обед.

Томас вовсе не пытался шутить. Его вообще поражало всё это разбирательство.

— Вот моё предложение, — сказал Ньют. — Ты нарушил наше чёртово Правило Номер Один, так что в качестве наказания отсидишь один день в Кутузке. Я также предлагаю избрать тебя в Бегуны — со вступлением в действие сразу же после окончания собрания. За одну ночь ты доказал свою пригодность к этой работе полнее, чем другие кандидаты — за много недель. А что касается того, чтобы тебе стать Стражем — забей на фиг. — Он перевёл взгляд на Минхо. — Хотя бы насчёт этого Гэлли был прав — только дурак мог такое предложить.

Слова Ньюта задели Томаса, хотя, конечно, заместитель вожака был прав. Томас воззрился на Минхо — что тот ответит?

Страж, судя по всему, не удивился решению Ньюта, но всё же ринулся в бой:

— Это ещё почему? Да он самый лучший из нас, клянусь! А кто лучший — тот и Страж.

— Отлично, — отчеканил Ньют. — Если это правда, то мы можем сделать перестановки позже. Скажем, через месяц. Посмотрим, как он себя проявит.

Минхо пожал плечами.

— Замётано.

Томас тихо выдохнул и расслабился. Ему по-прежнему хотелось стать Бегуном — странное желание, если принять во внимание всё, что случилось с ним в Лабиринте. Но вот так сразу оказаться Стражем — нет, идея, конечно, смехотворная.

Ньют обвёл присутствующих взглядом.

— О-кей, у нас несколько различных предложений, так что давайте

обсудим...

— Да ладно! — вмешался Котелок. — Давай голосовать! Я за твоё!

— Я тоже, — отозвался Минхо.

К ещё большему облегчению Томаса все остальные — почти все — присоединились к этим двоим. Сердце Томаса наполнилось гордостью. Единственным, проголосовавшим против, оказался Уинстон.

Ньют уставился на него.

— Твой голос не играет роли, но очень бы хотелось узнать, что происходит у тебя в башке?

Уинстон пристально посмотрел на Томаса, потом перевёл глаза на Ньюта.

— Как по мне, так и ладно, но в словах Гэлли что-то есть, не стоило бы так от них отмахиваться. Я не думаю, что он просто ляпает языком, что попало. Ведь правда — с тех пор, как здесь появился Томас, всё идёт через пень-колоду.

— Справедливо, — согласился Ньют. — Пусть каждый из нас поразмыслит над этим, а если что толковое надумается — соберём Сбор и обсудим. Лады?

Уинстон кивнул.

Томас, снова почувствовавший себя невидимкой, застонал:

— Парни, я просто балдею: вы тут толкуете обо мне, как будто здесь и духу моего нет!

— Слышь, Томми, — отозвался Ньют, — мы только что сделали тебя Бегуном. Кончай ныть и пошёл вон отсюда. Минхо будет тебя тренировать, так что берись за дело.

Только сейчас до Томаса по-настоящему дошло, что он теперь Бегун, и сможет исследовать Лабиринт. Несмотря ни на что, он ощущал трепет радостного возбуждения; его наполняла уверенность, что больше они не попадутся в ловушку и ночь в Лабиринте станет первой и последней. Может, на этом его квота неудач исчерпана?

— А как насчёт наказания? — спросил он.

— Завтра, — ответил Ньют. — От подъёма до заката.

«Один день, — подумал Томас. — Ну, это куда ни шло».

Собрание объявили закрытым, и все Стражи, кроме Ньюта и Минхо, поспешили убраться из комнаты. Ньют не двинулся со стула — так и сидел, черкая в блокноте.

— Н-да, ну и заваруха, — пробормотал он.

Минхо подошёл к Томасу и шутливо ткнул его кулаком в плечо:

— А всё из-за вот этого шенка.

Томас двинул его в ответ.

— Стражем, да? Хочешь сделать меня Стражем? Да у тебя дыра в башке ещё больше, чем у Гэлли.

Минхо состроил хитрющую мину.

— Но ведь подействовало же, а? Целься выше, тогда попадёшь. Благодарности принимаются позже.

Томас не мог не улыбнуться, отдавая должное умной тактике Стража Бегунов. Но тут его внимание привлёк стук в дверь, и он повернулся посмотреть, кто там. На пороге стоял Чак, и вид у него был такой, будто за ним гнался по крайней мере десяток разъярённых гриверов. Улыбка сбежала с лица Томаса.

— Что случилось? — спросил Ньют, поднимаясь со стула. Тон, каким он задал свой вопрос, встревожил Томаса ещё больше.

Чак мялся, заламывая пальцы.

— Меня послали Медяки.

— А что случилось?

— Да Алби там мечется и сходит с ума. Говорит, что ему позарез нужно кое с кем побеседовать.

Ньют направился к двери, но Чак остановил его, подняв руку вверх.

— Э-э... Ему нужен не ты.

— Как это не я? Ты что мелешь?

Чак указал на Томаса.

— Он требует его.

ГЛАВА 27

Второй раз за этот день Томас потерял дар речи — так он был поражён.

— Ну ладно, пошли, — обратился Ньют к Томасу, хватая его за руку. — Чёрта с два я пущу тебя туда одного.

Томас поспешил за ним, и в сопровождении Чака они покинули комнату и направились по коридору к узкой винтовой лестнице — раньше Томас её не видел. Ньют поставил ногу на ступеньку, затем обратил холодный взор на Чака:

— Ты. Стоп.

И странное дело — Чак только кивнул и не стал возражать. Томас понял: Алби, наверно, в таком состоянии, что даже любопытному Чаку невмоготу на него смотреть. Ньют продолжил свой путь вверх по лестнице.

— Не горюй! — сказал Томас мальчику. — Они только что назначили меня Бегуном, так что теперь у тебя в приятелях скаковой жеребец.

Это он так пытался шутить — боялся признаться даже самому себе, что от перспективы увидеться с Алби его бросает в дрожь. Что, если тот, так же, как и Бен, набросится на него с непонятными обвинениями?

— Да уж, — шепнул Чак, уставившись, как заворожённый, на деревянные ступени лестницы.

Томас пожал плечами и пошёл наверх. Ладони у него опять вспотели, по виску, он чувствовал, тоже скатывались капли. Как же ему не хотелось идти туда!

Ньют, мрачный и сдержанный, ожидал его на верхней площадке. Они стояли в конце длинного тёмного коридора. С противоположной его стороны находилась та самая лестница, по которой Томас поднимался в свой первый день в Приюте — когда увидел больного Бена. При этом воспоминании у него засосало под ложечкой. Он надеялся, что мучения Алби теперь позади — уж больно ему не хотелось вновь стать свидетелем той же душераздирающей сцены: несчастный парень с зелёной, неестественной кожей, испещрённой выпуклыми венами, корчится на кровати... Но скорее всего, ничего хорошего его не ждёт, так что Томас постарался собраться с духом.

Они подошли ко второй двери справа, Ньют тихонько постучался, в ответ из комнаты донёсся приглушённый стон. Бывший Бегун отворил

дверь — она издала тоненький скрип, вновь возродив в Томасе смутное детское впечатление — кинофильмы про дом с привидениями. Вот, опять — крошечные проблески прошлого. Он помнил фильмы, но лица актёров ускользали, как ускользали и воспоминания о тех, с кем он ходил в кино. Он помнил также о существовании кинотеатров, но представить, как конкретно выглядит хоть один из них, не мог. Разумно объяснить эту непонятицу он уже и не пытался. Даже самому себе.

Ньют вошёл в комнату и поманил Томаса за собой. Тот настроился на страшное зрелище, но когда поднял взор, то увидел лишь измождённого юношу, с закрытыми глазами лежащего в постели.

— Он спит? — прошептал Томас. Так он пытался избегнуть того вопроса, который в действительности вспыхнул в мозгу: «Он ведь не умер?»

— Не знаю, — так же тихо ответил Ньют , подошёл к кровати и присел на табурет. Томас пристроился с другой стороны.

— Алби, — шёпотом позвал Ньют. Затем повторил погромче: — Алби! Чак сказал, ты хотел видеть Томми.

Веки Алби, дрожа, поднялись, и в тусклом свете сверкнули багровые, вспухшие глаза. Он посмотрел на Ньюта, потом перевёл взор на Томаса. Со стоном сел на постели, подвинулся так, чтобы опереться на спинку кровати в изголовье.

— Да, — хрипло каркнул он.

— Чак сказал, ты тут мечешься, как придурочный. — Ньют склонился над больным. — Что случилось? Тебе всё ещё плохо?

Алби заговорил, дыхание со свистом вырывалось из его груди, и каждое слово давалось с таким трудом, словно забирало с собой неделю жизни:

— Всё теперь... изменится... девчонка... Томас... я видел их... — Он на миг сомкнул веки, но тут же вновь открыл их, потом снова улёгся плашмя на спину и уставился в потолок. — Что-то мне худо.

— Что ты имеешь в виду — ты видел?.. — начал было Ньют, но Алби внезапно заорал:

— Я хотел видеть Томаса! Не тебя, Ньют! Томаса! Я требовал этого чёртова Томаса!

Ещё несколько секунд назад Томасу и в голову не пришло бы, что вожак способен на такой взрыв эмоций.

Ньют бросил взгляд на новоиспечённого Бегуна и приподнял брови, словно задавая безмолвный вопрос. Томас пожал плечами. С каждой секундой ему становилось всё больше и больше не по себе. Почему он так

позарез понадобился Алби?

— Ну и чёрт с тобой, дубина, — промолвил Ньют. — Вот он, здесь — можешь говорить.

— Уйди, — сказал Алби. Он лежал с закрытыми глазами и тяжело, хрипло дышал.

— Как бы не так! Я тоже хочу послушать.

— Ньют. — Пауза. — Уйди. Немедленно.

Томас почувствовал себя как рыба, вынутая из воды. Что Ньют подумает обо всём этом? И ещё страшнее: что собирался ему поведать Алби?

— Но... — попытался запротестовать Ньют.

— Вон! — срывающимся голосом завопил Алби, снова садясь на постели и подвигаясь, чтобы опереться на спинку кровати. — Пошёл вон!

На лице Ньюта, к изумлению Томаса, не было и намёка на гнев, оно выражало только боль и обиду. Через мгновение — долгое, напряжённое мгновение — Ньют вскочил с табурета, прошагал к двери и распахнул её. «Неужели он действительно уйдёт?» — подумал Томас.

— Не думай, что когда ты придёшь извиняться, я растаю и расцелую тебя в задницу, — сказал бывший Бегун и вылетел в коридор.

— Дверь закрой! — прокричал Алби. Ньют оскорбился окончательно, но повиновался и с грохотом захлопнул за собой дверь.

Сердце Томаса понеслось вскачь: он остался наедине с парнем, характер которого оставлял желать лучшего ещё до того, как на него напал гривер. А теперь он вдобавок и через Превращение прошёл! Скорее бы уж он высказал то, что там у него наболело, и покончить со всем этим! Долгая пауза растянулась на несколько минут. Руки у Томаса начали дрожать от страха.

Наконец Алби прервал молчание.

— Я знаю, кто ты такой.

Томас не нашёлся, что ответить. Попытался было что-то промямлить, но выдавил лишь нечто невразумительное. Он был совершенно сбит с толку. И напуган.

— Я знаю, кто ты, — медленно повторил Алби. — Видел. Откуда мы здесь взялись, кто ты такой — всё видел. Знаю, кто эта девчонка. Я помню Вспышку.

«Вспышку?»

Томас заставил себя говорить.

— Я не понимаю, о чём ты. Что ты видел? Всё отдам за то, чтобы узнать, кто я такой!

— Ничего хорошего ты не узнаешь, — ответил Алби и впервые с тех пор, как ушёл Ньют, глянул на Томаса в упор. Его полные скорби глаза были похожи на две глубокие чёрные ямы. — Знаешь, это просто кошмар. Почему этим сволочам надо, чтобы мы помнили? Нет чтобы оставить нас в покое и дать нормально жить здесь, в Приюте!..

— Алби... — Как бы Томасу хотелось хоть одним глазком заглянуть в сознание вожака, узнать, что же он видел! — Что произошло при Превращении? К тебе вернулась память? Да говори же, не томи! Тебя невозможно понять!

— Ты... — начал Алби и внезапно схватился руками за собственное горло. Оттуда вырвались булькающие, придушенные звуки. Ноги парня задёргались, он перекатился на бок, потом на другой, заметался, забился — словом, вёл себя так, будто кто-то другой, не он сам, пытался его придушить. Язык вывалился изо рта, и Алби раз за разом с силой вонзал в него зубы.

Томас вскочил и в страхе отшатнулся: Алби трясся в припадке, ноги его беспорядочно молотили воздух. Тёмное лицо, ещё несколько минут назад странно бледное, превратилось в пурпурную маску, глаза закатились под лоб, так что были видны только белки, похожие на куски мерцающего мрамора.

— Алби! — вскричал Томас, не решаясь наклониться и помочь парню. — Ньют! — завопил он, сложив ладони у рта рупором. — Ньют, давай сюда, быстро!

Он ещё не успел закончить свой отчаянный призыв, а дверь уже распахнулась.

Ньют рванулся к Алби, обхватил его за плечи и, налегая всем весом, пригвоздил содрогающееся тело к постели.

— Хватай его за ноги!

Томас попытался последовать его приказу, но ноги Алби колотили во все стороны, так что приблизиться было невозможно. Томас получил удар пяткой прямо в челюсть — от боли, казалось, череп взорвался. Он отступил, потирая ноющую скулу.

— Делай на хрен, кому говорю! — заорал Ньют.

Томас собрал всё своё мужество и прыгнул сверху на корчащегося Алби, прижимая обе его ноги к матрасу. Руками он обхватил больного за бёдра, а Ньют в это время придавил одно плечо вожака коленом. Затем он схватился за руки Алби, которыми тот по-прежнему сдавливал собственную шею.

— Отпусти! — крикнул Ньют, стараясь оторвать ладони Алби от

горла. — Ты же сейчас, на фиг, прикончишь себя!

Томас видел, как на сильных руках Ньюта взбугрились мышцы и выступили жилы. Наконец, дюйм за дюймом, ему удалось отвести пальцы Алби прочь от шеи и плотно прижать их к груди оказывающего яростное сопротивление пациента. Тело Алби дёрнулось ещё раз, другой, третий, выгибаясь дугой, но в конце концов успокоилось, застыло; прошло ещё несколько секунд — и вот он лежал тихо, дыхание восстанавливалось, глаза вернулись в свои орбиты и застыли.

Томас продолжал крепко держать его за ноги — а вдруг стоит только отпустить, и парень тут же начнёт дёргаться опять? Ньют выждал целую минуту, прежде чем медленно разжать хватку. Потом ещё минуту — и, убрав колено, отпустил плечо друга, после чего встал и выпрямился. Только тогда Томас сделал то же самое, надеясь, что мучительный припадок завершился.

Взгляд Алби стал осмысленнее, но всё равно он выглядел, словно вот-вот провалится в забытьё.

— Прости, Ньют, — просипел он. — Не понимаю, что произошло. Словно... ну, словно моё тело мне не подчинялось, было под чьим-то контролем... Прости...

Томас глубоко втянул в себя воздух. «Надеюсь, больше мне никогда не выпадет быть свидетелем и участником подобных сцен», — подумал он.

— Ничего себе, прости тут его... — проворчал Ньют. — Ты же чуть на хрен не задушил себя!

— Говорю же, это был не я, — пробормотал Алби.

Ньют с досадой вскинул руки.

— Что значит «не ты»?

— Ну, не знаю!.. Не я. — Вид у Алби был озадаченный. Томас тоже пребывал в недоумении.

Похоже, Ньют махнул рукой на попытки сделать хоть сколько-нибудь вразумительный вывод из слов Алби. Пока, во всяком случае. Он сгрёб в охапку одеяла, свалившиеся с кровати, и накинул их на больного.

— Дрыхни давай, а как проспишься — тогда поговорим. — Он погладил друга по голове и добавил: — Шенк, ты совсем сбрендил.

Но Алби уже задремал и только едва заметно кивнул с закрытыми глазами.

Ньют перехватил взгляд Томаса и махнул ему на дверь. Тому только и хотелось, что поскорее сбежать из этого дурдома, поэтому он без разговоров последовал за Ньютом в коридор. Как раз когда ребята переступали порог, с кровати Алби донеслось неясное бормотание.

Оба остановились.

— Что? — переспросил Ньют.

Алби на краткий миг открыл глаза и чуть громче повторил:

— Поосторожней с девчонкой. — И сомкнул веки.

Ну вот, опять — девушка. Что бы ни произошло, всё и всегда вело к таинственной новоприбывшей. Ньют бросил на Томаса вопросительный взгляд, но тот, пожав плечами, ответил ему тем же. Он был совершенно не в курсе.

— Ладно, пошли, — шепнул Ньют.

— Э-э... Ньют? — снова позвал Алби, на этот раз даже не поднимая век.

— А?

— Как следует охраняй карты. — Алби отвернулся, и его спина красноречиво давала понять, что разговор окончен.

Что-то это как-то не очень хорошо прозвучало. Совсем даже нехорошо.

Ребята вышли из комнаты и тихонько закрыли за собой дверь.

ГЛАВА 28

Они сбежали вниз по лестнице и выскочили из Берлоги под яркий свет послеполуденного солнца. Долгое время ни тот, ни другой не произнёс ни слова. Томас чувствовал, что его положение становится всё хуже и хуже.

— Томми, есть хочешь? — наконец спросил Ньют.

Ну и вопросик!

— Есть? Да после такой сцены жить тошно, а не то, что есть! Нет, я не голоден.

Ньют только усмехнулся.

— Да? А я голоден. Пошли, может там что осталось после ланча. Потолковать надо.

— Представь, я догадывался, что ты скажешь что-то в этом роде.

Томас помимо воли всё больше проникался жизнью Приюта, поэтому и научился предчувствовать события.

Они направились прямиком на кухню, где их облаял Котелок, но несмотря на это им удалось разжиться бутербродами с сыром и свежими овощами. Томас не мог не обращать внимания на то, как странно косится на него Страж Поваров, но каждый раз, когда Томас встречался с ним взглядом, тот немедленно отводил глаза.

Что-то подсказывало ему, что такое отношение будет теперь нормой. По неизвестной причине он сильно отличался от всех обитателей Приюта. Согласно его ощущениям, с момента пробуждения в тёмном Ящике он прожил уже целую жизнь, а на самом-то деле прошла всего одна неделя.

Ребята решили поесть на свежем воздухе и через несколько минут уже сидели у западной стены, прислонившись спинами к тому месту, где заросли плюща образовывали толстый, мягкий ковёр. Перед ними расстилался Приют, где кипела обычная рабочая жизнь. Томас принудил себя поесть: судя по тому, как идут дела, силы ему очень даже пригодятся — мало ли с какими ещё странностями и трудностями придётся столкнуться.

— А раньше такое случалось? — с минуту помолчав, задал он вопрос.

Ньют помрачнел.

— То, что с Алби, что ли? Нет. Никогда. Но опять-таки — никто и никогда не пытался рассказать, что́ они вспомнили во время Превращения. Всегда отказываются. Алби попытался. Наверно, потому и сдвинулся по

фазе на пару минут.

Томас на секунду застыл с полным ртом. Неужели те, кто стоит за всей этой затеей с Лабиринтом, в состоянии их контролировать? От этой мысли волосы вставали дыбом.

Ньют хрустнул морковкой и поменял тему:

— Надо бы найти Гэлли. Совсем рехнулся. Прячется где-то. Как только доедим, пойдём отыщем обалдуя. Лучше запереть его в тюрягу от греха.

— Ты что, серьёзно? — Хоть Томасу и было совестно, но слова старшего товарища его обрадовали. Он бы и сам с огромным удовольствием закрыл дверь за Гэлли на замок, а ключ выбросил.

— А что? Шенк угрожал убить тебя. На кой нам, чтобы такое снова случилось? Этот козёл поплатится за своё поведение. Пусть ещё скажет спасибо, что мы не Изгнали его. Помнишь, что я говорил насчёт порядка? Ну вот.

— Ага. — Томасу пришло в голову, что Гэлли возненавидит его ещё больше за отсидку за решёткой, но... «Ну и наплевать, — решил он. — Я больше этого болвана не боюсь».

— Вот дальнейший план, Томми, — продолжал Ньют. — Остаток дня проведёшь со мной, нам надо кое-что выяснить. Завтра — Кутузка. Потом поступаешь в распоряжение Минхо, и я хочу, чтобы ты некоторое время не имел никаких дел с другими шенками. Понял?

Томас был только рад повиноваться: хотелось побыть наедине с собой.

— По-моему, здорово. Минхо будет меня тренировать?

— Точно. Ты теперь Бегун, и Минхо научит тебя всему. Многое предстоит узнать: Лабиринт, Карты и прочее. Так что засучивай рукава.

Самым потрясающим Томасу показалось то, что мысль снова войти в Лабиринт его почти не пугала. Он решил следовать советам Ньюта — это хороший способ отвлечься от мрачных дум. В глубине души ему хотелось при первой же возможности улизнуть из Приюта. Держаться подальше от других — вот в чём теперь новая стратегия его жизни.

Ребята молча доели свой ланч, и только потом Ньют перешёл к тому, что в действительности волновало его больше всего. Скатав в шарик оставшийся мусор, он повернулся и в упор посмотрел на Томаса.

— Томас, — начал он, — тебе необходимо кое-что признать. Уж слишком много раз нам довелось это услышать, чтобы притворяться, будто ничего не слышали. Пришло время поговорить серьёзно.

Томас этого ожидал, но всё равно его кольнул страх — страх услышать свои опасения облечёнными в слова.

— Гэлли сказал это. Алби сказал это. Бен сказал это. Девушка, когда её извлекли из Ящика — она сказала то же самое.

Он помедлил, возможно, ожидая, что Томас спросит, что он имеет в виду. Но Томас и так знал, о чём речь:

— Все они сказали, что скоро всё изменится.

Ньют на секунду отвёл взгляд, затем снова повернулся к Томасу.

— Верно. К тому же Гэлли, Алби и Бен объявили, что видели тебя в своих воспоминаниях после Превращения. Я так понимаю, что в этих воспоминаниях ты не цветочки сажал и не старушек с собачками через улицу переводил. Если послушать Гэлли, так с тобой связано что-то настолько мерзкое, что он даже не прочь тебя укокошить.

— Ньют, я не знаю... — начал было Томас, но старший не дал ему продолжить.

— Я понимаю, что ты ничего не помнишь, Томас! Хорош повторять, настохужело. Никто из нас ничего не помнит, и, слушай, уже тошнит, что ты постоянно этим уши колешь. Ты какой-то не такой, как мы. И пора узнать, что ты за птица.

На Томаса накатила волна самого настоящего бешенства.

— Отлично, и как ты собираешься это сделать? Я не меньше других хочу узнать, что я за птица! Провалиться мне на этом месте!

— Мне нужно, чтобы ты ничего не скрывал. Если хоть что-нибудь, всё равно что, кажется знакомым, будь честен и скажи!

— Да ничего... — начал Томас и запнулся. После его прибытия сюда произошло столько всего, что он почти забыл, каким знакомым показался ему Приют в ту первую ночь, рядом с Чаком. Каким уютным и домашним он ему представился, вместо того, чтобы нагнать ужас.

— Вижу, что шарики у тебя заработали, — проронил Ньют. — Говори.

Томас поколебался — страшили последствия того, что он сейчас скажет. Но он уже устал от всех своих тайн.

— Ну... Ничего конкретного я сказать не могу, — медленно и осторожно проговорил он, — но у меня такое чувство, будто я был здесь раньше, до того, как действительно появился здесь. — Он взглянул на Ньюта, как бы ища понимания в его глазах. — Это у всех так?

Ньют лишь закатил глаза:

— Какое там, Томми! Большинство из нас всю первую неделю только плюкало в штаны и орало так, что глаза на лоб лезли.

— Ну да, конечно. — Томас помолчал. К беспокойству неожиданно добавилось смущение. Что бы всё это значило? Он не такой, как другие — почему? Неужели с ним действительно что-то не так? — Всё здесь кажется

мне знакомым! А ещё... Я знал, что захочу сделаться Бегуном.

— А вот это уже интересно. — С минуту Ньют изучающе смотрел на него, даже не пытаясь скрыть подозрения. — Хорошо, продолжай в том же духе. Напряги мозги, обшаривай их каждую свободную минуту и думай, думай, копайся в извилинах! Найди решение, чёрт возьми, постарайся ради нас всех!

— Постараюсь! — Томас закрыл глаза, собираясь погрузиться в тёмные подвалы своего разума.

— Да не сейчас, голова с дыркой! — засмеялся Ньют. — Я имею в виду — вообще, когда у тебя будет свободное время, ну, там, когда ложишься спать, или за обедом, или когда гуляешь после тренировки, да и на тренировке тоже... И если что-то покажется хоть отдалённо знакомым — немедленно скажи мне. Понял?

— Да понял, понял.

Томас забеспокоился: он только что приоткрыл завесу над некоторыми своими тайнами и теперь опасался, что старший товарищ встревожился и просто пытается скрыть свою озабоченность.

— Лады, — сказал Ньют, подозрительно легко отступаясь. — Для начала пойдём кое с кем повидаемся.

— С кем? — спросил Томас, но не успел ещё до конца произнести вопрос, как уже знал ответ. Он похолодел от дурного предчувствия.

— С девчонкой. Я хочу, чтобы ты смотрел на неё, пока глаза не повылазят. Вдруг что-нибудь в ней заставит твои идиотские мозги работать. — Ньют подобрал мусор, оставшийся после ланча, и встал. — А потом слово в слово перескажешь мне всё, что услышал от Алби.

Томас вздохнул и тоже поднялся.

— О-кей. — Он не знал, сможет ли принудить себя поведать всю правду об обвинениях Алби, уже не говоря о своих подозрениях насчёт девушки. Похоже, что ему страшно трудно расстаться с некоторыми из своих тайн.

Ребята пошли к Берлоге, где всё ещё лежала в коме новоприбывшая. Томас никак не мог подавить тревогу: что думает о нём теперь Ньют? Он ведь так открылся перед ним... Ньют ему по-настоящему нравится, и если бывший Бегун обратится теперь против него, Томаса, что ему тогда останется делать? Этого он не выдержит.

— Если больше ничего не поможет, — сказал вдруг Ньют, вмешиваясь в течение мыслей Томаса, — мы пошлём тебя к гриверам — пусть ужалят, чтобы ты прошёл через Превращение. Нам позарез нужны твои воспоминания.

Шутит он, что ли?! Томас выдавил что-то похожее на саркастический смешок, но на лице Ньюта не было и тени улыбки.

Томас опасался увидеть скелет, обтянутый кожей, — нечто на грани жизни и смерти. Но ничуть не бывало: казалось, что девушка просто спокойно спит и в любую секунду может проснуться. Её грудь мерно вздымалась и опадала в такт дыханию, кожа тоже выглядела здоровой и свежей.

Один из Медяков, тот, что поменьше ростом — Томас забыл его имя — капал пациентке в рот воду — по нескольку капель за раз. На прикроватной тумбочке стояли две тарелки, мелкая и глубокая, с остатками ланча — картофельного пюре и супа. Медяки делали всё возможное, стараясь поддерживать в своей подопечной жизнь.

— Привет, Клинт! — сказал Ньют как ни в чём не бывало, словно всего лишь в очередной раз забежал справиться о здоровье больной. — Как она — жива ещё?

— Ага, — ответил Клинт. — С нею всё путём, только всё время болтает во сне. Думаем, скоро она выйдет из комы.

Томас почувствовал лёгкий озноб. Неизвестно почему, но до этого момента он никогда толком не задумывался о том, что девушка может очнуться и, чего доброго, начать говорить. И с чего это он вдруг так разнервничался?

— Надеюсь, вы записали каждое произнесённое ею слово? — спросил Ньют.

Клинт кивнул.

— Да она бормочет по большей части что-то невразумительное. Но всё, что смогли понять — да, записали.

Ньют указал на блокнот на тумбочке.

— Что, например?

— Ну, то же самое, что она сказала, когда её вынули из Ящика — про то, что всё изменится. Потом ещё какую-то ересь про Создателей и про «всему конец». Да, и ещё... — Клинт осёкся и посмотрел на Томаса, словно не хотел продолжать в его присутствии.

— Ничего, что можно сказать мне — можно и ему, — заверил Ньют.

— Ну ладно... Я не всё смог разобрать, но... — Клинт снова кинул косой взгляд на Томаса. — Она постоянно твердит его имя — снова и снова.

Услышав такое, Томас чуть не упал. Опять он! Да кончится это когда-нибудь?! Они с девушкой были-таки знакомы? В голове у него гудело, и

некуда было спрятаться от этого сводящего с ума гула.

— Спасибо, Клинт, — отозвался Ньют. Его слова прозвучали как недвусмысленный приказ уйти. — Дашь нам подробный отчёт обо всём, о-кей?

— Будет сделано.

Медяк кивнул обоим и вышел.

— Возьми стул! — распорядился Ньют, присаживаясь на краешек кровати. Томас немного приободрился, видя, что тот пока не разражается обвинениями. Он подхватил стул, стоявший у письменного стола, придвинул его к изголовью кровати, на которой лежала девушка, сел и склонился над ней, чтобы взглянуть ей в лицо.

— Ну и как? — допытывался Ньют. — Можешь хоть что-нибудь сказать?

Томас не отвечал: он вглядывался, напрягая мозг, стараясь пробить брешь в барьере, окружающем его память, и добыть оттуда нужные сведения. Он воскресил в мыслях тот момент, когда новоприбывшую только что подняли из кабины лифта. Она тогда на краткий миг открыла глаза.

Они были глубоко-синие. Такого цвета он больше ни у кого никогда не видел. Он попытался наложить два образа друг на друга, воображая эти яркие глаза на её нынешнем лице. Чёрные волосы, изумительно белая кожа, полные губы... Всматриваясь в лицо спящей, он снова поразился её совершенной красоте.

И вдруг что-то всколыхнулось в самом дальнем закоулке его памяти — словно взмах крыльев, невидимых, и тем не менее чётко осязаемых. Всплеск длился всего одну секунду и тут же растворился в тёмной бездне, затерялся в глубине потерянной памяти, но юноша ухватил проблеск неясного узнавания, отзвук туманного воспоминания...

— Я действительно знаю её! — прошептал он, откидываясь на спинку стула. Каким облегчением было наконец-то сделать это признание вслух!

Ньюта подбросило.

— Что?! Кто она?

— Понятия не имею. Но что-то как щёлкнуло — я знал её раньше, вот только откуда? — Томас в ярости тёр глаза, не в силах восстановить утерянную связь.

— Так думай же, думай, чёрт побери! Не теряй нить! Сосредоточься!

— Да я же стараюсь, заткнись, чтоб тебя! — Томас закрыл глаза, пытаясь в темноте своего разума найти её лицо. Кто же она, эта знакомая незнакомка?! Какая ирония — ведь ему не было известно, кто такой он сам!

Он вновь склонился над спящей, сделал глубокий вдох, затем потряс головой и виновато взглянул на Ньюта:

— Что-то никак у меня не...

«Тереза».

Томас вскочил, опрокинув стул, и начал оглядываться по сторонам в поисках... чего? Он только что услышал...

— Что? Что такое? — всполошился Ньют. — Ты что-то вспомнил?

Томас проигнорировал его восклицания, лишь продолжал в недоумении оглядываться по сторонам. Он точно слышал голос! Откуда? Он снова уставился на девушку.

— Я... — Он вернулся на свой стул и вновь всмотрелся в лицо спящей. — Ньют, перед тем, как я вскочил... ты что-то сказал?

— Ничего.

Конечно, нет.

— Ох. Мне кажется, я что-то слышал... Не знаю... Может, это только у меня в голове?.. Или... или это она сказала?..

— Она? — переспросил Ньют, и его глаза вспыхнули. — Нет. А что? Ты что-то услышал?

Томасу было страшно признать истину.

— Я... Честное слово, кто-то произнёс имя. Тереза.

— Тереза? Нет, я ничего такого не слышал. Наверно, что-то выскочило из твоей долбаной памяти! Это её имя, Томми. Тереза. Что ещё это может быть?

Томасом владело чувство какой-то странной нереальности происходящего, словно только что случилось нечто сверхъестественное.

— Понимаешь... Могу поклясться, что *слышал* его! Но вроде как в голове, понимаешь? Не могу объяснить.

«Томас».

На этот раз он не только слетел со стула, но и отскочил в дальний конец комнаты, опрокинув по пути настольную лампу — та упала и разлетелась на мелкие осколки. Голос! Голос девушки! Доверчивый, нежный шёпот. Он отчётливо слышал его. Нет сомнений.

— Да что с тобой, на хрен, творится? — рявкнул Ньют.

Сердце Томаса колотилось, как бешеное, набатом отдаваясь в голове, желудок скрутило.

— Она... Чёрт, она разговаривает со мной! У меня в голове. Она только что произнесла моё имя!

— Что?!

— Да чёрт бы меня побрал! — Мир вокруг завертелся, сминая

сознание, унося мысли... — Я слышу её голос у себя в голове. Или, может... ну, это не совсем голос...

— Томми, ну-ка сядь! Что за хрень ты несёшь?

— Ньют, это не хрень, и ничего я не несу! Это вроде как не совсем голос... но я его слышу!

«Томас, мы — последние. Скоро всё будет кончено. Так должно быть».

Слова эхом отозвались в его сознании, отразившись от барабанных перепонок — он *действительно* слышал их! Одновременно было ясно — они пришли не откуда-то извне. Они в буквальном смысле звучали у него в мозгу.

«Том, кончай валять дурака».

Он закрыл уши ладонями и крепко зажмурился. Всё это было настолько странно, что рассудок отказывался признать реальность происходящего.

«Моя память тускнеет, Том, так что когда я очнусь, от неё мало что останется. Мы можем справиться с Испытаниями. Время пришло. Меня послали, чтобы я положила начало концу».

Больше натянутые нервы Томаса не выдержали. Не обращая внимания на недоумённые расспросы Ньюта, он, спотыкаясь на ходу, кинулся к двери, распахнул её настежь, вылетел в коридор и побежал. Вниз по лестнице, вон из Берлоги. Но голос в голове не унимался, ничто не могло заставить его замолчать.

«Всё изменится», — услышал он.

Ему хотелось кричать и бежать, бежать, что есть сил, пока не свалится. Он достиг Восточной двери, пронёсся сквозь неё и покинул пределы Приюта. И дальше — коридор за коридором, проход за проходом, в самое сердце Лабиринта, и плевать на правила. Но голос по-прежнему явственно раздавался в его сознании:

«Ты и я, Том. Мы сделали это с ними. С нами».

ГЛАВА 29

Томас остановился, лишь когда голос в его голове смолк. И только теперь осознал, что бежит уже почти целый час: отбрасываемые стенами тени вытянулись к востоку, солнце скоро закатится, и Двери закроются на ночь. Пора возвращаться. Потом последовало ещё одно открытие: оказывается, он определил направление и время бессознательно. Инстинкты сработали.

Ему необходимо вернуться.

Но хватит ли у него мужества, чтобы вновь встретиться с ней лицом к лицу? Этот голос в голове... И тревожащие, непонятные слова...

Выбора, однако, не оставалось. Если продолжать страусиную политику, ни к чему толковому не придёшь. К тому же, как ни странно и неприятно было вторжение в его мозг, уж лучше оно, чем очередная встреча с гриверами.

На пути к Приюту он многое узнал о себе самом. Оказывается, не сознавая и не задумываясь, он точно следовал собственному маршруту вглубь Лабиринта. Он ни разу не запнулся и не засомневался, куда ему сворачивать и какой проход избрать, в обратной последовательности повторяя путь, который прошёл, убегая от голоса. Он понял, что это значило.

Минхо был прав. Скоро Томас станет лучшим из Бегунов.

Второе, что он узнал о себе, — как будто ночь в Лабиринте и так не доказала это со всей очевидностью! — он был в превосходной физической форме. Всего лишь накануне, казалось, его полностью оставили последние силы, всё тело ныло и отказывалось подчиняться — и как он, однако, быстро оправился! И теперь уже почти два часа бежал легко, почти без напряжения. Не надо быть гением в математике, чтобы, приняв во внимание скорость и затраченное время, вычислить, что к моменту возвращения в Приют он пробежал примерно половину марафонской дистанции.

Раньше он как-то не задумывался об истинных масштабах Лабиринта, а теперь до него дошло: да ведь это же мили и мили запутанных переходов! К тому же стены-то ведь движутся каждую ночь; неудивительно, что разгадать загадку Лабиринта оказалось не так легко, как хотелось бы. Если до нынешнего вечера он ещё дивился несообразительности Бегунов, то

теперь ему стала ясна вся масштабность и сложность их задачи.

Он всё бежал и бежал, направо, налево, прямо, вперёд и вперёд... К тому моменту, когда он пересёк порог Приюта, до закрытия Дверей оставались считанные минуты. Усталый, он направился прямиком к Жмурикам и углубился в лес. Там, в юго-западном углу, деревья образовывали густую чащу. Здесь он рассчитывал побыть в уединении — этого ему хотелось сейчас больше всего.

Вскоре будничные шумы Приюта: разговоры приютелей, мычание и блеяние скота на Живодёрне — превратились в неясный отдалённый гул, и Томас получил, что хотел. Он нашёл место, где две гигантские стены соединялись друг с другом, и рухнул на землю в углу между ними. Никто не пришёл и не побеспокоил его. Южная стена задвигалась, закрывая на ночь проход; он наклонился вперёд и переждал, пока она не остановилась. А ещё через несколько минут, удобно опершись спиной на соединение стен, покрытое густой зарослью плюща, он уснул.

Утром кто-то деликатно потряс его за плечо.

— Томас, вставай!

Чак. От этого парня, видимо, никуда не скроешься, везде достанет. Талант.

Застонав, Томас потянулся, разминая затёкшие спину и руки. Ночью его заботливо укрыли парой одеял. Видно, кому-то нравилось изображать из себя мамочку.

— Который час?

— Ещё немного — и останешься без завтрака. — Чак потянул его за руку. — Ну, вставай же! Пора тебе начать вести себя нормально, а то совсем свихнёшься.

Внезапно в сознании Томаса вспыхнуло воспоминание о том, что случилось накануне, и внутри всё болезненно сжалось. «Что они теперь со мной сделают? — задавался он вопросом. — А ещё она сказала что-то насчёт того, что в происходящем здесь виноваты мы с ней. Что бы это значило?»

И вдруг ему пришло в голову: а, может, он просто сошёл с ума? Вдруг пережитое в Лабиринте оказало такое влияние на его психику, что она не выдержала? Как бы там ни было, голос девушки звучал только в *его* голове, больше никто не слышал тех странных, не поддающихся пониманию слов, что произнесла Тереза, никто его ни в чём не обвинил. Никто даже не знает, что девушка сказала им своё имя. Ну, почти никто. Ньют знает.

Вот пусть так всё и остаётся. И без того дела из рук вон плохи, и он не собирается сделать их ещё хуже, рассказывая направо и налево, что ему

мерещатся какие-то потусторонние голоса. Вот только как быть с Ньютом?.. Надо, наверно, попробовать убедить его, что Томаса накрыл стресс, и его ум временно помутился, но после крепкого ночного сна всё теперь в порядке. «Я не сумасшедший!» — уверял Томас самого себя. Конечно, нет, только этого ещё не хватало!

Чак смотрел на него, изогнув брови домиком.

— А, извини, — сказал Томас, вставая и стараясь вести себя как ни в чём не бывало. — Я задумался. Пошли поедим, умираю с голоду.

— Да нормалёк! — отвечал Чак, шлёпнув Томаса по спине ладошкой.

Пока они шли к Берлоге, рот у Чака не закрывался. Томас не жаловался: болтовня Чака создавала иллюзию вполне нормальной жизни. Надо привыкать к тому, что такая жизнь — не для Томаса.

— Вчера вечером Ньют нашёл тебя и сказал всем, чтобы не будили. А ещё он рассказал нам, что было решено на Совете — что ты отсидишь один день, а потом начнёшь тренироваться на Бегуна. А шенки — ну, кто-то ворчал, кто-то радовался, а остальные сделали вид, что им вообще до фонаря. А я вот считаю, что это просто здóрово! — Чак приостановился, чтобы перевести дух, потом продолжал: — Помнишь, в ту первую ночь, ну, когда ты нёс плюк про то, что станешь Бегуном, чёрт возьми, я про себя хохотал так, что кишки чуть не свернул. Я тогда думал: да, этому бедолаге придётся засунуть свои мечты в одно очень неприятное место. И вот пожалуйста — ты оказался прав, а я в плюке!

Томасу как-то не очень хотелось распространяться на этот счёт.

— Я сделал то же, что на моём месте сделал бы каждый. Я не виноват, что Минхо и Ньют выдвинули меня в Бегуны.

— Ну да, ну да. Скромный ты наш.

Его статус Бегуна занимал в мыслях Томаса последнее место. А на первом была Тереза, голос в голове и то, что этот голос произнёс.

— Нет, я, конечно, рад, скорей бы начать... — выдавил улыбку Томас. На самом деле его совсем не грела мысль о том, что прежде чем начать карьеру Бегуна, ему придётся провести целый день в одиночном заключении.

— Посмотрим, как ты будешь радоваться, когда от беготни у тебя будут ноги отваливаться. Но во всяком случае знай: старый добрый Чаки гордится тобой!

Энтузиазм друга был заразителен, и Томас улыбнулся по-настоящему.

— Если бы ты был моей мамой, — пробормотал он, — это была бы не жизнь, а малина.

«Мама...» — подумалось ему, и мир вокруг на мгновение померк. Он

ведь даже не помнил своей матери. Он затолкал мысль о ней подальше, не то тьма поглотила бы его с головой.

Они пришли на кухню. За длинным столом было два свободных места, которые они и заняли. Каждый, кто входил или выходил, казалось, считал своим долгом уставиться на Томаса. Некоторые даже подходили и поздравляли. Кроме немногих неприязненных, брошенных искоса взглядов, большинство приютелей, похоже, было на его стороне. Потом ему на ум пришёл Гэлли.

— Эй, Чак, — расправляясь с яйцом, сказал он и при этом постарался придать своему тону небрежность, — Гэлли нашли?

— Не-а. Как раз хотел тебе сказать: его видели, когда он выскочил со Сбора. Умчался прямо в Лабиринт. И всё — как в воду канул.

Томас уронил вилку. Он и сам не знал, чего ожидал и на что надеялся. Во всяком случае, новость его огорошила.

— Что? Не шутишь? Он убежал в Лабиринт?

— Ну да. Все знают, что у него крыша съехала. А один шенк сказал, что когда ты вчера выбежал из Приюта, то наверняка затем, чтобы прикончить Гэлли.

— Не могу поверить... — Томас уставился в свою тарелку, прилагая немалые усилия, чтобы понять, почему Гэлли так поступил.

— Да не волнуйся ты об этом, чувак. Он всё равно никому не нравился, за исключением пары-тройки его дружков. Это они и обвиняют тебя во всяких глупостях.

Томасу казалось невероятным, что Чак рассуждает о столь чудовищных вещах так буднично.

— Знаешь, скорее всего, парень мёртв. А ты говоришь так, будто он на каникулы отправился.

Чак задумчиво посмотрел на него:

— Не думаю, что он мёртв.

— А? Тогда где он? Ведь только мы с Минхо — единственные, кто пережил ночь в Лабиринте и вернулся живым, разве не так?

— Вот и я то же самое говорю. Уверен, что его дружки прячут шенка где-то в Приюте. Гэлли, конечно, идиот, но не настолько же он глуп, чтобы попробовать переночевать в Лабиринте. Не тебе чета.

Томас помотал головой.

— Может, как раз поэтому он и остался там! Хотел доказать, что и он тоже не лыком шит, раз я смог, то сможет и он. Он же меня ненавидит. — И поправился: — Ненавидел.

— А, ну и что? — Чак передёрнул плечами, словно они спорили, что

лучше есть на завтрак. — Если он мёртв, то вы, ребята, в конце концов наверняка его найдёте. Если нет — проголодается и припрётся пожрать. Он мне по барабану.

Томас подхватил свою тарелку и понёс в мойку.

— Ну хоть бы один нормальный денёк! Отдохнуть, расслабиться...

— Тогда считай — твоё грёбаное желание исполнится! — послышался голос из-за спины, от двери кухни.

Томас обернулся и увидел улыбающегося Ньюта. И от этой улыбки юноше стало так уютно, что окружающий мир снова показался вполне приятным местечком.

— Ну что, пошли, арестант несчастный! — сказал Ньют. — В Кутузке расслабишься. Давай, топай. Чаки притащит тебе ланч.

Томас кивнул и вслед за Ньютом вышел из кухни. День в тюряге вдруг показался ему отличной идеей. Сиди себе, отдыхай и ничего не делай, куда уж лучше-то!

Вот только что-то подсказывало ему, что скорее Гэлли одарит его букетом цветов, чем в Приюте пройдёт хотя бы один день без происшествий.

ГЛАВА 30

Кутузка пряталась в закутке между Берлогой и северной стеной Приюта. От посторонних глаз её скрывали высокие колючие кусты, которые, похоже, целую вечность никто не подрезал. Она представляла собой большой бетонный бункер с одним узеньким зарешеченным окошком и деревянной дверью, снабжённой грозного вида ржавым замком с щеколдой. Сооружение словно выплыло из сумрачного средневековья.

Ньют вынул ключ, открыл дверь и жестом пригласил Томаса внутрь:

— Вот тебе табуретка и полная свобода плевать в потолок. Приступай.

Томас внутренне застонал, когда вступил под тюремную сень и узрел один-единственный предмет обстановки — безобразный, расшатанный табурет, у которого одна нога — наверняка намеренно — была короче других. Голая доска, никакой тебе мягкой обивки.

— Желаю весело провести время! — поддразнил Ньют, закрывая дверь. Томас повернулся к нему спиной и услышал, как щёлкнула задвижка. Затем голова Ньюта возникла в окошке. Тот смотрел на узника через ржавую решётку, и на лице бывшего Бегуна играла притворно-высокомерная усмешечка. — Это тебе премия за нарушение правил. Ты, конечно, герой, Томми и спас кое-кому жизнь, но тебе просто необходимо зарубить у себя на носу...

— Да знаю, отвяжись. *Порядок.*

Ньют улыбнулся.

— Ты, вообще-то, классный шенк. Но друзья мы или нет, а всё должно идти как положено, иначе нам, бедолагам, не выжить. Вот посиди, попяльcя на эти роскошные стенки и постарайся хорошенько проникнуться.

И ушёл.

Прошёл только один час, а Томас уже почувствовал сворачивающую скулы скуку — она, как крыса в дверную щель, вползла в его камеру. На исходе второго часа ему захотелось побиться головой о стенку. Ещё через пару часов ему представлялось более предпочтительным пообедать с Гэлли и гриверами, чем сидеть в этой вонючей дыре. Он пытался вызвать к жизни хоть какие-нибудь воспоминания, но все его усилия шли прахом: память по-прежнему окутывал густой, непроницаемый туман.

К счастью, около полудня Чак принёс ланч, и Томас с облегчением

оторвался от печальных раздумий.

Чак передал ему через зарешечённое оконце несколько кусков жареной курицы и стакан воды, после чего приступил к своему обычному занятию — заливанию в уши Томаса обильного количества полезной и бесполезной информации.

— Всё устаканивается, — сообщил мальчик. — Бегуны ушли в Лабиринт, все остальные работают, так что мы ещё не отдаём концы. О Гэлли ни слуху ни духу; Ньют наказал Бегунам: если они найдут тело придурка, чтобы немедленно вернулись и доложили. Ах, да — Алби уже на ногах и носится повсюду. С ним вроде всё нормально. Ньют рад без памяти — ему теперь не надо разыгрывать из себя большое начальство.

При упоминании имени Алби Томас позабыл о еде. В памяти сразу возникла жуткая картина: парень мечется, корчится и душит себя собственными руками. Затем припомнилось, что сказал Алби после того, как Ньют вышел из комнаты, и до наступления припадка. Правда, кроме них двоих этих слов больше никто не слышал, но где гарантия, что Алби сохранит тайну теперь, когда он больше не болен?

А у Чака рот не закрывался, но теперь его болтовня приняла несколько неожиданный оборот.

— Томас, слушай, я тут совсем того... ну тошно мне, понимаешь? Разве это не полный песец — тосковать по дому, даже не зная, о чём тоскуешь? Где он, этот дом? Куда тебе, собственно, хочется? Знаю только, что не хочу больше торчать здесь, хочу домой, к маме с папой. Плевать, как там и что там, где я был раньше. Хочу *помнить*...

Вот это да! Томас даже слегка удивился: никогда бы не подумал, что Чак способен высказаться столь глубоко и точно.

— Я тебя понимаю, — пробормотал он.

Чак был маловат ростом, и Томас не мог видеть его глаз, но судя по следующей реплике мальчика, можно было сделать вывод, что сейчас они полны невыносимой печали, может даже и слёз:

— Я, знаешь, плакал. Каждую ночь.

Мысли об Алби сразу же вылетели у Томаса из головы.

— Да ну?

— Ага, как младенец. Почти до того самого дня, как здесь появился ты. А потом привык, вот и всё. Это место — наш дом, хотя мы и мечтаем вырваться отсюда.

— Я тоже плакал после того, как прибыл сюда... правда, только один раз — после того, как меня чуть не съели живьём. Наверно, я просто бревно бесчувственное. — Томас ни за что бы не признался, если бы Чак не

открылся первым.

— Ты плакал? — донеслось с воли. — *Тогда*, да?

— Ага. Когда последний из этих сволочей упал с Обрыва, я свалился и ревел, пока совсем не охрип. — Томасу весь этот эпизод помнился даже слишком хорошо. — Всё как будто сразу навалилось. Зато потом стало легче. Так что не стыдись того, что плачешь. Никогда.

— Точно, становится легче. Вот странное дело, а?

Несколько минут прошло в молчании. Томас обнаружил, что ему совсем не хочется, чтобы Чак ушёл.

— Эй, Томас! — позвал Чак.

— Всё ещё здесь.

— Как ты думаешь — у меня есть родители? Настоящие мама и папа?

Томас рассмеялся — в основном затем, чтобы прогнать внезапный наплыв грусти, вызванный в нём словами мальчика.

— Конечно, есть, шенк ты этакий! Тебе что, нужно объяснять про пчёлок и цветочки? — Сердце юноши болезненно сжалось: он помнил, что его просвещали на этот счёт, но кто?..

— Да я совсем не об этом. — В голосе мальчика теперь совсем не ощущалось оживления, он был тих и бесцветен, превратился в еле различимый шёпот. — Большинство из парней, которые подверглись Превращению, вспомнили что-то такое кошмарное, что даже говорить об этом не хотят. Вот я всё думаю: а может, там, дома, ничего хорошего-то и нет? Потому и спрашиваю: ты всерьёз думаешь, что где-то там, в большом мире, у меня есть мама и папа, и они ждут меня? Может, они тоже плачут по ночам?..

И тут, к своему потрясению, Томас обнаружил, что его собственные глаза полны слёз. Жизнь после его появления здесь понеслась таким сумасшедшим галопом, что ему некогда было задумываться о других приютелях, а они ведь реальные люди, каждый со своей жизненной историей, и где-то в большом мире есть семьи, которые их ждут и надеются... И что совсем уже странно — даже о себе самом он в этом плане не задумывался. Его мысли занимало только кто его сюда засунул, да как им выбраться отсюда, да какой вообще смысл во всей этой затее.

Впервые за всё время Чак пробудил в нём нечто такое, из-за чего Томас буквально разъярился. Руки чесались прикончить подонков, пославших их сюда. Пацану бы в школу ходить да с соседскими ребятишками играть! Он заслуживал жить в уютном доме, в любящей семье, у него должна была быть мама, которая заставляла бы его каждый день мыться, и папа, который бы помогал с домашним заданием...

Как же были ему ненавистны те, кто лишил этого бедного, невинного ребёнка его семьи! Он даже не знал, что человек в состоянии ощущать такую бешеную ненависть. Попадись они ему сейчас — ждала бы их страшная, медленная и мучительная смерть! Он так хотел, чтобы к Чаку вернулось счастливое детство...

Но Счастье было вычеркнуто из их жизней. Той же безжалостной волей из их жизней была вычеркнута и Любовь.

— Послушай, Чак. — Томас помолчал и постарался успокоиться, а когда заговорил, то голос его звучал ровно: — Я уверен — у тебя есть родители. Знаю, что есть. И каким бы невероятным тебе это ни показалось, но я знаю: твоя мама сейчас сидит в твоей комнате, и обнимает твою подушку, и плачет, и проклинает мир, который украл тебя у неё. Плачет по-настоящему, хлюпая носом и утирая красные глаза. И ждёт тебя.

Чак не отвечал, но Томасу показалось, что он слышит тихие, приглушённые всхлипывания.

— Не сдавайся, Чак. Мы разгадаем Лабиринт и вырвемся отсюда. Я теперь Бегун, и клянусь своей жизнью: я верну тебя в твою комнату. И твоя мама перестанет плакать. — Томас свято верил в то, что говорил. Он чувствовал, что эта клятва теперь выжжена в его сердце.

— Хорошо бы, чтоб ты оказался прав, — дрожащим голосом отозвался Чак. В оконце было видно, как он поднял руки с отогнутыми кверху большими пальцами. Затем мальчик ушёл.

Томас встал и начал прохаживаться по своей камере. В душе клокотало страстное желание выполнить обещанное.

— Клянусь, Чак, — прошептал он. — Клянусь, я верну тебя домой.

ГЛАВА 31

Когда отгремели закрывшиеся на ночь Двери, Томаса ожидал сюрприз: выпустить его на волю пришёл не кто иной, как Алби собственной персоной. Ключ проскрежетал в заржавленном замке, звякнула щеколда и дверь широко распахнулась.

— Ну, что, жив, шенк? — гаркнул Алби. Он выглядел намного лучше, чем вчера, настолько лучше, что Томас ничего не мог поделать, как только пялиться на него во все глаза. Кожа вожака обрела свой первоначальный цвет, розовые прожилки на белках глаз выглядели, как у всех нормальных людей; казалось даже, что за сутки ему удалось прибавить в весе фунтов пятнадцать.

Алби заметил остолбенелый взгляд бывшего узника:

— Эй, парень, на что ты так вылупился?

Томас встряхнул головой — похоже, он попросту впал в транс. Мысли понеслись галопом: что помнит Алби? Что ещё ему известно? Что он расскажет другим?

— А? Да нет, ничего. Просто потрясающе, как ты быстро поправился. Ты сейчас как — нормально?

Алби согнул руку в локте, демонстрируя вздувшийся бицепс:

— Лучше чем. Давай, выходи.

Томас повиновался. Он надеялся, что глаза у него не бегают по сторонам, выдавая глубоко спрятанную озабоченность.

Алби закрыл и запер дверь Кутузки, после чего повернулся к Томасу.

— Вообще-то, вру почём зря. На самом деле чувствую себя как кусок плюка, сожранный и сблёванный гривером, причём два раза.

— Ну да, так ты выглядел вчера. — Заметив, что Алби метнул в него рассерженный взгляд, Томас понадеялся, что вожак на самом деле не гневается всерьёз, однако поспешил исправить оплошность: — Но сегодня ты — как новенький. Правда-правда!

Алби положил ключ в карман и прислонился к двери Кутузки.

— М-да, ну и разговорчик у нас с тобой вчера вышел.

У Томаса упало сердце. Кто знает, чего ожидать от Алби в его нынешнем состоянии...

— Угм-м... Да, я помню.

— Я видел то, что видел, Чайник. Оно теперь поблекло, но я всё равно

никогда не забуду. Жуть жуткая. А когда начинаю об этом говорить, меня что-то как душит, что ли. Сейчас так вообще — только что-нибудь возникнет в башке, то сразу же и исчезает, как будто оно, то самое, что помню, не хочет, чтобы я его помнил.

Вчерашняя сцена мелькнула перед мысленным взором Томаса: Алби корёжит, он ворочается, пытается задушить самого себя... Томас ни за что бы не поверил, что такое возможно, если бы не видел этого собственными глазами. И как бы ни был страшен ответ, он должен спросить...

— А вот та штука... обо мне... Ты всё твердил, что видел меня. Что я делал?

Алби долго не отвечал, рассеянно глядя вдаль.

— Ты был... заодно с Создателями. Помогал им. Но это было не самое большое потрясение.

Томасу показалось, будто кто-то со всего размаху въехал ему в солнечное сплетение. «Помогал им?!» Он силился спросить, что это значит, но не нашёл подходящих слов.

А Алби продолжал:

— Я надеюсь, что Превращение не возвращает нам настоящих воспоминаний. Я думаю, оно создаёт фальшивые. Кое-кто ещё подозревает тоже самое. Мне остаётся только надеяться. Если мир действительно таков, каким я его видел... — Он затих. Воцарилась зловещая тишина.

Томас был озадачен, но продолжал гнуть свою линию:

— Ты не мог бы рассказать, что там было обо мне?

Алби помотал головой.

— Ни за что, шенк. Не собираюсь рисковать снова самоудушиться. Наверно, они ставят в мозги какой-то блок — ну, типа, как когда они стирают наши воспоминания.

— Да знаешь, если я сволочь, может, тебе не стоило выпускать меня из клетки? — Томас всё же надеялся, что его слова не будут восприняты как руководство к действию.

— Да какая ты там сволочь, Чайник... Ты, может, дубина и козёл, но не сволочь. — Алби изобразил что-то вроде улыбки — на его обычно жёстком лице обозначилась горизонтальная щель. — Ты рисковал собственной задницей ради меня и Минхо — ни одна сволочь на это не способна. Я, во всяком случае, о таком не слыхал. Не-е, думаю, что они что-то химичат с грив-сывороткой, и с Превращением какая-то ерунда. Надеюсь на это — ради тебя, да и ради себя самого тоже.

Томас так воспрял духом, узнав, что Алби не считает его шпионом и предателем, что услышал только половину сказанного лидером.

— Что, действительно так плохо? Я имею в виду — воспоминания, которые вернулись?

— Я вспомнил кое-что из своего детства, ну, там, где жил, и всё в таком роде. И если бы сам Господь сейчас сошёл с небес и сказал, что я могу отправляться обратно домой... — Алби потупил взор и снова помотал головой: — Поверь, Чайник, прежде чем уйти, я пойду и проведу ночь любви с гриверами.

Услышанное несказанно удивило Томаса. Неужели всё так страшно?! Вот если бы вожак рассказал более подробно, описал бы поточнее, что он видел... Но память о припадке, когда Алби чуть не удавил себя собственными руками, была ещё слишком свежа.

— Так может, воспоминания всё-таки ненастоящие, а, Алби? Может, грив-сыворотка — это просто какой-то психотропный наркотик, вызывающий галлюцинации? — Томас понимал, что хватается за соломинку.

Алби секунду подумал.

— Наркотик... Глюки... — И снова потряс головой. — Сомневаюсь.

Ну что ж, попытка — не пытка.

— Всё равно нам надо вырваться из этого места.

— Да что ты говоришь, Чайник! — саркастически изрёк Алби. — Спасибо! Интересно, что бы мы делали без твоих отеческих наставлений?!

Неожиданная смена настроения вожака вырвала Томаса из состояния мрачной подавленности.

— Прекрати звать меня Чайником! Теперь у нас девчонка Чайник!

— О-кей, Чайник. — Алби вздохнул, давая понять, что беседа окончена. — Иди сожри что-нибудь. Ты отмотал свой Великий Тюремный Срок длиной в Целый Один День, можно сказать, от звонка до звонка.

— Одного дня более чем достаточно!

И хотя Томасу страшно хотелось получить ответы на все свои наболевшие вопросы, ему ещё больше хотелось убраться подальше от Кутузки. Да к тому же он был голоден, как волк. Одарив Алби счастливой улыбкой, он полетел к кухне на свидание с ужином.

Ужин превзошёл самые смелые ожидания.

Котелок знал, что Томас припозднится, поэтому оставил для него большую тарелку, на которой громоздились внушительных размеров ростбиф и гора картошки, а прилагающаяся записка гласила, что в шкафу для него припрятано печенье. Шеф-повар, очевидно, продолжал оказывать Томасу поддержку, которую так недвусмысленно продемонстрировал на

Сборе. Пока Томас ужинал, пришёл Минхо и ввёл его в курс дела перед Великим Днём — Днём Начала Тренировки Настоящего Бегуна — сообщив ему некоторые цифры и интересные факты — пусть поразмыслит на сон грядущий.

Покончив с ужином, Томас направился в то укромное местечко, где спал в прошлую ночь — угол в глубине Жмуриков. Он возвратился мыслями к разговору с Чаком: интересно, а каково это, когда родители желают тебе спокойной ночи?

Кое-кто ещё суетился на обширном дворе Приюта, но большинство уже затихло, словно желая поскорее уснуть и сбросить со счетов очередной день жизни в этом странном и страшном месте. Томасу тишина и покой были как раз на руку.

Одеяла, которыми его укрыли прошлой ночью, лежали на том же месте. Он подобрал их, завернулся и притулился в уютном уголке между каменных стен, на толстой подстилке плюща. Стараясь расслабиться, глубоко вдохнул, и в лёгкие ему полился мягкий воздух, напоённый смесью свежих лесных запахов... что опять натолкнуло его на размышления о климате этого места. Ни дождей, ни снега, ни палящей жары, ни пронизывающего холода. Если бы не тот незначительный факт, что, оторванные от родных и друзей, они живут, заточённые в гигантском Лабиринте, где хозяйничают чудовища, — Приют можно было бы считать райским уголком.

Кое-что здесь чересчур хорошо. Очень странно и настораживающе.

Мысли его потекли дальше — к тому, о чём ему сообщил за ужином Минхо, — о размерах Лабиринта. Сведения были вполне достоверны — он убедился в истинных масштабах сооружения, когда оказался у Обрыва. Единственное, чего Томас не мог уразуметь — как такое вообще может быть построено. Лабиринт простирался на многие мили. Бегуны должны быть чуть ли не в сверхчеловеческой спортивной форме, чтобы исполнять свои ежедневные обязанности.

И всё же найти выход им до сих пор не удалось.

Но несмотря на полную безнадёжность ситуации, они не сдавались!

Минхо рассказал ему одну старинную историю — по какой-то неведомой прихоти сознания она сохранилась в памяти Стража — о женщине, потерявшейся в лабиринте. Ей удалось выйти из него, потому что она двигалась, никогда не отрывая правой руки от стены. На каждом углу ей приходилось поворачивать направо, и простые законы физики и геометрии вывели её к выходу. Разумно? Пожалуй.

Но не здесь. Здесь все дороги вели обратно в Приют. Что-то было не

так, что-то ускользало от внимания ребят...

Завтра начнётся его тренировка. Завтра он начнёт вносить свой вклад в поиски этого ускользающего «чего-то». И Томас принял решение: не обращать внимания на несуразности. Не обращать внимания на всё злое и страшное. Вообще ни на что не обращать внимания и не сдаваться, пока не разгадает загадку и не найдёт путь домой.

Завтра. Мир вокруг него поплыл, и он крепко уснул.

ГЛАВА 32

Минхо разбудил его ещё до рассвета, посветив в лицо и затем махнув фонариком: мол, ступай за мной, обратно в Берлогу. Томас легко стряхнул с себя остатки сна — ему не терпелось приступить к тренировке. Он выполз из-под одеяла и отправился вслед за наставником. Луг был усеян недвижными телами приютелей, чей храп служил единственным признаком того, что они не мертвы, а только спят. В едва брезжущем свете раннего утра, окрашивающего Приют в тёмно-синие тона, Томас с Минхо осторожно пробирались между спящими. Впервые нынешний дом Томаса предстал перед его взором столь мирным и спокойным. Для полноты картины на Живодёрне пропел петух.

Завернув за задний угол Берлоги, Минхо выудил из кармана ключ и отпер неприметную кособокую дверь, ведущую в маленькую кладовку. Томас даже слегка поёжился — а вдруг в каморке таится какая-то жуткая тайна? Свет фонарика Минхо заплясал по тесной комнатушке, выхватывая из темноты верёвки, цепи и прочую дребедень. Наконец, он упал на коробку с кроссовками. Томас чуть не рассмеялся: никак не ожидал чего-то столь ординарного.

— Здесь хранятся самые ценные припасы, — торжественно объявил Минхо. — По крайней мере — для нас. Время от времени они присылают обувь. Без хороших кроссовок нам нельзя, ноги были бы похожи чёрт-те на что. — Он наклонился и принялся копаться в коробке. — Какой у тебя размер?

— Размер? — Томас стал в тупик. — Я... я не знаю. — Опять выкрутасы памяти: здесь помню, здесь не помню... Он стянул с ноги ботинок, который носил с самого прибытия в Приют, и заглянул внутрь: — Одиннадцать.

— Ничего себе, шенк, ну ты и лапищи отрастил! — Минхо выпрямился, держа в руках пару новеньких серебряных кроссовок. — Но глянь, я, кажется, нашёл, что нужно. Ой мама, их можно использовать вместо поилок для скота!

— Ух ты, классные! — Томас выхватил кроссовки и вышел из кладовки. Усевшись на землю, принялся переобуваться — не мог удержаться, чтобы не примерить такую красоту. Минхо ещё немного порылся в разных ящиках и коробках и вышел к нему, прихватив то, что

нарыл, с собой.

— Вот это получают только Бегуны и Стражи, — сказал он, и прежде чем Томас успел оторваться от завязывания шнурков, ему на живот упали пластиковые наручные часы. На простом чёрном экране светились цифры, обозначающие время. — Надень и никогда не снимай. Может так случиться, что от них будет зависеть, жить тебе или умереть.

Вот чему Томас по-настоящему обрадовался! Конечно, солнце и тени в общих чертах подсказывали время, но для Бегуна, очевидно, требовалась куда более высокая точность. Он застегнул часы на запястье и вернулся к примерке кроссовок.

Минхо продолжал:

— Вот тут тебе рюкзак, бутылки для воды, коробка для ланча, шорты, майки, всякая всячина. — Он похлопал Томаса по плечу, чтобы привлечь его внимание. Тот увидел в руках у наставника пару белья, сшитого из ослепительно белой эластичной ткани. — А этих ребяток мы называем «бегучки-нетручки». В них тебе будет, гм... удобно и ничего себе не натрёшь...

— «Не натру...»?

— Ну, ты понимаешь... Твои эти...

— А, всё, понял. — Томас сгрёб бельё и «всякую всячину». — Вы, ребята, похоже, продумали всё до мелочей!

— Поскачешь пару лет вот так — каждый день, никуда не денешься — волей-неволей выяснишь, что тебе требуется и попросишь нужное. — И он принялся набивать собственный рюкзак.

Вот это да!

— Ты хочешь сказать, что можно делать заказы? Запрашивать необходимые вещи?

Интересно, с какой стати те, кто сослал их сюда, стали бы им помогать?

— Конечно, можно. Просто брось записку в шахту Ящика — и всё. Это не значит, что Создатели дадут то, что у них просят. Иногда получаем, а иногда — нет.

— А карту не просили?

Минхо рассмеялся:

— А как же! Телевизор тоже просили, но фиг вам. Думаю, эти чёртовы задницы не хотят, чтобы мы видели, как прекрасна жизнь там — за пределами долбаного Лабиринта.

Сказать по правде, Томас сомневался, что жизнь там, откуда они пришли, так уж прекрасна. Что это за мир, который разрешает творить с

детьми *такое*? Эта мысль поразила его: она словно основывалась на том, что подспудно хранилось в памяти. Проблеск света во мраке его сознания. Но мысль мелькнула — и исчезла. Встряхнув головой, он закончил зашнуровывать кроссовки, потом поднялся, пробежался, описал несколько кругов, попрыгал, потопал...

— По-моему, просто здорово. Думаю, я готов.

Минхо всё ещё сидел на корточках и возился со своим рюкзаком. Он вскинул глаза на Томаса и с отвращением сказал:

— Идиот — вот ты кто. Распрыгался! Ты что, грёбаная балерина? Давай, вали в Лабиринт — не позавтракал, жратвой не запасся, оружия не взял. Удачи!

Томас остановился — по телу побежали мурашки.

— Оружие?

— Оружие, оружие. — Минхо встал и пошагал обратно в кладовку. — Иди сюда, кое-что покажу.

Томас последовал за ним. Минхо раскидал коробки и ящики, громоздящиеся у задней стены. Под ними обнаружилась крышка люка; старший Бегун откинул её — вниз, в темноту, уходила дюжина деревянных ступеней.

— Храним его здесь, чтобы шенки типа Гэлли не добрались. Пошли!

Минхо спускался первым. Ступени скрипели и стонали под их весом, прохладный воздух был приятен, хоть и пах плесенью, да и пыли здесь было предостаточно. Они достигли земляного пола. Томас не был в состоянии ничего разглядеть до тех пор, пока Минхо не зажёг лампочку, потянув за шнурок.

Помещение оказалось больше, чем Томас ожидал — где-то тридцать квадратных футов[10]. Вдоль стен бежали полки. На них и на нескольких колченогих столах был навален хлам, от которого у младшего из Бегунов кожа покрылась пупырышками: деревянные древки, металлические шипы, большие лоскуты сетки — вроде той, которой покрывают курятники, — мотки колючей проволоки, пилы, ножи, клинки... Целая стена была отдана под луки, стрелы и запасные тетивы. Мгновенно вспомнилась сцена на кладбище, когда Алби подстрелил Бена...

— Вау, — буркнул Томас. В замкнутом пространстве подземной кладовой его возглас тут же заглох.

Поначалу юношу ошеломило такое количество оружия, но вскоре он с облегчением заметил, что бóльшая его часть была покрыта толстым слоем пыли.

— Большинство так и валяется без применения, — сказал Минхо. —

Но кто его знает, а вдруг пригодится... У каждого из нас всегда с собой парочка острых ножей.

Он кивнул на большой деревянный сундук в углу, под откинутой крышкой которого до самого верха громоздилась беспорядочная куча ножей всевозможных размеров и фасонов.

Оставалось только надеяться, что этот склад оставался глубокой тайной для большинства приютелей.

— По-моему, хранить столько этой дряни просто опасно, разве нет? Что, если бы Бен, прежде чем свихнуться и накинуться на меня, сначала наведался сюда?

Минхо вытащил из кармана связку ключей и позвенел ею:

— Ключи есть только у особо выдающихся личностей.

— Всё равно...

— Кончай скулить и выбери себе парочку. Убедись, что они удобны и остро заточены. Потом мы отправимся на завтрак и заберём с собой ланч. Прежде чем мы выйдем в Лабиринт, я хочу показать тебе Картографическую.

Томас ошалел, услышав, что скоро ему предстоит посетить загадочный бетонный бункер — он сгорал от любопытства с того самого момента, когда впервые увидел, как исчезают за грозной стальной дверью возвращающиеся из Лабиринта Бегуны. Он выбрал короткий серебристый кинжал с эбонитовой рукоятью и нож с длинным чернёным лезвием. Впрочем, при мысли о том, для чего ему в Лабиринте может понадобиться оружие, его энтузиазм несколько остыл.

Через полчаса, сытые и при полной выкладке, они стояли перед клёпаной стальной дверью Картографической. Томас пританцовывал от нетерпения. Солнце уже светило во всю свою мощь, и приютели суетились вокруг, готовясь к очередному трудовому дню. В воздухе стоял запах жарящегося бекона: Котелок и его команда сбивались с ног, стремясь набить едой десятки голодных молодых животов.

Страж Бегунов отпер дверь и принялся вращать колесо-рукоятку, пока изнутри не послышался отчётливый щелчок. Минхо потянул на себя, и тяжёлая стальная плита с громким визгом отворилась.

— Только после вас! — с насмешливой галантностью поклонился Минхо.

Томас безмолвно шагнул внутрь. Любопытство смешалось в нём с некоторой опаской, и ему пришлось напомнить себе, что неплохо бы опять начать дышать.

Воздух в тёмной влажной комнате пах плесенью и медью. Запах меди был так силён, что вызывал в памяти далёкое туманное воспоминание о вкусе однопенсовых монеток в том нежном возрасте, когда дети тянут в рот всё, что ни попадётся под руку.

Минхо щёлкнул выключателем, и под потолком замигали лампы дневного света. После того как они разгорелись, обстановка комнаты стала видна в мельчайших подробностях.

Прежде всего, Томаса поразила простота этой обстановки. Картографическая представляла собой квадрат со стороной в двадцать футов, ограниченный гладкими бетонными стенами. Точно посередине стоял деревянный стол, а вокруг него — восемь стульев. На столе, напротив каждого стула лежала аккуратная стопка бумажных листов и несколько карандашей. Кроме того в комнате находилось ещё восемь сундуков, по два около каждой стены, очень похожих на тот, в котором хранились ножи в оружейном подвале, вот только их крышки были плотно закрыты.

— Добро пожаловать в Картографическую! — сказал Минхо. — Другого такого замечательного места не найти.

Томас был слегка разочарован — он-то ожидал чего-то куда более внушительного. Он глубоко втянул в себя воздух:

— Вот только жаль, воняет здесь как в выработанном медном руднике.

— А мне нравится. — Минхо выдвинул один из стульев и сел. — Присаживайся. Хочу, чтобы пара интересных картинок прочно запечатлелась у тебя в извилинах, прежде чем мы уйдём в Лабиринт.

Томас послушался. Минхо взял лист бумаги и карандаш и принялся рисовать. Томас подался вперёд, чтобы лучше видеть. Страж начертил большой квадрат, который занимал почти весь лист, потом разлиновал его на квадраты поменьше, так что рисунок напоминал теперь поле для игры в крестики-нолики: три ряда одинакового размера квадратов. В среднем Минхо написал слово «ПРИЮТ», наружные квадраты пронумеровал от одного до восьми, двигаясь от верхнего левого угла по часовой стрелке. Напоследок он там и сям отчеркнул маленькие отрезки.

— Это Двери, — пояснил он. — Тебе известны только те четыре, что выходят из Приюта, но есть ещё четыре штуки — в самом Лабиринте, и они ведут в секции номер один, три, пять и семь. Они всё время остаются на одном и том же месте, вот только путь туда меняется каждую ночь, когда в Лабиринте движутся стены. — Он окончил рисунок и пододвинул его к Томасу.

Томас был воистину очарован удивительной стройностью структуры Лабиринта и внимательно изучал рисунок, пока Минхо продолжал

объяснять:

— Итак. У нас есть Приют, окружённый восемью секциями Лабиринта, каждая из которых — квадрат, замкнутый и не имеющий выхода наружу, хоть мы играем в эту игру уже два года. Единственное, что где-то как-то похоже на выход — это Обрыв, да и то только если не мечтаешь упасть и убиться на фиг. — Минхо постучал по карте. — Стены двигаются во всём чёртовом сооружении каждый вечер — как раз тогда, когда закрываются Двери. Вернее, мы так думаем, потому что, сам знаешь — шум стоит страшный, а мы никогда не слышали грохота в другое время.

Томас поднял глаза. Обрадовавшись, что может добавить ценный кусочек информации, он подтвердил:

— Я не видал, чтобы что-нибудь двигалось в ту ночь, когда мы застряли там.

— Прямые коридоры, которые сразу за Дверями, — они никогда не меняются. Только те, что глубже.

— А, вот оно что. — Томас вернулся к грубому наброску карты, пытаясь представить на месте карандашных линий каменные стены.

— У нас всегда имеется самое меньшее восемь Бегунов, включая Стража — по одному на каждую секцию. Целый день мы проводим в своей секции, запоминая рисунок коридоров. Всё же надеемся, несмотря ни на что, отыскать выход. А потом возвращаемся и зарисовываем то, что видели — по отдельному листу на каждый день. — Минхо кивнул на один из сундуков: — Вот почему эти гробы под завязку забиты картами.

У Томаса возникла неприятная и пугающая мысль:

— Я что... заступаю на чьё-то место? Кто-то погиб?

Минхо помотал головой.

— Нет. Ты же только на обучении. Наверняка кому-то из нынешних Бегунов скоро захочется взять отпуск. Расслабься, уже довольно долго никто из Бегунов не погибал.

Тоже мне утешеньице! Оно растревожило Томаса ещё больше, но он постарался не подавать виду и указал на секцию номер три:

— Значит... Чтобы обежать эти квадратики, нужен целый день?

— Веселишься? — Минхо встал и шагнул к сундуку за своей спиной, присел на корточки, откинул крышку и прислонил её к стене. — Иди-ка сюда.

Томас подошёл и наклонился над плечом Стража. В просторном сундуке помещалось четыре стопки карт, и все четыре доходили до самого верха. Верхние листы были очень похожи друг на друга: почти полную поверхность каждого занимал грубый набросок одной квадратной секции

Лабиринта. В правом верхнем углу значилось: *Секция 8, Хэнк,* затем следовало слово *День,* сопровождаемое числом. Самая поздняя дата — День 749.

— Что стены движутся, мы выяснили почти сразу же, в самом начале, — продолжал Минхо. — А выяснив, начали отслеживать это дело. Предположили, что если сравнивать день с днём, неделю с неделей, то это поможет выявить закономерность. И так оно и случилось — лабиринты, в сущности, повторяют свой узор примерно каждый месяц. Но увидеть выход, ведущий из секции наружу, нам так и не удаётся. Его нет. Никогда и нигде не возникал.

— Два года прошло, а результата — нуль. Вам с отчаяния не приходило в голову остаться снаружи на ночь — а вдруг что-то откроется в процессе движения стен?

Минхо сверкнул на него глазами:

— Чувак, а ведь это оскорбление. На полном серьёзе.

— Что? — Томас смутился, он вовсе не имел в виду ничего такого.

— Что-что! Мы себе жопы рвём уже два года, а тут появляется умник вроде тебя и спрашивает, почему это мы, чёртовы кисейные барышни, не останемся в Лабиринте на ночь! Кое-кто пробовал, да только вернулись они в виде хладных трупиков. Хочешь ещё одну ночку с гриверами? Понравилось испытывать удачу, да?

Томас покраснел от стыда.

— Нет. Извини. — Внезапно у него появилось чувство, что он — куча плюка. Никаких сомнений — сам он, безусловно, предпочёл бы вернуться целым и невредимым под защиту стен Приюта. От одной только мысли о встрече с чудовищами его бросило в дрожь.

— Дошло. Ладно. — Минхо, к великом у облегчению Томаса, вернулся к картам в сундуке. — Жизнь в Приюте, может, и не сахар, но она, по крайней мере, безопасна. Жратвы вдоволь, стены защищают от гриверов. Просить Бегунов остаться снаружи — мы что, звери? Да ни в жизнь! Во всяком случае, не сейчас. Вот если в этих закономерностях выявится что-то такое, что сможет указать выход, хоть он, может, откроется только на несколько минут — тогда...

— Ну и как, есть какой-нибудь прогресс?

Минхо пожал плечами.

— А кто его знает. Биться головой о стенку, конечно, радости мало, но что ещё мы можем сделать? А вдруг мы пропустим день, а в этот самый день выход и откроется? Нам нельзя сдаваться. И мы не сдадимся. Никогда.

Томас кивнул: вот это правильная позиция. Как бы плохо ни обстояли

дела, если махнуть рукой на попытки вырваться, сделается только хуже.

Минхо вынул из сундука несколько листов — карты последних нескольких дней. Перебирая их, он разъяснял:

— Мы сравниваем день с днём, неделю с неделей, месяц с месяцем — ну, я уже говорил. Каждый Бегун отвечает за карту своей секции. Если честно, то мы ни черта не выяснили. А если ещё честнее — мы даже не знаем, что ищем. Хрень полная, чувак. Самая что ни на есть хреновая хрень.

— Но мы не оставим попыток. — Томас сказал это без всякой аффектации, просто констатируя факт, полностью соглашаясь со словами Стража несколькими минутами раньше. Он сказал «мы» чисто автоматически и тогда понял, что теперь он по-настоящему стал частью Приюта.

— В самую точку, братан. Мы не оставим попыток. — Минхо аккуратно уложил листы на место, закрыл крышку и выпрямился. — Ладно, засиделись мы здесь, так что ноги в руки — и вперёд! Первые несколько дней ты только будешь следовать за мной. Готов?

Томас почувствовал, как натянулись нервы, как защекотало в животе. Разговоры и размышления кончились, начинались настоящие, серьёзные испытания.

— Э-э... ага.

— Что ещё за «э», шенк? Ты готов или нет?

Томас твёрдо выдержал неожиданно посуровевший взгляд Минхо.

— Готов.

— Понеслись.

ГЛАВА 33

И они побежали — через Западную дверь, в секцию 8. Коридор следовал за коридором, проход за проходом. Томас держался рядом с Минхо, а тот поворачивал влево и вправо на полном ходу, похоже, ни на секунду не задумываясь. В ясном сиянии раннего утра все детали представали ярко и отчётливо: плющ на щелеватых стенах, каменные блоки пола... Хотя до полудня солнцу ещё предстояло ползти и ползти по небосклону, света было вполне достаточно. Томас старался не отставать от старшего Бегуна, хотя для этого ему иногда приходилось совершать спринтерские рывки.

— Это Дверь из секции восемь — среднего левого квадрата — в секцию один — верхний левый квадрат. Я говорил — эти проходы всегда на одном и том же месте, только маршрут к ним меняется, потому что стены образуют новый рисунок.

Томас последовал за ним, мимоходом удивляясь тому, что, оказывается, запыхался. Ну, наверно, это просто нервное возбуждение, решил он, и скоро дыхание стабилизируется.

Они устремились по длинному коридору, уходящему вправо, минуя несколько проходов в левой стене. Добежав до конца, Минхо перешёл чуть ли не на ходьбу, на ощупь вынул из-за спины, из бокового кармана рюкзака, блокнот и карандаш, настрочил что-то, потом засунул всё обратно — ни на секунду не останавливаясь. Интересно, что он там накарябал, подумал Томас, но получил ответ прежде, чем задал вопрос.

— Я, в основном... рассчитываю на свою память... — Наконец-то Страж выказал крошечный намёк на утомление — он слегка задыхался и голос был немного напряжён. — Но после каждого пятого поворота записываю — так, на всякий случай, мало ли что... В основном, что изменилось по сравнению со вчера. Тогда я могу использовать вчерашнюю карту, чтобы сделать сегодняшнюю. Проще пареной репы.

Томас пришёл в восторг от того, как мастерски Минхо удавалось создать впечатление, что работа Бегуна — плёвое дело.

Через короткий промежуток времени они достигли пересечения проходов. Перед ними лежали три возможных пути, но Минхо без колебаний повернул направо, при этом он вынул из кармана нож, на полном ходу рубанул по плющу на стене и, не задержавшись ни на секунду,

отбросил упавшие лозы за спину.

— Хлебные крошки? — заметил Томас, вспомнив старую сказку. Такие неожиданные проблески в сознании уже перестали удивлять его.

— Ага, крошки, — подтвердил Минхо. — Чур я Ханзель, а ты Гретель!

Они продолжали свой путь, следуя изгибам Лабиринта, иногда поворачивая направо, иногда налево. После каждого поворота Минхо рубил ножом по лозам и бросал их на пол. Томас не мог не восхититься — Страж проделывал этот трюк как истинный виртуоз, ни на секунду не снижая темп бега.

— Так, хватит! — сказал Минхо; дышал он теперь намного тяжелее. — Твоя очередь!

— Что? — удивился Томас — он не ожидал, что ему в первый день тренировки придётся делать ещё что-то, кроме как бежать и наблюдать.

— Что-что... Плющ обрезай! Тебе надо научиться делать это на бегу. На обратном пути будем поднимать их и отбрасывать в сторону, к стенке.

Томас обрадовался: наконец-то для него нашлась настоящая работа! Правда, он не сразу овладел техникой, но в конце концов у него стало неплохо получаться. Первые пару-тройку раз ему пришлось бросаться вдогонку за наставником, да ещё один раз резанул по собственному пальцу. Но уже при десятой попытке он вполне мог потягаться с Минхо.

А они всё бежали и бежали. Через какое-то время — Томас потерял представление о времени и расстоянии, но предположил, что они преодолели не меньше трёх миль, — Минхо замедлил темп, перешёл на ходьбу, а потом и вовсе остановился.

— Перерыв. — Он спустил рюкзак с плеч и вытащил из него бутылку с водой и яблоко.

Томаса не пришлось упрашивать последовать примеру наставника. Он принялся жадно глотать воду и с наслаждением ощутил, как влага освежила пересохшую глотку.

— Полегче, придурок, — сказал Минхо. — Вода тебе ещё пригодится.

Томас отставил бутылку, с глубоким удовлетворением втянул в себя воздух и рыгнул. Откусил от своего яблока и с удивлением обнаружил, что силы восстановились. Его мысли почему-то вернулись к тому дню, когда Минхо с Алби отправились в Лабиринт взглянуть на дохлого гривера — к дню, когда всё пошло кувырком.

— Ты мне так и не рассказал, что тогда случилось с Алби, почему он был едва живой. Понятно, что гривер восстал из мёртвых, но что именно произошло?

Минхо уже водрузил свой рюкзак на спину и был готов двинуться

дальше.

— Да не была эта чёртова тварь мертва. Алби от большого ума потыкал в неё носком ботинка, и долбаная мразь вскочила, выпустила шипы и навалилась на него всей тушей. Понимаешь, что-то с этим гривером было не так — он не бросился в атаку, как обычно. Похоже, что он вообще просто стремился поскорее убраться восвояси, а бедняга Алби оказался на его пути.

— Так он что — убежал от вас, что ли? — Исходя из собственного опыта общения с «долбаными мразями», Томас никак не мог поверить в такой исход встречи с одной из них.

Минхо пожал плечами:

— Ну да. Может, ему на подзарядку надо было или ещё что... Чёрт его знает.

— Но что же могло с ним случиться? Вы заметили на нём какие-нибудь раны или травмы — хоть что-нибудь? — Томас и сам не знал, какого ответа ждал, но был убеждён, что в нём кроется очень важная зацепка.

Минхо с минутку подумал.

— Не-а. Чёртова зараза на вид была совершенно дохлая, ну просто как восковая кукла. И вдруг — бум! — воскресла.

Томас усиленно заработал извилинами, пытаясь найти объяснение, вот только он не знал даже, от чего отталкиваться и в каком направлении послать свою умственную энергию.

— А где же у него «свояси»? Куда он так стремился? Вообще — куда они деваются, когда их нет в Лабиринте? Ты никогда не задумывался об этом? — Он на секунду затих. — А тебе не приходило в голову проследить за кем-нибудь из них?

— Блин, чувак, да у тебя и впрямь наклонности самоубийцы! Пошли, пора двигать дальше. — И промолвив это, Минхо развернулся и побежал.

Устремляясь вслед, Томас всё пытался поймать ускользающую мысль. Что-то насчёт того, с какой это стати гривер то мёртв, то жив, и куда же он направлялся, когда удирал от ребят...

Так ни к чему и не придя, он с досадой вздохнул, загнал свои раздумья в закоулок сознания и припустил за наставником.

Они бежали ещё два часа, временами притормаживая для отдыха, но, как казалось, каждый следующий перерыв был короче предыдущего. Плохая ли форма, хорошая ли — а тело Томаса потихоньку начало ныть от усталости.

Наконец, Минхо опять остановился и стащил со спины рюкзак. Ребята

сели на пол и, прислонившись спинами к мягкой подстилке плюща, поглощали ланч, иногда перебрасываясь отрывистыми фразами. Томас наслаждался каждым кусочком своего сэндвича, жуя как можно медленнее — он понимал, что как только они расправятся с едой, Минхо немедленно понесётся дальше. Так что младший Бегун не торопился.

— Ну как, видишь сегодня какие-то изменения? — с любопытством спросил Томас.

Минхо похлопал по рюкзаку, где лежали его заметки.

— Да нет, как обычно, стены передвинулись, но ничего такого, из-за чего твоя тощая задница пустилась бы в пляс.

Томас сделал большой глоток воды. Его взгляд упал на противоположную стену. Там, в зарослях плюща, что-то сверкнуло серебристым и алым. Такое он за сегодняшний день видел уже не раз.

— Что это за штуковины такие, эти жукоглазы? — задал он очередной вопрос. Похоже, что странные твари были вездесущи. Потом он вспомнил то, что впервые заметил в Лабиринте — с тех пор произошло столько всего, недосуг было спрашивать. — И почему у них на спине слово «порок»?

— Мне никогда не удавалось поймать хотя бы одного. — Минхо покончил с едой и сунул коробку для ланча в рюкзак. — Мы не знаем, что значит это слово. Может, оно там только для того, чтобы держать нас в постоянном страхе. Скорее всего, эти твари шпионят за нами. По *их* поручению.

— По чьему поручению? — допытывался Томас. Его по-прежнему снедала лютая ненависть к тем, кто стоял за Лабиринтом. — Есть какие-нибудь догадки на этот счёт?

— Создатели. Но мы ни черта о них не знаем. — Лицо Стража налилось кровью, а руки он сомкнул вместе, словно душил кого-то. — Ух, как бы я поотрывал им их гнилые...

Но прежде чем наставник закончил свою гневную реплику, Томас вскочил на ноги и кинулся к противоположной стене.

— Что это? — перебил он, указывая на какой-то тускло-серый отблеск под лианами, примерно на высоте человеческого роста.

— А, это... — равнодушно протянул Минхо.

Томас раздвинул зелёный занавес и непонимающе уставился на прямоугольник серого металла, приклёпанного к камню. На пластине большими буквами были выбиты слова. Он пробежался по ним пальцами, будто не мог поверить собственным глазам:

ПЛАНЕТА В ОПАСНОСТИ: РАБОЧАЯ ОПЕРАТИВНАЯ КОМИССИЯ — УБОЙНАЯ ЗОНА

Он прочёл надпись вслух, потом оглянулся на Минхо.

— Что это? — По спине пробежал холодок. Наверняка эта табличка имела прямое отношение к Создателям.

— Да не знаю я, шенк. Они тут везде. Наверно, этикетка. Грёбаный знак качества для милого уютного лабиринтика, который эти сволочи построили для нашего развлечения. Я уже давно перестал ломать себе голову.

Томас вернулся к созерцанию таблички, пытаясь заглушить в душе гнетущее чувство подавленности. Слова звучали как смертный приговор.

— М-да, хорошего мало. «Опасность», «Убойная Зона»... Просто праздник души.

— Да-да, Чайник, сплошная веселуха. Пошли дальше.

Томас с неохотой отпустил лозы — те вернулись на своё место, вскинул на плечи рюкзак и пустился вслед за Стражем. Вычеканенные на металле слова жгли ему мозг.

Через час после ланча Минхо остановился в конце длинного прямого коридора без ответвлений.

— Последний тупик, — сказал Страж. — Пора возвращаться домой.

Томас глубоко вдохнул, стараясь не думать, что прошла только половина рабочего дня.

— Ну и как, есть что-то новое?

— Нет, ничего нового, обычные изменения, — рассеянно ответил Минхо, глядя на часы. — Пошли назад. — И не дожидаясь ответа, Страж развернулся и понёсся обратно тем же путём, каким они пришли сюда.

Томас последовал за ним, раздосадованный, что ему не дали времени хоть немного осмотреться, исследовать стены... Через некоторое время он нагнал Минхо.

— Но...

— Заткнись, чувак, прошу как человека. Вспомни, о чём я тебе толковал: ни к чему рисковать попусту. К тому же, пошевели мозгами: ты что, думаешь, что там может быть какой-нибудь выход? Потайной люк или ещё какая хрень?

— Ну, не знаю... а вдруг? И почему ты такой пессимист?

Минхо потряс головой и смачно сплюнул.

— Нет там никакого выхода, уж поверь. Стена и стена. Без дырок.

В словах Стража была тяжёлая и горькая правда. Но Томасу никак не хотелось с ней смириться.

— Да откуда ты знаешь?

— Потому что те, кто посылает за нами гриверов, не хотят, чтобы мы так легко упорхнули из их лап.

Это высказывание заставило Томаса вообще усомниться в целесообразности всех их усилий.

— А тогда зачем напрягаться, тащиться сюда, а?

Минхо кинул на него взгляд искоса.

— Зачем напрягаться? Затем, что есть же какой-то резон в их действиях. Должен быть. Но если ты думаешь, что мы вот так — раз! — и найдём резные узорчатые воротца, ведущие в Город Счастья, то ты — просто дымящаяся куча коровьего плюка.

Томас смотрел вперёд невидящими глазами. В отчаянии он едва не остановился.

— Вот хрень-то.

— Самое умное, что ты сказал за весь сегодняшний день. — Минхо с шумом выдохнул и продолжал бег. Томасу ничего не оставалось, как делать то единственное, чему он пока хорошо научился: лететь следом.

Остаток дня слился в сплошную туманную полосу — до того Томас вымотался. Они с Минхо вернулись в Приют, влетели в Картографическую, зарисовали сегодняшний маршрут, сверили его с предыдущими днями... Потом Двери закрылись, и настало время обеда. Чак пытался с ним заговорить, но всё, на что Томас оказался способен — это кивать или мотать головой, зачастую невпопад.

Сумерки ещё не перешли в ночную темень, а он уже устраивался в своём новом излюбленном местечке. Свернувшись клубком на подстилке из густого плюща, он раздумывал, будет ли в состоянии ещё когда-нибудь заставить свои ноги бежать. Ведь то же самое придётся повторить и завтра! А стоит ли? Особенно если принять во внимание кажущуюся бессмысленность этого мероприятия. Звание Бегуна уже не казалось ему столь блестящим и притягательным. И это уже после первого дня.

Вся его благородная отвага, высокие помыслы и желание совершить нечто значительное, его клятва вернуть Чака домой к родителям — всё растворилось в разъедающем, безнадёжном тумане предельной усталости.

Он почти уже засыпал, когда в его голове раздался голос —

прекрасный, грудной голос, словно исходящий из уст поселившейся в его сознании феи. Когда на следующий день всё перевернулось с ног на голову, он задался вопросом, был ли голос настоящим или только приснился ему. Как бы то ни было, но он его слышал и помнил каждое слово:

«Том, я только что положила начало Концу».

ГЛАВА 34

Наутро, при пробуждении, первое, что он увидел, был слабый, безжизненный свет. Поначалу ему пришло в голову, что он, наверно, проснулся раньше, чем обычно, что до рассвета ещё как минимум час. Но тут он услышал крики. А потом глянул вверх, сквозь зелёный балдахин листвы.

Небо было тускло-серым. Совсем не похоже на бледный свет раннего утра.

Он вскочил на ноги и, придерживаясь рукой за стену, запрокинул голову — ни малейшего признака звёзд или красноватого сияния занимающейся зари. Только одна серость — мёртвая и бесцветная.

Он бросил взгляд на часы — оказывается, уже на час позже, чем он обычно просыпался. Его уже давно должен был разбудить яркий свет солнца — так повелось с тех пор, как он появился в Приюте. Но не сегодня.

Он вновь глянул вверх с детской надеждой: а вдруг всё опять стало как раньше — нормальным и привычным? Но нет: на него по-прежнему смотрело серое небо — не затянутое облаками, не сумеречное, не предрассветное. Просто серое — и всё.

Солнце исчезло.

Около входа в Ящик собрались почти все приютели. Они тыкали в мёртвое небо пальцами и галдели, говоря все разом. Судя по часам, время завтрака давно прошло, народ должен бы уже разбрестись по своим рабочим местам. Однако нормальный распорядок жизни был нарушен — ещё бы, самый значительный объект в Солнечной системе вдруг ни с того ни с сего исчез!

Сказать по правде, Томас, наблюдавший весь этот переполох, вовсе не испытывал такого уж острого страха или всепоглощающей паники, хотя согласно инстинктам ему полагалось испугаться. Вместо этого он всего лишь удивлялся, почему остальные ведут себя как перепуганные куры, невзначай сброшенные с насеста. Мечутся, квохчут... Смешно и нелепо.

Конечно, солнце не исчезло — это попросту невозможно.

Хотя на первый взгляд именно так дело и обстояло: нигде не видно было ни малейшего признака яростного огненного шара, отсутствовали и косые утренние тени. Но ведь и он, Томас, и остальные приютели — люди

достаточно практичные и рационально мыслящие, чтобы прийти к заключению об исчезновении солнца. Конечно, нет; должно существовать научное объяснение наблюдаемому явлению, и в чём бы оно ни состояло, Томасу было ясно одно: тот факт, что они больше не видели солнца, скорее всего, означал, что они не видели его изначально, то есть вообще никогда. Солнце не может взять и исчезнуть. Значит, их небосклон — искусственный. И всегда таким был.

Другими словами, солнце, которое два года согревало и освещало всех обитателей Приюта: и людей, и животных, и растения — вовсе не солнце. Его каким-то невероятным образом сумели подделать. Всё в этом месте было ненастоящим, фальшивым, искусственным.

Томас не понимал, зачем и кому всё это нужно и как такое вообще возможно. Но в чём он был уверен — так это в том, что его толкование событий истинно. Томас тоже мыслил рационально, и разум подсказывал ему, что его умозаключение — единственно возможное. Из восклицаний других приютелей он сделал вывод, что до такого объяснения происходящего пока никто не додумался.

К нему подошёл Чак. У Томаса дрогнуло сердце, когда он увидел на лице мальчика неприкрытый страх.

— Как ты думаешь, что случилось? — дрожащим голосом спросил Чак, не отрывая взгляда от серого неба. Должно быть, подумал Томас, у него уже шея затекла и горит огнём. — Похоже на серый потолок, такой низкий — кажется, прямо потрогать можно.

Томас тоже взглянул вверх.

— Да уж... Сразу наводит на мысли, что это за местечко — наш Приют. — Уже второй раз за последние сутки малыш Чак попадает не в бровь, а в глаз. Действительно, не небо, а потолок. Только помещение очень-очень велико. — Может, просто что-то вышло из строя? Я имею в виду — может, оно восстановится?..

Чак оторвал взор от неба и устремил его на старшего товарища.

— Как это — вышло из строя? Что ты хочешь этим сказать?

Прежде чем Томас успел ответить, в его сознании забрезжило туманное воспоминание: вчерашний вечер, на грани яви и сна он слышит голос Терезы: «Я только что положила начало Концу»... Не может же это быть совпадением? В животе у Томаса разлился сосущий холодок страха. Какая разница, как они объяснят, что здесь за небо да что здесь за солнце, настоящее оно или нет — его больше не было! И, разумеется, ничего хорошего от этой перемены ждать не приходилось.

— Томас? — Чак легонько похлопал его по плечу.

— А?

— Что ты имел в виду, говоря «вышло из строя»?

Надо было бы хорошенько подумать над ответом на этот вопрос, но мозг Томаса словно заволокло туманом.

— Ну... я не знаю... Мы ведь не всё знаем об этом месте, многого не понимаем. Но нельзя же вот так запросто взять и убрать солнце из космического пространства. К тому же, света всё-таки достаточно, чтобы нормально видеть, хоть он и не очень яркий. Откуда тогда этот свет?

Глаза у Чака стали огромными и тёмными, словно ему только что открыли самый главный секрет во вселенной.

— Точно, откуда свет? Что вообще творится, Томас?

Томас сжал пальцами плечо младшего товарища. Он остро чувствовал свою беспомощность.

— Ни сном ни духом, Чак. Ни черта не понимаю. Но, думаю, Ньют с Алби разберутся.

— Томас! — послышался окрик Минхо — к ним бежал Страж Бегунов. — Кончай прохлаждаться с Чаки и пошли! Мы уже выбились из графика!

Томас оцепенел. Ему почему-то казалось, что раз всё пошло кувырком, то и рабочее расписание тоже должно идти лесом.

— Как, вы собираетесь в Лабиринт? — озвучил Чак его вопрос, чему Томас был несказанно рад.

— Конечно, шенк! — отрезал Минхо. — А тебе не пора ли начать срань вывозить? — Он перевёл глаза с Чака на Томаса: — Если уж на то пошло, то теперь у нас даже ещё больше причин делать своё дело! Если солнца больше нет, то скоро и растения, и скот перемрут. Я так думаю, что наше положение становится более отчаянным.

Последнее утверждение поразило Томаса до глубины души. Несмотря на все свои идеи — те, которыми он поделился с Минхо — ему вовсе не так уж хотелось переиначивать весь устоявшийся порядок жизни Приюта. Его охватило возбуждение пополам со страхом, когда до него дошло, о чём толкует Минхо:

— Ты хочешь сказать — мы останемся там на ночь? И тщательнее исследуем стены, когда они начнут двигаться?

Минхо покачал головой.

— Нет, пока ещё нет. Но, может быть, скоро. — Он бросил взгляд в небо. — Мля, сплошная фигня с самого утра. Давай, двигаем!

Томас с Минхо похватали свои рюкзаки и молниеносно уплели завтрак. За всё это время Томас и двух слов не сказал. Его мысли постоянно

кружились вокруг обесцветившегося неба и странных слов Терезы — во всяком случае, он считал, что это она говорила с ним, — словом, ему было не до разговоров.

Что она имела в виду, говоря «конец»? Томас никак не мог побороть в себе стремление рассказать кому-нибудь об услышанном. Впрочем, почему кому-нибудь? Всем!

Но, во-первых, он не понимал смысла её слов, а во-вторых, не хотел, чтобы другие знали, что он мысленно общается с незнакомкой. Они наверняка подумают, что он свихнулся, и, чего доброго, засадят под замок — на этот раз навсегда.

После долгих колебаний и раздумий он решил держать язык за зубами. Начался его второй тренировочный день со Стражем Бегунов — под бледным и безжизненным небом.

Они наткнулись на гривера, ещё не достигнув Двери из восьмой секции в первую.

Минхо был на несколько футов впереди Томаса. Он едва успел завернуть за очередной угол, как вдруг остановился, словно налетев на невидимую стенку; казалось даже, что его ноги проехались по камню — так резко Страж затормозил. Он отпрыгнул назад, сгрёб Томаса за грудки и притиснул к стене.

— Ш-ш-ш, — прошептал он, приложив палец к губам, — там впереди — проклятый гривер.

Он отпустил Томасову майку и сделал шаг назад, потом на цыпочках подобрался к углу коридора. Очень медленно высунул голову из-за угла. Томас едва сдерживался, чтобы не крикнуть ему: «Осторожно!»

Минхо отдёрнул голову назад и взглянул на Томаса. Всё так же тихо прошептал:

— Он просто торчит там и всё. В точности, как тот, дохлый, на которого мы тогда напоролись.

— И что будем делать? — еле слышно шепнул Томас, пытаясь заглушить царящую в душе всепоглощающую панику. — Он направляется к нам?

— Нет. Ты что, глухой? Я же сказал — торчит там, как мёртвый.

— Ну и что? — Томас с досады развёл руками. — Что нам теперь делать? — повторил он. Находиться так близко от гривера, не важно, живого, дохлого или просто отключившегося — эта мысль вовсе не грела.

Минхо раздумывал несколько секунд, потом сказал:

— Нам надо попасть в свою секцию, а другого пути нет. Давай пока

понаблюдаем. Если он кинется за нами — побежим обратно, в Приют. — Он снова выглянул из-за угла и тут же бросил взгляд из-за плеча на Томаса: — Вот чёрт, он испарился! Пошли!

Страж не стал ждать ответа. Не обратив внимания на застывшее от ужаса лицо младшего Бегуна, он бросился туда, где только что видел гривера. Томас не послушался своих яростно сопротивляющихся инстинктов и рванул следом.

Они пролетели вдоль длинного коридора, повернули налево, затем направо. Около каждого угла они приостанавливались, чтобы Страж мог сначала выглянуть из-за угла. И каждый раз он оборачивался и шептал Томасу, что видел только зад гривера, исчезающий за следующим поворотом. Так продолжалось десять минут, пока они не добрались до длинного прохода, открывающегося Обрывом. Дальше было только безжизненное небо. И, как оказалось, к этому-то небу гривер и направлялся!

Минхо остановился так внезапно, что Томас на полном скаку врезался в него и чуть не сбил с ног. Ребята с изумлением наблюдали, как далеко впереди страшная тварь, цепляясь шипами за выбоины в полу, катилась по коридору, а потом слетела с Обрыва — прямо в серую пропасть. Чудище исчезло из глаз, словно тень, растворившись в серой мути.

ГЛАВА 35

— Значит, точно... — изрёк Минхо.

Томас стоял рядом с ним на краю Обрыва, уставившись в серое ничто. Кругом была лишь пустота, справа, слева, внизу, вверху — нигде ничего, насколько хватало глаз, лишь пустота, пустота, пустота.

— Что точно? — спросил Томас.

— Мы видели подобное уже три раза. Это неспроста — вот что точно.

— Ага. — Томас понимал, что имел в виду Страж, но всё равно ждал объяснений.

— Дохлый гривер, которого я нашёл — он тоже бежал сюда, и мы так и не увидели, чтобы он вернулся или углубился дальше в Лабиринт. А потом эти мерзавцы, которых мы заманили и сбросили с Обрыва...

— Заманили? — переспросил Томас. — Теперь я бы этого не сказал.

Минхо задумчиво посмотрел на него.

— Гм-м... Ну да ладно, всё равно. Теперь вот это — пропасть... — Он указал в пустоту. — У меня больше нет сомнений — гриверы каким-то образом могут покидать Лабиринт этим путём. Скажешь, сказки? Так и исчезновение солнца тоже из той же сказки.

— Если они могут уходить этим путём, — подхватил Томас, — то и мы можем! — Его охватило радостное возбуждение.

Минхо засмеялся.

— Опять тебе не терпится расстаться с жизнью! Охота отправиться на прогулку с гриверами? В их кафешку зайти, сэндвичи пожевать? Они из тебя их быстренько наготовят — целую гору!

Радость Томаса слегка увяла.

— У тебя есть идея получше?

— Не всё сразу, Чайник. Пошли, наберём камешков и как следует всё разведаем. Здесь должно быть что-то вроде потайного выхода.

Ребята принялись обшаривать углы и закоулки Лабиринта. Ковыряясь в трещинах стен и сбрасывая на пол куски отколовшейся кладки, им удалось набрать довольно солидную кучу осколков, которые они затем подвинули к самому краю пропасти, после чего уселись, свесив ноги с Обрыва. Глянув вниз, Томас не обнаружил ничего, кроме серой мути.

Минхо вытащил блокнот и карандаш и положил на землю рядом с собой.

— Так, надо всё хорошенько зарисовать и записать, да зазубри наизусть, дырявая твоя голова! Если выход закрывает какая-то оптическая иллюзия, то мне как-то не хочется слететь с катушек, когда первый шенк попробует прыгнуть в эту самую иллюзию.

— И этим шенком, само собой, будет Страж Бегунов! — пытался шутить Томас — чтобы скрыть свой страх. Они находились в непосредственной близости от того места, откуда в любой момент могли вынырнуть гриверы, и от этой мысли юношу пробивал холодный пот. — Не бойся, мы снабдим тебя шикарной верёвкой.

Минхо выбрал камешек из кучи.

— Ага, как же. Ладно, остряк, давай швырять камни по очереди и зигзагом, взад-вперёд. Если там есть какой-то волшебный выход, то с камнями номер тоже должен пройти — исчезнут.

Томас подхватил камешек и бросил его влево — туда, где левая стена коридора примыкала к краю обрыва. Зазубренный осколок падал и падал, пока не растворился в серой пустоте.

Настал черёд Минхо. Он швырнул свой камень примерно на фут дальше, чем Томас. Потом снова Томас — ещё на фут дальше. Потом снова Минхо. Все камни упали в бездну. Томас педантично следовал задумке Минхо, так что они бросали до тех пор, пока не обозначили линию, протянувшуюся на добрый десяток футов от края Обрыва. Затем стали целить на фут вправо от этой воображаемой линии, начиная от дальнего конца и прокладывая линию по направлению ко входу в Лабиринт.

Все камни падали. Ещё одна линия наружу, потом линия внутрь. Все камни падали. Они забросали уже всю левую половину лежащего перед ними пространства, из расчёта расстояния, на которое кто-либо — или что-либо — мог прыгнуть. С каждым броском Томас испытывал всё большее и большее разочарование, пока окончательно не впал в уныние.

Он не мог не упрекнуть себя: вся затея с самого начала была лишена смысла.

И тут очередной осколок, пущенный рукой Минхо, исчез.

Такого Томасу ещё никогда не доводилось видеть, поэтому он не верил собственным глазам, хотя и наблюдал за каждым брошенным ими камнем с предельным вниманием.

Минхо швырнул довольно увесистый булыжник — осколок, который они отколупнули из щели в стене. Камень пролетел вперёд, достиг почти центра намеченной ими линии, начал своё падение в пропасть и... исчез, словно в воду канул.

В первую секунду он падал, а в следующую — пропал, как не бывало.

У Томаса слова застряли в горле.

— Мы бросали всякую дрянь с Обрыва и раньше, — недоумевал Минхо. — Как мы могли проглядеть такое? Я никогда не видел, чтобы что-то вот так вот испарялось. Никогда.

Томас прочистил пересохшее горло.

— А ну-ка ещё раз — вдруг это у нас с глазами какая-то ерунда?

Минхо снова метнул камень в то же место. И снова — как корова языком.

— Может, когда вы бросали «всякую дрянь», то смотрели не очень внимательно? — предположил Томас. — Я имею в виду: вам ведь и в голову не приходило, что такое может случиться, вот вы и не заостряли внимание — откуда вам было знать...

Они израсходовали остаток камней, намечая воображаемые контуры необычного невидимого пятна. К безмерному удивлению Томаса, оно было площадью всего в несколько квадратных футов.

— Ничего удивительного, что мы в него не попадали, — произнёс Минхо, лихорадочно записывая и зарисовывая всё увиденное в блокнот. — Оно такое узкое...

— Должно быть, гриверы еле-еле пролезают в эту дырку. — Томас не отрывал глаз от плавающего в воздухе невидимого квадрата, стараясь крепко-накрепко запомнить — буквально выжечь у себя в мозгу — расположение и расстояние до него. — А когда они выходят обратно в Лабиринт, то, наверно, балансируют на краю ямы и прыгают оттуда — через пустоту — на край Обрыва. Здесь не так далеко, фактически. Если я смогу допрыгнуть, то они — и подавно.

Минхо закончил рисовать и тоже приклеился взглядом к необычному «люку».

— Слышь, чувак, как это вообще возможно? На что мы, собственно, пялимся?

— Ты упоминал, что это, может, фокус-покус — а ничего такого нет. Наверняка то же, что и с небом — какая-то оптическая иллюзия или голограмма. И за нею скрывается проход. Всё здесь не по-людски, шиворот-навыворот... — «И чертовски круто! — признался Томас самому себе. — Это какие же технологии надо иметь!»

— Точно, что «шиворот-навыворот». Пошли. — Минхо с кряхтеньем встал и взвалил рюкзак на спину. — Надо пробежать как можно больше. А то с такими делами в небесном ведомстве того и гляди ещё что похлеще случится. О том, что обнаружили, расскажем вечером Ньюту и Алби. Чёрт знает, будет ли с этого какой-то толк, но мы теперь, по крайней мере, знаем,

куда сматываются проклятые гриверы.

— И, возможно, откуда они появляются, — согласился Томас, в последний раз вглядываясь в потайную дверь. — Из Норы гриверов.

— Ладно, пусть, название как название, не хуже других. Потопали!

Но Томас всё сидел и смотрел на волшебную дверь, ожидая, когда Минхо проявит инициативу. Прошло несколько минут, прежде чем он понял, что Страж, по всей видимости, тоже заворожён чудом. Наконец Минхо, так и не произнеся ни слова, отвернулся, готовый двигаться дальше. Томас неохотно последовал за ним, и они возобновили свой бег сквозь сумрачно-серый Лабиринт.

Больше в этот день ребята ничего нового не обнаружили — всё те же стены, всё тот же плющ.

Томас рубил лозы и делал заметки на бегу. Он ещё не обладал нужными навыками, чтобы заметить происшедшие со вчера изменения, но Минхо без малейших колебаний указывал, где передвинулись стены. Когда они добрались до последнего тупика и собирались повернуть домой, Томасу вдруг невероятно захотелось плюнуть на всё и остаться здесь на ночь — посмотреть, что будет происходить.

Минхо, похоже, почувствовал настроение младшего Бегуна и ухватил его за плечо:

— Не сейчас, старик. Не сейчас.

В Приюте царило уныние — а чего ещё ожидать, если всё вокруг скучно-серое? С момента, как они проснулись этим утром, света не прибавилось. Томас сомневался, что что-нибудь изменится, когда наступит час «заката».

Как только они переступили порог Западной двери, Минхо, ни секунды не медля, направился в Картографическую.

Томас этого не ожидал. Он думал, что с рисованием карт сегодня можно и подождать, есть дела поважнее.

— Неужели тебе не хочется поскорее рассказать Ньюту и Алби про Нору гриверов?

— Алло, шенк, мы всё ещё Бегуны, — возразил Минхо, — и нам всё ещё положено выполнять свою работу.

Томасу ничего не оставалось, как присоединиться к нему. Когда они уже были у стальной двери бункера, Минхо со слабой улыбкой повернулся к своему подопечному:

— Ты прав, разделаемся с этим поскорее и пойдём поговорим с

начальством.

В комнате уже было полно других Бегунов, занятых черчением карт. Все работали молча: тема серого неба уже исчерпана, так зачем зря языками молоть? Настроение в комнате было такое безнадёжное, что Томасу стало казаться, будто он тонет в нём, как в болоте. Ему, конечно, тоже полагалось чувствовать ту же самую безысходность, но было не до того — его снедало нетерпение: что-то скажут Ньют и Алби, услышав новости об Обрыве?

Он присел у стола и принялся чертить карту, основываясь как на том, что запомнил, так и на своих заметках, а Минхо всё время заглядывал ему через плечо, давая ценные указания, типа: «Балда, этот коридор кончается здесь, а не здесь», или «Следи за пропорциями, тупица», или «У тебя что, руки не тем концом растут? Прямую линию прочертить не можешь, шенк?» Надоел он Томасу до чёртиков, но и помощь от него была большая, так что через пятнадцать минут после появления в Картографической Томас уже любовался творением своих рук. Ну что ж, у него получилось не хуже, чем у других.

— Ничего, — буркнул Минхо. — Для Чайника неплохо.

Он поднялся, подошёл к сундуку секции номер один и открыл его. Томас присел, вытащил карту вчерашнего дня и приложил к ней ту, которую только что начертил.

— Что мне нужно здесь найти? — спросил он.

— Паттерны[11]. Но если ты будешь сравнивать только два дня, то чёрта с два что-нибудь увидишь. Нужно проработать материал за несколько недель, выискивая паттерны или вообще что-либо необычное. Я знаю — там что-то кроется такое, что может нам помочь. Мы просто пока не в состоянии найти это. Как ты сказал — вот хрень-то.

Томас призадумался: что-то шевелилось в самом дальнем закоулке мозга — то же самое он чувствовал, когда попал в Картографическую в первый раз. Лабиринт, стены... они двигаются... паттерны... Все эти прямые линии... Может, всё совсем иначе, чем они думают? Они делают с этими картами что-то не то? А что надо? Он чувствовал, что от него ускользает нечто очень существенное...

Минхо постучал по его плечу:

— Слушай, ты всегда можешь прийти сюда и вдоволь насидеться над картами, хоть прирасти задницей к стулу. Но только после обеда и после того, как мы поговорим с Ньютом и Алби. Двигаем.

Томас аккуратно уложил бумаги в сундук и закрыл его. Отвратительное чувство, когда кажется, что вот-вот поймаешь мысль за

хвост, а она, похохатывая, удирает... Как будто что-то колет тебя в бок! Стены двигаются... прямые линии... паттерны... Ответ где-то здесь!..

— О-кей, двигаем.

Едва захлопнув за собой тяжёлую дверь Картографической, они наткнулись на Ньюта и Алби. Особого воодушевления на лицах начальства не читалось. Возбуждение Томаса мгновенно сменилось беспокойством.

— Привет, — сказал Минхо. — Мы тут...

— Выкладывайте! — перебил Алби. — Некогда с вами валандаться. Что-нибудь нашли? Хоть что-нибудь?

Минхо даже отпрянул при таком резком окрике, но на его лице Томас прочёл скорее недоумение, чем обиду или гнев.

— И наше вам тоже с кисточкой! Да, мы кое-что нашли, фактически.

Странно, но Алби выглядел почти разочарованным.

— А, всё это грёбаное место летит к чертям собачьим. — Он метнул в Томаса злобный взгляд, как будто нашёл виноватого.

«Да что он, сбрендил, что ли?» — в свою очередь разозлился Томас. Они пахали целый день, как проклятые, и вот какую похвалу заслужили?

— Что ты несёшь? — спросил Минхо. — Что ещё стряслось?

За Алби ответил Ньют, кивая в сторону Ящика:

— Проклятая посылка сегодня не пришла. Два года приходила каждую неделю, день в день, час в час, а сегодня — нет.

Все четверо уставились на закрытые стальные двери Ящика. Томасу даже показалось, что над ними зависла ещё более тёмная тень, чем мутная серость, царящая вокруг.

— Ого, мы, кажется, теперь грёбнулись капитально, — пробормотал Минхо. Его реакция ясно дала Томасу понять, что их положение становится по-настоящему тяжёлым.

— Для растений нет солнца, — сказал Ньют, — и никаких поставок через треклятый Ящик... Да, я тоже скажу, что мы грёбнулись. Точняк.

Алби сложил руки на груди, не отрывая взгляда от Ящика, словно пытался открыть двери усилием воли. Томасу оставалось только надеяться, что лидер не пустится рассказывать о том, что видел во время Превращения. Да и вообще о чём-нибудь, касающемся Томаса, если уж на то пошло. Момент явно неподходящий.

— Ладно, по-любому, — продолжал Минхо, — мы сегодня наткнулись кое на что необычное.

Томас ждал, надеясь, что начальство проявит хоть какой-то энтузиазм по поводу принесённой ими важной новости. Может даже, у них есть какая-то информация, способная пролить немного света на загадку?

Ньют выгнул брови:

— Что?

Минхо уложился в три минуты, начиная с гривера, за которым они пришли к Обрыву, и заканчивая результатами их настильного обстрела пространства за Обрывом.

— Оно должно вести туда... ну, вы понимаете, где у гриверов комната отдыха, — молвил он напоследок.

— Нора гриверов, — добавил Томас. Все трое недовольно воззрились на него, словно говоря: а тебе слова не давали, Чайник. Но на сей раз, впервые за всё время, его не особенно задело, что с ним обращаются как с новичком.

— Чёрт, надо бы самому на это взглянуть, — сказал Ньют и проворчал: — Что-то верится с трудом.

Томас был совершенно согласен.

— Не знаю, что нам с этим делать, — произнёс Минхо. — Разве что как-то забаррикадировать тот коридор...

— Чушь, — отрезал Ньют. — Долбаные твари умеют ползать по стенам, забыл, что ли? Чего бы мы там ни навалили, нам их не задержать.

Но тут их внимание отвлек непонятный шум у Берлоги. Несколько приютелей стояли перед дверью строения и орали, пытаясь перекричать друг друга.

В числе орущих был и Чак; завидев Томаса и начальство, он с раскрасневшимся от возбуждения лицом припустил к ним. «Ну что ещё стряслось? Что за сумасшедший день!» — с досадой вздохнул Томас.

— Что происходит? — рявкнул Ньют.

— Она очнулась! — завопил Чак. — Девчонка очнулась!

Внутри у Томаса всё перевернулось; пошатнувшись, он прислонился к бетонной стене Картографической. Девчонка. Девушка, голос которой звучал у него в голове. Ему снова захотелось сорваться с места и убежать — ещё до того, как она опять мысленно заговорит с ним.

Поздно.

«Том, кто все эти люди?.. Я никого из них не знаю! Забери меня! Всё меркнет... Я всё забываю, всё, кроме тебя... Мне надо столько тебе рассказать! Но всё меркнет...»

Он не мог понять, как у неё это получается, но она вновь была у него в голове.

Тереза помолчала, а потом произнесла нечто бессмысленное:

«Лабиринт — это код, Том. Лабиринт — это код».

ГЛАВА 36

Томас не хотел видеть её. Он вообще никого не хотел видеть.

Как только Ньют отправился поговорить с девушкой, Томас молча, бочком, ускользнул прочь, надеясь, что в суматохе никто о нём не вспомнит. Так оно и оказалось, поскольку мысли всех приютелей были заняты пробудившейся от комы незнакомкой. Отойдя на приличное расстояние, он сорвался на бег и направился к своему любимому уединённому уголку в глубине леса за кладбищем.

Он свернулся клубком в углу, на мягкой подушке плюща, и с головой накрылся одеялом, наивно надеясь таким образом спрятаться и избежать Терезиного вмешательства в его сознание. Прошло несколько минут, и его сердце перешло с бешеного галопа на более-менее спокойный ритм, как вдруг...

— Забыть о тебе — вот что было хуже всего.

В первые секунды Томас думал, что вернулся прежний кошмар — в голове звучал чужой голос; он зажал уши руками. Но, оказалось, в этот раз что-то было не так... Он слышал его — ушами. Голос девушки. По спине пробежал холодок, и он медленно выпростался из-под одеяла.

Справа от него, облокотившись на массивную каменную стену, стояла Тереза. Теперь, когда она больше не лежала без сознания, девушка выглядела совершенно иначе. На ней была белая майка с длинными рукавами, голубые джинсы и коричневые ботинки. Невероятно, но она показалась ему ещё более прекрасной, чем когда находилась в коме. Чёрные волосы ярче оттеняли её бледное лицо, глаза казались бездонными синими озёрами.

— Том, ты действительно не помнишь меня? — Теперь её голос звучал мягко и нежно — совсем не так хрипло и безумно, как тогда, когда она на несколько коротких секунд очнулась и произнесла свою сакраментальную фразу: «Всё теперь изменится».

— Ты хочешь сказать... ты помнишь *меня*? — спросил он и смутился: на последнем слове его голос дал петуха.

— Да. Нет. Может быть. — Она с досадой вскинула руки. — Не могу объяснить.

Томас открыл рот, но так ничего и не сказав, закрыл.

— Я помню *свою память о тебе*, — пробормотала она, с тяжёлым

вздохом опускаясь на землю рядом с ним, затем подтянула колени к груди и обняла их руками. — Чувства помню. Эмоции. Как будто у меня в голове установлены полки, на каждой этикетка — что на этой полке должно быть, какие воспоминания о событиях или лицах. Но полки пусты... Как будто всё, что там когда-то было, находится теперь по другую сторону плотного белого занавеса. Ты тоже где-то там.

— Но откуда ты меня знаешь? — У него голова пошла кругом.

Тереза повернула к нему лицо.

— Понятия не имею! Помнится что-то о времени до прибытия сюда, в Лабиринт. Что-то связанное с нами. Но, как я сказала, по большей части в моей памяти пусто.

— Но ты знаешь о Лабиринте! Кто тебе сказал? Ты же только что очнулась!

— Я... Всё так перемешалось... — Она протянула к нему руку: — Но что я помню точно — это что ты мой друг.

Как в тумане, Томас совсем откинул одеяло и потянулся к ней, чтобы пожать протянутую руку:

— Мне нравится, как ты меня называешь — Том. — Не успели эти слова сорваться с его языка, как им овладела уверенность, что ничего глупее он в жизни не произносил.

Тереза закатила глаза.

— Но ведь это же твоё имя, разве не так?

— Да, но все называют меня Томас. Ну, почти все — кроме Ньюта, тот зовёт меня Томми. «Том» звучит так... уютно, по-домашнему, что ли... Хотя я даже не знаю, что такое «домашний уют», — горько рассмеялся он. — Мы с тобой что... встречались... или как?

Её лицо впервые осветилось улыбкой, и он чуть не отвернулся в сторону, потому что нечто столь чудесное так не вязалось с этим серым и мрачным местом. Он просто не имел права на такое счастье — любоваться её лицом.

— Или как, — ответила она. — И я боюсь.

— Я тоже, поверь мне. — Эта фраза, безусловно, могла считаться девизом дня.

Прошло несколько томительных секунд, в течение которых они сидели, повесив головы и потупив взгляды.

— Что за... — начал он, запинаясь, не зная, как сформулировать вопрос. — Как... тебе удавалось говорить внутри моей головы?

Тереза покачала головой. «Без понятия. Я просто умею это делать, и всё» — послала она ему мысль. Потом заговорила вслух:

— Вот если бы у тебя был здесь велосипед — ты бы сел и поехал, не задумываясь, так ведь? Но разве ты помнишь, как учился езде на велосипеде?

— Нет. Я хочу сказать... Я помню, как ездил, но не помню, как учился этому... — Он помолчал, почувствовав, как накатила тоска. — … Или кто меня учил.

— Видишь, — сказала она, и, смутившись, моргнула. — Ну вот, это примерно то же самое.

— Да уж, всё теперь стало яснее некуда.

Тереза пожала плечами.

— Ты же никому не сказал, ведь так? Они бы подумали, что ты спятил.

— Ну... когда это случилось впервые, то сказал. Но думаю, что Ньют посчитал меня временно свихнувшимся на почве стресса. — Томас заёрзал, ему казалось, что если он сейчас не начнёт двигаться, то точно свихнётся. Поэтому он встал и начал расхаживать перед Терезой взад-вперёд. — Нам необходимо многое обсудить. Смотри, сколько всего непонятного: странная записка, что была у тебя в руке — что ты будешь самой последней, потом кома, потом тот факт, что ты умеешь общаться со мной телепатическим путём. Есть какие-нибудь идеи?

Тереза следила глазами за его передвижениями.

— Расслабься и брось спрашивать. Всё, что у меня есть — это неясные намёки на воспоминания. Ну типа того, что мы с тобой были важными персонами и что нас каким-то образом использовали. Что у нас высокий интеллект. Что мы здесь ради чего-то значительного. Я знаю, что положила начало Концу, что бы это ни значило. — Она покраснела и испустила тихий стон. — Мои воспоминания так же бесполезны, как и твои.

Томас присел на корточки напротив неё.

— Нет, они не бесполезны. Ведь знаешь же ты, что моя память была стёрта без моего ведома и согласия. Ну и всё остальное... Ты помнишь намного больше, чем я или кто другой в этом месте.

Их глаза встретились, и они долго смотрели друг на друга. По её лицу можно было прочесть, что она напряжённо думает, пытаясь проникнуть в скрытый смысл происходящего.

«Я ничего не знаю», — мысленно возразила она.

— Ну вот, пожалуйста, опять, — вслух произнёс Томас. Он обрадовался, что её маленький фокус больше не выбивает его из колеи. — Как тебе это удаётся?

— Просто удаётся и всё. Думаю, что и у тебя бы получилось.

— Знаешь, не сказал бы, что горю желанием попробовать. — Он сел

на землю и подтянул ноги к груди, почти в точности копируя её позу. — Как раз перед тем, как ты нашла меня здесь, ты что-то сказала — мысленно. Что «Лабиринт — это код». Что ты имела в виду?

Она чуть заметно тряхнула головой.

— Когда я проснулась в первый раз, то как будто попала в приют для умалишённых. Какие-то непонятные мальчишки, откуда они взялись и почему нависают над моей постелью... Мир перевернулся, в сознании полный кавардак, какие-то обрывки мыслей... Я старалась дотянуться и схватить хотя бы что-нибудь из этих обрывков, и вот... Я на самом деле не знаю, почему сказала это.

— Ещё что-нибудь в этом роде?

— Фактически, да! — Она оттянула левый рукав своей майки. На её бицепсе чернела цепочка маленьких букв.

— Что это? — заинтригованно наклоняясь вперёд, спросил он.

— Читай сам.

Буквы уже немного размазались, но, нагнувшись поближе, он смог прочесть:

ПОРОК — это хорошо

Сердце Томаса забилось быстрее.

— Я видел это слово — ПОРОК. — Он напряг мозг в поисках истинного смысла прочитанной фразы. — На маленьких тварях, которые живут здесь. Их называют «жукоглазы».

Теперь пришёл черёд Терезы спрашивать, что это такое.

— Жукоглаз? Такая маленькая, похожая на ящерицу машинка, с их помощью Создатели — люди, пославшие нас сюда, — шпионят за нами.

Тереза на мгновение задумалась, рассеянно глядя куда-то вдаль. Потом вновь взглянула на свою руку.

— Я не помню, почему написала это, — сказала она, и, послюнив большой палец, принялась стирать буквы. — Но здесь наверняка кроется что-то важное. Напомни, если я забуду.

Эти три слова беспрестанно кружили в сознании Томаса.

— Когда ты это написала?

— Когда проснулась. На моей тумбочке лежали блокнот и ручка. В суматохе никто не заметил, как я написала что-то на руке.

Всё в этой девушке поражало Томаса: сначала то, что он чувствовал некую связь между нею и собой, потом мысленные разговоры, а теперь ещё и это!

— Ты такая странная, ну просто ни в какие ворота! Сама, наверно, знаешь?

— На себя посмотри! Прячешься тут, за кладбищем. Это, по-твоему, совершенно нормально? Или ты любишь жить в лесу?

Томас попытался сердито нахмуриться, но вместо этого смущённо заулыбался. Действительно, что за заскоки — прятаться от всех, да ещё где...

— Ага. Слушай, мне всегда казалось, что мы знакомы, а ты к тому же утверждаешь, что мы друзья. Ладно, приму на веру!

Теперь уже *он* протянул ей руку для рукопожатия. Тереза взяла её и надолго задержала в своей. Томас затрепетал.

— Всё, чего мне хочется — это снова попасть домой, — сказала она, наконец отпустив его руку. — Как и всем остальным.

Томас вернулся к действительности, и сердце его упало. Он вспомнил, как страшен стал их маленький мирок.

— Знаешь, здесь теперь очень жутко. Всё разваливается. Солнце исчезло, небо потеряло цвет и теперь просто серое, тусклое какое-то, и еженедельная посылка не пришла... Похоже, что так или иначе, а нам действительно приходит конец.

Но прежде чем Тереза успела ответить, из леса выбежал Ньют и остановился перед ними.

— Какого чё... — начал он и осёкся. Позади него показались Алби и несколько других приютелей. Ньют воззрился на девушку. — Как ты сюда попала? Медяк твердит, что ты только что была с ним, как глядь — тебя уже и след простыл!

Тереза встала, снова удивив Томаса, на этот раз — своим уверенным поведением.

— Думаю, он позабыл рассказать об одной мелочи — я двинула его по яйцам и выскочила в окно.

Томас чуть не расхохотался. А Ньют обернулся к стоящему рядом пареньку постарше — лицо у того стало малиновым.

— Поздравляю, Джефф, — торжественно провозгласил Ньют. — Ты теперь официально будешь считаться первым парнем в Приюте, которому надрала задницу *девчонка*.

Но Тереза за словом в карман не лезла:

— Будешь нести такую бурду — и тебе надеру.

Ньют снова повернулся к ним с Томасом. Судя по выражению его лица, угроза Терезы его не испугала. Он лишь стоял и молча пялился на них. Томас пялился в ответ. Интересно, что у бывшего Бегуна на уме?

Алби выступил вперёд.

— Мне всё это осточертело. — Он нацелился пальцем в грудь Томаса, чуть ли не ткнув в неё. — Я хочу знать, кто ты такой, кто такая эта придурочная девка и откуда вы, шенки, знаете друг друга.

Томас устало вздохнул:

— Алби, клянусь, я...

— Она очнулась и тут же рванула к тебе, образина!

Томас разъярился и одновременно встревожился: что-то Алби не в себе, как бы его не занесло туда же, куда и Бена.

— Ну и что с того? Я знаю её, она знает меня, или, по крайней мере, *раньше* мы знали друг друга! Это ничего не значит! Я ничего не помню. Она тоже.

Алби посмотрел на Терезу.

— Это твои штучки?

Томас, озадаченный странным вопросом, взглянул на девушку: может, хотя бы *она* поняла, о чём её спрашивают? Но та не отвечала.

— Что ты наделала? — закричал Алби. — Сначала небо, а теперь вот это?!

— Я положила начало Концу, — спокойно отвечала она. — Честное слово, я не нарочно. Сама теряюсь в догадках, что бы это значило.

— Да что случилось, Ньют? — обратился Томас к бывшему Бегуну, не желая разговаривать напрямую с Алби.

Но тот сгрёб его за футболку.

— Что случилось?! Я скажу тебе, что случилось, шенк! Ты, мля, был так занят — ну как же, строить глазки — это мы всегда пожалуйста! — так занят, что позабыл всё на свете? Тебе недосуг было вспомнить, который час?

Томас бросил взор на часы, и покрылся холодным потом, сразу поняв, что именно он упустил. И не успел Алби снова открыть рот, как он уже знал, что сейчас услышит.

- Стены, шенк недорезанный! Двери! Они сегодня не закрылись.

ГЛАВА 37

Томас потерял дар речи. Вот теперь действительно начало конца. Ни солнца, ни довольствия и никакой защиты от гриверов. Тереза была права: всё изменилось. Томас чувствовал, как заледенело в груди и сдавило горло.

Алби указал на девушку:

— Посадить её под замок. Немедленно. Билли! Джексон! Запереть её в Кутузке, и что бы она ни сказала — на всё класть с а-а-агромным прибором!

Тереза никак не отреагировала; это сделал Томас — у него хватило негодования на обоих:

— Алби, ты что? Ты о чём?.. Не можешь же ты... — Он запнулся, когда Алби устремил на него глаза, горящие такой злобой, что у юноши душа ушла в пятки. — Нет, вы не можете обвинять её за то, что Двери не закрылись!

Ньют выступил вперёд и отстранил Алби, положив ладонь ему на грудь.

— Почему не можем, Томми? Она, чёрт возьми, призналась сама!

Томас обернулся к Терезе и побледнел, увидев бездонную печаль в её глазах. Взгляд этих синих глаз пронзил ему сердце.

— Скажи спасибо, что вместе с ней не отправляешься, — сказал Алби, на прощание одаривая их злым взором. Ещё никогда в жизни Томас не испытывал такого яростного желания врезать кое-кому по морде.

Билли и Джексон подошли к Терезе и, подхватив её под руки с двух сторон, повели прочь.

Но прежде чем конвоиры и их подопечная вступили под кроны деревьев, Ньют притормозил их.

— Оставайтесь при ней. И чтобы ни случилось, с её головы ни один волос не должен упасть. Ответите головой.

Оба Таскуна кивнули и продолжили свой путь, уводя Терезу. Томас ощущал вполне физическую боль, видя, как спокойно и не сопротивляясь она шла в тюрьму. Он не мог поверить, насколько его огорчило то, что больше он не сможет с нею говорить. «Да что это я! — подумал он. — Мы же только что познакомились, я совсем её не знаю!» Но понимал, что пытается обмануть самого себя: он уже чувствовал такую духовную близость с девушкой, какая могла прийти только из их совместного

прошлого — ещё до потери памяти и жизни в Приюте.

«Навести меня», — раздалось в его голове.

Он не умел вести мысленный разговор, но сделал попытку:

«Навещу. Там ты, по крайней мере, будешь в безопасности».

Она не ответила.

«Тереза?»

Тишина.

Следующие тридцать минут можно охарактеризовать как взрыв массового замешательства.

Хотя никакой осязаемой перемены в освещении не произошло с той самой минуты, как этим утром пропали солнце и голубое небо, всем казалось, что над Приютом сгустилась тьма. Ньют и Алби созвали Стражей, раздали всем задания и наказали в течение часа собрать все группы приютелей в Берлоге. Томас же в это время мучился, оказавшись простым зрителем; впрочем, он и сам не был уверен, как и чем может помочь.

Строители — их Страж, Гэлли, был по-прежнему в бегах — получили задание забаррикадировать все открытые Двери; они повиновались, хотя Томасу было ясно, что всё это без толку: ни времени, ни подходящих материалов у них не было. Похоже, Стражи решили попросту хоть чем-то занять людей, лишь бы оттянуть неизбежный приступ паники. Томас вместе со Строителями подбирал весь бесхозный хлам, попадающийся на пути, оттаскивал его к Дверям и складывал в кучи, загромождающие проходы в Лабиринт, по мере возможности стараясь как-то скреплять между собой предметы, составляющие баррикаду. Выглядели эти жалкие загородки безобразно, и уж конечно, никакой серьёзной преграды для гриверов они собой не представляли. Томасом всё больше и больше овладевало отчаяние.

Трудясь, Бегун замечал, что в Приюте повсюду кипит работа.

Были собраны все ручные фонарики и розданы по возможности бóльшему количеству людей. Ньют приказал всем спать сегодня в Берлоге; свет будет вырублен и включится только в случае крайней необходимости. Котелок получил задание собрать все продукты длительного хранения и перенести их из кухни в Берлогу — на случай, если им придётся выдерживать осаду. Томаса передёрнуло от такой перспективы. Остальные собирали припасы и различные инструменты и орудия; Томас видел, как Минхо нёс оружие из подвала в основное здание. Алби ясно дал понять, что рисковать они не намерены: надо превратить Берлогу в крепость и

защищать её, не щадя сил.

Томас откололся от Строителей и принялся помогать Минхо, перенося наверх ящики с ножами и мотки колючей проволоки. После этого Минхо сказал, что получил особое задание от Ньюта, отказался отвечать на вопросы и вежливо попросил Томаса свалить ко всем чертям.

Томас обиделся, но ушёл, поскольку ему нужно было переговорить с Ньютом кое о чём важном. Когда он наконец нашёл его, тот спешил на Живодёрню.

— Ньют! — закричал Томас, пускаясь бегом на перехват. — Ты должен меня выслушать!

Ньют остановился так резко, что Томас чуть не врезался в него. Бывший Бегун обернулся и окинул Томаса таким раздражённым взором, что тот дважды подумал, прежде чем открыть рот.

— Давай по-быстрому! — приказал Ньют.

Томас стушевался, не зная, в какие слова облечь то, что было у него на уме.

— Ты должен выпустить девушку. Терезу. — «Она ведь готова помогать, и к тому же наверняка помнит что-то ценное...» — мысленно молил он.

— О, да вы сдружились, как я посмотрю! — Ньют продолжил свой путь. — У меня нет времени на всякие глупости, Томми.

Но Томас ухватил его за руку.

— Выслушай меня! Она здесь неспроста. Думаю, нас с нею послали сюда, чтобы помочь вам положить конец всей этой затее.

— Хорошенькая помощь! Положить конец, да? Проклятые гриверы очень быстро положат конец нам всем. Я слышал много всяких идиотских предположений на этот счёт, Чайник, но твоё даст любому из них сто очков вперёд!

Томас застонал от досады и отчаяния. Ну как ему втолковать?!

— Да нет! Я не думаю, что нас хотят всех убить! Наверняка Двери не закрылись по другой причине!

Ньют с сердитым видом сложил руки на груди.

— Чайник, что за чушь ты мелешь?

С того самого момента, как Томас увидел в Лабиринте, на стене, слова «ПЛАНЕТА В ОПАСНОСТИ: РАБОЧАЯ ОПЕРАТИВНАЯ КОМИССИЯ — УБИЙСТВЕННАЯ ЗОНА», он не переставал ломать над ними голову. И если есть кто-либо, способный поверить ему, то это, безусловно, Ньют.

— Я думаю, что мы все — часть какого-то фантастического эксперимента, или теста, или... словом, чего-то в этом роде. Но пришло

время завершить эксперимент; мы не можем жить здесь бесконечно. И те, кто послали нас сюда, хотят, чтобы всё закончилось, не так, так эдак. — Ну вот, наконец, он сказал это — и как гора с плеч упала.

Ньют потёр усталые глаза.

— И твои доводы должны убедить меня, что всё идёт как надо, и поэтому я должен выпустить девчонку? Потому что она, видите ли, явилась, и теперь мы поставлены перед выбором: шевели лапами или умри?

— Да нет, ты никак не можешь ухватить суть! Я думаю, она не имеет никакого отношения к тому, почему мы здесь. Она лишь пешка. Ее послали сюда, чтобы она послужила нам инструментом, или подсказала что-то, или ещё что, не знаю, но всё равно — для того, чтобы вытащить нас отсюда. — Томас перевёл дыхание. — И меня тоже послали сюда с тем же, я думаю. То, что она привела в движение механизм конца, ещё не делает её преступницей.

Ньют бросил взгляд в сторону Кутузки.

— Знаешь, мне сейчас на это наплевать. От одной ночи за решеткой её не убудет; там, во всяком случае, куда безопаснее, чем в других местах.

Томас кивнул: похоже, что это компромисс:

— О-кей, сегодняшнюю ночь мы как-нибудь переживём. А завтра, когда у нас будет целый день в безопасности, придумаем, что с нею делать. Может, сообразим, как её использовать...

Ньют фыркнул.

— Томми, а что изменится завтра? Мы тут уже два долбаных года, если ты помнишь...

Томаса охватила непреодолимая уверенность, что все эти изменения — не что иное, как катализатор конца. Их пришпорили, как лошадей, — а ну-ка шевелитесь!

— Да ведь теперь мы вынуждены решить загадку — просто ничего другого не остаётся! Закончилась жизнь, в которой мы думали только о том, как бы вовремя вернуться в Приют, в целости и сохранности.

Несколько мгновений они стояли молча, а вокруг кипела суета — приютели готовились пережить ночь. Наконец Ньют раздумчиво молвил:

— Копнуть бы глубже. Остаться снаружи в то время, когда движутся внутренние стены.

— Дошло, — сказал Томас. — Как раз об этом я и говорю. Может, нам удастся забаррикадировать или уничтожить вход в Нору гриверов. Выиграем время, чтобы разгадать Лабиринт.

— Алби не согласится выпустить девчонку, — кивнул Ньют на

Берлогу. — Парень не в восторге от вас обоих. Но давай пока не высовываться. Главная задача — дожить до утра.

— Мы можем их побить! — воскликнул Томас.

— Ну, ты прямо Геркулес — победитель чудовищ.

И не улыбнувшись и даже не дожидаясь реакции, Ньют пошёл прочь, окриками подгоняя людей заканчивать с делами и отправляться в Берлогу.

Томас остался вполне доволен результатом беседы — всё прошло как нельзя лучше, на большее он и надеяться не смел. Он решил поторопиться — поговорить с Терезой, пока не поздно. И припустил к Кутузке, на бегу замечая, что приютели потянулись внутрь Берлоги с охапками всякой всячины в руках.

Томас остановился у зарешечённого оконца тёмной камеры, перевёл дух и позвал:

— Тереза!

Её лицо так неожиданно возникло из темноты с другой стороны решётки, что Томас вздрогнул и невольно ойкнул. Через мгновение, придя в себя, он выдохнул:

— Ну и ну, во жуть...

— Как мило с твоей стороны, — сказала она. — Спасибо. — В темноте казалось, что её синие глаза светятся, как у кошки.

— Пожалуйста, — ответил он, не обращая внимания на её сарказм. — Слушай, я тут подумал... — и он замолчал, собираясь с мыслями.

— Что не помешало бы сделать и этому уроду Алби, — пробормотала она.

Томас не мог не согласиться. Вот только то, что он собирался ей сообщить, вгоняло его в пот.

— Из этого места должен быть выход. Нам только надо подналечь немного. Оставаться в Лабиринте подольше. То, что ты написала на руке и сказала о коде — в этом ведь есть особый смысл, так ведь? — Должен быть! В нём загорелся слабый лучик надежды.

— Да, я думала о том же самом. Но сначала — ты можешь вытащить меня отсюда? — Из темноты возникли её руки — она схватилась за прутья решётки. У Томаса возникло нелепое желание накрыть их своими ладонями.

— Ну... Ньют сказал, может, завтра... — Томас был рад, что достиг хотя бы такой уступки. — Ночь тебе придётся провести здесь. Но, сказать по правде, наверно, сейчас это самое безопасное место в Приюте.

— Спасибо, что похлопотал за меня. Будет чистым наслаждением спать на этом холодном полу. — Она ткнула большим пальцем себе за

спину. — Хотя, конечно, гриверу через это оконце не протиснуться, так что я действительно должна быть благодарна за выпавшую мне удачу, не так ли?

Упоминание о гриверах удивило его — что-то он не помнил, чтобы рассказывал ей о них.

— Тереза, ты уверена, что всё полностью забыла?

Она на секунду задумалась.

— Ты знаешь — странное дело, но я кое-что помню. Ну разве что, может, просто слышала чужие разговоры, когда лежала в коме.

— Ладно, я думаю, пока это неважно. Мне просто хотелось повидать тебя, прежде чем уйду в Берлогу на ночь.

Но как же ему не хотелось уходить! Он чуть ли не жалел о том, что его не бросили в застенок вместе с нею. И мысленно улыбнулся, представив себе, что изрёк бы Ньют, выскажи Томас подобное желание.

— Том? — позвала Тереза.

Томас обнаружил, что, уйдя в свои мысли, стоит и пялится в одну точку.

— Ох, извини. Да?

Её руки вновь исчезли; теперь он видел лишь бледное лицо и блестящие синие глаза.

— Я не уверена, что смогу выдержать это — просидеть в тюрьме целую ночь.

Томасу стало невероятно, невыносимо грустно. «Эх, украсть бы у Ньюта ключи и помочь ей сбежать!» Ясное дело, мысль глупая до смешного. Придётся ей потерпеть. Он стоял и пристально смотрел в эти горящие глаза.

— По крайней мере, совсем темно не будет. Похоже, у нас теперь одни сплошные идиотские сумерки — сутки напролёт.

— Да... — Она посмотрела мимо него — на Берлогу, затем снова сфокусировала взгляд на своём собеседнике. — Я сильная. Со мной всё будет в порядке.

Томасу страшно не хотелось покидать её, но что ему оставалось?

— Я прослежу, чтобы утром они первым делом выпустили тебя на свободу, хорошо?

Она улыбнулась, и ему сразу стало легче.

— Обещаешь?

— Обещаю, — сказал Томас и, постучав себя по правому виску, добавил: — А если соскучишься, говори со мной... ну, ты знаешь, как... сколько хочешь. Я попытаюсь ответить тебе. — Он уже не противился,

даже наоборот — ему этого хотелось. Вот только нужно узнать, как это делается, научиться отвечать, так чтобы они могли беседовать...

«Ты скоро научишься», — сказал голос Терезы в его мозгу.

— Хорошо бы. — Он так и стоял, не желая уходить. Совсем не желая.

— Тебе лучше уйти, — сказала она. — Не хочу, чтобы твоя жестокая смерть была на моей совести.

Томасу удалось выдавить бледное подобие улыбки.

— Ладно. Увидимся утром.

И, опасаясь, как бы не передумать, он скользнул прочь.

Обогнув угол, он направился к двери в Берлогу. В неё как раз входила последняя пара приютелей. Ньют загонял их внутрь, как загоняют в курятник всполошившихся цыплят. Томас тоже вошёл, Ньют последовал за ним и захлопнул дверь.

Как раз перед тем, как щёлкнул замок, Томасу показалось, что он услышал первые зловещие завывания гриверов где-то в глубине Лабиринта.

Наступила ночь.

ГЛАВА 38

Большинство обитателей Приюта в нормальные времена спало снаружи — места в Берлоге было впритык. Так что когда туда вошли все приютели, теснота была страшная. Стражи распределили людей по комнатам, снабдив одеялами и подушками. Несмотря на большое скопление народу и неизбежный в этих случаях хаос, над Берлогой нависла тревожная, давящая тишина, как будто никто не желал привлекать к себе лишнее внимание.

Когда все разместились, Томас оказался на втором этаже вместе с Ньютом, Алби и Минхо, и им наконец удалось завершить дискуссию, начатую во дворе. Алби и Ньют уселись на единственную в комнате кровать, а Томас с Минхо разместились рядом, на стульях. Из прочей мебели в комнате был только кособокий шкаф и столик, на котором стояла лампа, испускающая слабый, тусклый свет. Серая мгла, казалось, просачивалась снаружи через окно и несла с собой ожидание чего-то неизбежного и смертоносного.

— Я вот что думаю, — сказал Ньют. — А пусть всё катится к чертям. Положить на всё с прибором и поцеловать гривера на ночь. Поставки грёбнулись, небо серое, стены не закрываются. Но сдаться — это не для нас. Сволочи, которые послали нас сюда, либо хотят, чтобы мы все сдохли, либо дают нам шенкелей. Так или эдак, а нам надо работать как проклятым до тех пор, пока живы... или пока не умрём.

Томас молча кивнул. Он был полностью согласен, но конкретных идей насчёт того, что им предпринять, у него не имелось. Только бы ему выжить до завтра — а там, глядишь, они с Терезой придумают что-нибудь, что поможет выбраться отсюда.

Томас посмотрел на Алби. Тот уставился в пол, полностью погружённый в свои невесёлые мысли. На вытянувшемся лице прочно обосновалось выражение мрачной подавленности, глаза ввалились. Превращение явно сказалось на лидере далеко не лучшим образом.

— Алби? — окликнул его Ньют. — У тебя есть что сказать?

Алби вскинул на него взгляд. На его лице промелькнуло удивление, словно он только что обнаружил, что не один в комнате.

— А? О. Да. Нормалёк. Но вы же все понимаете, что произойдёт сегодня ночью. Если даже наш придурочный супергерой Чайник сумел

справиться, то это ещё не значит, что и остальные из того же теста.

Томас обернулся к Минхо и закатил глаза. Настрой Алби уже начал его доканывать.

Минхо был с ним полностью солидарен, но усилием воли не выказал своего отношения к слабодушию лидера.

— Я поддерживаю Томаса и Ньюта. Надо кончать с причитаниями и жалостью к самим себе, несчастненьким. — Он потёр руки и выпрямился на стуле. — Завтра утром вы, начальство, первым делом засадите всех за изучение карт, а мы, Бегуны, выйдем наружу. Наберём с собой припасов под самую завязку, так чтобы мы могли оставаться там, в Лабиринте, несколько дней.

— Что? — Голос Алби, наконец, обрёл какую-то эмоциональную окраску. — Что ты имеешь в виду — дней?

— Что имею, то и введу. Дней. Всё равно Двери открыты, солнце с его закатами тю-тю, так какой смысл возвращаться? Самое время оставаться снаружи как можно дольше и смотреть, не откроется ли что-нибудь, пока стены двигаются. Если они ещё двигаются.

— Чёрта с два, — отрезал Алби. — У нас есть, где спрятаться — Берлога. А если её недостаточно — то есть ещё Картографическая и Кутузка. Мы не можем требовать от людей, чтобы они выходили наружу и помирали там, Минхо! А кто пойдёт туда добровольно?

— Я, — просто ответил Минхо. — И Томас.

Все уставились на Томаса, но тот только кивнул. Хотя у него от страха поджилки тряслись, но исследовать Лабиринт — по-настоящему исследовать — было тем, что он мечтал сделать с самых своих первых дней в Приюте.

— Я тоже пойду, если надо, — встрял Ньют, чем немало удивил Томаса — хотя бывший Бегун никогда не говорил об этом, но его хромота служила постоянным напоминанием о том, что тогда в Лабиринте произошло нечто совершенно ужасающее. — И уверен, что все Бегуны согласятся без пререканий.

— Это ты-то, с твоей ногой? — хрипло усмехнувшись, вопросил Алби.

Ньют нахмурился, глядя в пол.

— Знаешь, я не имею права просить приютелей сделать что-то, чего, чёрт меня раздери, не готов был бы сделать сам.

Алби основательней уселся на кровати и подобрал под себя ноги.

— Чёрт с тобой. Делай что хочешь.

— Что хочу? — переспросил Ньют, вставая. — Да что с тобой такое, старик? Ты хочешь сказать — у нас есть выбор? Или, по-твоему, нам надо

сидеть на жопе ровно и ждать, когда придут гриверы и грёбнут нас?

Томасу тоже захотелось встать и захлопать в ладоши. Алби, конечно, в конце концов увидит, что его позиция ни к чему хорошему не приведёт.

Но лидер, как оказалось, не устыдился и не раскаялся:

— По мне, так лучше это, чем бежать им навстречу!

Ньют уселся на прежнее место.

— Алби, тебе пора начать думать башкой и соображать, что мелешь.

Хоть Томасу это и не нравилось, он вынужден был признать, что для осуществления их планов Алби был необходим. У приютелей он пользовался непререкаемым авторитетом.

Наконец Алби тяжело вздохнул и посмотрел каждому из своих собеседников прямо в глаза.

— Ребята, вы же понимаете, что я съехал с катушек. Правда. Я... прошу прощения. Нет, к чёрту, я не могу больше быть вожаком.

У Томаса перехватило дыхание: он своим ушам не верил. Алби действительно сказал такое?

— Да грёбаный... — начал Ньют.

— Нет! — воскликнул Алби. На его лице появилось несвойственное ему выражение смирения. — Я не то хочу сказать. Слушайте... Я не говорю, что готов поменяться местами с кем-нибудь и всякий такой плюк. Я только говорю, что... Парни, вы принимайте решения, я больше не могу. Я себе не доверяю. Так что... просто буду делать, что скажут.

Томас обнаружил, что и Минхо, и Ньют тоже в ошеломлении от услышанного.

— Э-э... о-кей, — осторожно сказал Ньют, словно сомневаясь в собственных словах. — Обещаю — наш план сработает. Вот увидишь.

— Ага, — пробормотал Алби. После долгой паузы он вновь заговорил с каким-то странным возбуждением в голосе:

— А-а... знаете, что я вам скажу? Разрешите мне заниматься картами. Уж у меня каждый приютель выучит эти карты наизусть.

— Как по мне, так пусть, — сказал Минхо. Томас тоже хотел выразить своё согласие, вот только не знал, имеет ли он право вообще что-то вякать.

Алби поставил ноги обратно на пол и выпрямился, сидя на краешке кровати.

— Мне кажется, зря мы засели здесь на ночь. Надо было закрыться в Картографии да работать как проклятые.

Наконец-то, подумал Томас, Алби сказал что-то разумное за последние дни.

Минхо пожал плечами.

— Может, и надо было.

— Ну... Тогда я пошёл, — с доверительным кивком сказал Алби. — Прямо сейчас.

Ньют потряс головой.

— Забей, Алби. Там уже слышно проклятых гриверов — воют где-то поблизости. Подождём до побудки.

Алби наклонился вперёд и поставил локти на колени.

— Слушайте, сначала вы, уроды, проповедуете мне здесь «не сдаваться» да «не поддаваться», а когда я конкретно вас слушаюсь, то начинаете ныть. Если я говорю, что сделаю, то сделаю, вы меня знаете. Мне просто необходимо забить чем-то голову, как вы не понимаете!

Томас почувствовал облегчение — от всех этих разборок он уже порядком устал.

Алби поднялся.

— Нет, правда, мне действительно очень нужно, — и он двинулся к двери, похоже, и впрямь намереваясь уйти.

— Сбрендил? — воскликнул Ньют. — Сейчас нельзя наружу!

— Я сказал пойду — значит, пойду. — Алби вытащил из кармана связку ключей и глумливо потряс ими. Томас недоумевал, откуда вдруг взялась такая храбрость. — Увидимся утром, козлики!

И с этими словами Алби вышел за дверь.

Это была странная ночь — даже в самые поздние часы, когда всё вокруг должна была поглотить тьма, снаружи царила та же тоскливая серая мгла. Глаза Томаса, который в нормальное время моментально бы заснул, никак не желали закрываться. Время ползло так мучительно медленно, что впору было начать думать, что следующий день не наступит никогда.

Остальные приютели, завернувшись в одеяла, попробовали заснуть, что оказалось совершенно невозможным делом. Они почти не разговаривали — какие там разговоры, когда ждёшь смерти. Слышны были только шорохи да тихие перешёптывания.

Томас пытался заставить себя уснуть — так время прошло бы скорее, но после двух часов мучительных усилий ему так это и не удалось. Он лежал на полу в одном из помещений на втором этаже, подстелив под себя толстое одеяло. Вместе с ним здесь было несколько других приютелей, испуганно жмущихся друг к другу. Единственную кровать отдали Ньюту.

Чак попал в другую комнату. Томас так и представлял себе, как мальчик плачет, скорчившись в тёмном углу и прижимая к себе одеяло, словно игрушечного медвежонка. Образ был столь удручающ, что юноша

пытался отогнать его, не думать о Чаке, но безуспешно.

Почти у каждого имелся фонарик — на случай тревоги. В остальное же время, приказал Ньют, все огни должны быть погашены, несмотря на их новые, тлеющие мёртвым серым светом небеса: совершенно незачем привлекать к себе лишнее внимание. Всё, что могло быть сделано за такой короткий срок, чтобы отразить атаку киборгов, было сделано: окна заколочены, двери забаррикадированы мебелью, все вооружились ножами...

Однако Томас был далёк от того, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Предчувствие надвигающейся угрозы, страх и страдание, словно тяжёлым покровом, окутали его и, казалось, зажили своей собственной жизнью. Ему уже почти что хотелось, чтобы чудовища поскорее пришли — так, по крайней мере, всё быстро останется позади. Ожидание беды — вот что было самым изматывающим.

Отдалённые завывания гриверов становились слышнее по мере того, как шли минуты томительной ночи — каждая следующая казалась длиннее предыдущей.

Прошёл ещё час. Потом ещё один. Наконец Томас заснул, но спал неспокойно, урывками. Где-то около двух утра он перевернулся со спины на живот, наверно, в миллионный раз за эту ночь. Он положил руки под щёку, уставился на ножки кровати и затих — только тень в приглушённом, тусклом свете.

И тут всё изменилось.

Снаружи взвыли моторы, послышалось знакомое звяканье металлических шипов о каменный настил — как будто кто-то рассыпал пригоршню игл. Томас мгновенно вскочил на ноги — как и все остальные.

Впрочем, Ньют оказался быстрее всех. Он замахал руками, а потом приложил палец к губам — знак, чтобы все затихли. Потом, стараясь не опираться всем весом на больную ногу, проковылял к единственному в комнате окну, наспех заколоченному тремя досками. Широкие щели между ними позволяли взгляду охватить довольно большой кусок двора. Ньют осторожно приблизил лицо к окну, Томас тоже подполз поближе.

Он присел на полусогнутых рядом с Ньютом и выглянул в самую нижнюю щель между досками. От опасной близости к наружной стене его бросало в дрожь. Но всё, что ему удалось увидеть — это лишь пустой Приют; как он ни пытался ухитриться взглянуть вниз вдоль стены здания или в стороны — это было невозможно, только вперёд. После пары минут бесполезных усилий он сдался, повернулся и сел, прислонившись спиной к стене. Ньют возвратился на кровать, но не лёг, а тоже присел на край.

Прошло ещё несколько минут; каждые десять-двадцать секунд сквозь стены и заколоченные окна до них доносилась очередная серия издаваемых гриверами звуков. Вой компактных моторов перемежался со скрежетом металла, звяканьем шипов о камень, щёлканьем и клацаньем инструментов убийства. Каждый раз, когда Томас слышал эти звуки, его коробило.

Судя по шуму, тварей было три или четыре. Как минимум.

Он слышал: уродливые полумашины-полуживотные подходят ближе, ещё ближе; вот они жужжат и стучат своими шипами по камням внизу.

У Томаса пересохло во рту — он встречался с чудовищами лицом к лицу, он слишком хорошо помнил эту встречу; ему пришлось заставить себя снова задышать. Остальные приютели тоже затаились, не издавая ни звука. Страх, казалось, навис в комнате тяжёлой чёрной тучей.

Они услышали, как один из гриверов двинулся по направлению к Берлоге. Затем звяканье его шипов о камень внезапно сменилось более глубоким, резонирующим звуком. Томас видел как наяву: металлические шипы твари вонзаются в деревянную стену, массивная туша, перекатываясь и побеждая гравитацию силой своих чудовищных мышц, ползёт вверх по стене к их окну. Томас слышал, как крошится в щепки древесина — тварь вращалась, чтобы, оторвав от стены один ряд шипов и вцепившись в доски следующим рядом, передвинуться дальше. Кособокий барак содрогался до основания.

Замогильные стоны гривера, щёлканье и треск крошащейся древесины заполнили для Томаса весь мир — больше он ничего не слышал. Звуки усиливались, приближаясь. Другие мальчики сгрудились у противоположной стены — как можно дальше от окна. Наконец и Томас последовал за ними, Ньют тоже; все взгляды были прикованы к окну.

Шум достиг наивысшей силы, как раз когда Томас понял, что гривер находится прямо за стеклом — и вдруг всё стихло. Томас, как ему казалось, мог слышать удары собственного сердца.

Снаружи забегали лучи света, бросая жуткие отблески через щели между досками. Затем свет стали застилать неясные, быстро мелькающие тонкие тени. Томасу было ясно, что это гривер выпустил свои орудия убийства и теперь ищет, к чему бы их применить. А ещё там, снаружи, шныряли жукоглазы, помогая чудищам найти дорогу к их жертвам...

Через несколько секунд мельтешение прекратилось, прожектора тоже остановились и теперь бросали три неподвижных плоскости света внутрь комнаты.

Напряжение достигло наивысшей точки накала. В гробовой тишине не слышно было даже дыхания смертельно испуганных детей. Томасу

подумалось, что то же самое, наверно, происходит сейчас и в других комнатах Берлоги. А потом ему на ум пришла Тереза — в Кутузке.

Но едва только он мысленно взмолился, чтобы она хоть что-нибудь сказала ему, как дверь, ведущая из коридора, с грохотом распахнулась. Комната взорвалась вскриками: приютели, ожидавшие нападения из окна, а не из глубины помещения, были застигнуты врасплох. Томас резко обернулся к двери — наверняка это перепуганный Чак или Алби, изменивший свои планы. Но когда он увидел того, кто стоял в дверном проёме, ему показалось, что его череп словно сжали в тисках и кости вдавились в мозг. Юноша застыл в шоке.

Там стоял Гэлли.

ГЛАВА 39

Его глаза пылали безумием, грязная одежда висела клочьями. Он опустился на корточки и сидел, со свистом и хрипом втягивая в себя воздух. Взгляд бывшего Стража блуждал по комнате, как у бешеного пса, ищущего, в кого бы вцепиться. Никто не промолвил ни слова. Похоже, что все, как и Томас, посчитали его фантомом, призраком, вырвавшимся из их материализовавшихся кошмаров.

— Они вас прикончат! — завопил Гэлли, брызжа во все стороны слюной. — Гриверы замочат вас всех — по одному за ночь, пока никого не останется!

Не в силах выдавить из себя ни звука, Томас лишь смотрел, как Гэлли поднимается и неверной походкой, вихляясь и подволакивая правую ногу, двигается внутрь комнаты. Никто не шевельнул ни единым мускулом — все уставились на безумца, ошеломлённые до полного ступора. Даже Ньют стоял с разинутым ртом. На Томаса их нежданный гость, похоже, навёл больший страх, чем гривер за окном.

Гэлли остановился в нескольких футах от Томаса с Ньютом и ткнул в в младшего Бегуна окровавленным пальцем:

— Ты! — выплюнул он. Его оскал потерял свою комичность, теперь от него просто стыла кровь. — Это всё из-за тебя! — Он размахнулся и левым кулаком изо всей силы двинул Томасу в ухо. Тот упал, вскрикнув скорее от неожиданности, чем от боли, и тут же поднялся на ноги.

Ньют наконец очнулся и оттолкнул Гэлли. Сумасшедший полетел спиной вперёд и врезался в стол, стоящий у окна. Лампа упала и разбилась, град осколков просыпался на пол. Томас думал, что Гэлли кинется в драку, но тот выпрямился и окинул всех безумным взглядом.

— Разгадки нет, — сказал он тихо и отрешённо, и потому ещё более жутко. — Гадский Лабиринт убьёт всех вас, шенков... Гриверы будут забирать... по одному за ночь, пока все не передохнете... Так... Так лучше... — Он уставился невидящим взглядом в пол. — Они будут убивать только одного за ночь... Эти дурацкие Вариантные проверки...

Томас постарался подавить страх и напряжённо вслушивался, чтобы накрепко запомнить слова помешанного.

Ньют шагнул вперёд.

— Гэлли, заткни свою вонючую пасть! Снаружи, прямо за окном —

гривер. Если будешь сидеть тихо и молчать в тряпочку, может он уйдёт.

Гэлли вскинул на него сузившиеся глаза.

— Не доходит, Ньют? Куда тебе, у тебя не голова, а задница, дураком жил — дураком помрёшь. Отсюда нет выхода, так что вы всё равно проиграете! Они убьют вас! Всех! По одному!

Выкрикнув последнее слово, Гэлли кинулся к окну и принялся отдирать доски — словно дикий зверь, пытающийся вырваться из клетки. Прежде чем кто-нибудь в комнате, включая Томаса, успел среагировать, он отодрал одну из корявых планок и швырнул на пол.

— Нет! — завопил Ньют и рванулся вперёд. Томас подхватился за ним, отказываясь верить в то, что всё это происходит на самом деле.

Не успел Ньют добраться до Гэлли, как тот уже отодрал вторую доску, и, схватив её обеими руками, развернулся и врезал бывшему Бегуну по голове. Тот рухнул поперёк кровати, кровь забрызгала простыни. Томас мгновенно подобрался, приготовившись к драке.

— Гэлли! — крикнул Томас. — Что ты делаешь?!

Полоумный сплюнул на пол. Задыхаясь, как загнанный пёс, он проорал Томасу в лицо:

— Захлопни свою вонючую дырку, *Томас*! Завянь, рожа поганая! Я знаю, кто ты такой, сука, но мне теперь насрать! Я делаю то, что положено!

Томасу казалось, что у него ноги приросли к полу — слова Гэлли совершенно ошеломили его. Он мог лишь наблюдать, как сумасшедший схватился за последнюю доску и отодрал её. Как только кривой кусок деревяшки ударился о пол, стекло в окне лопнуло, и блестящие осколки разлетелись по комнате, словно рой хрустальных ос. Томас прикрыл лицо, упал на пол и со всей силы оттолкнулся ногами, так чтобы его тело проехало по полу как можно дальше от окна. Стукнувшись о кровать, он подобрался и открыл глаза, готовый встретить свою гибель.

В разбитое окно уже наполовину протиснулось пульсирующее грушевидное тело гривера, из которого торчали металлические клешни — они клацали и щёлкали во всех направлениях. Томаса до такой степени сковал страх, что он едва замечал, что все находившиеся в комнате выскочили в коридор — все, кроме Ньюта, который лежал на кровати без сознания.

Томас увидел, как одна из «рук» гривера протянулась к безжизненному телу на постели. Этого зрелища было достаточно, чтобы вырвать юношу из состояния оцепенения. Он с трудом поднялся на ноги, оглядываясь вокруг себя в поисках оружия, но всё, что попалось ему на глаза, была пара ножей, а от них сейчас было не много толку. Дикая паника охватила его, пожрав

всего, без остатка.

Но тут снова заговорил Гэлли; и, странное дело: гривер втянул в себя руку, словно она была ему нужна для того, чтобы смотреть или слушать. Однако остальное тело продолжало корчиться и изворачиваться, стараясь протиснуться в помещение. Прокладывая себе путь внутрь Берлоги, монстр со страшным, оглушительным треском ломал стену.

— Никто и никогда не понимал! — вопил Гэлли, перекрывая шум, исходящий от чудовища. — Никто и никогда не понимал, что́ со мной сделало Превращение, что́ я видел! Не возвращайтесь в большой мир! Томас! Ты не захочешь это помнить!

Гэлли посмотрел на Томаса долгим, затравленным взглядом, его глаза были полны бесконечного ужаса. Потом он развернулся и бросился к извивающемуся гриверу. Томас не смог сдержать крика, увидев, как все клешни чудовища немедленно выстрелили из тела и защёлкнулись на руках и ногах сумасшедшего — не вырваться. Тело парня на несколько дюймов погрузилось в рыхлую плоть гривера, издавшую мерзкий хлюпающий звук. А затем тварь с изумительной скоростью высвободилась из расшатанной рамы, вытолкнула себя наружу и начала спускаться вниз по стене.

Томас подбежал к раскуроченному оконному отверстию и глянул вниз. Гривер как раз успел приземлиться и теперь спешил через двор; тело Гэлли то исчезало, то вновь появлялось по мере того, как тварь катилась вперёд. Все прожектора монстра ярко сияли, бросая зловещие жёлтые отсветы на камни двора и открытой Западной двери, через которую гривер вернулся обратно в Лабиринт. Через несколько секунд другие монстры последовали за своим товарищем, жужжа, завывая и звякая шипами, словно празднуя свою победу.

От пережитого потрясения Томаса едва не стошнило. Он было попятился от окна, но что-то во дворе привлекло его внимание. Он тут же высунулся наружу, чтобы получше присмотреться. Чья-то одинокая тень стремглав мчалась через Приют по направлению к тому выходу, через который только что уволокли Гэлли.

Несмотря на скудное освещение, Томас мгновенно узнал бегущего. Он закричал, требуя, чтобы тот остановился, но было уже поздно.

На полной скорости Минхо исчез в Лабиринте.

ГЛАВА 40

Вся Берлога озарилась светом; бестолково замельтешили, загалдели приютели; кое-кто всхлипывал по углам, остальные говорили все одновременно, перекрикивая друг друга; словом, воцарился полный хаос.

Но Томас не обращал внимания на весь этот шум и гам.

Он выскочил в коридор, слетел вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, протолкался сквозь толпу в прихожей, вырвался из Берлоги и молнией метнулся к Западной двери. Лишь у самого порога Лабиринта он задержался — инстинкты вынуждали его подумать дважды, прежде чем двинуться внутрь. К тому же сзади его окликнул Ньют, ещё больше затрудняя принятие решения.

— Это Минхо! Он преследует гривера! — закричал Томас, когда Ньют нагнал его. Бывший Бегун прижимал к ране на голове кусок полотна — на белой ткани уже проступила кровь.

— Да, я видел, — сказал Ньют, отнял тряпицу от головы, посмотрел на алое пятно, скривился и снова прижал ткань к ране. — Вот мля, болит, как чёртова мать. Должно быть, у Минхо в голове последний предохранитель сгорел. А у Гэлли так и подавно. Всегда знал, что у него не все дома.

Гэлли Томаса не занимал — он беспокоился только о Минхо.

— Я пойду за ним!

— Давно в героях не ходил, да?

Больно задетый, Томас бросил на Ньюта острый взгляд.

— Ты что, думаешь, я тут выделываюсь только ради того, чтобы вы, шенки, считали меня героем? Да думай что хочешь, мне пофиг! Единственное, чего мне надо — это убраться отсюда, вот и всё!

— Ну ладно, тебе, видно, без риска жизнь не в радость. Но у нас сейчас проблемы поважнее.

— Что? — Томас знал, что если он хочет нагнать Минхо, у него нет времени выслушивать Ньюта.

— Кто-то... — начал Ньют.

— А вот и он! — прервал его Томас: Минхо вывернул из-за угла в глубине прямого коридора и теперь направлялся прямо к ним. Томас приложил руки рупором ко рту и крикнул: — Ты что, совсем рехнулся?!

Страж Бегунов, не отзываясь, достиг Двери и пересёк порог. Потом перегнулся пополам, оперся руками о колени, несколько раз втянул в себя

воздух, восстанавливая дыхание, и лишь тогда выдавил:

— Я только... хотел... убедиться...

— В чём, дурья башка? — взорвался Ньют. — Хорош бы ты был, если бы кончил, как Гэлли!

Минхо выпрямился и уперся ладонями в бёдра, по-прежнему тяжело дыша:

— Уймись, братва! Я только хотел увидеть, куда они пойдут — к Обрыву, то есть к Норе гриверов, или ещё куда.

— Ну и? — подхлестнул его Томас.

— Бинго! — Минхо вытер пот со лба.

— Просто невероятно... — почти шёпотом отозвался Ньют. — Ну и ночка!

Как бы Томасу ни хотелось поразмыслить о происходящем вокруг Норы гриверов, он никак не мог забыть слова Ньюта, сказанные как раз перед появлением Минхо.

— Что ты хотел сказать? — обратился он к бывшему Бегуну. — Ты упомянул, что у нас есть проблемы посерьёзнее...

— Да. — Ньют махнул большим пальцем через плечо. — Смотри сам: чёртов дым ещё курится.

Томас посмотрел, куда указывал Ньют. Тяжёлая стальная дверь Картографической была чуть приоткрыта, из щели валили и растекались в сером небе клубы чёрного дыма.

— Кто-то спалил сундуки с картами, — разъяснил Ньют. — Все. Ни один не уцелел.

Томас стоял у окна Кутузки. Как ни странно, потеря карт не сильно огорчила его — всё равно они, кажется, бесполезны. Старшие ребята отправились в Картографическую — расследовать саботаж, а он откололся от них. Уходя, он заметил, как Минхо и Ньют обменялись странным взглядом, словно посылая друг другу тайный сигнал. Но это его не заботило. Все его мысли были сейчас направлены на другое.

— Тереза! — позвал он.

В окошке возникло её лицо. Потирая глаза, она хрипловатым спросонья голосом спросила:

— Кто-нибудь погиб?

— Ты что — спала?! — поразился Томас. Похоже, что с ней всё было в полном порядке, и у него как гора с плеч свалилась.

— Спала. Пока не услышала, как кто-то дробит Берлогу в щепки. Что

там происходило?

Томас в изумлении покачал головой.

— Тут такое творилось! Не понимаю, как ты могла спать под завывания всех этих гриверов во дворе.

— Попробуй как-нибудь, выйди из комы, тогда поймёшь. — «А теперь отвечай на мой вопрос!» — добавила она, но уже мысленно.

Томас дёрнулся от неожиданности: давненько он не слышал у себя в голове этого голоса.

— Эй, прекрати!

— А ты давай рассказывай.

Томас вздохнул: история-то, похоже, долгая, да и рассказывать абсолютно всё ему как-то не улыбалось.

— Ты не знакома с Гэлли. Это у нас здесь был такой псих. Сбежал некоторое время назад. А сегодня появился, накинулся на гривера, тот его схватил, и вся шайка вместе с Гэлли убралась в Лабиринт. Чёрт-те что, в самом деле. — Ему до сих пор не верилось, что так всё и было.

— Ёмко сказано, — промолвила Тереза.

— Да уж. — Он оглянулся, высматривая Алби — теперь он наверняка выпустит Терезу. Приютели рассыпались по всему двору, но лидера нигде не было видно. Томас вернулся к прерванному разговору. — Я вот чего не могу понять. Почему гриверы убрались, когда схватили Гэлли? Он что-то болтал насчёт того, что они будут убивать нас по одному за ночь, пока мы все не погибнем. Повторил это по крайней мере дважды...

Тереза продела руки между прутьями решетки, облокотившись на бетонный подоконник.

— По одному за ночь? Почему?

— Не знаю... Он добавил, что это как-то связано с... испытаниями... Или какими-то вариантными проверками... Что-то в этом роде. — Томас вдруг испытал то же необъяснимое желание, что накануне вечером — протянуть руку и коснуться её пальцев. Но вовремя одёрнул себя.

— Том, ты говорил, что я сообщила тебе: «Лабиринт — это код»... Я тут немного подумала над этим. Когда тебя запирают в такой дыре, то с мозгами творятся чудеса — они начинают работать на полную катушку, потому что больше всё равно делать нечего.

Шум во дворе усилился: приютели один за другим обнаруживали катастрофу в Картографической и не могли сдержать криков и возгласов отчаяния; однако интерес к предмету беседы с Терезой был так силён, что Томас постарался отвлечься от происходящего.

— И как ты думаешь — что означают твои слова?

— Ну... Стены ведь движутся каждую ночь, так?

— Да. — Похоже, она таки до чего-то додумалась!

— А Минхо сказал, что они усмотрели что-то повторяющееся в рисунке стен — паттерн, так ведь?

— Так. — В голове у Томаса словно заработали невидимые двигатели, мыслительные процессы врубились на полную катушку; ему даже показалось, что забрезжили неясные проблески утерянной памяти.

— Понимаешь, я не имею понятия, почему я так сказала — ну, о коде. Помнится, когда выходила из комы, то все мысли и воспоминания крутились в голове в таком сумасшедшем хороводе, словно что-то... ну, как бы опустошало мой мозг, как будто сознание засасывалось в воронку, что ли... Мне тогда казалось страшно важным сообщить о коде до того, как я всё забуду. Так что, видно, эти слова были не просто бредом, в них есть какое-то особое значение.

Томас слушал её уже вполуха — он полностью сосредоточился на решении загадки:

— Они всё время сравнивали карту каждой секции с картой, сделанной накануне, потом ещё на день раньше, и ещё, и так день за днём. Каждый бегун анализировал изменения, происходящие в его секции Лабиринта. А что, если им надо было сравнивать свою карту с картами других секций?.. — Он не договорил, чувствуя, что вот ещё чуть-чуть, и загадка будет решена.

Тереза тоже, по-видимому, перестала обращать внимание на своего собеседника, полностью погрузившись в собственные рассуждения:

— Первое, что мне приходит в голову при слове «код» — это буквы. Как в алфавите. Может, Лабиринт показывает какие-то слова?

И тут в голове у Томаса вроде как щёлкнуло, и все кусочки мозаики одновременно и точно легли на положенные им места.

— Ты права! Ты права! Бегуны всё это время делали не то, что нужно. Анализ надо было производить по-другому!

Тереза ухватилась за прутья с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Она прижалась лицом к железной решётке:

— Что? Да не томи же!

Томас тоже взялся за прутья, но не за те, за которые держалась она, и подвинулся к девушке так близко, что ощутил исходящий от неё удивительно приятный аромат — цветочный, с легкой примесью сладковатого запаха её пота.

— Минхо говорил, что паттерны повторяются, вот только ребята до сих пор не смогли понять, что бы это значило. Но они всегда изучали карты

секция за секцией, сравнивая один день со следующим. А если каждый из дней — это частица кода, и на самом деле надо было каким-то образом работать со всеми восемью секциями одновременно?

— Ты думаешь, каждый день стены двигаются и выявляют какое-то определённое слово?

Он кивнул:

— Или только одну букву в день, не знаю. Они всё время ожидали, что движение стен покажет выход из Лабиринта, ни про какие буквы не думали. Они изучали свои зарисовки именно как карты, а не как рисунки или что-то в этом роде. Нам надо... — Он осёкся, вспомнив свою последнюю беседу с Ньютом, и простонал: — О нет!

Глаза Терезы вспыхнули беспокойством.

— Что случилось?

— О нет, нет, нет... — Томас разжал пальцы, сжимавшие прутья решётки и едва не упал — до того его поразило осознание приключившейся беды. Он повернулся и взглянул на Картографическую. Дыма стало поменьше, но он всё ещё сочился из двери — тёмное, тяжёлое облако, как одеялом укрыло весь бункер.

— Да что произошло? — повторила Тереза. С того места, где она стояла, увидеть Картографическую было невозможно.

Томас повернулся к девушке.

— А я-то, дурак, думал, что теперь нам карты ни к чему...

— ЧТО ПРОИСХОДИТ?!

— Кто-то сжёг все карты. Если там и был код, то теперь он пропал.

ГЛАВА 41

— Я скоро, — сказал Томас и повернулся, чтобы уйти. Под ложечкой неприятно сосало. — Мне надо найти Ньюта — а вдруг хоть что-то уцелело?..

— Подожди! — воскликнула Тереза. — Выпусти меня отсюда!

Томас почувствовал себя предателем, но времени у него было в обрез.

— Я не могу... Обещаю — вернусь!

Не дожидаясь её возмущённых протестов, он развернулся и молнией кинулся к окутанному тёмным облаком дыма бункеру. Изнутри его словно кололи тысячи безжалостных игл. А вдруг Тереза права, и они были на пороге открытия или могли хотя бы получить тоненькую путеводную нить, ведущую на свободу... И вот — всё погибло в пламени! Мысль была такой тяжкой, что причиняла физическую боль.

Когда Томас достиг бункера, то увидел, что у двери сгрудилось несколько приютелей. Тяжёлая стальная плита была по-прежнему приоткрыта, на её внешнем срезе нарос слой сажи. Подойдя поближе, юноша увидел, что приютели собрались в кружок вокруг чего-то, лежащего на земле. Все взгляды были прикованы к этому непонятно чему. Томас узрел Ньюта — тот стоял на коленях в центре круга, склонившись над чьим-то телом.

Позади бывшего Бегуна стоял Минхо, растерянный и перепачканный. Он заметил Томаса.

— Где тебя носило? — спросил он.

— Ходил поговорить с Терезой... Что тут произошло? — Томас напряжённо замер, ожидая очередной порции плохих вестей.

Лоб Минхо прорезали складки — он был в ярости.

— Нашу Картографию подпалили, а ты, видите ли, бегал обжиматься со своей девчонкой? У тебя с мозгами в порядке, или как?!

Томас даже не обиделся на эту несправедливую нотацию — его ум был занят более важными вещами.

— Да я просто не думал, что они так важны теперь — если уж вы за всё это время ничего не обнаружили.

Минхо смотрел на него с отвращением. Его лицо в бледном сером свете, ещё более тусклом от плотной пелены дыма, выглядело чуть ли не зловеще.

— Ага, как раз выбрал подходящее время, чтобы сложить лапки! Что за чё...

Но Томас не дослушал его:

— Да расскажи, наконец, что здесь произошло! — Юноша перегнулся через плечо стоящего перед ним худосочного мальчишки и увидел, вокруг кого все столпились.

Это был Алби. Он лежал навзничь, с огромной раной во лбу. Алая жидкость сочилась по обоим вискам, затекала в глазницы, сворачиваясь и засыхая в них. Ньют осторожно вытирал кровь мокрой тряпицей и что-то шёпотом выспрашивал — так тихо, что невозможно разобрать. Несмотря на то, что лидер приютелей в последнее время вёл себя со своим спасителем далеко не лучшим образом, Томаса обеспокоило состояние Алби. Он повернулся к Минхо и повторил свой вопрос.

— Его нашёл Уинстон — здесь, снаружи, полуживого, а Картография пылала. Кое-кто из шенков ринулся внутрь — тушить, да было поздно. Все сундуки сгорели дотла. Я сначала заподозрил самого Алби, да только поджигатель приложил его головой об стол — вон, видишь? Кровищи-то сколько.

— Есть подозрения, кто это сделал? — Томас колебался, говорить или нет об открытии, сделанном ими с Терезой — без карт какая с него польза?

— Может, Гэлли. До того, как появился в Берлоге. Или гриверы. Да какая разница — кто? Мне плевать.

Вот так-так! Страж Бегунов, похоже, упал духом?

— Ну и кто теперь складывает лапки?

Минхо так резко вскинул голову, что Томас отшатнулся. В глазах Стража полыхнул гнев, но быстро сменился смешанным выражением удивления и замешательства.

— Я вовсе не это хотел сказать, шенк!

Томас с любопытством прищурился:

— И что же...

— А ну заткни пасть! — Минхо приложил палец к губам и стрельнул глазами — убедиться, что на него никто не смотрит. — Просто заткнись и всё. Скоро узнаешь, почему.

Томас глубоко вздохнул и задумался. Если он хочет, чтобы с ним были откровенны, нужно самому быть предельно откровенным. Поэтому он решил поделиться открытием относительно кода Лабиринта, и не важно — погибли карты или нет.

— Минхо, мне очень нужно кое-что сообщить вам с Ньютом. Да, и надо выпустить Терезу. Во-первых, она голодна, а во-вторых, нам,

возможно, понадобится её помощь.

— Что там с этой психованной — меня вообще не волнует.

Томас проигнорировал оскорбительные слова Стража.

— Уделите нам всего несколько минут! Мы кое до чего додумались. Может быть, нашу идею всё-таки можно осуществить, если только наберётся достаточно Бегунов, которые могут воспроизвести по памяти свои карты!

Томасу, по-видимому, удалось завладеть вниманием Минхо, но с лица Стража не сходило всё то же таинственное выражение — оно словно говорило, что Минхо известно кое-что такое, чего не знает Томас.

— Идею? Какую?

— Пойдёмте со мной в Кутузку. Ты и Ньют.

Минхо мгновение раздумывал, потом окликнул Ньюта.

— А? — Ньют выпрямился. Он крутил в руках окровавленную тряпицу, пытаясь выискать на ней хоть крошечный чистый участок. Но не находил — ветошь насквозь пропиталась кровью.

Минхо указал на Алби.

— Пусть им займутся Медяки. А нам надо потолковать.

Ньют бросил на него вопросительный взгляд и сунул тряпицу стоящему рядом приютелю:

— Пойди найди Клинта и скажи ему, что у нас проблемы поважнее, чем занозы вытаскивать. — Когда мальчишка убежал, Ньют отошёл от Алби. — Потолковать? О чём?

Минхо молча кивнул на Томаса.

— Пошли, — сказал тот и, не дожидаясь ответа, повернулся и направился к Кутузке.

— Выпустите её.

Томас стоял у двери тюрьмы, сложив на груди руки.

— Выпустите её, а тогда поговорим. Поверьте — будет очень интересно.

С ног до головы покрытый грязью и сажей, со слипшимися от пота волосами, Ньют явно был не в духе.

— Томми, это просто...

— Пожалуйста! Только открой дверь, и выпусти её. Пожалуйста. — Нет, на этот раз Ньюту не отвертеться.

Минхо стоял рядом, уперев руки в бока.

— Да как мы можем ей доверять? — взорвался он. — Стоило только ей очнуться от комы, как весь Приют покатился к чертям собачьим. Она ведь

даже признала, что это она чему-то там положила начало!

— Он прав, — сказал Ньют.

Но Томас не сдавался.

— Мы можем ей доверять! Мы с ней только и разговариваем, что о побеге из Лабиринта! Она была послана сюда — так же, как и все мы. Глупо считать, что она несёт ответственность за то, что здесь происходит!

Ньют фыркнул.

— Тогда какого чёрта она сама заявила, что чему-то там положила начало?

Томас пожал плечами, отгоняя мысль о том, что в словах Ньюта, пожалуй, содержится разумное зерно. Действительно, у происходящего должно быть объяснение.

— Кто знает? У неё шарики за ролики заехали, когда она отходила от комы. Может, каждый из нас прошёл через то же самое, когда сидел в Ящике. Наверняка тоже нёс ахинею, прежде чем очнуться. Выпустите её.

Ньют с Минхо обменялись долгими взглядами.

— Ну же! — настаивал Томас. — Что она, по-вашему, — примется бегать по двору и набрасываться с ножом на каждого встречного-поперечного?

Минхо вздохнул.

— Ну ладно. Выпусти эту психованную.

— Я не психованная! — крикнула Тереза — дверь и стены приглушили её возмущённый вопль. — И слышу каждое ваше слово, придурки!

Глаза Ньюта расширились.

— Томми, какую милую подружку ты себе завёл, однако!

— Хватит волынку тянуть! — рявкнул Томас. — Нам много чего надо сделать, прежде чем гриверы заявятся сегодня ночью. Если только они, не ровён час, не пожалуют днём!

Ньют усмехнулся и подошёл к двери, выуживая из кармана связку ключей. Щёлкнул замок, и дверь широко распахнулась.

— Эй, выползай!

Тереза выскочила из каморки и смерила Ньюта негодующим взором. Такого же приветствия удостоился и Минхо. Затем она подошла к Томасу и провела ладонью по его руке. От этого прикосновения юношу пробрала дрожь. Он готов был сквозь землю провалиться от смущения.

— Так, давай, рассказывай! — потребовал Минхо. — Что за светлая идея вас посетила?

Томас взглянул на Терезу, как бы прося помощи.

— Ну что? — вскинулась та. — Говори лучше ты — они, небось, думают, что я серийный убийца.

— А то! Уж больно у тебя вид грозный, — проворчал Томас и обратился к Ньюту с Минхо: — О-кей. Когда Тереза только-только пробуждалась от спячки, в её голове мелькали обрывки разных воспоминаний. Она... гм... — Юноша едва удержался от того, чтобы не брякнуть, что она говорила напрямую в его мозг. — … Она сказала мне... позже... что запомнила одну вещь: Лабиринт — это код. Так что, скорее всего, нам не стоит искать выход. Лабиринт пытается донести до нас некое послание!

— Код? — протянул Минхо. — Как это — код?

Томас помотал головой. Если бы он мог ответить на этот вопрос!

— Я точно не знаю. А вот ты... ты ведь понимаешь в картах гораздо больше, чем я. Зато у меня есть одна догадка. Вот почему я и спросил, не можете ли вы, парни, воспроизвести карты по памяти? Хотя бы некоторые?

Минхо взглянул на Ньюта, вопросительно подняв брови. Тот кивнул.

— Ну? — Томасу уже до смерти надоело, что от него утаивают информацию. — Шенки, кончайте с вашими тайнами!

Минхо обеими руками потёр глаза и набрал побольше воздуха в лёгкие.

— Томас, мы спрятали карты.

Поначалу до него не дошло.

— А?..

Минхо указал на Берлогу.

— Мы спрятали чёртовы карты в Оружейной, а на их место положили «кукол». Во-первых, потому, что Алби предупредил. А во-вторых, из-за того, что твоя подружка положила начало этому долбаному Концу.

Томас был так поражён и обрадован, услышав новость, что на несколько мгновений забыл, как плохо обстоят их дела. Он припомнил, как вчера Минхо спровадил его, сказав, что, мол, Ньют дал ему особое задание. Томас взглянул на бывшего Бегуна — тот кивнул.

— Они в целости и сохранности, — сказал Минхо. — Абсолютно все. Так что, если у тебя есть что сказать — говори!

— Пойдёмте к ним! — Томасу не терпелось взглянуть на карты.

— О-кей, пойдём.

ГЛАВА 42

Минхо включил свет, и Томас на секунду зажмурился, пока глаза не приспособились. Зловещие тени льнули к ящикам с оружием на столе и на полу; ножи, стилеты и прочие отвратительные орудия убийства, казалось, только ждали, чтобы зажить самостоятельной жизнью и прикончить первого, кто по глупости подойдёт поближе. Затхлая вонь ещё больше усиливала гнетущую атмосферу страха, царящую в подвале.

— Здесь есть потайной шкаф — вот тут, у задней стены, — пояснил Минхо. Он прошёл мимо полок в тёмный угол. — О нём знает только пара человек.

Послышался скрип старой деревянной двери. Минхо протащил по полу картонную коробку — раздался звук, какой получается, если проскрести ножом по кости.

— Я сложил содержимое каждого сундука в отдельную коробку — всего, значит, восемь коробок. Вот они — все здесь.

— А это из какого? — поинтересовался Томас, присаживаясь у вынутой Минхо коробки. Его так и подмывало приступить к работе.

— Открой и увидишь. Забыл, что ли — каждый лист пронумерован.

Томас раскрыл коробку. В ней бесформенной грудой лежали карты секции 2. Томас ухватил стопку листов и вытащил её на свет.

— Так, хорошо, — сказал он. — Бегуны всё время сравнивали день с днём, выискивая закономерность, которая может каким-то образом подсказать выход из Лабиринта. Ты говорил, что вы вообще даже не имеете понятия о том, что ищете, но упорно продолжаете изучать карты. Правильно?

Минхо скрестил руки на груди и кивнул. По его виду можно было заключить: он ожидает, что сейчас ему раскроют секрет вечной жизни.

— Итак, — продолжал Томас, — что если движения стен вовсе не имеют никакого отношения ни к картам, ни к Лабиринту, ни ещё к чему-то в этом роде? Что если паттерны на самом деле показывают нам *слова*? Что-то вроде подсказки, которая поможет нам выйти отсюда?

Минхо указал на карты в руке Томаса и издал досадливый стон.

— Чувак, ты соображаешь вообще? Да мы изучили их вдоль и поперёк! Ты что, думаешь, мы бы не заметили, если бы там были какие-то идиотские слова?

— А может, глазу просто трудно их ухватить, если сравнивать один день с другим? Может, надо было не искать сходства или различия, а смотреть все карты одного дня разом?

Ньют заржал.

— Томми, я, может, не самый умный в Приюте, но как по мне — ты несёшь околесицу.

Пока он говорил, мозг Томаса работал с бешеной быстротой. Ответ был где-то совсем рядом, юноша чувствовал, что только протяни руку — и... Вот только облечь свои мысли в слова было очень трудно. Пришлось зайти с другого конца.

— О-кей, о-кей. У вас было заведено, что один Бегун отвечал за одну секцию, так?

— Так, — ответил Минхо. Видно было, что он искренне заинтересовался и слушает внимательно.

— И этот Бегун рисует карту каждый день, а потом сравнивает её с предыдущим днём — для этой же секции. А если вместо этого вам надо было сравнивать все восемь секций между собой — за один день? Вдруг там каждый день открывается код или часть кода? Вы когда-нибудь так делали?

Минхо потёр подбородок и кивнул.

— Ну да, что-то вроде того. Клали их рядом и смотрели. А как же. Мы всё перепробовали.

Томас положил обе карты себе на колени и принялся внимательно изучать верхнюю. Сквозь бумагу он различал линии карты, лежащей под ней. В этот момент его осенило. Он вскинул взгляд.

— Нужна калька.

— А? — буркнул Минхо. — Что за чё...

— Доверься мне. Нам нужна калька и ножницы. И все карандаши и чёрные маркеры, которые сможете найти.

Котелок не обрадовался, когда его ограбили, забрав у него всю имеющуюся вощёную бумагу. Тем более, что поставок-то больше не предвиделось. Он ругался нехорошими словами и кричал, что это, мол, единственная вещь, которую он только и просил у Создателей, что без неё он не сможет печь. В конце концов ребятам пришлось рассказать, зачем им нужно его сокровище, и повар сдался.

Ещё минут десять ушло на поиски карандашей и маркеров — ведь большая часть их находилась в Картографической и сгорела при пожаре. И вот, наконец, все четверо: Томас, Ньют, Минхо и Тереза — сидели за столом в Оружейном подвале. Найти ножницы не удалось, так что Томас

вооружился самым острым ножом из имеющихся в их распоряжении.

— Ну, — сказал Минхо, — молись, чтобы у тебя всё вышло. — И хотя в его голосе слышалось нешуточное предупреждение, в глазах у Стража был неподдельный интерес.

Ньют облокотился о стол, словно ожидая, что факир Томас сейчас вытащит кролика из шляпы.

— Давай, Чайник, выкладывай.

— О-кей. — У Томаса чесались руки приняться за работу, и одновременно его до смерти пугало, что, возможно, все усилия ни к чему не приведут. Он вручил нож Минхо и указал на вощёную бумагу:

— Вырежь квадраты, примерно по размеру карт. Ньют, Тереза, пошли, поможете мне вытащить первый десяток карт из каждой секции.

— Что это мы, рукоделием занялись? — Минхо скептически воззрился на нож в своей руке. — Почему ты прямо не говоришь, за каким плюком мы должны это делать?

— Я уже всё объяснил! — отрезал Томас, зная: лучше им один раз увидеть, чем сто раз услышать. Он вскочил и зашарил в шкафу. — Лучше покажу. Если ничего не выйдет, то что ж... Тогда опять пойдём бегать по Лабиринту, как подопытные крысы.

Минхо испустил раздражённый вздох и пробормотал нечто нечленораздельное. Тереза молчала, но Томас вдруг расслышал её голос у себя в голове:

«Мне кажется, я поняла, что ты затеял. Молодец!»

Томас вздрогнул, но постарался не выдать внешне своего смятения. Попробуй только покажи, что у тебя в голове звучат голоса — и всё, остальные подумают, что он съехал с катушек.

«Иди... помоги мне... — пытался он ответить, выговаривая в уме каждое слово, пытаясь отчётливо представить себе своё мысленное послание. Но девушка не отвечала.

— Тереза, — сказал он вслух. — Ты не могла бы мне помочь? — И кивнул в сторону шкафа.

Они оба углубились в его пыльную внутренность, открыли все коробки и вынули по небольшой пачке карт из каждой. Вернувшись к столу, Томас увидел, что Минхо нарезал листов двадцать конфискованной у Котелка бумаги и теперь складывал их неровной стопкой справа от себя.

Томас уселся и схватил несколько вощёных листков. Поднял одну бумажку против лампочки — та засияла сквозь кальку слегка рассеянным молочным светом. Как раз то, что нужно.

Томас взял маркер.

— Ну вот, теперь вы все переведёте последний десяток дней на кальку. Не забудьте записать всю инфу на каждом листе, чтобы мы не запутались. Когда закончим с этим делом, думаю, увидим кое-что интересное.

— Да что... — завёлся Минхо, но Ньют оборвал его:

— Ты знай режь свои долбаные листки! — приказал он. — До меня, кажется, дошло, куда он клонит.

Ну, наконец-то, хоть кто-то что-то сообразил.

Они принялись за работу: переводили рисунки с оригинальных карт на вощёную бумагу — одну за другой, стараясь работать быстро, но аккуратно. Томас приспособил прямоугольный кусок доски вместо угольника, и легко чертил теперь ровные, чёткие прямые. Скоро он уже сделал пять карт, потом ещё пять. Другие тоже работали не покладая рук, и дело у всех двигалось так же споро.

Рисуя, Томас начал потихоньку впадать в лёгкую панику: а вдруг то, чем они занимаются — полная бессмыслица и зряшная потеря времени? Но сидящая рядом Тереза вся ушла в работу и даже высунула кончик языка от усердия. По всей видимости, у неё сомнений в целесообразности их действий не возникало.

Так они и трудились: коробка за коробкой, секция за секцией.

— Ну всё, с меня хватит! — заявил наконец Ньют, нарушая царящую в подвале тишину. — Мои грёбаные пальцы уже горят, как чёртова мать. Давайте смотреть, если есть на что.

Томас отложил свой маркер и распрямил затёкшую ладонь. Ему оставалось только надеяться, что все усилия не напрасны.

— О-кей, давайте сюда последние несколько дней из каждой секции. Сложите всё стопками на столе — от Первой до Восьмой. Первую сюда, — похлопал он рукой по одному концу стола, — восьмую туда, — и указал на другой конец.

Все молча выполнили его приказ, разложив на столе листки вощёной бумаги восемью невысокими стопками.

Дрожащими руками Томас собрал по листку, лежащему наверху каждой стопки, убедился, что все они относятся к одному и тому же дню. Затем наложил их друг на друга так, чтобы рисунки Лабиринта, сделанные в один день и принадлежащие разным секциям, совместились. Теперь он мог видеть рисунок всех восьми секций одновременно. И то, что он увидел, потрясло его. Это было как волшебство, как будто из ниоткуда вдруг проявилась картинка, возник новый образ. Тереза тихонько ахнула.

Множество горизонтальных и вертикальных прямых пересекались и образовывали густую сетку. Но в середине линии ложились ещё гуще, и на

общем сероватом фоне возник более тёмный рисунок. Едва различимый, но — он там был!

Точно посередине листа красовалась буква П.

ГЛАВА 43

Томаса захлестнул поток самых разных эмоций: облегчение от того, что их усилия не пропали даром, удивление, нетерпение и любопытство — что из всего этого выйдет.

— Мля... — протянул Минхо, одним словом полностью выразив всю гамму чувств, охвативших Томаса.

— Но, может, это только случайность? — вмешалась Тереза. — Давайте проверим другие. Живо!

Томас послушался и сложил вместе следующие восемь карт, потом ещё восемь, и ещё... И каждый раз в центре появлялась очередная буква. За *П* последовали *Л, Ы, Т* и *Ь*. Затем нарисовались *Б, Р, А* и *Т*.

— Гляньте! — воскликнул Томас, указывая на стопки вощёной бумаги. Он был одновременно и озадачен увиденным, и счастлив, что буквы проявились так чётко и ясно, не оставляя места сомнениям. — Здесь у нас *ПЛЫТЬ*, а здесь — *БРАТ*.

— Плыть брат? — недоумевал Ньют. — Что за галиматья? И это твой код?

— Нам надо работать дальше, — ответил на это Томас.

Перепробовав различные комбинации, они выявили второе слово — *БРАТЬ*. Итак, ПЛЫТЬ и БРАТЬ.

— Никакая это не случайность, — заявил Минхо.

— Точно, — согласился Томас. Ему не терпелось продолжить работу.

Тереза махнула в сторону шкафа:

— Нам надо проработать абсолютно всё — каждую коробку снизу доверху.

— Да, — кивнул Томас. — Поднажмём!

— Без нас, — сказал вдруг Минхо.

Все воззрились на него, но он твёрдо выдержал их изумлённо-возмущённые взгляды.

— Нам с Томасом надо отправить Бегунов в Лабиринт.

— Спятил? — вскипел Томас. — Здесь у нас дела поважнее!

— Может быть, — невозмутимо парировал Минхо. — Но у нас каждый день наперечёт, и мы не имеем права терять их зря. Не теперь.

Томаса словно ушатом холодной воды окатили. По его мнению, так это как раз беготню в Лабиринте теперь можно было считать напрасной

потерей времени, которое так необходимо, чтобы разгадать код.

— Да зачем, Минхо? Ты же говорил: паттерны, в основном, повторяются каждый месяц. Один день ничего не изменит.

Минхо ударил по столу ладонью.

— Кончай пороть чушь, Томас! Может, сегодня как раз самый важный день, и нам позарез надо в Лабиринт! А вдруг что-то изменилось, что-то где-то открылось новенькое? На самом деле, раз Двери всё равно не закрываются, я думаю, самое время испробовать твою идею — остаться снаружи на ночь и разнюхать всё как следует.

А вот это уже интересно — Томасу уже давно хотелось провернуть что-то в этом роде. Не зная, на что решиться, он спросил:

— Но как же с кодом? Ведь надо...

— Томми, — успокаивающим тоном заговорил Ньют, — Минхо прав. Шенки, валите отсюда и прямым ходом в Лабиринт. Я подберу кое-кого из приютелей, которым можно доверять, и засажу их за работу. — В голосе Ньюта как никогда прежде зазвучали уверенные нотки настоящего лидера.

— Я тоже, — встряла Тереза, — останусь здесь и помогу Ньюту.

Томас уставился на неё.

— Уверена? — Ему нестерпимо хотелось расшифровать код самому, но он решил, что Минхо и Ньют правы.

Она улыбнулась и сложила на груди руки.

— Если вы собираетесь вычислить тайный код из целого вороха сложных запутанных узоров, то ясный женский ум вам просто необходим — без него вы быстренько зайдёте в тупик. — Её улыбка перешла в самоуверенную ухмылку.

— Ну, если ты так считаешь... — протянул Томас, в свою очередь скрещивая руки и улыбаясь. Ему опять не хотелось уходить от неё.

— Лады, — кивнул Минхо и повернулся, чтобы уйти. — Всё просто замечательно, валим отсюда. — Он направился к двери, но остановился, обнаружив, что Томас не сдвинулся с места.

— Не волнуйся, Томми, — заверил Ньют. — Ничего с твоей подружкой не случится.

Томасу казалось, что в этот миг через его голову пронёсся миллион разных мыслей. Тут были и желание поскорее узнать код, и смущение от того, что́ о них с Терезой думал Ньют, и стремление в Лабиринт — а ну как там действительно откроется что-то новенькое? — и, конечно, страх.

Но он отмёл все эти думы в сторону и, даже не попрощавшись, помчался за Минхо вверх по лестнице.

Томас помог Стражу собрать Бегунов и, рассказав новости, организовать большую экспедицию в Лабиринт. К удивлению Томаса, все с готовностью согласились, что настала пора провести более фундаментальные исследования, и, следовательно, надо остаться снаружи на ночь. Хотя юноша нервничал и терзался страхом, он, тем не менее, сказал Минхо, что готов самостоятельно углубиться в одну из секций, но Страж отказался наотрез: для рутинной работы у них имелось восемь опытных Бегунов. Томасу же предстоит пойти с ним, Минхо. Услышав это, у Томаса так полегчало на душе, что ему почти стало стыдно.

Они со Стражем упаковали свои рюкзаки, напихав в них гораздо больше припасов, чем обычно — никто не мог сказать, как долго им придётся оставаться в Лабиринте. Несмотря на страх, настроение Томаса было приподнятым: может быть, именно сегодня они найдут выход?!

Ребята разминались у Западной двери, когда к ним пришёл Чак — попрощаться.

— Я бы пошёл с вами, — нарочито весело сказал мальчик, — но мне пока ещё жить охота.

Томас неожиданно для себя самого рассмеялся.

— Спасибо! Уж подбодрил, так подбодрил!

— Ты там поосторожнее! — В словах Чака теперь сквозило неприкрытое беспокойство. — Если бы мог, я обязательно помог бы вам, парни.

Томас был тронут: юноша готов был поспорить с кем угодно, что если бы это действительно было необходимо и он попросил Чака пойти с ними, тот бы пошёл без единого слова.

— Спасибо, Чак. Мы будем очень осторожны.

Минхо издал свой знаменитый хрюк.

— Ну да, как же. Не время осторожничать. Малыш, теперь всё иль ничто...[12]

— Нам пора идти, — сказал Томас. В животе у него порхали бабочки, так что поскорее бы начать двигаться и прекратить зря накручивать себя. Как бы там ни было, находиться ночью в Лабиринте было ничуть не опаснее, чем сидеть в Приюте с его незакрытыми Дверьми. Хотя и эта мысль вовсе не грела.

— Да, — ровно ответил Минхо, — пошли.

— Ну что ж, — промолвил Чак, уставившись на свои ботинки. Потом поднял взгляд на Томаса: — Удачи. И если твоя девушка заскучает, я постараюсь её утешить своей любовью.

Томас закатил глаза.

— Да никакая она не моя девушка, ряха ты паршивая!

— Вау, — подивился Чак, — ты уже перенял у Алби его грязные словечки. — Было ясно, что мальчик изо всех сил старается балагурить, как бы говоря, что ему всё трын-трава, но глаза его не могли лгать. — Нет, правда — желаю удачи.

— Спасибо, куда ж нам без твоих пожеланий, — закатил глаза и Минхо. — До скорого, шенк!

— Ага, до скорого, — прошептал Чак и повернулся, чтобы уйти.

На Томаса накатила грусть: может так статься, что он больше никогда не увидит ни Чака, ни Терезы, ни кого другого из приютелей. Его охватил внезапный порыв подбодрить мальчугана:

— Не забывай моё обещание! — прокричал он вслед удаляющемуся Чаку. — Я верну тебя домой!

Чак обернулся и отсалютовал отогнутыми кверху большими пальцами. В глазах его блеснули слёзы.

Томас тоже воздел кверху большие пальцы. Затем они с Минхо закинули рюкзаки за спины и вошли в Лабиринт.

ГЛАВА 44

Ребята бежали без передышки, пока не оказались на половине пути к последнему тупику Восьмой секции. Они показывали хорошее время (вот когда Томас особенно оценил свои часы, ведь небо всё время оставалось серым), потому что бежали без задержек: как выяснилось почти сразу, стены оставались на том же месте, что и вчера. Ничто не переменилось, и не было необходимости в заметках или зарисовках. Так что задача Бегунов заключалась в том, чтобы добежать до последнего тупика и пуститься в обратный путь, внимательно изучая окружающее в поисках того, что, возможно, не было замечено раньше — всё равно чего. Минхо позволил отдыхать целых двадцать минут, прежде чем они двинулись дальше.

На бегу они не разговаривали. Минхо вдолбил Томасу, что на разговоры затрачивается слишком много энергии, так что юноша сосредоточился на ровности шага и дыхания. Вдох-выдох, вдох-выдох... Они всё больше углублялись в Лабиринт, погрузившись каждый в свои мысли, и единственным аккомпанементом их бегу был топот ног о твёрдый камень пола.

И вдруг на третьем часу бега с Томасом заговорила Тереза, приведя его в изумление — ведь она вещала сквозь массивные стены, изнутри Приюта:

«У нас прогресс, мы выискали ещё пару слов. Но и они какие-то бессмысленные».

Первым побуждением Томаса было игнорировать её речи — уж больно ему не нравилось, что кто-то может вот так запросто вламываться в его святая святых — в его сознание. Но желание поговорить с ней оказалось сильней.

«Ты слышишь меня? — спросил он, визуально представляя себе эти слова и мысленно бросая их ей. Впрочем, невозможно объяснить, как он это делал. Сосредоточился и произнёс ещё раз: — Ты меня слышишь?»

«Да! — отозвалась она. — Особенно второй раз — совсем отчётливо!»

Томас был потрясён. Так потрясён, что чуть не остановился. Сработало! «Интересно, почему у нас так получается?» — снова послал он в эфир. Разговаривать подобным образом, оказывается, непросто — от напряжения у него уже начала трещать голова.

«Наверно, между нами особая близость. Кто знает, может, мы были влюблённой парочкой», — отозвалась Тереза.

Томас споткнулся и на полной скорости растянулся на полу. Минхо обернулся на грохот, не снижая скорости. Смущённо улыбнувшись, Томас вскочил на ноги и припустил вдогонку. «Что?!» — наконец удалось ему спросить.

Он почувствовал, как она смеётся — будто калейдоскоп цветных огоньков вспыхнул в его голове. «Странное дело, — сказала она. — Ты вроде как чужой, но я почему-то знаю, что это не так».

Томаса охватила дрожь, и одновременно бросило в жар. «Прошу прощения, что перебиваю, но мы и есть чужие. Я познакомился с тобой совсем недавно, не помнишь разве?»

«Извини, Том, но, может, хватит валять дурака? Я думаю, кто-то поиграл с нашими мозгами, вложил в них эту способность к телепатии. Причём *до того*, как мы появились здесь. Вот почему я думаю, что мы уже тогда знали друг друга».

Он призадумался над её словами и пришёл к выводу, что она, пожалуй, права. Хорошо бы, если бы это было так — она уже по-настоящему нравилась ему. «Поиграл с нашими мозгами? — спросил он. — Как?»

«Не знаю. Это воспоминание ускользает от меня, никак не схвачу. Я говорила —кажется, мы вместе делали какое-то большое дело».

Томас думал о том, что он с самого начала чувствовал с нею некую связь, с того момента, когда она прибыла в Приют. Ему захотелось копнуть глубже — что она ответит?

«О чём ты говоришь?»

«Ага, если бы я знала. Всего лишь подбрасываю тебе идеи — а вдруг где-нибудь у тебя в башке да зазвенит звонок».

Теперь Томасу пришло на ум то, что он слышал от Гэлли, Бена и Алби. Все они высказали подозрения на его счёт, что он каким-то образом был их врагом, что ему нельзя доверять. А потом и Тереза тоже сказала, что это они — Томас и Тереза — приложили руку к происходящим здесь событиям: «Ты и я, Том. Мы сделали это с ними. С нами».

«Этот код должен что-то значить, — продолжала она. — И ещё то, что я написала у себя на руке — “ПОРОК — это хорошо”».

«А может быть, что и ничего не значит, — ответил он. — Кто знает, а вдруг мы возьмём и найдём выход?»

Томас на несколько секунд зажмурился, продолжая бежать — он пытался сосредоточиться. Каждый раз, когда они вот так разговаривали, у него создавалось впечатление, что в грудь ему вплывает воздушный пузырёк и с каждым разом эта маленькая опухоль растёт. Такая причуда психики, с одной стороны, слегка раздражала его, с другой — чаровала. Но

он мгновенно распахнул глаза, сообразив: чем чёрт не шутит — а вдруг Тереза может прочитать его мысли, даже когда они ей не предназначены? Он ждал реакции своей собеседницы, но не дождался.

«Ты ещё здесь?» — спросил он.

«Да, вот только у меня от этих разговоров голова начинает болеть».

Томас успокоился — значит, не у него одного башка трещит. «Да, у меня тоже».

«Тогда пока, — сказала она. — До скорого!»

«Погоди!» Ему не хотелось, чтобы она покинула его, в разговорах с ней время пролетало незаметно. Да и бежать почему-то становилось легче.

«До свидания, Том. Я дам знать, если мы придумаем что-нибудь толковое».

«Тереза, как насчёт того, что ты написала на руке?» Прошло несколько секунд. Нет ответа.

«Тереза?»

Она ушла. Томас почувствовал, как в груди взорвался воздушный пузырь, впрыскивая в кровь потоки токсинов. Желудок скрутило. Как же ему бежать дальше, ещё почти целый день? От этой мысли сразу испортилось настроение.

Он был бы не прочь рассказать Минхо о том, как они с Терезой общаются, поделиться с товарищем — пока необходимость соблюдать тайну не взорвала ему мозг. Но он не отваживался. Ситуация и без того была не из лёгких, а если сюда ещё и телепатию приплести... И так всё кувырком.

Так что Томас повесил голову и глубоко-глубоко вздохнул. Ничего не поделаешь — держи язык за зубами и знай себе беги.

Они отдохнули ещё пару раз, прежде чем Минхо перешёл на ходьбу — Бегуны достигли длинного коридора, заканчивающегося тупиком. Страж остановился и опустился наземь, прислонившись спиной к глухой стене. Плющ в этом месте разросся особенно пышно; при взгляде на него, мир казался зелёным и полным жизни — но под густыми лозами скрывался мёртвый, неподатливый камень...

Томас присел рядом с другом. Ребята набросились на свой скромный ланч — сэндвичи и фрукты.

— Ну вот и всё, — жуя, промямлил Минхо, — мы пробежали через всю секцию. Выхода нет. Надо же, какой сюрприз.

Томас и сам пришёл к тому же выводу, но услышать подтверждение из уст товарища... М-да, хорошего мало. Упала тяжкая тишина. Затем Томас, прикончив свой ланч, приготовился к поискам. Хорошо бы ещё знать чего.

За следующие пару-тройку часов они с Минхо обшарили весь пол и ощупали все стены, временами взбираясь вверх по лозам. Ничего не нашли. Томас всё больше падал духом. Единственное, что им попалось — ещё одна дурацкая табличка с той же дурацкой надписью — про планету в опасности и убойную зону. Минхо не удостоил её даже взглядом.

Подкрепившись в очередной раз, они снова принялись за поиски, но так ничего и не нашли. Томас начал склоняться к мысли, что придётся признать неизбежное: дальнейшие поиски бессмысленны. Когда подошло и прошло время закрытия Дверей — обычное время появления гриверов — ребята приостанавливались и внутренне подбирались перед каждым углом, обеими руками держа свои ножи наготове. Но им никто не попался — до полуночи.

Минхо углядел гривера — тот исчез за углом дальше по коридору и больше они его не видели. Получасом позже Томас увидел другого — тот точно так же скрылся за поворотом. Ещё через час очередной гривер пронёсся мимо, не удостоив их внимания. Томас чуть сознание не потерял от страха.

Они продолжали свой путь, и Минхо заметил:

— Они что — играются с нами?

Томас вдруг сообразил, что уже давно ничего не ищет, а только движется в полной прострации в сторону Приюта. С Минхо, судя по всему, происходило то же самое.

— Ты о чём? — спросил Томас.

Страж вздохнул.

— О том, что Создатели хотят дать нам понять, что никакого выхода нет. Даже стены больше не двигаются. Вообще, всё это похоже на какую-то глупую игру — просто теперь её пора заканчивать. И они хотят, чтобы мы пошли и сказали это всем приютелям. Спорим на что угодно: когда вернёмся в Приют, то окажется, что гриверы забрали с собой какого-нибудь бедолагу — в точности, как вчера. Наверно, Гэлли прав — они постепенно убьют нас всех.

Томас не отвечал — столько в словах Минхо было горькой правды. Если сегодня утром, вступая в Лабиринт, он и чувствовал какую-то надежду, то она уже давно испарилась.

— Пошли-ка домой, — устало молвил старший Бегун.

И хотя Томасу не хотелось признавать поражение, он молча кивнул. Теперь осталась только одна надежда — на код, и на разгадке его он теперь и сосредоточится.

Ничего не поделаешь — Бегуны отправились домой. По дороге им

больше не встретилось ни одного гривера.

ГЛАВА 45

Согласно их наручным часам, было уже позднее утро, когда они переступили порог Приюта. Томас устал, как собака, и готов был свалиться тут же, у Западной двери и уснуть мертвецким сном. Они провели в Лабиринте целые сутки.

Как ни странно, несмотря на то, что всё буквально разваливалось, жизнь в Приюте шла своим чередом: народ работал, как обычно, — на ферме, в садах, на очистке... Появление Бегунов, однако, не прошло для кое-кого из ребят незамеченным: к ним уже бежал Ньют.

— Ещё никто не вернулся, вы первые, — сказал он, приблизившись. — Ну, как? — Парень смотрел на них с такой детской надеждой, что у Томаса заныло сердце. Наверняка Ньют ожидал от них важных вестей. — Пожалуйста, скажите, что у вас хорошие новости!

Минхо уставился помертвевшим взглядом куда-то в пустоту.

— Ничего. Лабиринт — это всего лишь ба-а-льшое западло.

Ньют взглянул на Томаса:

— О чём это он?

— Да просто безнадёга одолела, — устало пожал плечами тот. — Ничего нового. Стены не двигаются. Выхода нет. Гриверы приходили ночью?

Лицо бывшего Бегуна помрачнело. Он кивнул.

— Да. Забрали Адама.

Это имя не было знакомо Томасу, поэтому он ничего не почувствовал, и ему стало стыдно. «Опять только одного, — подумал он. — Как и предсказывал Гэлли».

Ньют открыл было рот, собираясь что-то сказать, но тут Минхо как с цепи сорвался.

— Да на хрен это всё! — завопил он — Томас аж подскочил. Минхо сплюнул в заросли плюща. На шее Стража вздулись вены. — Настохужело! Всё кончено! — Он сорвал свой рюкзак и швырнул его на землю. — Нет никакого выхода, никогда не было и никогда не будет! Мы все скоро сдохнем!

У Томаса пересохло в горле. Он мог только стоять и смотреть, как Минхо шагает к Берлоге. Ну, уж если даже Минхо поддался отчаянию, то дела совсем плохи.

Ньют не промолвил ни слова и ушёл. Томас стоял в полной прострации. Тяжкое серое облако безнадёжности окутывало Приют, как густой едкий дым из Картографической.

В течение следующего часа вернулись остальные Бегуны. Судя по тому, что услышал Томас, никто из них ничего не нашёл и все махнули рукой на поиски разгадки. Другие приютели бросили свою обычную ежедневную работу и слонялись по приюту с лицами, на которых прочно угнездилось выражение уныния и отчаяния.

Томасу было ясно, что теперь их единственной надеждой стал код. Ведь что-то эти странные слова должны были значить! Покружив по Приюту и послушав рассказы других Бегунов, он немного приободрился.

«Тереза? — мысленно позвал он девушку, закрыв глаза, словно это могло помочь. — Ты где? Вы что-нибудь узнали?»

Долгое молчание. Он уже и не ждал ответа, решив, что у него ничего не вышло.

«А? Том, ты что-то сказал?»

«Да! — Он обрадовался — удалось! Есть контакт! — У меня хорошо получается? Ты меня слышишь?»

«С пятого на десятое, но всё же. Странно, правда?»

Томас призадумался — вообще-то он уже начал привыкать к такому способу общения.

«Да нет, не очень. Вы всё ещё в подвале? Я видел Ньюта, но он снова куда-то запропастился».

«Да, ещё торчим здесь. Ньют привёл нескольких ребят на подмогу — они перерисовывали карты на кальку. Похоже, мы узнали весь код».

Сердце у Томаса прыгнуло прямо в горло. «Да ты что?»

«Иди сюда».

«Уже бегу!» И он действительно уже бежал. Усталость куда-то пропала.

Дверь открыл Ньют.

— Минхо так пока и не появился, — сказал он, когда они спускались по лестнице. — Иногда ему прямо как вожжа под хвост попадает.

Вот Минхо даёт, подумал Томас. Тоже нашёл время предаваться унынию! Да ещё когда код разгадан. Но он забыл о Страже, стоило только ему войти в комнату. Несколько незнакомых приютелей стояли вокруг стола. Вид у них был измученный, глаза ввалились от усталости. Груды карт валялись повсюду, в том числе и на полу. Такое впечатление, что по подвалу прогулялся смерч.

Тереза стояла, прислонившись к стеллажу с полками, и всматривалась во что-то, написанное на листке бумаги. Когда Томас вошёл, она взглянула на него и тут же снова вперила взор в свою бумажку. Бегун даже чуть скис — он-то думал — она ему обрадуется. Впрочем, эта мысль тут же показалась ему глупее некуда. Девушке явно было не до него — она пыталась осмыслить код.

«Ты только посмотри на это, — мысленно обратилась к нему Тереза. Ньют отпустил других приютелей, и те загрохотали вверх по лестнице; кое-кто ворчал, что, мол, столько работы — а толку чуть.

Томас слегка встревожился — вдруг Ньют догадается, что происходит? «Не говори со мной в прямом эфире, пока Ньют рядом. Не хочу, чтобы он прознал о нашем... даре».

— Иди сюда, взгляни на это, — вслух сказала она, еле-еле сдерживая самодовольную ухмылку.

— А я паду на колени и обцелую все твои вонючие ноги, если ты растолкуешь, что бы это значило, — заявил Ньют.

Томас подошёл к девушке, дрожа от нетерпения. Что им удалось выяснить? Она выгнула брови домиком и протянула ему бумажку.

— Имей в виду, тут всё абсолютно правильно, — сказала она. — И всё равно не понять, что же это такое.

Томас взял листок у неё из рук и быстро проглядел его. С левой стороны шли в столбик номера, обведённые кружка́ми — от одного до шести. Рядом с каждым большими печатными буквами было выведено одно слово:

ПЛЫТЬ
БРАТЬ
КРОВЬ
СМЕРТЬ
СТЫТЬ
ЖАТЬ

Вот и всё. Всего шесть слов.

Томаса охватило разочарование. Ему-то казалось, что как только они узнают код полностью, всё сразу станет ясно, да не тут-то было! Он поднял полные отчаяния глаза на Терезу:

— И это всё? Ты уверена, что порядок правильный?

Она забрала у него листок.

— Лабиринт повторял эти слова из месяца в месяц. Как только это стало ясно, то мы бросили карандаши. Каждый раз после слова «жать»

проходила целая неделя, когда вообще не было никаких букв, а потом всё опять начиналось сначала — со слова «плыть». Мы так поняли, что это и есть первое слово, а дальше всё идёт по порядку.

Томас скрестил руки на груди и прислонился к стеллажу рядом с Терезой. Он автоматически заучил эти шесть слов наизусть, крутя их в уме и так, и этак. Плыть. Брать. Кровь. Смерть. Стыть. Жать.

— Ну и как? Весело, как на похоронах, а? — молвил Ньют, выразив вслух собственные мысли Томаса.

— Угм, — с досадой промычал Томас. — Надо поймать Минхо и привести его сюда — а вдруг он знает что-то, чего не знаем мы? Ну хоть бы какую-нибудь подсказочку!.. — И внезапно умолк, как громом поражённый; если бы он не стоял, прислонившись к полкам, то упал бы — такая страшная идея пришла ему в голову. Страшная, ужасающая, чудовищная идея.

Но интуиция подсказывала ему: это как раз то, что нужно! Он просто обязан так поступить!

— Томми? — окликнул его Ньют, подступая поближе. Его лоб прорезала морщина озабоченности. — Что с тобой? Ты бледен, как выходец из преисподней.

Томас покачал головой и взял себя в руки.

— А... да нет, ничего. Глаза вдруг разболелись. Наверно, надо поспать. — Он принялся тереть виски — пусть друзья думают, что он побледнел от усталости.

«С тобой всё в порядке? — мысленно спросила Тереза. Он поднял взгляд и обнаружил на её лице то же беспокойство, что и на Ньютовом. От этого открытия ему сразу стало хорошо.

«Да. Нет, правда, я валюсь с ног. Надо бы отдохнуть».

— Ну что ж, — сказал Ньют, кладя руку ему на плечо. — Ты ведь всю ночь проторчал в долбаном Лабиринте. Пойди покемарь.

Томас взглянул на Терезу, потом на Ньюта. Хотелось поделиться своей идеей, но пока не время. Поэтому он лишь кивнул и направился к лестнице.

Но у него теперь был план. Отвратительный, ужасный, но был.

Нужны подсказки. Нужны *воспоминания*.

Игла гривера и Превращение. Вот на что ему придётся пойти. Добровольно.

ГЛАВА 46

Весь остаток дня он ни с кем не перемолвился ни словом.

Тереза пыталась заговорить с ним, но он отнекивался, мол, ему что-то нехорошо, хочется побыть наедине с собой и вздремнуть в любимом уголке в глубине леса. Да ещё, пожалуй, раскинуть мозгами и попытаться выудить оттуда всё, что может пригодиться в их исследованиях.

Но по правде говоря, он попросту нервничал перед тем, что предстояло ему вечером. Пытался убедить самого себя, что принял правильное решение. Единственно правильное решение. А поскольку у него поджилки тряслись от страха, то не хотелось, чтобы это кто-то заметил.

Когда часы, наконец, показали, что наступил вечер, Томас вместе со всеми остальными укрылся в Берлоге. Весь день он ничего не ел и обнаружил, что голоден, как волк, только принявшись уминать нехитрый обед, на скорую руку приготовленный Котелком — томатный суп с галетами.

А затем настала очередная бессонная ночь.

Строители залатали дыры, оставленные чудовищами, унесшими Гэлли и Адама. Конечный результат их трудов выглядел так, будто работу выполнял взвод в драбадан упившихся алкашей, но на самом деле сделано было прочно. Ньют и Албы — тот наконец почувствовал себя в состоянии вернуться к выполнению своих обязанностей и обходил Приют с повязкой на голове — настояли на том, чтобы приютели каждую ночь переходили спать на новое место.

Поэтому Томас оказался в большой комнате на первом этаже вместе с теми же ребятами, с кем провёл первую ночь. В помещении быстро стало тихо, вот только непонятно — то ли потому, что мальчишки действительно уснули, то ли потому что затаили дыхание от страха, вопреки всему надеясь, что гриверы, может быть, не придут. На этот раз Терезе разрешили провести ночь вместе с остальными в Берлоге. Она устроилась рядом с Томасом, завернувшись в два одеяла, и юноша непонятно как, но чувствовал, что она спит. По-настоящему крепко спит!

Томасу же было не до сна, хотя его тело отчаянно нуждалось в отдыхе. Он пытался уснуть: изо всех сил стараясь держать глаза закрытыми, заставлял себя расслабиться. Безрезультатно. Ночные часы медленно

тянулись, и предчувствие надвигающегося кошмара тяжким грузом лежало на его сердце.

И когда ожидание стало уже совсем невыносимым, послышалось жужжание моторов и заунывные стоны гриверов. Время пришло.

Все сгрудились у дальней от окна стены, стараясь, чтобы их не было ни слышно, ни видно. Тереза забилась в угол, Томас пристроился рядом, и, обняв колени руками, уставился на окно. Пришло время претворить в жизнь своё отчаянное намерение, и сердце юноши едва не останавливалось — казалось, его сдавила холодная рука страха. Но отступить было невозможно — от его действий зависело теперь слишком многое.

Обстановка в комнате накалялась. Приютели сидели безмолвно и бездвижно. Издалёка послышался треск — металл впивался в древесину. Судя по звукам, гривер карабкался по задней, дальней от них стене Берлоги. Но несколькими секундами позже шум обрушился на них со всех сторон, завывало и у их собственного окна. Казалось, сам воздух в комнате заледенел. Томас прижал к глазам стиснутые кулаки — одно лишь ожидание нападения буквально убивало его.

Откуда-то сверху послышался звон разбитого стекла и треск ломаемой древесины. Весь дом содрогнулся. Томас закоченел от ужаса: до него донеслись дикие крики и топот бегущих ног. Скрип и стоны кособокой лестницы свидетельствовали о том, что целая толпа приютелей валила по ней на первый этаж.

— Дейва забрали! — прокричал кто-то срывающимся от страха голосом.

В комнате Томаса никто даже не пошевельнулся. Он понимал: каждый чувствовал облегчение, что жуткая участь постигла не его, и каждому было за это стыдно. Может быть, они теперь в безопасности? Две ночи подряд киборги уносили только по одному парню, и приютели начали склоняться к мысли, что Гэлли, возможно, прав.

Но в это время как раз за их дверью послышался оглушительный грохот падения чего-то тяжёлого. Вслед за ним раздался целый хор перепуганных вскриков и хруст ломаемого дерева — как будто чьи-то чудовищные стальные челюсти перемалывали лестницу. Ещё через секунду Томас услышал очередной громоподобный треск: гривер прошёл Берлогу насквозь и теперь покидал её как положено в воспитанном обществе — через дверь, разнеся её в щепы.

На Томаса накатил приступ омертвляющего страха: теперь или никогда!

Он вскочил и кинулся вон, пинком распахнув дверь комнаты. Вслед

ему раздался яростный вопль Ньюта, но Бегун проигнорировал его и понёсся по коридору, перепрыгивая через груды искорёженных деревяшек. Там, где некогда была входная дверь, теперь зияла иззубренная дыра, ведущая прямо в серую ночную муть. Он пролетел сквозь неё и выскочил во двор.

«Том! — услышал он в голове истошный крик Терезы. — Что ты делаешь?!» Но он проигнорировал и её и продолжал бежать.

Гривер, несущий с собой Дейва — парня, с которым Томас никогда и двух слов не сказал — жужжа, извиваясь и стуча шипами, катился по направлению к Западной двери. Другие гриверы тоже уже собрались во дворе и следовали за своим напарником в Лабиринт. Томас понимал, что остальные приютели подумают, что он решил покончить счёты с жизнью; однако, не поколебавшись ни секунды, бросился в самую гущу гриверов. Те, похоже такого не ожидали и замешкались.

Томас накинулся на того, который нёс Дейва и попытался вырвать мальчика из смертельных объятий — кто знает, а вдруг монстр от неожиданности выпустит добычу? Череп раскалывался от оглушительных воплей Терезы.

На него обрушились сразу три гривера, их уродливые орудия убийства: шипы, клешни и иглы — со всех сторон устремились к своей жертве. Томас яростно отбивался от жутких металлических рук, пинками отбрасывал от себя рыхлые пульсирующие тела — ему нужно было только, чтобы его ужалили, разделить участь Дейва он вовсе не стремился. Чудовища усилили свой безжалостный натиск. Всё тело Томаса разрывалось от боли: он чувствовал уколы беспощадных игл. Значит, цель достигнута. Испуская истошные крики, он молотил руками и ногами, пинал и толкал своих противников, кубарем катался по земле, пытаясь уйти живым из схватки. Адреналин зашкаливал, борьба не ослабевала — и вот, наконец, он вырвался из окружения и изо всех оставшихся сил рванул прочь.

Как только юноша оказался вне досягаемости смертоносных инструментов гриверов, те немедленно отступились и растворились в Лабиринте. Томас рухнул на землю, воя от боли.

В следующую секунду над ним уже стоял Ньют, а за ним — Чак, Тереза, ещё кто-то... Ньют подхватил его под мышки и поднял.

— Хватайте его за ноги! — проорал он.

Томасу показалось, что мир вокруг него поплыл. Подступала тошнота, сознание туманилось. Кто-то, он не мог уже понять кто, послушался приказа Ньюта. Томаса подхватили и понесли через двор, сквозь разломанную дверь Берлоги, по коридору, в какую-то комнату и уложили на

диван. Мир продолжал вращаться — искажённый, перекрученный мир...

— За каким чёртом ты это сделал? — орал Ньют прямо ему в лицо. — Совсем твоя проклятая крыша съехала, козёл тупой?!

Томасу нужно было успеть сказать, прежде чем тьма забытья поглотила бы его:

— Нет... Ньют... Ты не понимаешь...

— Заткнись! — воскликнул тот. — Не расходуй зря силы!

Томас почувствовал, как кто-то ощупывает его исколотые руки и ноги, срывает с него одежду и исследует израненное тело. Он слышал голос Чака — какое счастье, его маленький друг жив-здоров. А Медяк сказал что-то насчёт того, что беднягу добанули несколько десятков раз.

Тереза стояла у его ног, стиснув пальцами щиколотку Томаса. «Зачем, Том? Зачем ты это сделал?»

«Затем...» На большее его не хватило.

Ньют закричал, чтобы кто-нибудь принёс грив-сыворотку. Через минуту Томас ощутил лёгкий укол в руку; от этого места по телу разлилось тепло, неся с собой успокоение. Боль постепенно затихала, но мир по-прежнему казался изуродованным и извращённым. Ну что ж, минута-другая — и даже эта искажённая картина померкнет в его сознании.

Всё кружилось и мелькало перед ним: цвета теряли свою чёткость и перетекали один в другой, комната вращалась всё быстрей и быстрей... Но прежде чем уйти в непроглядную тьму, Томас собрал все свои оставшиеся силы — необходимо было сказать ещё одну, самую последнюю вещь...

— Не беспокойтесь, — прошептал он, надеясь, что они услышат эти слова. — Я сделал это нарочно...

ГЛАВА 47

Когда Томас проходил через Превращение, время потеряло для него всякий смысл.

Сначала были темнота и холод — как тогда, в Ящике, вот только в этот раз он просто плавал в чёрной пустоте, ничего не ощущая, не видя и не слыша... Словно кто-то украл все его пять чувств и оставил прозябать в вакууме.

Время остановилось. Страх перешёл в любопытство, которое в свою очередь сменилось скукой.

И наконец, после бесчисленных веков ожидания, начали происходить изменения.

Откуда-то издалёка подул ветер — ощутить его было нельзя, но можно услышать. Затем в отдалении возникло спиралевидное белое облако, потом дымная воронка смерча начала растягиваться в обе стороны, так что Томас не мог больше видеть ни верха её, ни низа. Бешеный циклон втягивал в себя пространство, дующие из-за спины яростные ветры трепали волосы и рвали одежду, подобно тому, как ураган треплет изодранные штормом флаги.

Туманная белая башня двинулась к Томасу, — или, может быть, это он двигался к ней, невозможно сказать. Скорость сближения быстро возрастала: прошло всего несколько секунд, а он уже не различал воронкообразной формы башни, перед ним простиралась лишь необозримая белая плоскость.

Она надвинулась и поглотила его. Сознание заволоклось туманом, и в мозг хлынул поток воспоминаний.

А всё остальное затопила боль.

ГЛАВА 48

— Томас... — прозвучало далеко и гулко, словно эхо в долгом туннеле. — Томас, ты слышишь меня?

Ему не хотелось отвечать. Когда боль стала невыносимой, его мозг отключился. Томас боялся, что если он позволит сознанию вернуться, мучения возобновятся с новой силой. Сквозь веки просачивался свет, но только открой глаза — и снова утонешь в боли. Он не пошевельнулся.

— Томас, это Чак. Как ты? Пожалуйста, чувак, не умирай!

В мозг ворвались воспоминания: Приют, гриверы, вонзающиеся в его тело иглы, Превращение... Память. Лабиринт не имел решения. Единственный путь на волю был связан кое с чем совершенно немыслимым. Страшным. Он был раздавлен навалившимся на него отчаянием.

Томас со стоном заставил свои веки слегка приоткрыться. Взгляд наткнулся на пухлую мордашку с перепуганными глазами. Чак. Но тут страх во взоре мальчика сменился радостью, и улыбка озарила его лицо. Пусть мир идёт к чертям — Чак был счастлив.

— Он очнулся! — завопил мальчик, ни к кому не обращаясь, потому что в комнате больше никого не было. — Томас очнулся!

Томаса подбросило от его вопля, и он снова закрыл глаза.

— Чак, ну что ты так разорался? Мне и без того тошно.

— Извини, но я так рад, что ты жив! Скажи спасибо, что хотя бы не целую тебя взасос.

— Только этого ещё не хватало! — Томас снова открыл глаза и заставил себя сесть на постели, прислонившись спиной к стене и вытягивая ноги. Всё ныло — и суставы, и мышцы. — Как долго я был в отключке?

— Три дня. На ночь мы запирали тебя в Кутузке — там безопаснее всего — а днём переносили сюда. Раз тридцать думали, что откинешь копыта, а глянь на тебя сейчас — как с иголочки!

Хм, вот уж точно — «с иголочки». Интересно, каков же он был в разгаре Превращения?

— Гриверы приходили?

Ликующее настроение Чака мгновенно улетучилось, улыбка померкла, глаза уставились в пол.

— Ага. Забрали Зарта и ещё пару других. По одному за ночь. Минхо с

Бегунами прочесали весь Лабиринт — а вдруг найдётся выход или ещё что, к чему можно было б приложить тот дурацкий код, который вы там выискали. Не-а, ничего. Как ты думаешь, почему гриверы забирают только по одному шенку за ночь?

У Томаса замерло сердце — ему был известен точный ответ на этот вопрос. А также и на многие другие. Он теперь знал достаточно, чтобы утверждать: знание — не всегда сила. Иногда лучше не знать.

— Позови Ньюта и Алби, — сказал он наконец. — И скажи, чтобы они созвали Сбор. Да поживее.

— Ты это серьёзно?

Томас вздохнул.

— Чак, я только что прошёл через Превращение. Ты думаешь, я в настроении шутить?

Без единого слова Чак сорвался с места и вылетел из комнаты. Отдалившись на солидное расстояние от комнаты больного, он снова принялся вопить во всю мочь, призывая Ньюта.

Томас закрыл глаза и прислонился головой к стене. Потом мысленно позвал:

«Тереза!»

Она ответила не сразу. Но когда наконец её голос раздался в его голове, то он звучал так ясно и отчётливо, словно девушка сидела рядом с Томасом:

«Какой же ты дурак, Томас! Самый форменный придурок!

«Я должен был это сделать».

«Последние несколько дней я тебя просто ненавидела. Ну и хорош же ты был! Вены вздутые, кожа — как у мертвеца... Словом, красавец».

«Так прямо и ненавидела?» Он был счастлив услышать, что до такой степени небезразличен ей.

Она помолчала.

«Ну, это я так пытаюсь вдолбить в твою дурную башку, что убила бы тебя, если б ты умер!»

На сердце у Томаса потеплело и, сам тому удивившись, он поднял руку и дотронулся до своей груди — там, где разлился жар.

«Угм-м... спасибо... наверно...»

«Итак. Что ты вспомнил?»

Он собрался с мыслями.

«Много чего. Помнишь, ты сказала о нас с тобой? Что происходящее здесь — это наша работа?

«И что? Это правда?»

«Мы сделали много плохого, Тереза». Он почувствовал — его

собеседница в смятении, как будто её одолевают тысячи вопросов и она не знает, с которого начать.

«Ты узнал что-нибудь о том, как нам вырваться отсюда? — Она явно не желала знать, в чём выражается её участие в этом самом «плохом». — Выяснил, как нам использовать код?»

Томас помолчал: не хотелось разговаривать об этом, прежде чем он хорошенько всё не обдумает. Их единственный шанс на спасение был, по существу, равноценен самоубийству.

«Может, и выяснил, — сказал он наконец, — но от этого, поверь, не легче. Нам позарез нужно собраться. Ты тоже должна быть на Сборе — у меня вряд ли хватит сил повторить всё это ещё раз».

Они оба надолго замолчали, каждый явственно ощущал безрадостное настроение собеседника.

«Тереза?»

«Да?»

«Лабиринт не имеет разгадки».

Она долго молчала прежде чем ответить: «Думаю, теперь это ясно всем».

Томасу было больно слышать безнадёжную тоску в её голосе, она эхом отдавалась в его собственном сознании. «Не волнуйся. Создатели всё же подготовили для нас путь на свободу. У меня есть план». Ему хотелось подарить ей хоть немного надежды.

«Да что ты?» — скептически бросила она.

«Представь себе. Смертельно опасный путь. Наверняка многие из нас погибнут. Ну как, звучит обнадёживающе?»

«Ещё как! И что же это за путь?»

«Мы должны...»

Но прежде чем он закончил свою мысль, в комнату ворвался Ньют.

«Потом доскажу, — поторопился завершить разговор Томас.

«Давай там побыстрей!» — воскликнула она и прервала связь.

Ньют подошёл к кровати и присел рядом.

— Томми, да ты совсем неплохо выглядишь! Как будто и не болел.

Томас кивнул:

— Да, немного подташнивает, но в остальном — нормально. Думал, будет хуже.

Ньют покачал головой, на его лице выразились одновременно и досада, и восхищение.

— Ты опять повёл себя наполовину как герой, наполовину как полный идиот. Похоже, ты по жизни такой, у тебя это здорово получается. — Он

замолчал и снова покачал головой. — Я знаю, зачем ты это сделал. Какие воспоминания вернулись? Что-нибудь полезное?

— Нам нужно созвать Сбор, — произнёс Томас, поудобнее переложив ноги. К его удивлению, особенной боли не было, только слабость. — Пока я ещё всё хорошо помню.

— Да, Чак говорил. Конечно, трубим Сбор. Но в чём, собственно, дело? Ты что-то выяснил?

— Ньют, это тест. Вся затея — Испытание.

Ньют понимающе кивнул:

— Въезжаю. Вроде как эксперимент.

Томас потряс головой.

— Нет, не въезжаешь. Они ведут отбор. Проверяют, не поддадимся ли мы отчаянию и не махнём ли на всё рукой, выбирают лучших и отсеивают слабых. Обрушивают на нас проверку за проверкой — они называют их Вариантными проверками, или просто Вариантами — вынуждая нас сдаться. Тестируют наши способности к борьбе и выживанию. Отправка сюда Терезы и прекращение нормального функционирования Приюта — это финальная часть, дополнительный, последний анализ. Теперь пришло время для главного испытания — побега.

Брови Ньюта сошлись на переносице:

— Что ты имеешь в виду? Тебе известен путь наружу?

— Да. Труби Сбор.

ГЛАВА 49

Через час Томас сидел перед собранием Стражей — в точности как неделю или две назад. Они не позволили Терезе присутствовать на Сборе, что ужасно разозлило его, как, впрочем, и её тоже. Ньют и Минхо доверяли ей теперь, но у других девица по-прежнему вызывала подозрения.

— Ну что ж, Чайник, — промолвил Алби. Он сидел в полукруге своих товарищей рядом с Ньютом и выглядел уже вполне сносно. Два стула были пусты — горькое напоминание о Зарте и Гэлли, унесённых гриверами. — Не тяни кота за хвост, выкладывай всё как есть.

Томас, который чувствовал себя ещё не совсем в форме после Превращения, секунду помедлил, заставляя себя собраться с мыслями. Ему было что сказать. И сказать так, чтобы остальные не сочли его уже не наполовину, а просто полным идиотом.

— История долгая, — начал он. — У нас нет времени на подробности, так что излагаю суть. Когда я проходил через Превращение, то видел целый поток образов, десятки, сотни — вроде слайд-шоу, которое прокручивают с большой скоростью. Многое я помню до сих пор, но только некоторые настолько чётки, чтобы о них стоило говорить. Остальное вылетело из головы, а что не вылетело — скоро вылетит. — Он помолчал, собрал волю в кулак и продолжил: — Но того, что помню — вполне достаточно. Создатели проверяют нас. Лабиринт никогда не имел решения, да и не должен был иметь. Вся затея с Приютом и Лабиринтом — Испытание. Они хотят, чтобы победившие в этом Испытании, вернее, выжившие, совершили кое-что чрезвычайно важное. — Он затих, озадаченный тем, как бы изложить всё стройно, доходчиво и по порядку.

— Чего-о? — скривился Ньют.

— Зайду с другого конца, — произнёс Томас, потирая глаза. — Каждый из нас был отобран, когда мы были совсем мелкими. Не помню, как и что — у меня остались только клочки воспоминаний и ощущений, но мир изменился, в нём произошли страшные вещи. Понятия не имею, какие. Создатели украли нас, и, думаю, они считали себя вправе это сделать. Как-то им удалось вычислить, что наш коэффициент умственного развития намного превышает средний уровень — поэтому нас и выбрали. Не... не знаю... многое помнится так... клочками, урывками... Да ладно, неважно.

— Я ничего не знаю о своих родителях и что с ними случилось, —

продолжал Томас. — Несколько следующих лет после того, как нас забрали от них, мы обучались в специальных школах, в общем, жили такой... довольно нормальной жизнью. А *они* в это время собрали средства и построили Лабиринт. Все наши имена — только дурацкие клички, которые придумали Создатели: скажем, Алби — Альберт Эйнштейн, Ньют — Исаак Ньютон, а я — Томас. Тёзка Эдисона.

Алби выглядел так, будто ему залепили оплеуху.

— Наши имена... Так даже наши имена — ненастоящие?

Томас покачал головой.

— Насколько я понимаю, мы вообще можем никогда не узнать, как нас по-настоящему зовут.

— Что ты несёшь? — встрял Котелок. — Мы что — какие-то, будь оно неладно, сироты, воспитанные сумасшедшими учёными?

— Да, — ответил Томас, надеясь, что на его лице не отражается царящее в душе глубокое уныние. — По всему похоже, что мы одарены особыми способностями. Каждый наш шаг тщательно изучается, каждый поступок подвергается анализу. Они смотрят, кто сдастся, а кто нет. Кто выживет. Неудивительно, что здесь кишмя кишат шпионы-жукоглазы. Кроме того, с некоторыми из нас... ну, они вмешались в наши мозги.

— Ну и плюк! Тебя Котелок что — дурью накормил? Ты думаешь, я этой чуши поверю? — пробубнил Уинстон. Вид у него был усталый и безразличный.

— С какой стати мне это выдумывать? — вскинулся Томас. Он добровольно полез на иглы гриверов, чтобы оживить свою память, а ему не верят! — Хорошо, а как ты объяснишь происходящее? Тем, что мы живём на другой планете, что ли?

— Продолжай, не отвлекайся, — приказал Алби. — Вот чего не понимаю, так это почему никто из нас ничего такого не помнит. Я сам прошёл через Превращение, но всё, что видел — это... — Он осёкся и опасливо пробежался взглядом по лицам присутствующих, словно сболтнул лишнее. — Словом, я ничего такого не вспомнил...

— Через минуту я скажу, почему помню больше других, — сказал Томас. При мысли об этой части истории у него затряслись поджилки. — Ну что, продолжать дальше или как?

— Продолжай, — проронил Ньют.

Томас набрал в лёгкие побольше воздуха, как будто собирался нырнуть в воду.

— О-кей, каким-то образом они стёрли нашу память — не только детство, но всё, что предшествовало вступлению в Лабиринт. Они сажали

нас в Ящик и отправляли сюда — для начала большую группу, а потом по одному каждый месяц. И так в течение двух лет.

— Но зачем? — спросил Ньют. — На кой хрен им это понадобилось?

Томас поднял руку, призывая к тишине.

— К этому я и веду. Как я уже говорил, они хотели проверить нас, посмотреть, как мы будем реагировать на то, что они называют Вариантами, как управимся с проблемой, у которой нет решения. Выяснить, можем ли мы работать в группе, даже удастся ли нам построить маленькое общество. Они обеспечили нас всем необходимым и подсунули нам задачку, выполненную в виде наиболее распространённой в нашем мире головоломки — лабиринта. Всё было подстроено так, чтобы заставить нас думать, что решение имеется, надо только поднатужиться, работать больше и думать лучше. Одновременно должно расти разочарование и безнадёжность — ведь найти выход не удаётся. — Он обвёл всех взглядом, чтобы убедиться, все ли слушают. — Так вот, говорю вам — решения нет.

Комната взорвалась гомоном голосов — все заговорили разом, засыпая Томаса вопросами. Тот снова воздел руки кверху. Как бы ему хотелось просто передать свои мысли прямо в мозги своих слушателей, не прибегая к словам!

— Вот видите? Ваша реакция только подтверждает мои слова. Большинство людей к этому времени уже бы сдались. Но мы с вами отличаемся от большинства людей. Мы не могли примириться с тем, что загадка неразрешима — особенно если дело касается такой простой штуки, как лабиринт. И мы продолжали бороться, невзирая на полную безнадёжность борьбы.

Томас осознал, что произносит свою речь всё с большим жаром, даже лицо запылало.

— Но какова бы ни была причина, от всего этого меня тошнит! Гриверы, движущиеся стены, Обрыв — всё только элементы дурацкой проверки! Нас использовали, нами вертели, как хотели. Создатели желали, чтобы мы продолжали корпеть над разгадкой, которой вообще никогда не было. Тереза — тоже часть игры, её послали сюда, чтобы она привела в действие механизм Конца — что бы это ни значило. Место перестало функционировать нормально, небо стало серым, и так далее и тому подобное. Они пытаются довести ситуацию до абсурда, одна Варианта безумнее другой. Как мы будем реагировать? Насколько у нас хватит силы воли? Не начнём ли бросаться друг на друга? А те, кто выживет, нужны для какой-то очень важной цели.

Котелок поднялся со своего места.

— А то, что люди погибли? Это тоже часть их миленького плана?

Томасу стало страшно: а вдруг Стражи дадут волю своему гневу да и выльют его на голову самого Томаса — ведь он так много знает? А ведь дальше им предстоит услышать кое-что похуже...

— Да, Котелок, гибель людей тоже входит в план. Причина, почему гриверы убивают только по одному за ночь, в том, чтобы мы все не оказались на том свете слишком быстро — нам дают время найти верный путь. И в конце этого пути выживут самые приспособленные. Отсюда вырвутся только лучшие из нас.

Котелок с досады дал пинка своему стулу.

— Тогда заканчивай с разглагольствованиями и переходи к фокусу с побегом!

— Перейдёт, — тихо сказал Ньют. — Заткнись и слушай.

Минхо, который большую часть времени сидел молча, прочистил горло.

— Что-то мне подсказывает — то, что я сейчас услышу, не заставит меня плясать от радости.

— Скорее всего нет, — согласился Томас. Он на секунду прикрыл глаза и обхватил себя руками. В следующие минуты всё и решится. — Создатели хотят отобрать лучших из нас для своих особых планов. Но эту честь нам придётся заслужить. — В комнате повисла тишина, глаза всех присутствующих были устремлены на говорящего. — Код.

— Код? — переспросил Котелок. Его голос чуть посветлел, а в глазах зажглась искорка надежды. — Какой ещё код?

Томас твёрдо посмотрел ему в глаза, выдержал паузу и сказал:

— Он был скрыт в движении стен. Кто-кто, а я должен был бы это знать. Я присутствовал при создании Лабиринта.

ГЛАВА 50

Долгое время никто не мог вымолвить ни слова — только сидели с ошарашенным видом и пялились на Томаса. На лбу у того выступила испарина, ладони похолодели и тоже покрылись липким потом. А ведь надо было продолжать...

Ньют, столь же растерянный, как и все остальные, наконец нарушил тишину:

— Ты о чём это вообще?

— Сначала мне нужно кое-что открыть вам. Насчёт нас с Терезой. Когда Гэлли обвинял меня во всяких пакостях — у него была на это веская причина. И все другие, которые прошли через Превращение, тоже узнали меня.

Он ожидал взрыва возгласов, потока вопросов — но все как в рот воды набрали.

— Мы с Терезой... ну, мы другие, — продолжил Томас. — Мы с самого начала были вовлечены в работу над Испытаниями Лабиринтом. Но, клянусь — против своей воли. Поверьте, это правда.

На этот раз тот же вопрос тупо повторил Минхо:

— Томас, что ты мелешь?

— Создатели использовали нас с Терезой. Если бы вы сохранили воспоминания о прошлой жизни, то наверняка захотели бы разделаться с нами. Но я просто обязан был рассказать об этом, чтобы вы поняли — теперь нам можно доверять. Чтобы вы поверили мне, когда я расскажу о единственно возможном пути отсюда. — Томас обвёл лица Стражей внимательным взглядом, вновь задаваясь вопросом — стоит ли ему продолжать? Поймут ли они его? Но выхода не было — он должен был рассказать всё без утайки. Должен.

Он глубоко вдохнул и кинулся как в омут:

— Мы с Терезой помогали конструировать Лабиринт. Мы помогали в организации всего этого мероприятия.

Все по-прежнему пребывали в таком ошеломлении, что никто не смог выдавить из себя ни слова. Томас решил, что они либо не поняли его, либо не поверили.

— Ну и как это понимать? — наконец подал голос Ньют. — Тебе же на фиг только шестнадцать! Какой из тебя к чёрту конструктор, да ещё этакой

долбаной штуковины, как наш Лабиринт?

Томас даже сам было засомневался, но быстро опомнился — он доверял своим воспоминаниям. Да, шизуха полная, но так оно и происходило.

— Мы были... ну, сообразительнее других. Думаю, проверка на сообразительность — одна из Вариант. Но гораздо важнее то, что у нас с Терезой есть дар, делавший нас особо ценными в процессе конструкции и строительства этого места. — Он остановился. Наверняка они думают, что у него окончательно снесло крышу.

— Говори! — заорал Ньют. — Выкладывай, мать твою!

— Мы телепаты! Можем разговаривать друг другу прямо в головы, мля! — выпалил Томас. Выложив всё начистоту, он почувствовал стыд, как будто признался в карманной краже.

Ньют заморгал от изумления, кто-то закашлялся.

— Слушайте, — заторопился Томас оправдаться. — Они принудили нас оказывать им помощь. Я не знаю, как и зачем, но так и было. — Он помолчал. — Может быть, для того, чтобы увидеть, сможем ли мы завоевать ваше доверие, будучи при этом частью команды Создателей? Возможно, мы с самого начала были предназначены для того, чтобы разгадать загадку и найти дорогу на свободу? Неважно. С помощью ваших карт нам удалось выявить код. Теперь настало время им воспользоваться.

Томас смотрел на своих слушателей и — странное дело! — ни на одном лице не обнаружил и следа гнева.

— Это всё правда, и я прошу прощения. Но вот что я вам скажу — мы теперь в одной лодке. Терезу и меня послали сюда наравне со всеми другими, и мы можем погибнуть — точно так же, как и все другие. Создатели увидели достаточно, так что пришло время финального испытания. Мне необходимо было пройти через Превращение, чтобы уложить последний кусочек мозаики на место. Как бы там ни было, мне хотелось, чтобы вы знали правду. Знали, что у нас есть шанс пройти тест до конца.

Ньют потупился и покачал головой. Потом обвёл взглядом других Стражей.

— Создатели — вот кто сотворил это, а не Томми с Терезой. Создатели. И им придётся за это поплатиться!

— Да какая на фиг разница? — добавил Минхо. — Мне, например, наплюкать. Давай, рассказывай, как нам отсюда вырваться!

Томас почувствовал такое облегчение, что сначала даже не мог говорить — в горле застрял комок. Он-то был уверен, что если его сразу не

сбросят с Обрыва, то, по крайней мере, зададут жару так, что мало не покажется. Ну, теперь беседа пойдёт полегче.

— В одном месте, где мы и не искали никогда, стоит компьютер. Код откроет дверь, через которую мы сможем покинуть Лабиринт. По сигналу того же компа гриверы отключатся и не смогут последовать за нами... Если, конечно, нам удастся дожить до этого момента.

— Что это ещё за место, в котором мы «никогда не искали»? — спросил Алби. — Чем, по-твоему, мы занимались целых два года?

— Поверь мне — в этом месте вас действительно не было.

Минхо поднялся с места.

— Так, ладно. Где оно?

— Да это чистое самоубийство, — уклончиво промолвил Томас, зная, что просто тянет время — ответ был уж больно страшен. — Как только станет ясно, что мы пытаемся прорваться, по нашу душу явятся гриверы. Причём все сразу. Это и есть финальная проверка. — Он хотел убедиться, что до всех дошло, каковы ставки в игре. Шансы на выживание у каждого из них были невелики.

— Так где это? — повторил Ньют вопрос Минхо, наклоняясь вперёд.

— За Обрывом, — ответил Томас. — Нам надо пройти через Нору гриверов.

ГЛАВА 51

Алби вскочил так резко, что опрокинул стул. Из-под забинтованного лба сверкали налитые кровью глаза. Он кинулся к Томасу, словно желая наброситься на него, но, сделав пару шагов, остановился.

— Да ты просто грёбаный идиот! — Его глаза прожигали Томаса. — Или предатель! Как мы можем верить хотя бы единому твоему слову, если ты собственноручно приложил лапу к этому проекту! Это из-за тебя мы здесь гниём! Нам и с одним-то гривером не справиться, и это в Приюте, тут хоть есть, где развернуться, а что говорить о целой стае в крохотной яме! Что ты, к чертям собачьим, затеваешь, а?

Томас впал в бешенство.

— Что я затеваю? Ничего себе заявочки! Говорю начистоту — другого пути нет!

Руки Алби напряглись, ладони сжались в кулаки.

— Насколько нам известно, тебя послали сюда, чтобы ты помог им поубивать всех нас! И ты говоришь, что мы должны тебе доверять?!

Томас ошеломлённо уставился на него.

— Алби, у тебя что — девичья память? Я рисковал жизнью, чтобы спасти тебя в Лабиринте. Если бы не я, ты бы давно прописался на кладбище в Жмуриках!

— А может это всё был только трюк, чтобы завоевать наше доверие! Если ты в одной команде с говнюками, пославшими нас сюда, то на кой чёрт тебе бояться гриверов! Ты ломал комедию, вот и всё!

Злость Томаса слегка утихла и перешла в жалость. Что-то здесь было очень не так! Подозрительно...

— Алби, — вмешался Минхо, и Томасу стало легче на душе. — Глупее ничего не мог придумать? Да его же чуть не порвали на клочки три дня назад! Это, по-твоему, тоже комедия?

Алби угрюмо дёрнул головой:

— Наверняка!

— Я сделал это, — сказал Томас, отчеканивая каждое слово, — чтобы получить назад свою память и чтобы вызволить нас всех отсюда. У меня на теле живого места нет! Показать?

Алби ничего не отвечал, только физиономия его кривилась от ярости, помутневшие глаза выкатились из орбит, а на шее вздулись вены.

— Нам нельзя назад! — наконец выкрикнул он, обводя всех горящим взглядом. — Я видел, какая у нас была жизнь до Лабиринта! Нам нельзя обратно!

— Так вот оно что! — воскликнул Ньют. — Алби, да ты часом не рехнулся?!

Алби кинулся было на него, даже занёс кулак для удара, но опомнился и опустил руку. Потом отвернулся, рухнул на стул, спрятал лицо в ладонях и затрясся. Изумлению Томаса не было границ: отважный вожак приютелей плакал.

— Алби, расскажи нам всё! — настаивал Ньют, не желая оставлять вопрос нерешённым. — Что происходит?

— Это я, — выдавил Алби с мучительным всхлипом, — это я сделал!

— Что ты сделал? — На лице Ньюта было написано недоумение.

Алби поднял полные слёз глаза.

— Я сжёг карты. Я. Я сам рубанул головой по столу — чтобы все подумали, что это не я. Я врал вам. Это я их сжёг!

Стражи переглянулись. В широко раскрытых глазах и уехавших на самое темя бровях читалось потрясение. А Томасу как раз наоборот — теперь стало всё ясно. Алби помнил, как ужасна была его жизнь до появления здесь, и не хотел возвращаться.

— Ну, тогда хорошо, что мы сумели их уберечь! — Минхо сумел придать своему лицу непроницаемо-издевательское выражение. — Помнишь, после Превращения ты сказал, чтобы мы берегли их? Спасибо за совет!

Томас воззрился на Алби — как-то он отреагирует на саркастическое и, по существу, жестокое замечание Стража Бегунов? Но вожак, похоже, даже не слышал слов Минхо.

Ньют, вместо того, чтобы выйти из себя, попросил у Алби объяснений. Томасу было понятно, почему Ньют не злится — карты находились в безопасности, код они узнали. Так что какой смысл портить себе нервы?

Зато Алби был на грани истерики.

— Говорю же вам! — Он почти умолял. — Нам нельзя возвращаться! Я видел — там творится что-то жуткое, просто ужасающее! Помню выжженную землю, страшную заразную болезнь, Вспышка — вот как её называют. Вот где ужас!.. Куда страшнее, чем здесь, у нас...

— Если мы останемся здесь, мы все погибнем! — воскликнул Минхо. — Разве может быть что-то хуже этого?!

Алби долго не отвечал, лишь смотрел на Стража Бегунов остановившимся взглядом. У Томаса из головы не выходило только что

сказанное вожаком: «Вспышка». В этом слове было что-то очень-очень знакомое, немного поднатужиться — и поймаешь... Но одно несомненно: он, Томас, ничего подобного в процессе своего Превращения не вспомнил.

— Да, — сказал Алби наконец. — Лучше сдохнуть здесь, чем вернуться домой.

Минхо хрюкнул и откинулся на спинку стула.

— Ну, чувак, из тебя оптимизм так и прёт. Лично я — с Томасом. С Томасом на все сто. Если нам всё равно помирать, то уж лучше в борьбе.

Томас обрадовался: Минхо стоит за него горой.

— Внутри Лабиринта или вне его, — добавил Томас, обернувшись к Алби и мрачно глядя на него, — мы всё равно живём в том же мире, который ты помнишь.

Вожак встал. Судя по лицу, он признал своё поражение.

— Делайте, что хотите. — Тяжёлый вздох. — Неважно. Хоть так, хоть этак — всё равно помирать. — И с этими словами он прошёл к двери и покинул комнату.

Ньют с шумом выдохнул и покачал головой.

— После того, как его ужалили, он стал сам не свой. Так и не пришёл в себя. Такие, должно быть, у бедняги классные воспоминания... А что за хрень такая — Вспышка?

— Мне до фонаря, — отозвался Минхо. — Всё, что угодно, только бы не загибаться здесь. Когда выберемся отсюда, то посчитаемся с грёбаными Создателями. Но пока нам нужно выполнять то, что они задумали. Надо — значит, пройдём через Нору гриверов и уберёмся отсюда. Если кто-то из нас погибнет... значит, так тому и быть.

Котелок фыркнул.

— Ну, вы, шенки, и трёхнутые. Мы не можем убраться из Лабиринта. А уж присоединиться к мальчишнику гриверов да ещё и у них дома — как по мне, так идейка хуже не придумаешь. Глупее ничего в жизни не слышал. Лучше уж сразу вены перерезать — и никаких хлопот.

Между Стражами вспыхнули споры, все загалдели, пытаясь перекричать друг друга. Ньют не выдержал и прикрикнул, велев всем заткнуться.

Как только воцарилась относительная тишина, Томас заговорил снова:

— Я пройду через Нору или погибну на пути к ней. Минхо тоже. Уверен, что и Тереза поступит так же. Если мы сможем продержаться в драке с гриверами достаточно долго, для того чтобы кто-нибудь успел ввести код и отключить киборгов, тогда оставшиеся пройдут через дверь, которой пользуются гриверы. Конец Испытанию. А уж потом мы

разберёмся с Создателями.

Улыбка Ньюта не имела ничего общего с весельем:

— Ты всерьёз полагаешь — мы можем побить гриверов? Даже если не погибнем, то наверняка будем исколоты вдоль и поперёк. Скорее всего, все они будут поджидать нас у Обрыва, ведь проклятые жукоглазы не дремлют. Создатели сразу же узнают, как только мы соберёмся удрать.

Пришло время открыть им последнюю часть плана, часть, которой Томас страшился больше всего.

— Не думаю, что они станут нас жалить. Превращение — это Варианта, актуальная пока мы живём здесь. Этот этап к тому времени может считаться пройденным. Кроме того, есть ещё один фактор, работающий на нас.

— Да ну? — закатил глаза Ньют. — Умираю от желания услышать.

— В планы Создателей не входит убить нас всех — какая им от этого польза? Побег должен быть делом нелёгким, но не невозможным. Мне кажется, теперь мы можем с уверенностью сказать, что гриверы запрограммированы убивать только одного из нас в сутки. Ну вот, кто-нибудь может пожертвовать собой и спасти остальных, пока мы будем бежать к Норе. Я почти уверен, что так и задумывалось.

В комнате повисла тишина. Наконец раздался громкий смешок Стража Живодёрни:

— Ну и ну! Значит, ты предлагаешь нам швырнуть какого-нибудь несчастного шенка им на растерзание, а самим преспокойненько сдёрнуть? Это и есть твой блестящий план?

Да, идея, конечно, хуже не придумаешь, но Томаса поразила вдруг одна мысль.

— Да, Уинстон, радует, что ты внимательно слушал. — Он проигнорировал брошенный на него угрюмый взгляд. — По-моему, ясно, кто должен стать этим несчастным шенком.

— Да ну? — спросил Уинстон. — И кто же?

Томас ткнул себя в грудь:

— Я.

ГЛАВА 52

Снова разразились яростные споры. Ньют спокойно поднялся, подошёл к Томасу, схватил его за локоть и потащил к двери.

— Уходи. Быстро!

Томас обалдел.

— Почему?!

— Думаю, для одного собрания ты нагородил достаточно. Нам надо всё обсудить и решить, как поступать — без тебя. — Они как раз добрались до двери, и Ньют ненавязчиво выпер Томаса за дверь. — Подожди меня у Ящика. Когда мы тут закончим, нужно будет поговорить.

Он было развернулся, чтобы уйти, но Томас задержал его:

— Ты должен мне поверить, Ньют! Это единственный путь отсюда. И мы сможем им пройти! Для этого нас и готовили.

Ньют наклонился и яростно прошипел прямо в лицо Томасу:

— Ага, особенно мне по душе та часть, где ты предлагаешь себя в жертву гриверам.

— Я сознаю, на что иду, и готов к этому.

Томас был искренен, но не из храбрости, а потому, что его терзало чувство вины. Вины за то, что он каким-то образом помогал строить Лабиринт. Но в глубине души он затаил надежду, что ему удастся продержаться в драке до того момента, когда кто-нибудь введёт код и отключит гриверов. Откроет дверь.

— Ах вот как! — саркастически протянул Ньют. — Да ты, никак, само благородство, а?

— Причём здесь благородство? Моя вина, что это всё вообще происходит! — Он замолчал и втянул в себя воздух, стараясь успокоиться. — Ладно, можешь говорить всё что угодно, но я это сделаю — так что лучше не упустите шанс.

Ньют нахмурился, а его взгляд вдруг исполнился сочувствия.

— Если ты действительно помогал конструировать Лабиринт, Томми, это не твоя вина. Ты же только пацан! Тебя принуждали. Ты не мог сопротивляться.

Но для Томаса слова Ньюта не имели значения. И вообще ничьи другие слова. На нём всё равно лежала ответственность, и чем больше он о ней думал, тем тяжелее она становилась.

— Я просто... Мне надо всех спасти. Искупить вину.

Ньют отступил и медленно покачал головой.

— Томми, ты знаешь, что особенно смешно?

— Что? — осторожно поинтересовался Томас.

— Да то, что я тебе верю. По глазам вижу — ни капельки не врёшь. А сейчас скажу такое, что сам никогда бы не поверил, что скажу. — Пауза. — Я иду обратно и приложу все усилия, чтобы убедить этих шенков поступить по-твоему — пройти через Нору гриверов. Лучше драться с гриверами, чем сидеть здесь и ждать, когда они прикончат нас всех по одному. — Он воздел палец. — Но слушай сюда! Кончай нести околесицу про самопожертвование и прочий геройский плюк. Если мы пойдём на прорыв, то пойдём все вместе — и будь что будет. Усёк?

Томас с облегчением вскинул руки.

— Усёк, усёк. Просто мне надо было, чтобы вы поняли — игра стоит свеч. Если уж всё равно каждую ночь кому-то приходится погибать, так уж лучше пусть его смерть принесёт пользу.

Ньют нахмурился.

— Ну, вот умеешь ты подбодрить.

Томас повернулся, чтобы уйти, но Ньют окликнул его:

— Томми!

— А? — Он остановился, но не обернулся.

— Если я смогу убедить этих шенков — и это оч-чень большое «если» — то самое лучшее время для побега — это ночь. Может, часть гриверов рассеется по Лабиринту, как обычно, а не будет сидеть у себя дома, в Норе.

— Лады, — согласился Томас. Оставалось только уповать на то, что Ньюту удастся убедить Стражей. Он обернулся и кивнул бывшему Бегуну.

На обеспокоенном лице Ньюта появился намёк на улыбку.

— Надо бы провернуть всё прямо сегодня ночью, пока ещё кого-нибудь не пришили. — И прежде чем Томас ответил, Ньют исчез за захлопнувшейся дверью.

Последнее заявление слегка выбило Томаса из колеи. Он вышел из Берлоги и присел на облезлую скамейку возле Ящика. В голове был сплошной тарарам. Что там Алби говорил о какой-то Вспышке? Вожак упомянул также о выжженной земле и страшной заразе. Томас ничего такого не помнил, но если слова Алби соответствовали действительности, то мир, куда они так жаждали вернуться — вовсе не так хорош, как они думали. И всё же — что им оставалось? Дело не только в том, что гриверы атаковали каждую ночь. Приют просто перестал функционировать.

Раздосадованный, встревоженный, измотанный тяжёлыми думами, он

позвал Терезу: «Ты слышишь меня?»

«Да, — отозвалась она. — Ты где?»

«У Ящика»

«Буду через минуту».

Томас осознал, как сильно нуждался в её обществе. «Хорошо. Я изложу тебе план. Думаю, время пришло».

«И что же это за план?»

Томас откинулся на спинку скамьи и положил правую лодыжку на левое колено. Интересно, что скажет Тереза? «Мы должны пройти сквозь Нору гриверов. Потом ввести код, который отключит гриверов и откроет дверь, ведущую отсюда».

Пауза.

«Так я и думала, что будет что-то в этом роде».

Томас секунду подумал и добавил: «Ну разве что у тебя есть идея получше».

«Нет. Это будет полный кошмар».

Он ударил сжатым правым кулаком о левую ладонь, хотя и знал, что она его не видит.

«Мы можем это сделать».

«Сомневаюсь».

«Во всяком случае, мы должны попробовать».

Очередная пауза, подольше. Он ощутил её решимость.

«Ты прав».

«Думаю, что мы отправимся сегодня ночью. Иди сюда и поговорим подробнее».

«Да, буду через несколько минут».

У Томаса свело живот. Собственное страшное решение, зловещий план, за который сейчас бьётся Ньют — вся жуткая реальность происходящего оглушила его. Одно дело — просто знать, что задуманное им опасно, и совсем другое — осознавать неизбежность борьбы с гриверами. Не бежать от них, а драться — вот от чего кровь стыла. В лучшем случае умрёт только один из них, но на такой поворот событий рассчитывать не приходилось. Наверняка Создатели перепрограммируют своих киборгов. А тогда шансы на успех будут мизерны.

Он постарался не думать об этом.

Тереза нашла его быстрее, чем он ожидал. Она присела рядом, тесно прижавшись к нему, хотя на скамейке было достаточно места. Взяла его руку в свою. В ответ он сильно, до боли, сжал её ладонь.

— Рассказывай, — потребовала она.

Томас послушался и передал ей слово в слово всё, что говорил Стражам. Глаза Терезы наполнились беспокойством, а затем ужасом.

— Говорить о самом плане было легко, — добавил в конце своего рассказа. — Но Ньют считает — мы должны выступить сегодня ночью. Не знаю... Что-то мне это не очень нравится. — Особенно ужасала его мысль о Чаке и Терезе, сражающихся в Лабиринте. Он-то уже встречался с гриверами лицом к лицу и знал, каково это. Как бы ему хотелось защитить своих друзей, уберечь их от опасности! Но это было невозможно.

— Мы справимся, — тихо сказала она.

От этих её слов ему стало только хуже.

— Чёрт подери, как я боюсь.

— Чёрт подери, ты всего-навсего человек. Тебе положено бояться.

Он не ответил.

Они ещё долго сидели, держась за руки, не произнося ни слова — ни вслух, ни мысленно. Томас постарался забыть тревоги и насладиться недолгим покоем — как бы мимолётен он ни был.

ГЛАВА 53

Томас огорчился, когда Сбор закончился и Ньют вышел из Берлоги: мирная передышка миновала.

Страж, прихрамывая, побежал к ним. Томас безотчётно отпустил руку Терезы. Ньют остановился перед ними и сложил руки на груди, глядя на сидящих на скамейке сверху вниз.

— Полный дурдом! — Его лицо было непроницаемо, но в глазах сверкали победные искорки.

Томас встал, чувствуя, как его охватывает дрожь возбуждения.

— Так что — они согласились выступить?

Ньют кивнул.

— Все как один. В общем-то, оказалось не так трудно, как я боялся. Шенки видели, что происходит ночью при открытых Дверях. Вырваться из Лабиринта мы не можем. Значит, надо что-то делать. — Он обернулся и глянул на Стражей, принявшихся собирать вокруг себя членов своих рабочих групп. — Теперь предстоит убедить приютелей.

Вот это будет куда трудней.

— Как ты думаешь — они согласятся? — вставая, спросила Тереза.

— Наверняка не все, — признался Ньют, и в его глазах появилось выражение досады. — Кое-кто останется попытать судьбу здесь — гарантирую.

А Томас и не сомневался, что мысль о побеге из Приюта будет повергать людей в ужас. Призывать приютелей драться с гриверами значило просить чересчур многого.

— Как насчёт Алби?

— А кто его знает? — вздохнул Ньют, оглядывая двор со Стражами и их людьми. — Думаю, бедолага действительно больше боится вернуться домой, чем воевать с гриверами. Но я заставлю его идти с нами, не волнуйся.

Томасу хотелось бы вспомнить то же самое, что так мучит Алби, но его память в этом отношении была пуста.

— И чем же ты его убедишь?

Ньют рассмеялся:

— Да навешаю какую-нибудь лапшу. Наплету, что обретём новую жизнь в другой части света, где и будем жить счастливо до скончания

времён.

Томас пожал плечами.

— А вдруг действительно обретём? Знаешь, я обещал Чаку вернуть его домой. Или, во всяком случае, найти ему новый дом.

— Да уж, — пробормотала Тереза. — Хоть к чёрту на рога, всё лучше, чем это место.

Томас обвёл взором Приют: повсюду разгорелись споры, Стражи вовсю старались убедить своих людей в необходимости с боем прорываться на свободу через Нору гриверов. Кое-кто из приютелей развернулся и потопал прочь, но большинство, казалось, вслушивались и не отвергали идею с порога.

— Так. И что теперь? — спросила Тереза.

Ньют сделал глубокий вдох.

— Надо выяснить, кто идёт, кто остаётся. Потом — приготовиться: еда, оружие и всё такое. Потом выступаем. Томас, я бы назначил тебя командующим — это же всё-таки твоя идея, но ты понимаешь... Переманить людей на нашу сторону — задача и так сложная, а если ещё и назначать Чайника предводителем... Не обижайся. Держись в сторонке, о-кей? Вам с Терезой поручается код — всё равно вы в курсе дела больше других.

Томас ничуть не возражал против того, чтобы держаться в сторонке. Найти компьютер и ввести код казалось ему достаточно ответственной задачей, с него хватит. И всё же ему пришлось бороться с нарастающим в душе приступом паники.

— Тебя послушать — так всё легче лёгкого, — сказал он, стараясь, чтобы в его голосе не было слышно обуревавшего его смятения.

Ньют опять сложил руки на груди и пристально взглянул на него.

— Ты же сам говорил: останься мы здесь — один шенк умрёт сегодня ночью. Уйди отсюда — один шенк погибнет. Так какая разница? — Он ткнул пальцем в Томаса: — Если, конечно, ты прав.

— Я прав!

Томас был уверен, что прав насчёт Норы, кода, двери и необходимости борьбы. А вот умрёт один человек или много — здесь его уверенность иссякала. Но открывать перед кем-нибудь свои сомнения он не собирался.

Ньют похлопал его по спине.

— Вот и лады. Пошли работать!

Следующие несколько часов в Приюте кипела лихорадочная деятельность.

Большинство приютелей согласились уйти — даже больше, чем прикидывал Томас. В их число вошёл и Алби. Все помалкивали, но Томас готов был биться об заклад: многие уповали на то, что убит будет только один, так что шансы не оказаться этим неудачником были довольно высоки. Решивших остаться в Приюте было не много, зато горло они драли больше других, в основном, с мрачным видом бродя по двору и пытаясь втолковать остальным, какие они дураки. Наконец отступники поняли бесполезность своих попыток и оставили уходящих в покое.

У Томаса и его единомышленников работы было невпроворот.

Каждый получил рюкзак, до отказа набитый припасами. Котелку — Ньют рассказал, что повар был последним из Стражей, согласившимся уйти — было поручено собрать всю еду и распределить её поровну между всеми. Они взяли с собой даже шприцы с грив-сывороткой, хотя Томас и сомневался, что она понадобится. Чак должен был наполнить водой все имеющиеся фляги и раздать их уходящим. Ему помогала Тереза. Томас попросил её по возможности приуменьшить опасности похода, даже за счёт беспардонного вранья. Мальчуган храбрился, но судя по его блестящему от пота лицу и перепуганным глазам, он догадывался о страшной правде.

Минхо с группой Бегунов отправился к Обрыву. Они набрали с собой лиан и камней — как следует исследовать Нору гриверов в последний раз. Оставалось надеяться, что киборги будут придерживаться своего обычного расписания и не покажутся в Лабиринте в дневные часы. Томас даже подумывал, а не прыгнуть ли напропалую прямо в Нору да ввести код, но испугался неведомой опасности, возможно, подстерегающей там. Ньют прав — им надо дождаться ночи, когда большинство гриверов, скорее всего, будут рыскать по Лабиринту, а не сидеть у себя в гостиной.

Когда Минхо вернулся, живой и здоровый, Томасу показалось, что тот настроен весьма оптимистично, и Нора гриверов — это действительно выход. Или вход. В зависимости, как на это посмотреть.

Томас помог Ньюту распределить имеющееся оружие. В отчаянном стремлении как можно лучше подготовиться к встрече с чудовищами кое-что они модернизировали. Некоторые деревянные колья заострили, превратив их в копья, другие обвили колючей проволокой; острые ножи примотали к концам крепких палок, сделанных из срезанных в лесу ветвей; из осколков битого стекла наделали заточек. Словом, к концу дня отряд приютелей превратился в маленькую армию. Жалкую и плохо подготовленную, как считал Томас, но всё же армию.

Они с Терезой закончили помогать другим и отправились в тайное укрытие в глубине Жмуриков — обсудить, как им действовать

непосредственно в самой Норе гриверов.

— Нам поручили ввести код, — сказал Томас. Они стояли, прислонившись спинами к шершавым древесным стволам. Некогда зелёные листья над головой уже посерели — им не хватало света. — Ведь если нас разбросает в разные стороны, то мы всё равно сможем поддерживать контакт и в случае чего выручить друг друга.

Тереза подобрала тонкую веточку и принялась обдирать с неё кору.

— Но нам нужен запасной план — вдруг мы оба выйдем из игры.

— Само собой. Минхо и Ньют тоже знают код. Надо сказать им, чтобы они ввели эти слова в комп, если мы... ну, ты понимаешь. — Томасу не хотелось даже думать о самом плохом.

— М-да, ну и план... — И Тереза зевнула, словно жизнь не стояла на кону.

— Какой есть. Драться с гриверами, ввести код, сбежать через дверь. А потом рассчитаемся с Создателями, чего бы это нам ни стоило.

— Шесть кодовых слов и кто знает сколько гриверов. — Тереза переломила палочку пополам. — А как ты думаешь, что значит ПОРОК?

У Томаса возникло ощущение, будто его двинули под дых. Когда он услышал сейчас это слово из чужих уст, в его мозгу словно что-то щёлкнуло, и всё стало на свои места. Он даже поразился, почему ему не пришло это в голову раньше.

— Помнишь, в Лабиринте, на стене, я видел табличку? Металлическую, а на ней слова? — Сердце Томаса понеслось вскачь от возбуждения.

Тереза озадаченно наморщила лоб, но через секунду в её глазах засветилось понимание:

— Сейчас-сейчас... Планета в Опасности: Рабочая Оперативная Комиссия — Убойная Зона. ПОРОК — УЗ. «ПОРОК — это хорошо» — вот что я написала у себя на руке. Интересно, что бы это вообще значило?

— Без понятия. Вот почему я до смерти боюсь, что, возможно, мы совершаем жуткую глупость. Ведь всё может закончиться страшным кровопролитием.

— Все отлично понимают, на что идут. — Тереза потянулась к нему и взяла за руку. — Помнишь? — нам нечего терять.

Томас не забыл, но слова Терезы его не ободрили — уж слишком мало в них было оптимизма.

— Нам нечего терять, — повторил он.

ГЛАВА 54

Как раз перед обычным временем закрытия дверей Котелок подал на стол их последний перед ночным походом обед. Приютели принялись за еду в самом мрачном расположении духа: казалось, даже сам воздух Приюта был пропитан страхом.

Томас оказался рядом с Чаком — тот сидел и ковырялся в тарелке с отсутствующим видом.

— Слушай, Томас, — сказал он, набив полный рот и едва не подавившись картофельным пюре. — А в честь кого назвали меня?

Томас опешил. Вот тебе и на — им предстояло рискованнейшее предприятие, а Чак ломает себе голову — откуда взялся его псевдоним.

— Ну-у, я не знаю... Может, Дарвина? Того чувака, который додумался до эволюции.

— Готов поспорить, что это впервые его назвали чуваком. — Чак снова набил полный рот. Должно быть, он считал, что сейчас самое время поболтать — с риском подавиться и настроением удавиться. — Ты знаешь, а я не очень-то и боюсь. Вернее, последние несколько ночей, когда сидели в Берлоге и ждали гриверов, — во где был полный плюк. Теперь мы, во всяком случае, сами идём на них, пытаемся что-то сделать. И по крайней мере...

— Что по крайней мере? — переспросил Томас. Он ни на секунду не допускал мысли, что мальчуган не перепуган насмерть: было больно смотреть, как тот храбрится.

— Да-а... все надеются, что убьют только одного из нас. Наверно, я говнюк, но это даёт мне надежду, хоть маленькую, но всё же. По крайней мере большинство из нас справится, умрёт только один какой-нибудь бедолага. Но это лучше, чем если мы все подохнем.

Томасу стало не по себе: люди цеплялись за надежду, что погибнет только один. Чем больше он над этим раздумывал, тем менее вероятным казался такой исход. Создатели, конечно же, уже разнюхали, что затевается, и наверняка перепрограммировали гриверов. Но даже фальшивая надежда — лучше, чем ничего.

— Кто знает, а вдруг мы все прорвёмся? Если каждый будет драться что есть сил...

Чак застыл с набитым ртом и проницательно посмотрел на Томаса:

— Ты действительно так думаешь или только пытаешься меня подбодрить?

— Действительно думаю. — Томас проглотил последний кусок и запил большим глотком воды. В жизни он ещё так не врал! Умрут многие, это ясно. Но он поклялся себе, что Чак в число погибших не войдёт. И Тереза. — Вспомни — я же тебе обещал. А раз обещал — сделаю.

Чак нахмурился.

— Да ладно. Со всех сторон только и слышно, что там, снаружи, — сплошной плюк, а не мир.

— Может, и так, но мы найдём людей, которые о нас позаботятся — вот увидишь.

Чак поднялся.

— А ну его, не хочу об этом думать, — заявил он. — Только вытащи меня из Лабиринта, и чувака счастливее меня на свете не будет.

— Лады, — согласился Томас.

За соседним столом поднялся шум: Ньют и Алби собирали приютелей — пора было отправляться. Лидер внешне выглядел, как старый добрый Алби, но Томаса по-прежнему беспокоило его душевное состояние. В представлении юноши настоящим вожаком был сейчас Ньют, хотя и у того тоже временами случались заскоки.

Вымораживающий душу страх, который Томас уже не раз переживал в последние дни, снова охватил его и перешёл во всепоглощающую панику. Вот и всё. Они уходят. Стараясь ни о чём не думать, а только действовать, он подхватил свой рюкзак. Чак последовал его примеру, и они отправились к Западной двери — единственной, ведущей к Обрыву.

У левой стороны прохода стояли Минхо с Терезой и обсуждали наспех построенный план, касающийся действий в Норе.

— Ну что, шенки, готовы? — обратился Минхо к Томасу и Чаку. — Томас, это всё — твоя идея, так что молись, чтобы она сработала. Если нет — я тебя собственноручно удушу прежде всяких гриверов.

— Спасибо, ты настоящий друг, — откликнулся Томас. Несмотря на внешнюю ироническую уверенность, внутри у него всё сжималось: а вдруг он ошибся? Вдруг его воспоминания действительно фальшивы? Он постарался избавиться от этой невыносимой мысли. Всё равно обратного пути не было.

Он взглянул на Терезу — та переминалась с ноги на ногу и выкручивала пальцы.

— С тобой всё в порядке? — спросил он.

— В полном, — со слабой улыбкой отвечала она — ясно дело, врала

напропалую. — Поскорее бы только всё кончилось!

— Аминь, сестрёнка! — добавил Минхо. Он выглядел совершенно спокойным и уверенным в своих силах, не выказывал ни малейшего страха. Томас позавидовал ему.

Когда, наконец, все собрались, Ньют призвал к тишине. Томас навострил уши.

— Нас сорок один человек. — Он спустил с плеча рюкзак и потряс толстым деревянным колом, обмотанным у конца колючей проволокой. Штуковина выглядела устрашающе. — Каждый должен убедиться, что его оружие в порядке. А больше мне, вообще-то, сказать нечего — вы все знаете, что нам предстоит: с боем прорваться к Норе гриверов, а там наш Томми настучит свой код, и мы отправимся поговорить по душам с Создателями. Проще пареной репы.

Последние слова лидера Томас слушал уже вполуха: он увидел, как Алби с мрачным видом отошёл от основной группы приютелей и стоял теперь один, теребя тетиву своего лука и вперившись взглядом в землю. На его плече висел колчан со стрелами. Томас забеспокоился: Алби не в себе и может испортить всё дело. Нужно бы за ним как следует проследить.

— А что, никто не скажет напутственное слово? — влез Минхо и отвлёк внимание Томаса от Алби.

— Валяй, — разрешил Ньют.

Минхо кивнул и повернулся к отряду.

— Вы там поосторожнее, — начал он. — Постарайтесь не умереть. — Вот и вся речь. Томас бы расхохотался, но от страха смех застрял в горле.

— Чёрт возьми, как воодушевляюще, — съязвил Ньют и ткнул большим пальцем себе за спину: — План вам известен. Два года мы были подопытными крысами, но сегодня ночью мы поднимаем бунт. Сегодня ночью мы прорвёмся к долбаным Создателям, чего бы это нам ни стоило. Сегодня ночью пусть гриверы нас боятся!

Кто-то испустил боевой клич, его подхватил другой, и вскоре кричали уже все. Громоподобный рёв наполнил воздух. Томас почувствовал прилив отваги и всеми силами ухватился за это ощущение. Ньют прав. Сегодня они поднимаются на борьбу. Сегодня всё решится.

Томас был готов. Он ревел вместе с остальными приютелями; и хотя умнее было бы вести себя тихо, не привлекая лишнего внимания, ему было наплевать. Игра началась — большая игра.

Ньют потряс своей палицей и проорал:

— Слушайте, ублюдки-Создатели! Мы идём!

И с этими словами он повернулся и ринулся в Лабиринт. Ньют бежал,

почти не хромая, прямо в серую муть, полную мглы и теней. Приютели, продолжая кричать и потрясать оружием, пустились за ним. Алби был в их числе. Томас бежал рядом с Терезой и Чаком, сжимая в руке копьё с наконечником, сделанным из крепкого ножа. Его внезапно охватило такое сильное чувство ответственности за своих друзей, что он был ошеломлён, даже бежать стало трудно. Но он летел вместе со всеми, подгоняемый желанием победить во что бы то ни стало.

«Ты справишься, — думал он. — Только доберись до Норы, а там...»

ГЛАВА 55

Они бежали по каменным коридорам к Обрыву. Томас сохранял ставший привычным ровный и размеренный шаг. Правда, сейчас ощущения были другими: эхо топота многочисленных ног отражалось от стен, на которых сверкали бесчисленные алые огоньки — в зарослях плюща зловеще перемигивались жукоглазы. Создатели, безусловно, следили за отрядом приютелей, так что драки было не избежать.

«Боишься?» — спросила Тереза.

«Нет, что ты, обожаю милашек — склизкенькие, жирненькие, с ручками и моторчиками из стали. Жду — не дождусь свидания с ними». Интересно, а когда-нибудь он сможет нормально, искренне веселиться?

«Гы-гы», — отозвалась она.

Тереза бежала рядом, но он смотрел только вперёд.

«Всё будет хорошо. Только держись поближе к нам с Минхо».

«Ах, мой отважный Рыцарь в Сияющих Доспехах! Ты думаешь, я не смогу постоять за себя?»

Вообще-то он считал как раз наоборот — Тереза была покруче многих.

«Нет, только стараюсь быть милым».

Отряд двигался по всей ширине коридора, держа ровный, но при этом быстрый темп. Томас гадал, сколько продержатся не-Бегуны. Как бы услышав его безмолвный вопрос, Ньют замедлил ход, поравнялся с Минхо и хлопнул того по плечу: «Теперь твоя очередь вести», — сказал он.

Минхо кивнул и встал во главе отряда. Теперь он служил проводником по бесчисленным проходам и поворотам. Каждый шаг был теперь для Томаса настоящим мучением. Храбрость, которую недавно ему удалось кое-как наскрести, обратилась в свою противоположность, и единственное, о чём он теперь мог думать, было: когда же пойдут в атаку гриверы, когда же начнётся драка?

Приютели, непривычные к долгому бегу, начали задыхаться и хватать ртом воздух. Но ни один не остановился. Они продолжали свой неистовый бег, а ни малейшего признака гриверов так и не увидели. И по мере того, как время шло, у Томаса зародилась крошечная надежда — неужели им удастся задуманное прежде, чем на них нападут? Кто знает...

И наконец, после самого долгого в жизни Томаса часа, они достигли длинного Т-образного прохода, от которого ответвлялся короткий коридор,

ведущий к Обрыву.

Томас с гулко колотящимся сердцем, обливаясь потом, переместился к Минхо и пристроился прямо у того за спиной. Тереза встала рядом. Приблизившись к углу, Минхо притормозил, а потом и вовсе остановился и поднял руку, призывая других сделать то же самое. Когда он повернулся, его лицо исказилось от ужаса.

— Вы это слышали? — прошептал он.

Томас помотал головой, пытаясь не поддаться страху.

Минхо прокрался вперёд и выглянул за острый каменный край, бросив взгляд в сторону Обрыва. Томас вспомнил: точно так же Страж Бегунов поступал, когда они преследовали гривера этим же самым путём. И как тогда, Минхо дёрнул голову обратно и повернулся к Томасу.

— Не-ет... — простонал Страж. — Только не это!

И тут Томас услышал. Гриверы. Словно они всё время прятались и ждали, а теперь ожили. Ему даже смотреть не надо было — и так знал, что сейчас скажет Минхо.

— Там, по крайней мере, дюжина гриверов. Может, штук пятнадцать. — Он потёр глаза. — Ждут нас.

Холодное объятие страха сковало Томаса, как никогда прежде. Он взглянул на Терезу, хотел что-то сказать, но увидев выражение стылого ужаса на её лице, промолчал.

Ньют и Алби прошли мимо замерших в ожидании приютелей и присоединились к Томасу, Минхо и Терезе. По всей видимости, слова Стража Бегунов уже передались по рядам, потому что первой реакцией Ньюта было: «Ну что ж, мы знали, что нас ждёт драка». Но дрожь в голосе выдала его с головой. Он только пытался сказать подходящие к обстоятельствам, правильные слова.

Томас понимал его. Одно дело говорить, мол, только один умрёт, нам нечего терять, это наш последний и решительный бой, бла-бла-бла... А теперь — вот оно, за углом. Сомнения пронзили его сердце и мозг: а вдруг он не справится, вдруг погибнет? И почему гриверы устроили им засаду именно здесь? Ведь жукоглазы, конечно же, давно сообщили им, что приютели идут. Неужели Создатели забавлялись, наслаждались игрой?!

Он поспешил высказать пришедшую в голову мысль:

— Может, они уже схватили какого-нибудь парня в Приюте? Может, нам удастся пройти мимо них? С чего бы им просто торчать здесь и...

Его реплику оборвал послышавшийся сзади громкий шум. Он обернулся: со стороны Приюта к гриверам шла подмога, сверкая шипами и размахивая стальными руками. Не успел Томас прокомментировать

увиденное, как с другого конца длинного коридора послышались такие же звуки. Ещё гриверы.

Враг окружал их со всех сторон.

Приютели хлынули к голове отряда, сбившись в плотную группу, и вытеснили Томаса на открытое место — на соединение трёх проходов, один из которых вёл к Обрыву. Между ним и краем пропасти находилась стая гриверов: шипы выпущены, мерзкая мокрая кожа пульсирует... Ждут. Смотрят. Две другие группы гриверов, приблизившись, остановились в десятке шагов от отряда приютелей. Ждут. Смотрят.

Томас медленно повернулся кругом, стараясь побороть страх. Они окружены. Теперь выбора не оставалось. В глазах остро защипало.

Приютели сбились вокруг лидеров, образовав тесную группу в самой середине Т-образного перекрёстка. Все лица были обращены наружу — на врага. Томаса зажали между Ньютом и Терезой, он даже смог ощутить, как дрожит Ньют. Никто не промолвил ни слова. Слышны были только жуткие стоны гриверов и жужжание их моторов, как будто киборги наслаждались зрелищем загнанных в ловушку детей. Их отвратительные тела разбухали и сжимались в такт механическому дыханию.

«Что они задумали? — послал он мысль Терезе. — Чего ждут?» Она не ответила, и это обеспокоило его. Он взял её руку в свою. Приютели стояли тихо, безмолвно сжимая своё жалкое оружие.

Томас обратился к Ньюту:

— Идеи есть?

— Нет, — ответил тот. Его голос чуть дрожал. — Не понимаю, чего эти твари долбаные ждут.

— Не надо было нам сюда переться, — сказал Алби. Хоть он и произнёс это едва слышно, голос его странным образом отразился от стен гулким эхом.

Томас был не в настроении выслушивать его нытьё — пора было действовать!

— В Приюте нам было бы не лучше! Противно это говорить, но если один из нас умрёт, то спасёт жизнь остальным. — Сейчас он отчаянно хотел верить в эту сказку про «только одного за ночь». Полно, да разве они могут побить *такое* количество гриверов?

После долгого молчания Алби ответил:

— Наверно, мне надо бы... — Он затих и медленно, будто в трансе, двинулся к Обрыву. Томас не верил собственным глазам.

— Алби! — окликнул Ньют. — Немедленно вернись!

Вместо того, чтобы послушаться, бывший лидер пустился бегом —

прямиком в самую гущу гриверов.

— Алби! — прокричал Ньют.

Томас тоже собрался что-то сказать, но Алби уже добрался до чудовищ и набросился на одного из них. Ньют двинулся следом, но штук пять гриверов очнулись от спячки и стремительно кинулись на бывшего лидера приютелей. Взвыли моторы, засверкал металл. Томас успел вцепиться в плечи Ньюта и потащил его назад.

— Пусти меня! — вопил Ньют, пытаясь высвободиться.

— Рехнулся? — заорал в ответ Томас. — Ты уже ничем не сможешь помочь!

Алби атаковало ещё двое гриверов. Киборги громоздились друг на друга, остервенело рвали и резали свою жертву, словно, выказывая крайнюю, зверскую жестокость, пытались устрашить остальных приютелей. Непостижимо, но Алби не издал ни одного крика. Пытаясь удержать на месте Ньюта, Томас потерял бывшего вожака из виду — и благодарил за это судьбу.

Алби свихнулся окончательно, решил Томас, отчаянно борясь с позывами вывернуть наружу содержимое желудка. Их бывший лидер был так напуган тем, что ждало их в большом мире, что предпочёл принести себя в жертву. И погиб жестокой смертью — от парня даже следа не осталось. Он попросту растворился в гуще гриверов.

Ньют, наконец, сдался, перестал рваться и чуть не упал навзничь. Томас помог ему удержаться на ногах. Бывший Бегун был не в силах отвести глаз от того места, где только что дрался его друг.

— Это невозможно... — шептал Ньют. — Не могу поверить — он сделал это...

Томас только встряхнул головой — не мог отвечать. При виде страшной гибели приютеля он испытал невиданную ранее боль — хуже любого физического страдания. Неужели на него так повлияла смерть Алби? Ведь тот ему никогда особо не нравился. Нет, скорее, его ужаснула мысль, что нечто подобное может случиться с Чаком или Терезой...

К ним пробрался Минхо и сжал плечо Ньюта.

— Он дал нам шанс. Мы просто обязаны им воспользоваться. — Он обернулся к Томасу. — Надо будет — будем драться, но проложим путь к Обрыву для вас с Терезой. А вы должны проникнуть в Нору и сделать, что задумано — мы будем отвлекать их на себя, пока не крикнете, что можно следовать за вами.

Томас охватил взглядом все три группы гриверов — те пока ещё стояли на месте, не приближаясь к приютелям — и кивнул.

— Надеюсь, они зависнут, хоть ненадолго. Нам нужна всего-то одна минута, чтобы ввести код.

— Парни, как вы можете... вот так... У вас что — нет сердца? — прошептал Ньют. Отвращение, прозвучавшее в его голосе, ошарашило Томаса.

— А чего бы ты хотел, Ньют? — буркнул Минхо. — Чтобы мы напялили фраки и устроили пышные похороны?

Ньют не отвечал, лишь стоял, уставившись на то место, где гриверы, как казалось, попросту пожирали погребённое под их тушами тело Алби. Томас тоже бросил туда взгляд и узрел ярко-алое пятно, растекшееся по шкуре одного из монстров. Желудок юноши скрутило, и он моментально отвёл глаза.

Минхо продолжал:

— Всё равно Алби не хотел возвращаться к прежней жизни. Он, мля, пожертвовал собой ради нас. Глянь — они не атакуют, так что, может, сработало? Вот если мы выбросим такой шанс на помойку, тогда да — записывай нас в бессердечные скоты.

Ньют закрыл глаза и только пожал плечами.

Минхо обратился к остальным приютелям:

— Слушайте сюда! Самое главное для нас — чтобы Томас с Терезой благополучно проникли в Нору и...

Взревели моторы — гриверы пробудились к жизни. Томаса объял ужас. Окружавшие их со всех сторон чудовища выпустили шипы, отвратительные рыхлые тела запульсировали и задрожали. Затем монстры все разом медленно двинулись вперёд, направив свою смертоносную сталь на приютелей. Ловушка захлопнулась. Гриверы неумолимо наступали на детей, готовые резать, кромсать, убивать.

Жертва Алби оказалась напрасной.

ГЛАВА 56

Томас схватил Минхо за руку:

— Интересно, как я прорвусь сквозь это? — Он кивнул на накатывающийся со стороны Обрыва вал гриверов — сплошную массу ощетинившейся шипами, грохочущей по камням, сверкающей сталью плоти. В мутном сером свете монстры казались ещё более грозными, чем обычно.

Минхо с Ньютом обменялись пристальными взглядами. Томас ждал. Ожидание драки было, по существу, хуже самой драки.

— Они идут! — взвизгнула Тереза. — Надо что-то предпринять!

— Давай, — еле слышно прошептал Ньют Минхо. — Проложи чёртову дорогу для Томаса и девчонки. Вперёд!

Минхо кивнул. На лице Стража Бегунов появилось выражение непреклонной решимости. Он повернулся к приютелям:

— Идём напролом к Обрыву! Прорываемся с боем в середине, размазываем грёбаных тварей по стенкам. Самое главное — проложить Томасу и Терезе дорогу к Норе гриверов!

Томас бросил взгляд себе за спину, на приближающихся монстров — те были уже лишь в нескольких шагах. Юноша крепче ухватился за своё убогое подобие копья.

«Мы должны держаться вместе, чем теснее, тем лучше, — передал он Терезе. — Пусть другие дерутся; наша задача — прорваться в Нору». Он почувствовал себя последним трусом, но ещё сильнее было осознание ответственности: вся борьба, все жертвы будут напрасны, если им с Терезой не удастся, вбив в компьютер код, открыть дверь к Создателям.

«Знаю! — отозвалась она. — Я от тебя не отстану!»

— Внимание! — закричал Минхо, высоко воздев своё оружие: обвитую колючей проволокой палицу в одной руке, длинный серебристый нож в другой. Он взмахнул кинжалом в сторону стаи гриверов — лезвие зловеще сверкнуло. — За мной!

Не дожидаясь реакции других, Страж ринулся в бой. За ним — Ньют, не отставая ни на шаг, а дальше последовали остальные приютели. Плотно сбившийся отряд яростно вопящих парней с оружием наперевес кинулся в атаку. Томас с Терезой стояли, держась за руки, приютели на ходу толкали их, обдавая запахом пота и страха, но юноша и девушка не двинулись с

места, поджидая возможность для прорыва.

Как раз в тот момент, когда раздался грохот первого столкновения мальчишек с гриверами и воздух наполнился криками боли, рёвом моторов и стуком дерева о сталь — мимо Томаса пронёсся Чак. Юноша быстро выбросил вперёд руку и сцапал толстячка за локоть.

В его глазах плескался такой недетский страх, что у юноши чуть сердце не разорвалось. В этот краткий миг он принял решение.

— Чак, ты пойдёшь со мной и Терезой, — сказал он тоном, не терпящим возражений.

Чак бросил быстрый взгляд на разгоревшуюся битву:

— Но... — и затих. Томас понял — мальчик испытал облегчение, хотя ему и стыдно в этом признаться.

Томас предпринял попытку спасти достоинство друга:

— В Норе гриверов нам понадобится твоя помощь. А вдруг там нас поджидает какая-нибудь из этих тварей?

Чак с готовностью кивнул. Со слишком большой готовностью. Томас снова ощутил укол печали в сердце. Желание вернуть Чака домой охватило его сильнее, чем когда-либо прежде.

— Ну, что ж, — сказал он, — возьми Терезу за другую руку. Пошли.

Чак подчинился, стараясь напустить на себя храбрый вид и не обмолвившись ни словом. Наверно, впервые за всю свою жизнь, решил Томас.

«Им удалось проделать брешь!» — прокричала Тереза в мозг Томасу — у него чуть череп не треснул от её вопля. Она указала вперёд: приютели неистово сражались, пытаясь оттеснить гриверов к стенам, и в середине коридора действительно образовался узкий проход.

— Вперёд! — крикнул Томас.

И он понёсся, Тереза — за ним, таща за руку Чака. Они бежали на предельной скорости, с ножами и копьями наготове, прямиком в центр кровавой драки, в наполненный воплями и грохотом коридор, ведущий к Обрыву.

Вокруг них кипела битва. Приютели сражались отчаянно, подгоняемые бушующим в крови адреналином. Шум сражения эхом отзывался от каменных стен: крики и стоны людей, призывы на помощь, лязг металла о металл, рёв двигателей и замогильный вой гриверов, жужжание пил, клацанье клешней — всё сливалось в жуткую какофонию войны. Царил серый и кровавый хаос, сквозь который там и сям проблёскивала убийственная сталь. Томас старался не смотреть по сторонам, сосредоточившись только на одном: двигаться вперёд, только

вперёд, через узкую брешь, пробитую сражающимися приютелями.

На бегу Томас твердил кодовые слова: ПЛЫТЬ, БРАТЬ, КРОВЬ, СМЕРТЬ, СТЫТЬ, ЖАТЬ. Им оставалось преодолеть всего несколько десятков футов.

«Что-то резануло меня по руке! — воскликнула Тереза. В тот момент, когда Томас услышал её крик, он почувствовал, что ему самому что-то вонзилось в ногу, но не оглянулся и не отозвался. Он осознал полную безнадёжность их предприятия, и охватившее его отчаяние было подобно вязкой болотной жиже, оно лишало воли и заставляло опустить руки. Но юноша постарался не поддаться ему и упорно гнал себя дальше.

Вот и Обрыв, за ним мутно-сизое небо, всего-то футов двадцать[13] осталось. Он ломился вперёд, таща за собой друзей.

Сражение кипело по обе стороны от прохода, но Томас отказывался смотреть на дерущихся и игнорировал призывы о помощи. Прямо наперерез ему выкатился один из гриверов — своими клешнями он сжимал парня, лица которого не было видно. Тот отчаянно извивался, стараясь высвободиться, и раз за разом всаживал свой нож по самую рукоятку в мерзкую, похожую на китовую шкуру. Томас на полном ходу вильнул влево. В уши ему ударил хриплый гортанный крик, означающий, что приютель проиграл поединок и теперь погибал мучительной смертью. Крик длился и длился, разрывая воздух, перекрывая все остальные звуки сражения, пока не ослабел и не затих. Сердце Томаса облилось кровью, он лишь надеялся, что это был не один из его близких друзей...

«Не останавливайся!» — приказала Тереза.

— Сам знаю! — вслух огрызнулся Томас.

Кто-то проскользнул мимо, походя оттолкнув их. Справа к ним, вращая выпущенными лезвиями, кинулся гривер. Приютель, толкнувший Томаса, атаковал монстра двумя длинными клинками. Они рубились, металл звенел о металл. Томас слышал голос, заглушаемый грохотом битвы, тот кричал, повторяя всё время одни и те же слова: что-то о том, что он должен бежать, что его защитят... Это был Минхо, это его звенящий от отчаяния и изнеможения голос.

И Томас продолжал свой путь к Обрыву.

«Они чуть было не достали Чака!» — разорвал ему мозг истошный крик Терезы.

К ним подтягивались новые и новые гриверы; приютели спешили на подмогу. Уинстон подхватил лук и стрелы Алби и теперь стрелял во всё нечеловеческое, что шевелилось, больше промазывая, чем попадая в цель. Рядом с Томасом бежали незнакомые мальчишки, отражая нападения

гриверов своим кустарным оружием и в свою очередь атакуя киборгов. Звуки битвы: стук, лязг, вопли, завывания, рёв двигателей, вжиканье пил, свист лезвий, треск шипов о каменный пол, призывы на помощь, от которых волосы вставали дыбом, — нарастали громоподобным крещендо, разрывая барабанные перепонки.

Томас тоже орал во всю мочь, но упорно продвигался к Обрыву, и наконец, застыл на самом краю. Тереза и Чак врезались в него, и все трое чуть не слетели прямо в бездну. На долю секунды Томас прикипел взглядом ко входу в Нору гриверов. Он висел прямо в воздухе, обозначенный тонкими лозами плюща — Минхо и его Бегуны в своё предпоследнее посещение Лабиринта перекинули зелёные плети в дыру, закрепив их другие концы на лианах, оплетающих стены коридора. Теперь шесть или семь лоз протянулись от края обрыва к невидимому квадрату входа и висели в небе, исчезая, словно обрезанные, в пустоте.

Пора было прыгать. Томас замешкался — его на мгновение обуял страх. Сзади — битва, впереди — иллюзия. Было от чего прийти в смятение. Но он быстро очнулся.

— Тереза, ты первая. — Он пойдёт последним — хотелось лично убедиться, что ни девушка, ни мальчик не достанутся гриверам.

К его изумлению, она ни секунды не колебалась. Пожав Томасу руку и стиснув плечо Чака, Тереза оттолкнулась от скалы и немедленно сгруппировалась, подобрав ноги и прижав руки к бокам. Томас затаил дыхание. Но вот она скользнула между протянутыми в пустоте лозами и исчезла. Просто исчезла — и всё, как в воду канула.

— Ух ты! — взвизгнул Чак. Похоже, крошечный кусочек его прежнего «я» прорвался сквозь владеющий им страх.

— Не вопи, — рявкнул Томас. — Ты следующий! — И прежде чем мальчишка начал упираться, подхватил его под мышки, крепко сжав туловище Чака. — Оттолкнись обеими ногами, а я подброшу тебя. Готов? Раз, два, три! — Он крякнул от напряжения и бросил Чака в отверстие Норы.

Чак с криком полетел сквозь пустоту и едва не промахнулся мимо цели, но успел уцепиться ногами; затем он скользнул в дыру, ударяясь о края люка всеми частями тела, и тоже исчез. Храбрость мальчика восхитила Томаса. Чёрт побери, он любил этого маленького засранца, любил, как если бы они были братьями.

Томас подтянул лямки своего рюкзака, сжал в пальцах своё наспех сделанное копьё. Душераздирающие крики сзади подгоняли его — людям требовалась его помощь, некогда предаваться раздумьям. «Делай, зачем

пришёл!» — приказал он себе.

Весь напружившись, он уперся древком копья в каменный пол, оттолкнулся левой ногой от края Обрыва и взмыл в сумрачное небо. Потом прижал к себе копьё, напрягся и нацелился ногами в отверстие.

И провалился в Нору.

ГЛАВА 57

Когда он проскальзывал через люк входа, его кожу словно ожгло холодом — начиная с пальцев вытянутых в струнку ног и затем вверх по телу, как будто он проваливался сквозь тонкий ледок в замерзающую воду. Тьма сгустилась ещё больше, когда он ударился подошвами о какую-то чересчур гладкую поверхность. Он поскользнулся и упал навзничь — прямо в объятия Терезы. Девушка и Чак помогли ему удержаться на ногах. Чудо ещё, что Томас никому не выколол глаз своим копьём.

В Норе гриверов не было бы видно ни зги, если бы Тереза не включила свой фонарик — его яркий луч прорезал окружающий мрак. Придя в себя, Томас обнаружил, что они находятся в каменном цилиндре высотой примерно в десять футов[14]. Было влажно, поверхность цилиндра покрывала какая-то маслянистая субстанция. Каменная труба простиралась перед ними на дюжину ярдов[15] и исчезала в темноте. Томас бросил взгляд на дыру, через которую они свалились сюда — она была похожа на квадратное окно, открывающееся в глубокое беззвёздное пространство.

— Компьютер вон там, — сказала Тереза, отрывая его от раздумий.

Она направила луч фонарика в глубину туннеля. Там, всего в нескольких футах от них, на стене светился тусклым зелёным светом пыльный квадратный экран. Под ним из стены слегка наклонно выступала клавиатура — удобно печатать стоя. Она словно говорила: набери код! Томасу пришло в голову, что слишком всё гладко прошло, не к добру, ой не к добру...

— Давай, пиши! — завопил Чак, хлопая Томаса по плечу. — Да поживей!

Томас махнул Терезе:

— Лучше ты. Мы с Чаком постоим на стрёме, а то, не ровён час, влезет какая-нибудь тварь... — Оставалось только надеяться, что приютели, больше не занятые удержанием прохода к Обрыву, постараются отвлечь чудовищ от входа в их нору.

— О-кей. — Умная Тереза не стала терять время на бесплодные препирательства. Она шагнула к компьютеру и начала печатать.

«Погоди! — мысленно окликнул её Томас. — Ты точно помнишь все слова?»

Она обернулась к нему и нахмурилась:

— Том, я не дура какая-нибудь. Вполне способна удержать в памяти...

Бумм! Её возмущённую тираду прервал раздавшийся над ними громкий удар. Томас подскочил. Он обернулся и увидел, как через люк протискивается гривер — тот словно по мановению волшебной палочки вынырнул из тьмы. Проходя через входное отверстие, тварь втянула свои шипы и манипуляторы, но, шмякнувшись на пол, мгновенно ощетинилась дюжиной отвратительных острых орудий. Само олицетворение смерти.

Томас толкнул Чака себе за спину и загородил путь монстру, выставив перед собой копьё, словно этакий пустяк мог остановить киборга.

— Тереза, код! — заорал он.

Из мокрой кожи гривера выскочил тонкий стальной прут и развернулся на всю длину. На конце прута с угрожающим жужжанием вращались три лезвия. Всё это сооружение было направлено прямо в лицо Томасу.

Он обеими руками сжал древко копья, а наконечник — острый нож — опустил перед собой к самому полу. Манипулятор с крутящимися лезвиями уже почти был готов изрубить голову юноши в капусту, но когда между его лицом и оружием монстра оставался только фут, Томас изо всей силы рванул остриё копья вверх и, описав им дугу, обрушился на металлическую руку гривера, подбросив её к потолку. Манипулятор задрался кверху, а потом врезался в тело самого киборга. Гривер издал возмущённый визг и подался назад на несколько футов, вобрав в себя шипы. Томас тяжело с хрипом, дышал.

«Может, мне удастся задержать его, — передал он Терезе. — Побыстрей там!»

«Я уже почти закончила», — сообщила она.

Гривер вновь выпустил шипы и покатился вперёд. Теперь он выстрелил из себя другую руку — с огромными когтями — и попытался выхватить копьё из рук Томаса. Тот размахнулся, на этот раз над головой, и собрав все оставшиеся силы, ударил в самое основание манипулятора. С чавкающим звуком вся «рука» отвалилась от тела монстра и упала на пол. И снова невидимый рот гривера издал пронзительный вопль, и снова киборг отшатнулся на несколько шагов, спрятав свои шипы.

— Да их, оказывается, можно побить! — воскликнул Томас.

«У меня не получается ввести последнее слово!» — прозвучал в его голове голос Терезы.

Он едва расслышал её слова, и, толком ничего не поняв, испустил яростный рык и кинулся на гривера — надо было воспользоваться моментом слабости противника. Бешено потрясая копьём, он прыгнул на

грушевидное тело твари сверху и отбил две метнувшиеся к нему стальные руки — раздался громкий хруст. Томас поднял копьё над головой, напряг ноги, почувствовав, как они немного погрузились в дряблое тело монстра, и с силой вонзил копье. Из раны фонтаном вырвалась жёлтая слизь, забрызгав парню ноги, а он только налегал на своё оружие, глубже и глубже вгоняя его в мерзкую плоть. После этого Томас выпустил древко из рук и, спрыгнув с чудища, понёсся к Терезе и Чаку.

Монстр агонизировал: его выкручивало, жёлтая маслянистая слизь летела во все стороны, он то выпускал, то прятал шипы, оставшиеся руки бесконтрольно рассекали воздух, временами врезаясь в собственное тело. Тошнотворное, но завораживающее зрелище. Вскоре энергия гривера стала сходить на нет, по мере того, как он истекал «кровью» — или топливом?

Прошло ещё несколько секунд, и тварь прекратила дёргаться. Сдохла. Томас не верил себе. Нет, повторял он, это невозможно, он только что нанёс поражение гриверу — одному из чудовищ, терроризировавших приютелей в течение двух лет.

Он оглянулся — сзади с широко открытыми глазами стоял Чак.

— Ты его прикончил! — промолвил мальчик и засмеялся так беззаботно, словно все проблемы были теперь позади.

— Оказывается, это не так уж и трудно, — пробормотал Томас и взглянул на Терезу — та лихорадочно стучала по клавиатуре. Он сразу понял — что-то не в порядке.

— Что там такое? — спросил он, почти срываясь на крик. Он подбежал к девушке и заглянул ей через плечо: она раз за разом вколачивала в клавиши последнее слово — «ЖАТЬ», но экран оставался пуст.

Она ткнула пальцем в пыльный экран — единственным признаком жизни в нём было зелёное свечение, а больше — ничего.

— Я ввела все слова одно за другим. Каждый раз они появляются на экране, потом что-то пикает и слово исчезает. А с последним не получается! Печатаю-печатаю, а ничего не происходит!

У Томаса кровь заледенела в жилах

— Как... почему?..

— Да не знаю я! — Она попробовала снова. И снова. Ничего.

— Томас! — послышался сзади визг Чака. Томас оглянулся — мальчик указывал на вход в Нору: другая тварь протискивалась через дырку в потолке. Прямо на их глазах она свалилась на своего мёртвого собрата, а за нею уже лез следующий...

— Что вы там возитесь? — истошно завопил Чак. — Вы же говорили:

стоит только ввести код и они остановятся!

Оба новоприбывших гривера встряхнулись и, выпустив шипы, направились к ребятам.

— Не получается ввести слово «ЖАТЬ», — проронил Томас, не столько отвечая на вопрос Чака, сколько пытаясь найти решение проблемы.

«Ничего не понимаю!» — мысленно сказала Тереза.

Гриверы были уже в нескольких шагах. Чувствуя, как его покидает присутствие духа, Томас напрягся и сжал руки в кулаки. Код должен был сработать! Почему же...

— Может, нужно просто нажать вот эту кнопку? — спросил Чак.

Это прозвучало настолько неожиданно, что застало Томаса врасплох. Он отвернулся от подступающих гриверов и взглянул на толстячка. Чак указывал на что-то на стене, у самого пола, прямо под экраном и клавиатурой.

Терезина реакция была быстрее: она моментально присела на корточки. Томас присоединился к ней — во-первых, его одолевало любопытство, а во-вторых, пробудилась надежда. Позади него стонали и рычали гриверы, острый коготь вспорол ему футболку, и Томас почувствовал укол боли, но не обратил на это внимания.

В нескольких дюймах от пола в стену была вделана маленькая красная кнопка. Томас не понимал, как он мог не заметить её раньше. На кнопке были написаны два чёрных слова:

Убей Лабиринт

Новая волна боли вывела юношу из состояния потрясения: гривер схватил его своими манипуляторами и уже начал тащить к себе. Другой монстр занялся Чаком, замахнувшись на мальчика острым длинным лезвием.

Кнопка.

— Жми! — во всю мочь своих лёгких завопил Томас.

Тереза надавила на кнопку — и всё вокруг замерло. В упавшей тишине где-то в глубине тёмного туннеля вдруг послышался звук открывающейся двери.

ГЛАВА 58

Гриверы почти мгновенно остановились, втянув в себя свои страшные орудия и вырубив прожектора. Моторы внутри киборгов выключились. Всё затихло. И эта дверь...

Томас вырвался из когтей своего преследователя и рухнул на пол. Несмотря на множество порезов и ссадин на спине и плечах, им овладело такое ликование, что он даже не знал, как его выразить. Он хватал ртом воздух, смеялся, всхлипывал, плакал, опять смеялся...

Чак бочком отодвинулся от гриверов и стукнулся о Терезу — та сжала его в объятиях, крепко притиснув к себе.

— Это всё ты, Чак! — твердила она. — Мы так закопались в дурацком коде, что и в голову не приходило осмотреться и найти что-то, на что можно *нажать*. ЖАТЬ — последнее слово, последний кусочек головоломки...

Томас снова засмеялся и удивился, что он ещё способен на это — после всего, через что пришлось пройти.

— Она права — это ты спас нашу шкуру, парень! Я же говорил — ты нам понадобишься! — Томас поднялся на ноги и полез обниматься с остальными. Он был на седьмом небе от счастья. — Чак, ты прямо долбаный герой!

— А как там с другими? — кивнула Тереза на вход в Нору. Ликование Томаса поутихло, он тоже обернулся к люку в потолке.

И словно отвечая на его вопрос, кто-то проскользнул в чёрное отверстие. Минхо. Залитый кровью и покрытый колотыми и резаными ранами с ног до головы.

— Минхо! — радостно воскликнул Томас. — С тобой всё в порядке? А как остальные?

Минхо, шатаясь, шагнул к закруглённой стене туннеля, оперся о неё и остался стоять, тяжело, натужно дыша.

— Мы потеряли массу людей... Там, наверху — столько крови, самая настоящая бойня... А потом они вдруг все остановились. — Он помолчал, набрал полные лёгкие воздуха и с шумом выпустил его. — Это всё вы. Не могу поверить — действительно сработало...

Из люка вывалился Ньют, за ним Котелок, Уинстон и другие — всего восемнадцать человек, считая Минхо. Теперь в туннеле находился двадцать

один приютель. Все, кто дрался в Лабиринте, были еле живы, изодранная в клочья одежда насквозь пропиталась человеческой кровью и маслянистой слизью гриверов.

— Что с остальными? — Томас боялся ответа на этот вопрос.

— Осталась половина, — еле слышно ответил Ньют. — Остальные мертвы.

Больше никто не сказал ни слова. Воцарилось долгое молчание. Наконец Минхо прервал его:

— Знаешь, что? — сказал он, выпрямляясь во весь рост. — Половина мертва, но вторая-то половина жива, чёрт возьми! И никого не ужалили — как Томас и говорил. Надо убираться отсюда.

«Слишком много, — горестно думал Томас. — Слишком много смертей». Его радость поблекла, перешла в скорбь — двадцать человек погибло. Конечно, если бы они не попытались сбежать из Лабиринта, то умерли бы все, один за другим. И хотя Томас лично знал не всех отдавших свои жизни приютелей, сердце у него болело за них. Такое огромное количество трупов — да разве можно это считать победой?!

— Валим отсюда, — сказал Ньют. — Живей!

— Куда валим? — спросил Минхо.

Томас указал в конец тёмного туннеля.

— Мы слышали — там открылась дверь. — Он постарался не думать о цене, заплаченной за победу — о потерянных детских жизнях. Тем более что сами они вовсе ещё не были в безопасности.

— Тогда уходим, — отозвался Минхо и, не дожидаясь реакции других, пошагал туда, куда указывал Томас.

Ньют кивнул. Другие приютели отправились за Минхо. В конце концов в у компьютера остались только Ньют, Чак, Томас и Тереза.

— Я иду последним, — заявил Томас.

Никто не стал возражать. Ньют, за ним Чак и напоследок Тереза исчезли в туннеле — тьма поглотила и их самих, и лучи их карманных фонариков. Томас поплёлся следом, даже не бросив прощального взгляда на мёртвых гриверов.

Минутой позже впереди раздался крик, потом второй, третий... Крики постепенно затихали, словно те, кто их издавал, падали в бездну.

По колонне идущих прошёл шепоток, и наконец новости достигли замыкающих.

— Говорят, там, в конце спускной жёлоб, вроде детской горки, — сообщила Томасу Тереза.

У Томаса тошнота подкатила к горлу. Действительно, весьма похоже

на игру — по крайней мере, для тех, кто соорудил всё это.

Он слышал затихающие крики и визг приютелей, оказавшихся в голове колонны. Затем последовали Ньют и Чак. В свете Терезиного фонарика тускло блеснул металлический жёлоб, круто уходящий вниз.

«Думаю, выбора у нас нет», — передала она Томасу.

«Я тоже так думаю». У него было сильнейшее предчувствие, что кошмар ещё не кончился. Единственное, о чём он молил судьбу — чтобы в конце спуска их не поджидала очередная стая гриверов.

Тереза с бесшабашным визгом скользнула вниз. Томас последовал за ней, не дав себе времени на раздумья — была не была, всё равно хуже Лабиринта уже ничего не случится.

Он бросился в крутой полёт по жёлобу, смазанному для лучшего скольжения какой-то маслянистой гадостью, воняющей соляром и перегретым пластиком. Юноша попытался замедлить спуск, тормозя ладонями о стенки жёлоба, но из этого ничего не вышло — склизкая дрянь покрывала всё вокруг — и металл, и камень.

Туннель эхом отзывался на вскрики и повизгивания приютелей. Томасом овладела паника: ему так и мерещилось, что всех их проглотило какое-то гигантское чудище, и теперь они скользят вниз по пищеводу — того и гляди приземлишься прямо в гадостное содержимое его желудка. И словно мысли парня материализовались, запах изменился — теперь воняло гнилью и сыростью. Томаса затошнило, и ему стоило невероятных усилий не облевать себя с головы до ног.

Туннель закручивался в спираль, замедляя спуск, и вскоре Томас врезался в Терезу, угодив ей ногами в голову. Он тут же подобрался и почувствовал себя самым несчастным человеком в мире. Они продолжали спуск; время, казалось, немыслимо растянулось, а может и остановилось вообще.

Они описывали круг за кругом в бесконечном штопоре. Желудок скручивало от отвратительного ощущения слизи на теле, от вони, от непрекращающегося вращения. Он уже собрался повернуть голову вбок и вырвать, но тут Тереза издала резкий вскрик — на этот раз эха уже не было, — а ещё секундой позже Томас вылетел из туннеля и приземлился прямо на девушку.

Повсюду, громоздясь друг на друге, валялись тела; приютели, кряхтя и постанывая, пытались выбраться из кучи малы. Энергично работая руками и ногами, Томасу удалось сползти с Терезы и, отдалившись ещё на несколько футов, он, наконец, освободил свой желудок от его малоценного содержимого.

Дрожа от пережитых волнений и не совсем соображая, что делает, он отёр рот ладонью — и обнаружил, что та покрыта маслянистой слизью. Он сел и брезгливо принялся вытирать пальцы о пол, одновременно оглядываясь по сторонам. Увидел, что все остальные приютели, приведя себя в относительный порядок, опять сбились в тесную группу и тоже осматриваются, пытаясь понять, куда попали. Когда Томас проходил через Превращение, память показывала ему это место, но как следует он разглядел его только сейчас.

Они находились в просторном подземном зале — таком обширном, что мог бы вместить с десяток Берлог. Всё помещение, от пола до потолка и от стены до стены, было забито различной аппаратурой, опутано проводами и уставлено компьютерами. С правой от Томаса стороны зала стояли в ряд штук сорок больших белых контейнеров, похожих на огромные гробы. В стене напротив находились широкие стеклянные двери — свет был направлен так, что невозможно было увидеть, что расположено по ту сторону стекла.

— Смотрите! — воскликнул кто-то, но Томас уже и сам увидел. У него перехватило дыхание, кожа покрылась гусиными пупырышками, а по позвоночнику словно пробежал противный холодный паук.

Прямо напротив испуганных детей в стене простирался горизонтальный ряд затемнённых окон. За каждым из них сидел человек — здесь были и мужчины, и женщины, все как один бледные и истощённые — и наблюдали за происходящим в зале, внимательно вглядываясь в стекло прищуренными глазами. Томаса пробрала дрожь — эти люди были похожи на привидения, на злых, голодных, истощённых призраков, которые и при жизни-то были глубоко несчастны, а уж после смерти...

Но Томас, безусловно, знал, что это никакие не призраки. Перед ними сидели люди, пославшие их в Приют. Люди, лишившие их нормальной, человеческой жизни.

Создатели.

ГЛАВА 59

Томас отступил на шаг назад. То же самое сделали и другие приютели. В зале повисла мёртвая тишина. Взгляды ребят были прикованы к наблюдателям за окнами. Один из Создателей начал что-то записывать, другой выпрямился и нацепил на нос очки. Все они были одеты в чёрные пиджаки поверх белых рубашек, а на правой стороне груди у каждого значилось какое-то слово — Томас не мог разглядеть, какое. Выражение лиц у всех было пустое, бесстрастное, словно лишённое жизни — при взгляде на этих людей можно было впасть в смертную тоску.

Они продолжали безмолвно взирать на приютелей; одна из женщин кивнула, мужчина покачал головой, другой поднял руку и почесал нос — такой простой, человеческий жест показался Томасу как-то не к месту.

— Кто эти люди? — прошептал Чак, но его голос дребезжащим эхом разнёсся по всему залу.

— Создатели, — ответил Минхо и сплюнул на пол. — Ну, погодите, я доберусь до ваших сучьих морд! — крикнул он так громко, что у Томаса зазвенело в ушах.

— Что нам теперь делать? — спросил он. — Чего они ждут?

— Может, они снова заводят гриверов? — недоумевал Ньют. — Да как напустят их...

Его прервал пронзительный «бип», похожий на сигнал сдающего задом грузовика, только куда более мощный. Сирена звучала со всех сторон, казалось, даже стены дрожали.

— А это ещё что такое? — спросил Чак, даже не пытаясь скрыть беспокойство.

Почему-то все уставились на Томаса, но тот лишь пожал плечами — он исчерпал запасы своих воспоминаний и теперь так же не мог понять, что к чему, как и все остальные. Сбитый с толку и перепуганный, он вытянул шею и начал озираться в поисках источника настырного звука, но ничего не нашёл. Потом уголком глаза заметил, что остальные приютели вперились глазами в двери, и последовал их примеру. Сердце забилось с удвоенной скоростью, когда он увидел, что одна из створок открывается.

Сирена замолкла, снова стало тихо, как в вакууме. Томас ждал, затаив дыхание и настроившись на то, что через дверь в зал сейчас ворвётся что-то невыразимо жуткое.

Но вместо этого к приютелям вышли два человека.

Одна из них была женщина среднего возраста, ничем не примечательная на вид, одетая в чёрные брюки и мужского покроя белую рубашку. На её груди большими синими буквами значился логотип ПОРОК. Тёмные волосы доставали до плеч, а на худом лице ярко светились карие глаза. Подходя к группе приютелей, она сохраняла на лице полную бесстрастность — не улыбалась и не хмурилась, словно не замечала чужого присутствия в зале.

«Я знаю её!» — понял Томас. Но узнавание было весьма общим — он не мог вспомнить ни её имени, ни какое отношение эта женщина имела к проекту Лабиринт. Она просто казалась знакомой, вот и всё. И не только её внешность, но и походка, манера держать себя — словно аршин проглотила — и отсутствие выражения на лице. Она остановилась в нескольких шагах от ребят и медленно повела головой из стороны в сторону, окидывая всех взглядом.

Вторым был паренёк в спортивной куртке. Он стоял рядом с женщиной, натянув на голову капюшон, полностью скрывающий его лицо.

— С возвращением, — сказала наконец женщина. — Целых два года, а погибло так мало. Невероятно.

Томас разинул рот и почувствовал, как его щёки загорелись от гнева.

— Простите, что вы сказали? — вскинулся Ньют.

Бесстрастные, как у робота, глаза вновь просканировали толпу и остановились на лице бывшего Бегуна.

— Всё прошло согласно плану, мистер Ньютон. Хотя мы и ожидали, что гораздо больше человек не выдержат трудностей и сдадутся.

Она перевела взгляд на своего компаньона, протянула руку и сдёрнула капюшон с головы парня. Он вскинул слезящиеся глаза, и приютели, все как один, ахнули. У Томаса подогнулись колени.

Это был Гэлли.

Томас сморгнул, потом протёр глаза. Он был потрясён и рассержен.

Это действительно был Гэлли.

— Что он здесь делает? — воскликнул Минхо.

— Теперь вы в безопасности, — продолжала женщина, будто не слыша выкрика Стража Бегунов. — Пожалуйста, будьте как дома.

— Как дома?! — взорвался Минхо. — Да кто ты такая говорить нам «будьте как дома»?! Мы требуем вызвать полицию, губернатора, президента — словом, кого-нибудь из властей!

Томас встревожился — как бы Минхо не наломал дров. Но с другой стороны, он бы не возражал, чтобы Страж залепил этой гадине в морду.

Она, прищурившись, глянула на Минхо.

— Ты понятия не имеешь, о чём говоришь, мальчик. Я ожидала большей зрелости от того, кто прошёл Испытания Лабиринтом. — Её снисходительный тон возмутил Томаса.

Минхо порывался ответить, но Ньют ткнул его локтем в бок.

— Гэлли, — сказал он, — что всё это значит?

Темноволосый парень выкатил на него глаза и едва заметно дёрнул головой. Но не ответил. «Кажется, он совсем не в себе», — подумал Томас. Ещё хуже, чем был в Приюте.

Женщина кивнула, словно гордясь Гэлли.

— Когда-нибудь вы все скажете спасибо за то, что мы для вас сделали. Это всё, что я могу обещать, и надеюсь, что вы достаточно умны, чтобы принять и понять мои слова. Если же нет — то вся затея была большой ошибкой. Тёмные времена, мистер Ньютон, тёмные времена.

Она помолчала.

— Конечно, финальная Варианта будет решающей, — сказала она и сделала шаг назад.

Томас сосредоточил своё внимание на Гэлли. Парень весь дрожал, он мертвенно побледнел, слезящиеся красные глаза были похожи на пятна крови на белой бумаге. Он сжал губы — так крепко, что кожа вокруг рта собралась морщинами. Словно хотел что-то сказать, но не мог.

— Гэлли? — Томас попытался подавить свою ненависть к парню.

Слова потоком вырвались из уст Гэлли:

— Они... управляют мной... Я не могу... — Его глаза вытаращились, а руки вцепились в горло, будто его что-то душило. — Я... должен... — прокаркал он. И затих, лицо разгладилось, тело расслабилось.

В точности как Алби там, в Приюте, когда лежал в постели после Превращения. Да что же...

Но Томас не успел додумать. Гэлли сунул руку за спину и вытащил из заднего кармана что-то длинное и сверкающее. В свете ламп засияла серебристая поверхность зловещего вида кинжала. С неожиданным для такого доходяги проворством Гэлли размахнулся и метнул кинжал в Томаса. В тот же самый момент Томас краем глаза засёк какое-то движение справа от себя. Кто-то кинулся к нему.

Словно в замедленной съёмке, юноша видел, как в него несётся вращающийся на лету кинжал. Время остановилось, будто давая Томасу возможность до конца прочувствовать весь ужас того, что сейчас произойдёт. Сверкая и переворачиваясь, лезвие летело прямо ему в грудь. В глотке застрял крик. Он понимал, что должен уклониться, но не мог

пошевелить и пальцем.

И вдруг неизвестно откуда перед Томасом вынырнул Чак. Бегун чувствовал, что его ноги будто вмёрзли в лёд; не в силах пошевельнуться, он мог только беспомощно смотреть на ужасную сцену, развернувшуюся перед его глазами.

С тошнотворным чавкающим звуком кинжал вошёл в грудь Чака по самую рукоять. Мальчик вскрикнул и упал на пол, содрогаясь всем телом. Тёмно-багровая кровь фонтаном била из раны, ноги конвульсивно колотили по полу, на губах пузырилась кровавая пена. Томасу показалось, что мир вокруг рухнул, погребая его под своими обломками.

Он упал на пол и обнял трепещущее тело Чака.

— Чак! — выл он, чувствуя, как рыдание, словно кислота, разъедает ему глотку. — Чак!

Мальчик трясся в агонии, хлещущая ручьём кровь заливала руки Томаса, глаза закатились — видны были только белки, из носа и рта капала алая жидкость.

— Чак, — прошептал Томас. Надо что-то сделать! Надо спасти его! Надо...

Мальчик перестал корчиться и затих. Глаза вернулись в свои орбиты, сфокусировались на Томасе, словно цеплялись за жизнь.

— То... мас... — Вот и всё. Только одно, еле слышное слово.

— Подожди, Чак... Не умирай! Борись! Кто-нибудь, на помощь! — Но никто не двинулся, и Томас знал почему. Ничто уже не могло помочь бедному Чаку. Всё кончено. В глазах у Томаса потемнело, зал покачнулся и закружился... «Нет... — думал он. — Не Чак! Не Чак! Кто угодно, только не Чак!»

— Томас... — прошептал Чак. — Найди... мою маму... — Его горло разодрало кашлем, кровь полетела во все стороны. — Скажи ей...

Он не закончил. Глаза закрылись, тело обмякло. Из уст вырвался последний вздох.

Томас сидел и смотрел на него. Смотрел на безжизненное тело своего друга.

Что-то перевернулось у него в душе. Глубоко в груди проросли семена гнева. Семена мести и ненависти. Что-то тёмное и страшное проснулось в нём. И вырвалось наружу, сминая лёгкие, разрывая шею, разламывая руки и ноги. Взрывая мозг.

Он выпустил тело Чака, дрожа, встал, повернулся лицом к чужакам...

И тут его переклинило. Просто-напросто переклинило.

Он кинулся на Гэлли, словно когтями, вцепился скрюченными

пальцами в глотку парня и сдавил. Оба рухнули на пол. Усевшись верхом на Гэлли, Томас сжал его туловище ногами, так что тот не мог вырваться. И начал методично бить.

Левой рукой он прижимал шею парня к полу, а правой наносил ему в лицо удар за ударом. Бил, и бил, и бил побелевшими от напряжения кулаками — по скулам, по носу... Кости хрустели под его ударами, кровь брызгами летела во все стороны, воздух наполнился пронзительными воплями; непонятно, кто орал громче — Томас или Гэлли. Бегун колошматил противника, чувствуя, как его переполняет и выплёскивается наружу самое страшное бешенство, какое он когда-либо в жизни испытал.

Минхо и Ньют пытались оттащить Томаса от его жертвы, но он продолжал молотить кулаками по воздуху. Ребята волокли его по полу, он вырывался, отбивался от них и орал, чтобы его оставили в покое, не отрывая глаз от Гэлли, тихо лежащего на полу. Ненависть рвалась наружу, к поверженному врагу, словно между ними натянулась невидимая огненная нить и не отпускала его.

А потом вдруг, в одно мгновение, всё прошло. Остались только мысли о Чаке.

Он вырвался из рук Минхо и Ньюта и подбежал к обмякшему, безжизненному телу друга. Схватил его на руки, не обращая внимания на кровь и застывший, мёртвый взгляд мальчика.

— Нет! — вопил Томас. — Нет!

Подошла Тереза и положила руку на его плечо. Он стряхнул её.

— Я обещал ему! — вопил он и сам замечал, как в его голосе появилось что-то ненормальное, граничащее с сумасшествием. — Я обещал спасти его, вернуть домой! Я обещал!

Тереза ничего не говорила, лишь кивала, не отрывая глаз от пола.

Томас прижал Чака к груди так тесно, на сколько хватало сил — словно это объятие могло вернуть другу жизнь. А может, так он выражал свою благодарность за спасение, за то, что тот предложил ему свою дружбу тогда, когда больше никто этого не сделал.

Томас кричал и плакал. Плакал так, как никогда раньше не плакал. Плакал так, будто калёным железом рвали открытую рану, и под гулкими сводами зала разносились его неистовые, хриплые рыдания.

ГЛАВА 60

Наконец, он затих и упрятал скорбь глубоко в сердце. Там, в Приюте, Чак стал для него чем-то вроде путеводной звезды, знаком того, что всё ещё может вернуться на круги своя: они будут спать в настоящих постелях, есть яичницу с беконом на завтрак, ходить в настоящую школу, получать поцелуй на ночь... Будут счастливы.

И вот Чака не стало. Его мёртвое тело, которое Томас по-прежнему прижимал к себе, стало теперь символом того, что мечты о прекрасном будущем так и останутся мечтами и жизнь никогда не вернётся в нормальное русло. Даже после побега из Лабиринта их ждёт только скорбь.

Его отрывочные воспоминания не давали полной картины, но ничего хорошего от жизни ждать не приходилось.

Томас постарался взять себя в руки. Так нужно ради Терезы, ради Ньюта и Минхо. Какая бы тьма ни ожидала их впереди, они пройдут сквозь неё вместе, и это было всё, что имело какое-либо значение.

Он выпустил тело Чака из рук, стараясь не смотреть на почерневшую от крови футболку мальчика, смахнул слёзы, потёр глаза. Наверно, он должен был стыдиться своего поведения, но не стыдился. Наконец, он вскинул взгляд и встретил ответный взор огромных синих глаз Терезы, полный невыразимой грусти — и из-за Чака, и из-за него самого, в этом он был уверен.

Она наклонилась, взяла его руку в свою и помогла подняться; однако когда он уже был на ногах, она так и не отпустила его ладонь, а он не стал высвобождать её, наоборот, сильнее сжал пальцы девушки, стараясь этим жестом выразить все обуревавшие его чувства. Все остальные хранили молчание и только тупо смотрели на труп Чака — как бывает при болевом шоке, когда уже больше не чувствуешь боли. Гэлли, который лежал тихо, но был жив и дышал, никто не удостоил и взглядом.

Тишину нарушила женщина из ПОРОКа.

— Что бы ни происходило, у всего есть своя цель, — мягко прозвучал её голос. — Вы должны это понять.

Томас воззрился на неё, вложив в свой взгляд всю кипевшую в нём ненависть. Но с места не двинулся.

Тереза положила другую руку ему на плечо. «И что теперь?» — мысленно спросила она.

«Не знаю, — так же ответил он. — Не могу...»

Но ему не дали закончить фразу: по ту сторону двери, через которую вошли женщина и Гэлли, раздались крики и послышался шум борьбы. Женщина явно перепугалась — кровь отлила от её щёк, когда она повернулась ко входу. Томас проследил за её взглядом.

В зал ворвалась группа мужчин и женщин, одетых в грязные джинсы и насквозь промокшие куртки. Они вопили и кричали, потрясая оружием. Понять, что они пытались сказать, было невозможно. Оружие — винтовки и пистолеты — выглядели... странно, архаично, словно из антикварной лавки. Чуть ли не как забытые в лесу игрушки, подобранные следующим поколением детей, решивших поиграть в войнушку.

Томас потерянно смотрел, как двое из новоприбывших сбили женщину из ПОРОКа с ног. Затем один из них вытащил свой пистолет, прицелился...

«Не может быть, — сказал себе Томас. — Не...»

Прогремели выстрелы, сверкнули вспышки, пули ударили в тело женщины, превратив его в кровавое месиво. Она была мертва.

Томас отскочил на несколько шагов назад и чуть не полетел на пол, споткнувшись.

Мужчина подошёл к приютелям, в то время как другие члены группы окружили их и принялись палить по окнам, в которых сидели наблюдатели. Посыпалось разбитое стекло, послышались крики, брызнула кровь... Томас отвернулся и сосредоточил внимание на мужчине, подошедшем к ребятам. У него были тёмные волосы и молодое лицо, однако глаза окружало множество морщин, словно каждый день своей жизни он проводил в постоянных заботах о выживании.

— Нет времени на объяснения, — сказал мужчина голосом таким же напряжённым, как и лицо. — Следуйте за мной и бегите так, словно от этого зависит ваша жизнь. Потому что так оно и есть.

Он махнул своим товарищам, повернулся и выбежал через стеклянную дверь, выставив перед собой пистолет. В зале по-прежнему грохотали выстрелы и раздавались предсмертные крики, но Томас игнорировал их и последовал инструкциям неизвестного.

— Вперёд! — крикнул сзади один из спасателей — так их мысленно называл Томас.

После краткого колебания приютели послушались и рванулись к двери, чуть ли не наступая друг другу на ноги. Всем хотелось убраться от гриверов и от Лабиринта как можно скорее и как можно дальше. Томас об руку с Терезой бежали вместе со всеми, замыкая группу. Тело Чака пришлось оставить на произвол судьбы.

Томас не испытывал никаких чувств — он полностью отупел. Сначала длинный коридор, потом тускло освещённый туннель. Вверх по винтовой лестнице. Кругом было темно и пахло озоном. Другой коридор. Опять вверх по лестнице. Ещё и ещё коридоры. Томас хотел бы скорбеть о Чаке, радоваться побегу и тому, что Тереза была рядом, но слишком много ему пришлось сегодня пережить. Осталась лишь пустота. И он продолжал бежать.

Часть спасателей возглавляла группу и вела её вперёд, а те, что были сзади, кричали что-то подбадривающее.

Они добрались до других стеклянных дверей и выскочили из них под проливной дождь, падающий с чёрного неба. Не видно было ни зги, кроме тусклых проблесков водяных струй.

Ведущий подбежал к большому автобусу с помятым и ободранным кузовом, большинство окон которого были похожи на паучью сеть. Вода заливала автобус, и тот представился Томасу чудищем, вынырнувшим из тёмных океанских глубин.

— Все в автобус! — закричал мужчина. — Быстро!

Они так и поступили: сгрудились у дверей и один за другим, толкаясь и спотыкаясь, пропихивались внутрь, потом карабкались по трём ступеням вверх и падали на сиденья. Казалось, это займёт целую вечность.

Томас находился позади всех, Тереза — прямо перед ним. Он поднял голову к небу и почувствовал, как вода заливает его лицо. Она была тёплой, почти горячей, и какой-то вязкой. Странное дело, но это последнее обстоятельство привлекло его внимание и помогло выйти из ступора. Да нет, скорее всего, так просто казалось, ведь был настоящий потоп. Он вновь обратился мыслями к автобусу, спасению и Терезе.

Они были уже почти у двери, когда чья-то рука ударила его по плечу, схватила за футболку и дёрнула назад. Он вскрикнул, выпустил ладонь Терезы — девушка повернулась и увидела, как Томас грохнулся оземь, разбрызгивая вокруг себя воду. Позвоночник отозвался резкой болью. А в паре дюймов над его лицом, закрывая от него Терезу, появилась голова неизвестной женщины.

Её грязные космы падали прямо на лицо Томаса. В ноздри ему ударила ужасающая вонь — что-то похожее на смесь запахов тухлых яиц и прокисшего молока. Женщина отстранилась, и чей-то фонарик осветил её черты: бледная, морщинистая кожа была покрыта сочащимися гноем язвами. Томаса затопило волной страха, и он застыл, не в силах пошевельнуться.

— Вы спасёте всех нас, да! — прошамкала ведьма, забрызгав Томасу

лицо зловонной слюной. — Спасёте всех нас от Вспышки! — Она зашлась в похожем на кашель хохоте.

Женщина взвизгнула, когда один из спасателей схватил её и рванул прочь от Томаса. Тот пришёл в себя, поднялся на ноги и вернулся к Терезе. Мужчина тащил ведьму, а та вяло упиралась и не отрывала глаз от юноши, потом подняла тощий палец и, указывая на него, выкрикнула:

— Не верь их вранью! Вы нас спасёте от Вспышки, да!

Отойдя на несколько ярдов от автобуса, мужчина бросил её на землю и заорал:

— Лежать, не то получишь пулю в затылок! — Затем обернулся к Томасу: — Быстро в автобус!

Томас, ошарашенный до дрожи в коленках, последовал за Терезой вверх по ступеням. Когда они шли по проходу между сиденьями, она взирала на него широко открытыми глазами. Они добрались до заднего ряда и плюхнулись на сиденья, тесно прижавшись друг к другу. Снаружи в окна били тугие струи чёрной воды, дождь тяжело барабанил по крыше, в довершение светопреставления небо содрогнулось от раската грома.

«Что это было?» — задала Тереза мысленный вопрос.

Томас не знал ответа, поэтому лишь покачал головой. Его мысли вернулись к Чаку, и он забыл сумасшедшую под дождём. Сердце снова заныло. Всё было безразлично — и побег из Лабиринта, и чудесное спасение. *Чак!*

Через проход Томаса и Терезы сидела женщина — одна из спасателей. Их предводитель забрался в автобус, уселся за баранку и завёл двигатель. Автобус тронулся.

В этот момент Томас разглядел за окном какое-то неясное движение. Покрытая язвами женщина поднялась на ноги и бежала по направлению к передней части автобуса, неистово размахивая руками и вопя что-то нечленораздельное — её крики заглушала буря. Глаза ведьмы полыхали — Томас не мог сказать точно чем — то ли ужасом, то ли безумием.

Он уперся лбом в стекло, пытаясь не выпустить женщину из виду.

— Подождите! — крикнул он, но никто его не услышал. А если и услышал, то не обратил внимания.

Водитель придавил педаль газа, автобус рванулся и врезался в женщину. Толчок — и Томас подлетел на сиденье: передние колёса проехались по телу. Почти сразу же — ещё один толчок, под задними колёсами. Томас бросил взгляд на Терезу: на её лице застыло страдальческое выражение — как он подозревал, точное отражение его собственного.

Водитель молча продолжал жать на газ. Автобус, рассекая потоки воды, покатил в непроглядную ночь.

ГЛАВА 61

Следующий час слился в единую туманную полосу звуков и картин.

Автобус с безумной скоростью нёсся через города и посёлки, рассмотреть которые было трудно. Сквозь залитые дождём растрескавшиеся стёкла здания и огни представали размытыми, искажёнными пятнами, подобно галлюцинациям, что видит принявший дозу наркоман. Где-то по дороге к автобусу кинулась большая группа людей в рваной одежде, с липнущими к голове волосами, покрытые такими же язвами, как и у той женщины. Люди бросались на стенки автобуса, словно хотели проникнуть внутрь и спастись на нём от своей ужасной жизни.

Но водитель ни разу нигде не сбросил скорости.

Тереза безмолвно жалась к Томасу. Он наконец набрался смелости и заговорил с женщиной, что сидела через проход. Толково сформулировать вопрос у него не получалось, поэтому он просто спросил:

— Что происходит?

Женщина посмотрела на него. Чёрные волосы мокрыми прядями свисали на плечи, в тёмных глазах застыла печаль.

— Долгая история, — сказала она, и Томас удивился — голос женщины звучал намного мягче и добрее, чем можно было ожидать. Наверно, подумал он, её можно считать другом, как, впрочем, и всю группу спасателей. Несмотря на тот факт, что они хладнокровно переехали через тело той женщины...

— Пожалуйста, — попросила Тереза. — Расскажите нам хоть что-нибудь!

Женщина перевела глаза с Томаса на Терезу и обратно, потом глубоко вздохнула.

— Да-а, пройдёт довольно много времени, прежде чем к вам вернётся память. Если она вообще когда-нибудь вернётся. Мы не учёные, не имеем понятия, что́ они с вами сделали и как.

При мысли о том, что его память, возможно, потеряна навсегда, у Томаса упало сердце.

— Кто они? — спросил он.

— Всё началось со вспышек на Солнце, — сказала женщина, и её взгляд затуманился.

— Что... — начала Тереза, но Томас шикнул на неё:

«Пусть говорит! — передал он. — Похоже, она готова рассказать».

«О-кей».

По мере того как женщина говорила, её взгляд всё больше уходил куда-то вдаль; она, казалось, впала в нечто, похожее на транс.

— ...Их невозможно было предсказать. Солнечные вспышки — явление обычное, но эти... Такого ещё никогда не случалось — массивные выбросы, невероятной высоты и силы протуберанцы. Когда их заметили, было уже поздно — они в считанные минуты всей своей мощью обрушились на Землю. Все наши спутники сгорели, тысячи людей умерли на месте, ещё миллионы — в последующие дни. Огромные территории превратились в пустыню. А потом пришла болезнь.

Она перевела дыхание.

— Поскольку экосистема разрушилась, болезнь стало невозможно держать под контролем или локализовать очаг в Южной Америке: джунгли исчезли, но насекомые остались. Люди теперь так и называют эту заразу — Вспышка. Она ужасна, просто ужасна. Самых богатых подлечивают, но выздороветь полностью не может никто. Ну, разве что слухи, приходящие из Анд, имеют хоть долю правды...

Томас чуть не нарушил собственный запрет — столько у него было вопросов. В душе нарастал страх. А женщина продолжала:

— Что касается вас, то все вы — только несколько из миллионов сирот. Они тестировали тысячи и выбрали вас. Последнее, самое страшное испытание. Всё, через что вам пришлось пройти, было тщательно продумано и взвешено. Ваши реакции, мозговые волны, даже мысли в экстремальной ситуации — всё было подвергнуто детальному исследованию в попытках найти людей, способных спасти нас и победить Вспышку.

Она снова замолкла, заправила мокрый локон за ухо.

— Большинство физических проявлений обусловлены чем-то другим. Сначала затуманивается сознание, потом животные инстинкты берут верх над человеческими. В конце концов болезнь разрушает в них всё человеческое. Она гнездится в мозгу. Вспышка живёт в их мозгу! Ужасно, ужасно... Лучше смерть, чем Вспышка.

Взгляд женщины стал более осмысленным и сфокусировался на Томасе, перешёл на Терезу и вновь вернулся к Томасу.

— Мы не можем позволить им делать подобное с детьми. Мы поклялись своими жизнями найти ПОРОК. Мы не желаем терять нашу человеческую сущность, каков бы ни был конечный результат.

Она сложила руки на коленях и опустила глаза.

— Вы всё узнаете в своё время. Мы живём далеко на севере, Анды от нас — в тысячах миль. Они называют эту местность Топка, оно расположено где-то посередине, на экваторе. Там теперь только гарь и пыль, да сожранные Вспышкой дикари, которым уже ничем не помочь. Мы попытаемся пересечь эти территории и найти лекарство. Но до этого остановим эксперименты ПОРОКа. — Она внимательно посмотрела на Томаса с Терезой. — Надеемся, вы присоединитесь к нам.

И отвернулась, уставившись в окно.

Томас взглянул на Терезу, вопросительно подняв брови. Та только покачала головой, потом положила её на плечо своего спутника и закрыла глаза.

«Я слишком устала, чтобы думать об этом сейчас, — сказала она. — Мы в безопасности, так давай отдохнём».

«Может, и в безопасности... — ответил он. — А может и...»

Он услышал посапывание — она спала. Он же даже и подумать не мог о сне: внутри кипели такие противоречивые эмоции, что он был не в силах определить, что же, собственно, чувствует. Однако это состояние — лучше, чем та душевная пустота, в которой он пребывал раньше. Он сидел, смотрел в заплаканное дождём окно, в голове крутились слова «Вспышка», «зараза», «эксперимент», «Топка», «ПОРОК»... Оставалось только уповать на то, что впредь дела пойдут лучше, чем в Лабиринте.

Он трясся в мчащемся автобусе, чувствуя, как Терезина голова подпрыгивает на его плече, когда они попадают колёсами в особенно большую выбоину; ощущал, как она опять пристраивается поудобнее и снова засыпает; слышал тихое журчание разговоров других приютелей, а мысли его снова и снова возвращались к одному и тому же.

К Чаку.

Ещё через два часа автобус остановился.

Они заехали на раскисшую стоянку, окружённую непримечательными постройками с рядами окон на фасадах. Женщина вместе с другими спасателями проводили девятнадцать парней и одну девушку в одну из построек. Они поднялись по ступенькам в обширную палату. Вдоль одной стены высился ряд двухъярусных коек, у противоположной стояли столы и шкафчики. Окна в обеих стенках были занавешены плотными шторами.

Томас невозмутимо оглядел помещение — его больше ничем нельзя было удивить.

Палата сверкала яркими цветами: стены жёлтые, одеяла на койках — красные, шторы — зелёные... После мутной серости Приюта они как будто

перенеслись в ожившую радугу. Аккуратно застеленные кровати, чистенькие шкафы и прочее — всё это выглядело настолько обыденно и нормально, что создавало дискомфорт. Что-то уж чересчур хорошо. Как метко выразился Минхо: «Я сдох и попал на небо».

Томасу, однако, было не до веселья — ведь Чак так и не дожил до этого момента. И всё же... что-то здесь было не так.

Предводитель спасателей и шофёр по совместительству оставил приютелей на попечение небольшого штаба — десятка мужчин и женщин, одетых в наглаженные чёрные брюки и белые рубашки, с аккуратными причёсками и чистыми руками. На их лицах сияли улыбки...

Краски... кровати... улыбки... Томас ощутил неожиданный прилив счастья. Но, как ни странно, в самой сердцевине этого чудесного чувства чернел провал. Тяжкая скорбь, наверно, никогда не оставит его — скорбь о Чаке и его жестоком конце. О жертве, которую он принёс. И всё-таки, несмотря на всё случившееся, несмотря на жестокую правду о большом мире, рассказанную женщиной в автобусе, Томас почувствовал себя в безопасности — впервые с тех пор, как вышел из Ящика.

Распределились по койкам, получили свежую одежду и банные принадлежности и сели за обед. Пицца! Настоящая пицца! Лопай и облизывай пальцы! Томас наслаждался каждым куском — голод заглушил все остальные чувства; вокруг царила атмосфера лёгкости и довольства. И хотя большинство приютелей вели себя тихо, как бы боясь излишним шумом спугнуть своё непрочное счастье, недостатка в радостных улыбках не было. Томас настолько привык к грустным и безнадёжным лицам своих друзей, что видеть их улыбающимися казалось чем-то невероятным. В особенности, когда ему самому было не до радостей жизни.

Как только все поели, было приказано отправляться спать. Никто не возражал.

Во всяком случае, не Томас. Ему казалось — он может проспать целый месяц.

ГЛАВА 62

Томас делил койку с Минхо, который настоял на том, чтобы спать на верхнем ярусе. На соседней койке разместились Ньют и Котелок. Персонал выделил Терезе отдельную комнату, проводив её туда раньше, чем она успела попрощаться с друзьями. Томас затосковал уже через три секунды после её ухода.

Устраиваясь поудобнее на мягком матрасе, он услышал шёпот Минхо:

— Эй, Томас!

— Да? — Юноша так устал, что его ответ был едва слышен.

— Как ты думаешь, что случилось с теми, кто остался в Приюте?

Об этом Томас не думал — сначала его мысли были заняты Чаком, а теперь — Терезой.

— Не знаю. Но судя по тому, сколько наших погибло по дороге сюда, не хотел бы я быть на месте оставшихся. Наверно, гриверы теперь не дают им проходу. — Он не верил сам себе — настолько беспечно звучал сейчас его голос.

— Думаешь, с этими людьми мы в безопасности?

Томас секунду раскинул мозгами и решил, что должен ответить так:

— Думаю, да.

Минхо сказал что-то ещё, но Томас его уже не слышал: усталость взяла верх, мысли унеслись к его недолгому пребыванию в Лабиринте, ко временам, когда он хотел быть Бегуном и когда стал им... Как давно всё это было! Словно во сне...

Шепотки ночных бесед наполняли палату, но Томасу они казались будто доносящимися из иного мира. Он уставился взглядом в деревянные планки верхней койки и почувствовал, что засыпает. Но нужно ещё поговорить с Терезой.

«Ну, как твоя комната? — спросил он. — Эх, была бы ты здесь...»

«Ах вот как? Со всеми этими вонючими мальчишками? Покорно благодарю!»

«Ты права. Минхо за последнюю минуту уже раза три воздух испортил». Это была жалкая попытка пошутить, но ничего лучше ему в голову не пришло.

Однако она засмеялась. Вот бы и ему так! После долгой паузы она сказала:

«Мне страшно жаль, что с Чаком так произошло».

Томас почувствовал укол в сердце. Он закрыл глаза — ему было очень больно.

«Иногда он бывал таким противным, — сказал он, вспомнив вечер, когда Чак напугал Гэлли в туалете. — Всё равно больно. Я вроде как брата потерял».

«Знаю».

«Я обещал ему...»

«Том, прекрати!»

«Что прекратить?» Ему хотелось, чтобы Тереза произнесла какие-то волшебные слова, и ему бы сразу полегчало.

«Прекрати ныть о том, что ты что-то там обещал. Нас теперь осталась только половина. Если б мы не вырвались из Приюта, не выжил бы никто».

«Вот Чак и не выжил», — сказал Томас. Его мучила совесть за то, что он, не секунды не колеблясь, обменял бы любого находящегося в этой палате приютеля на Чака.

«Он умер, защищая тебя, — возразила Тереза. — Это был его собственный выбор. Сделай так, чтобы его жертва не была напрасной».

На глаза Томаса навернулись слёзы, одна прочертила дорожку по его правому виску и исчезла в волосах. Целую минуту они молчали. Затем Томас позвал:

«Тереза!»

«Да?» — откликнулась она.

Томас преодолел смущение и, набравшись мужества, поделился с нею своими мыслями:

«Я хочу вспомнить тебя. Нас. Ну, ты понимаешь, тогда, раньше...»

«Я тоже».

«Похоже, что мы с тобой...» Он так и не решился высказаться.

«Да, наверно...»

«Интересно, что случится завтра?»

«Узнаем через несколько часов».

«Да, узнаем. Спокойной ночи». Он хотел прибавить что-то ещё. Вернее, много чего. Но не прибавил.

«Спокойной ночи», — сказала она. И свет в палате погас.

Томас перевернулся на другой бок. Он был рад, что стало темно, и никто не мог видеть его лица.

Потому что он улыбался. Он был почти счастлив.

А по нынешнему времени быть «почти» счастливым — вполне достаточно.

ЭПИЛОГ

ПОРОК, Меморандум. Дата 232.1.27. Время 22:45
Моим партнёрам
Ава Пейдж, Канцлер
Заметки об Испытаниях Лабиринтом, Группа А

Из всех имеющихся данных мы можем смело сделать вывод, что Испытания увенчались успехом. Двадцать выживших, все квалифицированы для запланированных экспериментов. Реакции на Варианты были удовлетворительными и обнадёживающими. Убийство мальчика и «спасение» подтвердили свою ценность как финальной варианты. Нам необходимо подвергнуть их психику шоку и зарегистрировать реакцию на него. Честно говоря, поразительно, что несмотря на трудности нам удалось создать такую большую популяцию детей, которые ни при каких обстоятельствах не сдаются.

Следует признать, наблюдать за происходящим и считать, что всё это в порядке вещей, было чрезвычайно трудно. Но у нас нет ни времени, ни возможности сожалеть о случившемся. Ради блага человечества мы обязаны двигаться вперёд.

У меня есть собственные соображения по поводу того, кого выбрать лидером, но пока промолчу, чтобы не влиять на решения других. Для меня же выбор ясен.

Мы все прекрасно отдаём себе отчет в том, каковы ставки в игре. Что касается меня, то я с оптимизмом смотрю в будущее. Помните, что написала девушка на руке перед тем, как потеряла память? Она посчитала это самым важным: «ПОРОК — это хорошо».

Подопытные постепенно восстановят память и поймут важность тяжёлых испытаний, через которые они уже прошли и через которые им ещё предстоит пройти. Миссия ПОРОКа состоит в том, чтобы служить человечеству, чтобы сохранить его несмотря ни на какие жертвы. Мы и в самом деле «хорошие».

Я ожидаю ваших соображений. Подопытным будет дана одна полная ночь для отдыха, затем в силу вступает вторая стадия эксперимента. Будем надеяться, что и она пройдёт успешно.

Результаты испытаний Группы Б тоже впечатляющи. Мне необходимо время на осмысление данных, а утром мы сможем их обсудить.

Итак, до завтра.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

БЛАГОДАРНОСТИ

Редактору и другу Стейси Уитмен за помощь — она помогла мне увидеть то, что сам я увидеть был не в состоянии.

Верному фанату Джекоби Нильсену за отзывы и постоянную поддержку.

Писателям Брендону Сандерсону, Эйприлин Пайк, Джули Райт, Дж. Скотту Сэвиджу, Саре Зарр, Эмили Уинг Смит и Энн Боуэн за поддержку.

Моему агенту Майклу Бурре за претворение мечты в жизнь.

А также искренняя благодарность Лорен Абрамо и всем в фирме «Дистель и Годрик».

И Кристе Марино за бескомпромиссную редактуру. Ты гениальна и твоё имя заслуживает того, чтобы стоять на обложке рядом с моим.

ОБ АВТОРЕ

Джеймс Дашнер родился и вырос в штате Джорджия, в настоящее время живёт и работает в Скалистых горах. Его перу принадлежит также серия книг для детей «Тринадцатая реальность». Узнать больше о нём можно здесь: www.jamesdashner.com.

---

notes

Примечания

1

От англ. Grieve — огорчать, опечаливать, а также — жаловаться, скорбеть.

2

Ок. 175 см.

3

В отличие от нас, русских, американцы разгибают пальцы, когда считают, а не сгибают их.

4

Ничего (исп.)

5

Ок. 168 см

6

7,5 и 25 см соответственно

7

Ок. 3 м

8

Ок. 120 см

9

Grief (англ.)— печаль, скорбь.

10

Ок. 9 кв. м

11

Паттерн (англ. pattern) — английское слово, значение которого передается по-русски словами «шаблон», «система», «структура», «принцип», «модель». Паттерн— образец решения задачи, которым может быть использован в различных ситуациях. Смысл термина «паттерн» всегда у́же чем просто «образец», и варьируется в зависимости от области знаний, в которой используется. Например, в психологии паттерном называют набор стереотипных поведенческих реакций или последовательностей действий.

12

Минхо, фактически, цитирует песню Шер Baby it's all or nothing now. Дашнер, видно, прикололся. (прим. ред.)

13

Ок. 6 метров

14

Ок. 3 м

15

Прим. 10 м.